

Серия «Гуманитарные науки»

А.Г. ЗЛОТНИКОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ

Минск
«Право и экономика»
2014

УДК 314.1:316.2
ББК 60.7
368

Серия основана в 2008 г.

Рецензенты:

доктор социологических наук, проректор по учебной и воспитательной работе УО «Гомельский государственный технический университет им.П.О. Сухого» В.В. Кириенко,
доктор социологических наук, профессор,
заведующий сектором социологии инноваций ГНУ «Институт социологии» НАН Беларуси С.А. Шавель

Рекомендована к изданию кафедрой социологии
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета
(Протокол № 8 от 28 марта 2014 г.)

Злотников, А.Г.

368 Демографические идеи и концепции / А.Г. Злотников. – Минск :
Право и экономика, 2014. – 388 с. – (Серия «Гуманитарные науки»)
ISBN 978-985-552-304-9.

В монографии излагается генезис основных демографических идей и концепций. Рассмотрены идеи в историческом аспекте, а также в разрезе социально-экономических условий, которые эти идеи и концепции отражали. Показана взаимосвязь демографических идей и специфики этноментальных особенностей народов. Анализируются социолого-демографические идеи древнего мира, западноевропейской научной мысли, русскоязычной и белорусской демографической науки. Дается характеристика современных демографических концепций.

Адресована научным работникам, преподавателям вузов, специалистам органов государственного управления, студентам и всем тем, кого волнуют и интересуют современные демографические проблемы.

Монография выполнена по Государственной комплексной программе научных исследований (ГКПНИ) 2006-2010 гг. и Государственной программе научных исследований (ГПНИ) «История, культура, общество, государство» 2011-2015 гг.

УДК 314.1:316.2
ББК 60.7

ISBN 978-985-552-304-9

© Злотников А.Г., 2014

© Оформление. ИООО «Право и экономика», 2014

*Всякое совершенное исполнение
замысла в науке означает новые
«вопросы», оно по своему существу
желает быть превзойденным.*
Макс Вебер.

Демографизация и социологизация современной науки (Вместо предисловия)

Читатель! Ты держишь в руках монографию, которая продолжает развитие концепции демографизации современной науки, выдвинутой классиком белорусской демографии Андреем Андреевичем Раковым. Одновременно с развитием концепции демографизации в работе аргументируется и необходимость социологизации современной науки. И тем самым существенно расширяются границы и диапазон демографической науки. В этой связи уместно напомнить вывод писателя эпохи Просвещения, ученого-физика Георга Лихтенберга, что «там, где прежде были границы науки, теперь – ее центр». В центре современных наук по праву стоят социолого-демографическое осмысление социальной действительности.

Три с половиной столетия тому назад Блез Паскаль, являющийся и автором «Рассуждения о любовных страстях», заявил, что неумение изучать человека заставляет изучать все остальное. И человечество долго шло к тому, чтобы поставить человека в центр развития, чтобы в своем первом докладе по человеческому развитию (1990 г.) ООН смогла провозгласить, что «подлинное богатство народов – люди. Основная идея развития состоит в создании условий, дающих людям возможность жить долгой, здоровой и творческой жизнью. Это может показаться простой истиной. Но о ней часто забывают из-за текущей заинтересованности в накоплении сырьевых товаров и денежного богатства» [82]. Этот перенос поля зрения – прежде всего результат развития социологической и демографической науки, что зафиксировано в нашей совместной с А.А. Раковым статье «Наука на путях преодоления границ “блестящей изоляции”» [90].

К сожалению, на обыденном уровне понятие демографической сферы нередко сужается, например, до рождаемости. Поскольку убыль или рост численности населения определяется соотношением рожденных и умерших, то в демографическую сферу включаются и показатели смертности. Однако население существует не только во

времени, но и в пространстве, перемещаясь в нем, меняя место жительства, работу и т. д. Так демографическую сферу характеризует и миграция. На обыденном уровне рождаемость считается делом семьи, смертность и здоровье – предметом медицины и здравоохранения, миграция – делом специалистов по размещению производительных сил, географов, юристов и работников правоохранительных органов, градостроителей, туристических агентов и т. д.

Демография, в отличие от остальных наук, видит всю воспроизводственную сферу населения целиком, системно. Она, как констатировал выдающийся демограф XX века А. Сови, – вездесуща и неуловима, она может расширять или сокращать сферу своих интересов в зависимости от конкретных социальных условий и демографического состояния общества. В результате она выступает в роли координатора в изучении человеческой популяции, параметров и субъектов ее воспроизводства. Именно она описывает все циклы производства и воспроизводства популяционной совокупности поколений от момента их рождения до окончательного ухода из жизни после окончательного износа, уступая место новым поколениям. В этом отношении демографический процесс похож на процесс производства и эксплуатации, например, автомобиля или любого другого товара (производство товара, его эксплуатация, амортизация, окончательный износ, или потребление, вновь производство товара). Демография описывает технологию производства изделия – популяции. Она же задает параметры этого производства и воспроизводства, без знания которых не могут функционировать другие науки. Как при производстве автомобилей должны участвовать геология, добывающая промышленность, химия, металлообработка, нефть и т. д.

Демографический фактор присутствует в каждой из социальных сфер – экономической, политической, духовной и повседневной бытовой сферах. Демографическое развитие осуществляется через деятельность многообразных социальных институтов – производственных, государственных, брака и семьи, образования, менталитета. Демографические процессы отражают и проявляются в разнообразных социальных общностях – классовых и стратификационных, профессионально-квалификационных, этнических, конфессиональных, территориальных и отраслевых общностях. Их итог и их начало можно видеть и во многообразии видов деятельности – социальной, экологической, индустриальной, аграрной, научной деятельности.

Демография обеспечивает дизайн, архитектуру, сбалансированность производства и воспроизводства популяции. В отличие от производства других товаров, которое требует вмешательства извне; воспроизводство и производство человека и популяции совершается самим человеком, самой популяцией. Демография, опираясь на другие науки, может содействовать самодетерминированности социального популяционного процесса в интересах производства и воспроизводства популяции более высокого качества. Без демографии невозможно также определить приоритеты и акценты воспроизводственного развития, тем более, когда возникают цивилизационные, природные, экономические, экологические или иные катаклизмы и катастрофы, действительные, а не мнимые угрозы популяции. А последних, препятствующих развитию, значительно больше, чем способствующих факторов.

В современном мире общественная жизнь развивается во взаимодействии таких социальных монстров – как государство, рынок, гражданское общество и демовоспроизводство. Каждой из этих социальных конструкций соответствует своя «дисциплина». Экономисты изучают рынок, политологи и юристы – государство, социологи – гражданское общество, демографы – демореальность и демопроецсы. Потребности социума свидетельствуют о необходимости изучения демографических процессов и демореальности в центре и периферии планетарной миросистемы не только демографами, но и представителями других наук. В свою очередь, нельзя не отметить расширение и углубление и самих демографических исследований, что отвечает такой особенности развития современной науки – ее социологизации.

Летопись демографии, как науки, насчитывает более 350 лет – со времен Джона Граунта, опубликовавшего в 1662 году системное исследование по смертности, которое впоследствии послужило в разной степени основой статистики, социологии, демографии и политической арифметики. У него точное знание демографических процессов необходимо для управления страной. С того времени ни один крупный теоретик в области социологии и политэкономии не обходил законы воспроизводства населения. Томас Мальтус придал науке о народонаселении скандальную известность. В XIX в. наука о народонаселении получила название демографии, которое ей дал Ашиль Гийяр в 1855 году, рассматривая ее как естественную и социальную

историю человеческого рода. Его внук Жак Бертильон, выдающийся ученый XIX-XX вв., рассматривая демографию как совокупность физического и нравственного склада каждого народа, определил и круг ее интересов – как и почему люди вступают в брак, в каком количестве они размножаются и как воспитывают своих детей, при каких обстоятельствах, в каком возрасте и в силу каких причин люди умирают, какие источники их средств существования.

Учение о народонаселении было составной частью философских, социологических и экономических теорий К. Маркса, М. Вебера, Й. Шумпетера и др. Сегодня без демографии не может обойтись ни одна из наук – экономическая теория, история, социология, антропология, геополитика, политология и т. д. В демографических знаниях нуждаются не только гуманитарные, но и естественные и технические науки.

Беспрецедентное значение демографическая наука приобрела в XX веке в связи с демографическим взрывом в результате ускорения темпов роста численности населения, небывалым ростом населения во многих регионах мира. Кроме того в экономической, политической, социальной жизни, идеологических императивах происходят глобальные и существенные изменения. Естественно, что в силу и наряду с этими изменениями происходят глубокие преобразования демографической сферы. Это проявляется в рационализации демо-воспроизводства, росте продолжительности жизни людей, увеличении интенсивности миграционной подвижности населения. Эти изменения отражаются и одновременно обуславливаются процессами урбанизации и рурбанизации, постарением населения, изменениями в семейно-брачных отношениях. В настоящее время демографические проблемы крупнейшими экспертами мира признаны в качестве важнейших ключевых проблем человечества. Так, в докладе Национального разведывательного совета США и ведущих экспертов «Глобальные тенденции развития человечества» демографические тенденции среди ключевых факторов мирового развития поставлены на первое место, опередив такие факторы как природные ресурсы и окружающая среда, наука и технология, мировая экономика и глобализация, будущие конфликты и др. [54]. И как ни важны природные ресурсы, но сегодня в мире всего идет борьба не столько за металл, нефть и газ, сколько за человеческие ресурсы и интеллект.

На разных континентах, в разных регионах и странах нашей планеты демографические процессы развиваются с разной скоростью, различна их структура и характер, различны и пути решения этих проблем. Для большинства развивающихся стран решение демографических проблем состоит в обуздании демографического роста, который тормозит их социально-экономическое развитие. Для многих развитых стран демографические проблемы связаны с проблемой старения населения, неконтролируемой и часто для них нежелательной миграции, роста качества жизни, человеческого развития. Для мира в целом – это проблема соотношения населения и ресурсов планеты, экологии, занятости, миграций, конфликтов и войн и т. д. Для стран постсоветского пространства проблемы населения – это проблемы депопуляции, неконтролируемой миграции, маргинализации и деградации малообеспеченных слоев, также проблемы занятости, расселения, деградации трудового потенциала, сбалансированности с социально-экономическим развитием, проблемы здоровья, образования, социальной защиты, выхода из кризиса и т. д.

Без демографического анализа сегодня немыслимо составление ни одной социально-экономической программы развития ни в одной из стран мира, ни одного крупного народнохозяйственного проекта. Без знания демографической ситуации, демографических тенденций, демографических прогнозов, репродуктивного поведения и миграционного движения населения, гендерных проблем и т. д. в любой сфере жизнедеятельности социума невозможно обеспечить научно выверенное, взвешенное развитие ни одной страны. Демографические исследования нужны для бизнеса, торговли, сельского хозяйства, промышленности, здравоохранения, просвещения, обороны, силовых структур – в любой сфере человеческой деятельности.

В настоящее время существует множество центров по демографии под эгидой ООН, других международных организаций. К примеру, в Швеции, имеющей один из самых высоких в мире уровней продолжительности жизни населения, данные о естественном движении населения публикуются с 1749 г. В каждой из стран Запада есть сеть крупных научно-исследовательских центров, имеющих иногда вековые традиции (Франция, Германия, Чехословакия, США, Венгрия и т. д.). На постсоветском пространстве во всех государствах в системе Академий наук также существуют крупные научные подразделения, а в России, Грузии, Украине институты по демографии,

не считая подразделений в составе различных ведомств. Беларусь в этом плане существенно отстает.

В теоретическом плане незнание демографических законов и механизмов социального и «естественного» демовоспроизводства обедняет социологию, экономические науки, философию, юриспруденцию, культурологию, антропологию, историю, медицину, и т.д. Похоже представители указанных наук пасуют перед сложностью демографии. Справедливости ради, отметим, что и представители демографии предпочитали защищать собственную «демографическую крепость» от неграмотного проникновения в эту «крепость» представителей других наук «в обмен» на непроникновение на «чужую» территорию. Именно по этому поводу справедливо иронизировал лауреат Нобелевской премии по экономике 1973 г. В.В. Леонтьев: «Возникает вопрос: как долго еще исследователи, работающие в таких смежных областях, как демография, социология и политология, с одной стороны, и экология, биология, науки о здоровье, инженерные и различные прикладные дисциплины, с другой стороны, будут воздерживаться от выражения озабоченности по поводу состояния устойчивого, стационарного равновесия и блестящей изоляции».

Преодоление этой изоляции – явление объективное и закономерное. Оно вытекает из «особой теории соответствия», согласно которой независимые рассуждения в русле одной научной теории должны вести к тем же выводам, что и независимые от них рассуждения в духе другого научного направления. «Для того чтобы углубить фундамент нашей аналитической системы, – далее резюмировал В.В. Леонтьев, – необходимо без колебаний выйти за пределы экономических явлений, которыми мы ограничивались до сих пор. Задача более фундаментального понимания процессов производства неизбежно приводит в область инженерных наук. Для проникновения в суть традиционной функции потребления необходимо развивать систематическое изучение структурных характеристик и функционирования домашних хозяйств – область, где описание и анализ социальных, антропологических и демографических факторов должны, очевидно, занимать центральное место».

Отсюда основная идея данной монографии направлена на то, чтобы эту своеобразную «берлинскую стену» между демографией и другими науками демонтировать – она для науки вредна и должна быть сметена. И этот демонтаж можно успешно осуществить только

на основе социологического подхода. Если демография в большей степени описывает количественные явления, ибо не все факторы подлежат квантификации, то социология дает характеристику качественным факторам. В результате социология являет собой концентрацию современной социальной науки, а современная демография представляет ее ядро.

Историческое развитие социолого-демографического знания несмотря на авторитет великого Макса Планка, чье имя носит широко известный в мировом демографическом сообществе Ростокский Институт демографии Макса Планка, изрекшего, что новые научные истины побеждают потому, что носители прежних просто умирают, а на смену им приходят новые поколения с новыми истинами, свидетельствует о “вечном” значении научных истин. Идеи живут веками и тысячелетиями, они дают толчок к поиску истины. Платон и Аристотель, Ломоносов и Смит, Мальтус и Маркс, Ковалевский и Дюркгейм, Птуха и Сови, Валентей и Урланис, Раков и Рыбаковский, Вишневский и Антонов, а также многие другие – античные и современные мыслители с их интеллектуальным наследием – составляют богатство современной социологической и демографической науки.

Автор пытается отразить, во-первых, сущность происходящих демографических перемен, во-вторых, реакцию и процесс осознания тенденций и демографических изменений в общественном сознании. Прошлое, современное и будущее представляют неразрывную и единую цепь демографического развития человечества и его научного отражения. На основе анализа демографических идей и концепций представлена попытка решить ряд теоретических и методологических задач социолого-демографической науки. В теоретическом плане – это обоснование концептуальных основ анализа демографического развития и демографической политики, механизма влияния демографической сферы на социально-экономическое развитие и социально-экономического развития на демографические процессы. В методологическом плане – это изложение важнейших принципов и методологических подходов анализа закономерностей функционирования демографических процессов, оценки их изменений, осуществлении ситуационного анализа современных демографических процессов. Также дается обоснование необходимости при разработке демографической политики опираться и на недемографические теории – концепцию многообразия современности.

*Мы можем идти вперед только
опираясь на плечи гигантов.*
Карл Маркс.

Глава 1.

Демографическое знание в истории науки

*... только и есть всякая наука –
изучение тех ходов, которыми шли
все великие умы для уяснения истины.
С тех пор как есть история, есть
выдающиеся умы, которые сделали
человечество тем, что оно есть.*
Лев Толстой.

1. Социолого-демографические идеи в истории науки

Основные направления демографической науки

Зачатки интереса к пониманию сущности демографических процессов восходят к глубокой древности. Не потерялась, а наоборот – усилилась острота и самих демографических процессов и их научного анализа в современном мире. Все больше отраслей науки вовлекается в процесс их осмысления. Развитие демографических идей и концепций шло наряду с генезисом философских, социологических и экономических течений, а также в свою очередь их влияния на формирование и развитие философских, социологических и экономических наук, что свидетельствует о междисциплинарном характере демографических процессов и демографической науки. В современной демографической науке существует ряд направлений, среди которых прежде всего выделяются общая теория демографии, демографическая статистика, историческая демография, экономическая демография, этническая демография, социологическая демография и другие научные демографические концепции. В свою очередь в других науках (экономике, социологии, географии и др.) имеются ответвления, где рассматриваются демографические аспекты.

Так, в задачу *общей теории демографии* входит разработка общеметодологических принципов исследования и анализа демографических процессов. *Демографическая статистика* изучает статистические закономерности процессов воспроизводства населения.

Историческая демография исследует историю демографических процессов и историю развития самой демографии. *Экономическая демография* упор делает на анализе влияния экономических факторов на воспроизводство населения. *Этническая демография* (в пределах этнографии) акцентирует внимание на влиянии типов и особенностей воспроизводства на этнические особенности жизни народов, на их национальную культуру. *Социологическая демография* изучает влияние социологических и социально-психологических факторов на воспроизводство населения. По мнению выдающегося российского демографа В.А. Борисова, именно социологической демографии «удалось достаточно удовлетворительно объяснить причины снижения рождаемости до малодетного уровня по мере экономического развития, чего не удалось сделать экономистам по пути чисто экономических объяснений этого процесса» [32, с. 334]. В общем, там, где усилия той или иной отдельной науки оказываются ограниченными, востребуется социология.

Есть и другие направления демографии, имеющие глубокие корни в философских, социологических, экономических, юридических, исторических, социально-психологических и других науках. В социологии имеется *демографическая социология*, исследующая влияние демографических факторов на процессы общественной жизни. В экономической науке существует *демографическая экономика*, акцентирующая внимание на роли демографических факторов в экономическом развитии. В рамках исторической демографии развивается *палеодемография*, изучающая демографические процессы, происходившие в древнейших человеческих общностях. В Беларуси в послевоенный период на этапе возрождения демографии прежде всего оказалась значимой *географическая демография* (а в самой географии – и *демографическая география*), изучающая территориальные аспекты процессов воспроизводства, и в особенности проблем миграции, расселения и урбанизации. Развивается и *медицинская демография* как отрасль социальной гигиены, изучающая влияние здоровья населения и гигиенических условий жизни на его воспроизводство, а также демографических факторов (рождаемости, смертности, брачности, типа воспроизводства населения и т.п.) на здоровье населения [32; 164; 237; 296].

Так, в Республике Беларусь при разработке Национальной программы демографической безопасности до 2010 гг. столкнулись

интересы различных демографических направлений, когда в силу административного ресурса (тогдашнего вице-премьера Беларуси) приоритеты были отданы медицинской демографии и всей отрасли социальной гигиены. Остальные же направления были включены лишь как статисты для создания видимости объективности.

Это разнообразное многоцветье научных направлений, изучающих демографические процессы, во-первых, свидетельствует о многоликом характере демографических процессов. Они отражаются на различных сторонах жизнедеятельности людей, проникают во все поры жизни общества. Во-вторых, это свидетельство необходимости системного анализа демографических процессов, что является особенностью их социологического анализа.

Выдающийся французский демограф А. Сови немного кокетничал, считая, что «демография, эта “дикая” наука, не имеющая ни учителей, ни учеников» [243, с. 40]. Основы демографического знания, основные демографические идеи и концепции также древни, как и само демографическое поведение. Анализ процесса развития демографических идей наиболее целесообразно рассмотреть как с точки зрения времени, так и пространства. С позиций временных – это обращение к генезису их в историческом разрезе: во-первых, – в хронологическом плане – от древних времен и до современности, и, во-вторых – в разрезе тех социально-экономических условий, которые эти идеи и концепции отражали. Впрочем, исторические и социально-экономические аспекты, в основном совпадают. В пространственном плане – этот анализ основан на специфике ментальных особенностей групп стран и народов.

История демографической науки отражает исторический процесс развития общества и ее основные этапы связаны с соответствующими историческими эпохами, что позволило известному французскому демографу А. Ландри представить демографию как историю развития человечества. В масштабах всемирно-исторического процесса, по мнению профессора МГУ Д.К. Шелестова, ярко выражены три основных периода становления демографических знаний. «Первый из них охватывает огромный пласт тысячелетий – от эпохи первобытных стоянок до времени разложения феодализма – и характеризуется медленным и спорадическим накоплением первичных представлений об отдельных сторонах жизнедеятельности «людей», «жителей», «народа» ... Второй приходится на XVI-XIX века, когда в

условиях становления капиталистического общества резко возросла объективная потребность в расширении и углублении знаний о народонаселении ... Третий период (примерно со второй половины XIX в.) ознаменован развертыванием подлинно научного исследования проблем народонаселения» [296, с. 20]. К сожалению, Д. Шелестовым проигнорирован огромный пласт истории человечества, занимающий почти целое тысячелетие – от распада Римской империи до эпохи Возрождения – Средневековья, период в котором сформировалась религиозная концепция сущности человеческого бытия.

Первый исторический период в развитии демографических знаний связан с античным периодом – разложением общинного строя и развитием рабовладельческого общества. Еще Гесиод (VIII-VII вв. до н.э.), представляя мифы как единое целое, изложил древнюю картину происхождения мира, родословную богов. Одновременно в этом родословном дереве поднят вопрос о происхождении людей и, главное – путях их воспроизводства. По Гесиоду, вначале был Хаос, из которого родилась Земля (Богиня Гея), вместе с которой рождаются Эрос, Эреб и Ночь. Эреб – мрак вообще, Ночь – как самоопределившийся мрак. От брака Эреба и Ночи рождается Эфир и День. Эфир – как свет вообще, День – как определенный свет. Гея рождает Небо (Уран) – видимый небесный свод, а также горы и морскую пучину. Так, по версии Гесиода произошел материальный мир. От брака Земли и Неба (Геи и Урана) рождаются Океан и Тефида, а также Циклопы и Титаны. От одного из этих титанов (Кроноса) и берет начало целое поколение богов. Один из сыновей Кроноса, Зевс, ведя борьбу за власть, отсекает у отца «мужское достоинство», которое с небесной выси падает в море, поднимая сильную волну. Из морской пены, вызванной этой волной, появляется богиня любви – Афродита, богиня справедливости – Дике и Необходимость. Это и есть, по версии Гесиода, начало всякого земного рождения и слиянности, что посылает женщину сопрягаться с мужчиной и, наоборот, мужчину – с женщиной. Богиня любви взяла себе в помощники Амура, первого из рожденных ею богов – потомков Зевса. А потом боги начали вступать в интимную связь с земными женщинами, открыв череду любовных приключений богов, результатом которых стало рождение героев. И так далее по нисходящей – до простых людей. По этому поводу философ Ксенофан (около 565 – 473 гг. до н.э.) из Колофона писал: «Всем Гесиод и Гомер бессмертных богов наделили, / Что у

людей укор вызывает и порицание; / Кражей, блудом, взаимным обманом их наделили» [260, с. 24-32].

Богу – богово, а человеку Гесиод советует: В дом свой супругу вводи, / Как в возраст придешь подходящий. / До 30 не спеши, но и в 30 долго не медли ... / Все обгляди хорошо, чтоб не смех / Соседям жениться. / Лучше хорошей жены ничего не бывает на свете ...

Этот период античности представлен именами семи мудрецов, среди которых в демографическом плане выделяется Солон, а также Платоном, Аристотелем и Плутархом. Так, первый из семи мудрецов – Фалес провозгласил: «Какие взносы внесешь в родителя – такие взимай с детей». А один из первых европейских законодателей правитель Афин Солон на рубеже VII-VI веков до н.э. написал законы, касающиеся и демографических процессов, которые были направлены на разложение общинного строя. Демографическая политика греков, как позже и римлян, была по сути дела пронаталистской. Против тех, кто хотел избежать брака, у них были карательные законы, и греки особо отмечали граждан, дававших государству новых членов, покрывая позором тех, кто не состоял в браке. По законам Ликурга их не допускали к некоторым обрядам, заставляли зимой выходить обнаженными и петь позорную песню. Молодые люди были освобождены от обязанности чтить их, как прочих старших.

Эти законы создали обычаи, которые длительное время определяли семейные отношения Древней Греции и которые значительно пережили установленный для них срок – «чтобы все его законы оставались в силе в течение ста лет» [200, с. 181]. А в период новой эры, на рубеже II-III вв. была попытка исчислить среднюю продолжительность жизни человека, о чем свидетельствует известная в демографической, исторической и юридической науке таблица римского юриста Домиция Ульпиана (около 170-228 гг.) [219, с. 96-97].

Считается, что эпоха перехода от рабовладельческих отношений к феодализму, эпоха формирования, укрепления и господства религиозной идеологии, затормозила развитие науки, а значит – не повезло и демографической науке. И потому демографические условия и демографические концепции средневековой эпохи менее известны, чем подобные сведения более ранних эпох. Как отмечает известный польский исследователь демографии Э. Россет: «весь комплекс демографических процессов того времени – почти сплошное белое пятно на карте демографической науки» [219, с. 196]. Однако,

и эта эпоха, ошибочно считающаяся эпохой полного духовного застоя, была наполнена глубоким духовным поиском – выработкой мистической религиозной интерпретации существования человека. Христианство средневековья рассматривала человека с позиций религиозной духовной сущности.

Крупнейшие имена этой концепции – **Августин (Блаженный)** и **Фома Аквинский**. Августин (354-430 гг.) в своей «Исповеди» (400 г.) обосновывал, что человек (а также мир и природа) являются результатом творения Бога, зависящим от своего Творца: «Не мать моя, не кормилицы мои питали меня сосцами своим, но ты через них подавал мне, младенцу, пищу детскую, по закону природы. Тобою ею предначертанному, по богатству щедрот твоих, которыми ты облагодетельствовал все твари по мере их потребностей» [6, с. 582]. Августин, умаляя человеческую личность (вскармливая ребенка по законам природы, мать реализует свою человеческую сущность, реализует свою свободу) в концепции религиозной идеологии фатализма – ответственности человека перед Богом, формулировал сущность человеческого бытия. Первые люди до грехопадения обладали свободной волей, могли не грешить. Но Адам и Ева, считал Августин, дурно использовали свою свободу и после грехопадения потеряли ее. Теперь они уже не могли не грешить.

Высокая рождаемость этого периода поддерживалась догматами церкви. В демографическом плане эта концепция соответствовала аграрному характеру экономики формирующейся феодальной эпохи, требовавшей большого количества рабочих рук. Эта концепция соответствовала и конкретно-историческим особенностям этой эпохи, когда эпидемии, уносившие человеческие и особенно детские жизни косяками, не оставляли никаких альтернатив демографическому потенциалу как обеспечивать высокую рождаемость, чтобы нейтрализовать негативные факторы существования и отдать долг будущим поколениям.

Противоречивость и закат этой эпохи, пребывавшей под влиянием западного христианства, отражают и разные сексуальные судьбы двух величайших деятелей зрелого средневековья – Абельяра (1079-1142 гг.) и Фомы Аквинского (1225 или 1226-1274 гг.). Абельяр, этот Аристотель средневековья, в молодые годы прославился воспеванием имени его возлюбленной Элоизы, с которой познал радость разделенной любви. Но дядя Элоизы вместе с сообщниками кастри-

ровал его, сделав на всю жизнь вместо чувственного романтика искалеченного и ожесточенного аскета. Элоиза же терзалась страстной к нему любовью. И другая чувственная судьба – теоретической вершины этой эпохи – Аквината, добровольно во имя науки ставшего аскетом. Его отец, не поддерживавший страстной жажды сына учиться и желания стать монахом, надеясь отвлечь его от этих мыслей, заточил Фому в камеру и поместил туда вместе с обнаженной красавицей. Но Фома выгнал девушку [260, с. 90-91].

Хотя, конечно, значимых сугубо демографических произведений этого периода не имеется, но не будем забывать о том, что и сегодня концепция религиозного социального механизма, сформированного в эпоху средневековья, господствует в умах и сказывается на демографическом поведении миллиардов населения Планеты. Достаточно привести факты более высокого уровня рождаемости, негативного отношения к абортам и нетрадиционным формам “сексуальных” отношений в странах, где религия является и мировоззрением и основой социокультурного поведения людей.

Хотя, правда и то, что только с наступлением эпохи Возрождения возродился и интерес к демографическим проблемам. Эпоха Возрождения отвергла христианские догмы, обратившись к познанию мира и полнокровной жизни человека. Франческо Петрарка (1304-1374 гг.) оставил восторженные гимны земной любви. Эта эпоха возродила интерес к идеям античности, прежде всего обратившись к человеку, идеям гуманизма, праву людей на земные радости и счастье. Ярким примером этого является посвящение Рене Декарта (1596-1650 гг.) шведской королеве Христине трактатов о любви и страстях в соответствие со своей (получившей название картезианской) концепцией врожденных идей. Разработка демографических идей начала осуществляться сначала в утопической форме (Т. Мор и Т. Кампанелла), связанных с обращением к демографическим идеям древности, а затем – к активному анализу появившихся новых проблем развития населения (Т. Ман, Дж. Мильтон, Дж. Граунт, Э. Галлей, Л. Эйлер, П. Лаплас). Одними из них акцент делался на экономических аспектах роста численности населения, а политические аспекты отходили на второй план. Другие уделяли внимание методологии расчета отдельных демографических явлений. Хотя, конечно, демографические аспекты в XVI – первой половине XVII вв. (до Дж. Граунта) не были предметом специальных исследований.

Следующий период, связанный, во-первых, с переходом от феодальных отношений к капиталистическим, а, во-вторых, – с политическими, экономическими и, соответственно, демографическими особенностями различных стран XVII-XVIII веков породил многоцветье отражения демографических процессов особенностей этого перехода, представленных плеядой меркантилистов и физиократов. И демографическая наука с конца XVIII века, когда начался бурный процесс дифференциации научного знания и «отпочкования» научных дисциплин, и весь XIX век характеризуется, во-первых, ее становлением уже на собственной методологической основе и, во-вторых, формированием ее основных философских, социологических, политических и экономических концепций с их противоборством. Проявлением такого противоборства является спор вокруг мальтузианской концепции. В середине XX века ареной такого противоборства стала борьба марксистских (в том числе и псевдомарксистских) и немарксистских концепций. Сегодня в эпоху глобализации, в демографическом плане характеризующейся многообразием демографического развития, разнообразием демографических проблем столкнулось несколько подходов к их осознанию и решению.

Следовать своей вечнотворящей природе

Корни демографического знания, многих демографических идей и концепций следует искать в веках минувших – задолго до появления демографии, как науки. В том времени, которое К. Ясперс назвал «осевым временем», еще «отец истории» **Геродот** (около 480-426/5 гг. до н.э.) в своих работах пытался дать качественную характеристику населения стран и народов известного ему тогдашнего мира, хотя и считал человека – лишь «игралом случая». И, как остроумно в этом плане заметил А. Маршал, «проблемы численности населения старше, чем сама цивилизация» [157, с. 246]. Уже древние философы, начиная от Платона и Аристотеля, подняли целый пласт демографических проблем, заложили основные методологические подходы их анализа. Большинство тех демографических (или связанных с ними) проблем, которые стоят и перед современными политиками, демографами, экономистами, социологами, географами, медиками, уже были поставлены древними греками. Это: отношение к росту численности населения; это проблемы оптимума населения, брака,

рождаемости, аборт; это границы репродуктивного возраста и про-наталистской политики; это проблемы гендерных отношений и раз-водимости; это и состояние здоровья населения, воспитания детей и многое-многое другое.

Так, **Платон** (427-347 гг. до н.э.) был одним из первых мыслителей, кто дал многогранную характеристику демографических процессов, представляющую попытку их научного социологического анализа. Хотя его взгляды в этой сфере претерпевали существенные изменения. Об этом свидетельствует сопоставление его работ ранне-го и позднего периода. Так, в своих ранних работах он проповедовал общность всех женщин для всех мужчин, общность детей, что озна-чает отмену семьи как «величайшее благо». Так, в работе «Государ-ство» он считает, что «все жены ...должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть отец не знает, какой ребенок его, а ребенок – кто его отец» [190, с. 300]. Аристотель в своей «Политике» критиковал такое «величайшее благо», эту общность жен и детей, ибо объединение государства в единую семью приведет и к уничтожению государства. Такое множество детей, имеющих множество отцов, и то, что «любой человек будет в равной степени сыном любого же отца» означает, что «все сыновья в равной мере будут пренебрегать своим отцом». Ари-стотель считает, что общность жен и детей ведет к противоположным результатам, чем это предполагал Платон.

В поздних работах, в частности, в «Законах», написанных по-сле возвращения Платона из последнего сицилийского путешествия, его взгляды радикально изменились. Платон в ту пору, когда его слушал Аристотель, общность женщин и мужчин “отменяет”. Свою прежнюю концепцию отмены семьи он заменяет тщательным надзо-ром за браками и домашней жизнью; принцип общественного воспи-тания, равного для обоих полов у Платона сохраняется. К сожале-нию, иногда его демографическую позицию представляют как пози-цию отмены семьи, т.е. упор делают на его ранних взглядах, от кото-рых сам Платон отошел. Вот как его демографическую позицию ха-рактеризует С.Н. Бурова: у Платона «брак должен быть радикально преобразован. Все женщины должны быть общими для всех мужчин, ни одна не должна жить частно ни с одним из них» [40, с. 59]. Такая его первоначальная позиция и дальнейшее ее изменение, вероятно,

состоит в том, что Платон жил в эпоху распада родового строя и отразил противоречивость тенденций этого распада.

Большинство остальных демографических положений, изложенных в «Государстве», Платон переносит и развивает в своих «Законах». В них Платон, хотя и считает, что «женская природа по своему достоинству хуже мужской» [199, с. 233], вместе с тем писал о необходимости равенства прав женщин и мужчин, предоставляя возможность брачного выбора не только мужчинам, но и женщинам. Он исходил из того, что брак должен быть полезен государству: «каждый человек должен заключить брак, полезный для государства, а не только очень приятный ему самому» [199, с. 224]. На демографическом поприще интерес личности должен отвечать интересам общества (государства), а в современной теории демографического перехода – и планетарного общества. Этот приоритет общественных интересов перед личными вплоть до Джона Милтона был ведущим в демографических рассуждениях многих мыслителей.

Схема брачных отношений у создателя «Законов» представляет следующий алгоритм: должна быть возможность брачного выбора (а не общности женщин для мужчин). При этом при брачных отношениях и сочетании надо избегать неосведомленности относительно того, из какой семьи ты берешь себе жену или в какую семью отдаешь свою дочь. Надо очень и очень ценить безошибочность в подобного рода вопросах, – конечно, насколько это возможно. А для этого они должны «увидеть друг друга обнаженными – в пределах, дозволяемых скромной стыдливостью каждого». Затем следующий шаг: формирование образа жизни до рождения детей, в котором главное – ориентация на воспитание умного, здорового и крепкого потомства: «законодателю следует позаботиться о браках, соединяющих людей, затем – о рождениях детей и воспитании как мужчин, так и женщин от ранних лет и до зрелых – вплоть до старости» [199, с. 78-79]. После заключения брака надо позаботиться об образе жизни, «который будут вести молодые супруги до появления детей в продолжении не менее года» [199, с. 231], т.е. образа жизни с начала предшествующего зачатию ребенка, после – его зачатию и появлению на свет. Важность этого в молодом возрасте – понятна, но и в зрелом возрасте люди продолжают осуществлять демовопроизводственные процессы.

Здесь, говоря о процессах демовоспроизводства, Платон считал, что потомство должны производить родители цветущего возраста: женщина может рожать, начиная с двадцати до сорока лет. При этом лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими. И по опыту Спарты потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет (в Спарте слабых сбрасывали с обрыва). Мужчина демовоспроизводственные функции может осуществлять после того, как у него пройдет наилучшее время для спортивных состязаний. Напомним, что сам Платон, проживший 80 лет, жил в эпоху культа спортивных идей и был дважды олимпийским чемпионом древности по боксу. А после этого, вплоть до пятидесяти лет (в «Государстве» – до пятидесяти пяти лет), мужчина может воспроизводить потомство. В «Государстве» Платон ратовал за демографический отбор: для «юношей, отличившихся на войне или как-либо иначе, надо удостоивать почестей и наград и предоставлять им более широкую возможность сходиться с женщинами, чтобы таким образом ими было зачато как можно больше младенцев» [198, с. 302].

Говоря о важности здорового образа жизни, Платон отмечает, что «зачатие не должно совершаться, когда тело расслаблено от вина. Напротив, ребенок должен зародиться, как это и подобает, крепким, спокойным, в утробе он не должен блуждать. А пьяный человек и сам мечется во все стороны, и увлекает все за собой; он неистовствует и телом, и душой; стало быть, тот, кто пьян, не владеет собой и не годится для произведения потомства. Естественно, что ребенок иной раз рождается ненормальным, не внушающим доверия и неудачным как по характеру, так и телом. Поэтому как в течение целого года, так и в течение всей своей жизни, а более всего – тогда, когда наступает время родить, должно остерегаться и не совершать по доброй воле ничего вредного, дерзкого и несправедливого. Ибо все это неизгладимо отпечатлевается в душе и теле ребенка, и дети рождаются плохими во всех отношениях. Особенно надо воздерживаться от этого в тот день и в ту ночь, когда совершается брак ... Родив и воспитав детей, они передают им – одни другим – жизнь, словно факел» [199, с. 227]. Он также выступает против длительных и разорительных свадебных пиршеств – на пиршества по заключению брака следует приглашать не более пяти друзей и подруг и родственников с обеих сторон, чтобы издержки не были большими.

Говоря об оптимальном брачном возрасте, Платон в своих «Законах» устанавливает «простой закон о браке»: «после того как человек, достигший двадцатипятилетнего возраста, посмотрит невест и они посмотрят его, пусть он выберет по желанию женщин и уверится, что она подходит для рождения и совместного воспитания детей, и тогда пусть женится – не позднее тридцати пяти лет» [199, с. 224]. Те же, кто, достигнув этого тридцатипятилетнего возраста не женится, обязаны в наказание «ежегодно платить пеню» разной величины, зависящей от класса граждан, т.е. тогдашнего их социального статуса.

Платон считает, что брачный выбор имеет одну цель – дето-производство: новобрачных следует наставлять, как надо производить детей, а если убеждения действовать не будут, то «мы будем угрожать им соответствующими законами» [199, с. 235]. «Новобрачные должны подумать о том, чтобы дать государству по мере сил самых прекрасных и наилучших детей. Пусть же молодой супруг обратит внимание на свою жену и на деторождение. То же самое пусть делает и молодая супруга, в особенности в тот промежуток времени, когда дети у них еще не родились ... Срок для рождения детей и охраны лиц, их рождающих, пусть будет десятилетний, не более. ...Если же в продолжение этого времени у некоторых супругов не будет потомства, то они, для взаимной пользы, расходятся» [199, с. 236].

А что делать с интимными отношениями после выхода из оптимального демографического возраста? Еще ранее в «Государстве» Платон в своей концепции общности мужей и жен предлагал такое решение этой проблемы: «Когда же и женщины и мужчины выйдут из возраста, назначенного для произведения потомства, я думаю, – так устами собеседника афинянина говорит Платон, – мы предоставим мужчинам свободно сходить с кем угодно, кроме дочери, матери, дочерей дочери и старших родственниц со стороны матери; женщинам же – со всеми, кроме сыновей, отца, и их младших и старших родственников. Но хотя мы и разрешим все это, они должны особенно стараться, чтобы ни один зародыш не вышел на свет, а если уж они будут вынуждены к этому обстоятельствами и ребенок родится, пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать» [198, с. 304]. По утверждению А.А. Ракова, Платон подсчитал и

среднее количество сексуальных актов, на которое способен за свою жизнь мужчина – пять тысяч.

Во-вторых, материальные интересы при заключении брака не должны быть на первом плане: «надо вступать в брак, который вызвал бы одобрение разумных людей. [Родители] не посоветуют ... при заключении брака избегать бедных и слишком гнаться за богатыми. При прочих равных условиях следует предпочесть скромное состояние и тогда заключить брачный союз. Ведь это было бы на пользу и данному государству, и будущим детям» [199, с. 224]. Того, кто при браке обращает внимание только на имущественное положение, общественность должна отвратить путем порицания. В результате этого обеспечивается, с одной стороны, более-менее равномерное благосостояние граждан. А с другой стороны, если в основе брака нет меркантильных интересов, в семье обеспечивается благоприятная психологическая атмосфера. «Человек должен следовать своей вечнотворящей природе, поэтому он должен оставить по себе детей и детей своих детей» [199, с. 225] – таковы законы природы и общества – и люди должны следовать им. Платон в природе интимных отношений, чувственности выделяет эрос как стремление к идеалу, высшей красоте и вечной полноте бытия. Наверное, эта мысль привела одного поэта к выводу: «Любим духовным совмещениям / Даны и дух, и содержание, / И к сексуальным извращениям / Я отношу лишь воздержание» (И. Губерман). И Платон объясняет почему не должен превалировать денежный интерес: из-за денег возникают дерзости у женщин и неблагородное порабощение ими своих мужей [199, с. 226], т.е. иначе в семье создается неблагоприятный психологический климат.

Вообще в центре учения Платона лежит учение о совершенном государстве, происхождение и развитие которого является результатом естественного процесса увеличения количества жителей. По Платону существуют четыре фактора развития государства: два экономических: 1) рост численности населения и 2) расширенное воспроизводство, – и два идеологических фактора: 3) новаторство в искусстве и 4) новшества в системе воспитания. И поскольку 2-й и 4-й факторы зависят от 1-го и 3-го (т.е. по сути эти рост численности населения и новаторство – материалистические факторы) [96, с. 28], то Платон особое внимание уделяет проблеме рождаемости: «самое меньшее, государству необходимо состоять из четырех или пяти че-

ловек». Из этого его требования явствует, что семья должна воспроизвести 2-3 детей. Но в отличие от более поздней материалистической трактовки главным у него является не вопрос как произвести средства для удовлетворения человеческих потребностей, а как обеспечить для этого достаточно пастбищ и пашен, как оградить завоеванные земли от «бесконечного стяжательства» соседних стран.

И в этой связи, главной фигурой у него, как и позже и у Аристотеля, является воин, целое войско. «Разве надо больше беспокоиться о сапожном, чем военном искусстве?» – задает он риторический вопрос. И тут же отвечает: «Ни в коем случае». Таков ответ соответствует платоновской концепции идеального государства, состоящего из трех сословий – философов, стражей и трудящихся. Но трудящиеся, хотя Платон и дает им характеристику, его мало интересуют. Из своего идеального государства Платон, отмечал К. Маркс, «изгонял поэтов», поскольку «они не способны приносить пользу» [146, с. 568, 641]. Уже в этом у Платона заложена и другая его концепция – концепция разнокачественного характера социальных отношений, которая у Аристотеля примет форму стройной системы господства-подчинения, распространяемой и на демографические отношения.

Платон поставил и проблему оптимума численности населения государства, проблему, которая и ныне не потеряла своей актуальности. Он ставит задачу «установить численность населения» в государстве: «какое количество граждан будет достаточным, можно определить не иначе, как сообразуясь с количеством земли и близлежащими государствами»: земли – чтобы прокормить население государства, граждан – для отражения нападения извне [199, с. 189]. По Платону идеальное государство (тогдашние государства полисы) не должно превышать число граждан в количестве 5040 человек. «В древних государствах, в Греции и Риме, вынужденная эмиграция, принимавшая форму периодического основания колоний, составляла постоянное звено общественного строя, – отмечал К. Маркс. – Вся система этих государств основывалась на определенном ограничении численности населения, пределы которой нельзя было превысить, не подвергая опасности самих условий существования античной цивилизации ... Чтобы сохранить свою цивилизацию, их граждане должны были оставаться немногочисленными» [146, с. 567]. Маркс объясняет эту ситуацию, когда права гражданства ставились в зависимость от

определенного количественного соотношения населения, которое нельзя было нарушать недостаточным уровнем развития производительных сил древних государств [146, с. 567-568].

Анализируя проблему оптимума населения, Платон при этом закладывает теоретические зачатки западной модели наследования – майората: «прочного положения во всем государстве можно достигнуть так: обладатель надела оставляет в наследство свое жилище всегда лишь одному из своих детей, самому любимому, который и будет его преемником...». Одновременно он ставит вопрос воздержания от деторождения для тех, у кого обширное (многочисленное) потомство. И как отзвук его прежней концепции общности детей, то, «что касается остальных детей – если у кого их не один, а несколько, то девочек пристраивают замуж, ... мальчиков же отдают в сыновья тем из граждан, у кого нет потомства» [199, с. 192]. Правда, в западноевропейском принципе наследования победил не субъективный (по любви), а объективный (по старшинству) фактор. Но именно этот принцип наследования (передача имущества и собственности) только одному наследнику породил до «демографического перехода» в странах Западной Европы ориентацию на малодетную семью.

Затрагивает Платон и другие демографические проблемы – определения нормального предела жизни человека, гендерные отношения, а также проблему миграции. У него норма предела жизни людей – 81 год. И он сам вложил в этот «нормальный» срок жизни, прожив 80 лет. В древние времена выявилась и проблема гендерной диспропорции: женщины превосходят мужчин «своей многочисленностью – чуть ли не более чем вдвое» [199, с. 233]. Но в отношении социального статуса женщина у Платона – существо низкого сорта, о чем свидетельствует благодарение Платоном богов за восемь оказанных ему благодеяний. Первым он считал то, что боги дали ему возможность родиться свободным, а не рабом. Второе благодеяние ему со стороны богов то, что он родился мужчиной, а не женщиной [21].

Поднимает Платон и проблему миграции, которая звучит у него не менее остро и актуально, чем в настоящее время. Он за то, чтобы помочь чужеземцам прижиться в новом государстве. Причем, в современной терминологии он в определенной степени поддерживает миграцию «мозгов». Но (будто предвидя глобальный характер наступления массовой культуры) при этом ставит проблему защиты менталитета, культуры своего народа от чужестранцев: «не ожидайте

же, что когда-нибудь мы так легко позволим вам раскинуть у нас на площади шатры и привести сладкоголосых артистов» [199, с. 271].

«Не срезывай молодую ниву»

Аристотель (384-322 гг. до н.э.) в отличие от Платона, взгляды которого постоянно эволюционировали и в ряде случаев, как мы отмечали, противоречили, представил более стройную демографическую концепцию. Аристотель, как и Платон, считал, что семья отвечает природе человека и является клеточкой общества, колыбелью общества и государства. Семья у него представляет такую клеточку, которой присущи элементы биологического плана (продолжения рода), хозяйственной и политической деятельности. Из этого вытекает, что у Аристотеля отношения в семье представляют отношения господства, брака и отцовства. А «так как всякая семья составляет часть государства, то необходимо и воспитание детей и женщин поставить в соответствующее отношение к государственному строю; и если это не безразлично для государства, стремящегося к достойному устройению, то надо иметь также достойных детей и достойных женщин. И с этим необходимо считаться, потому что женщины составляют половину всего свободного населения, а из детей потом вырастают участники политической жизни» [11, с. 704].

Однако при этом, утверждая, что «Платон мне друг, но истина дороже», он отказывался от ранних платоновских идей обобществления женщин и детей: семья для него первый результат социальной жизни, элементами которой выступают муж и жена, отец и дети, хозяин и раб. Семья, составленная из простейших элементов (связей или «соединений»), как первая форма общения, в свою очередь, оказывается элементом более развитой, всеобъемлющей формы отношений. Потребность во взаимном обмене далее приводит к общению семей и селений, в итоге – рождению государства. При этом природа государства стоит «впереди» семьи и индивида. Суть же семьи состоит в обслуживании как «кратковременных потребностей», которыми озабочена каждая семья, так и в удовлетворении «долговременных» потребностей.

Эти идеи Аристотеля характеризуют его концепцию патриархальной семьи, теорию, господствовавшую вплоть до недавнего времени, концепцию господства и подчинения. Если в более поздние

эпохи «господство» мужчины над женщиной объяснялось «божественным» творением, то Аристотель гендерные отношения выводил из «природных» факторов: узких – биологических и глубоких – социальных. Природный биологический фактор их отношений: мужчина и женщина у него соединяются друг с другом «в целях продолжения потомства». «Сочетание попарно» женщин с мужчинами, по словам Аристотеля, «обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям – оставить после себя другое подобное себе существо» [11, с. 687]. И в социальном плане «мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении» [11, с. 690].

Он власть мужа над женой сравнивает с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя: «мужчина по своей природе, исключая лишь те или иные ненормальные отклонения, более призван к руководительству, чем женщина, а человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый» [11, с. 701], утверждает он. Эти отношения подчинения Аристотель выводит из природных факторов. «Домашние животные по своей природе стоят выше, чем дикие, и для всех домашних животных предпочтительнее находиться в подчинении у человека: так они приобщаются к своему благу ... Тот же самый принцип неминуемо должен господствовать и во всем человечестве» [11, с. 690].

Рост численности населения Аристотель рассматривал как важнейшую социальную проблему, связывая ее, как и Платон, с обеспеченностью земельными ресурсами и проблемами собственности. Греческие государства были городами с незначительными земельными ресурсами, обеспечивавшими только определенную численность населения. И в этой связи, как и Платон, Аристотель требовал, чтобы государство осуществляло твердый контроль над ростом численности своего населения, выступая против «неограниченного деторождения»: «должно поставить предел для деторождения, чтобы не рождалось детей сверх какого-либо определенного числа. Это число можно определить, считаясь со всякого рода случайностями, например с тем, что некоторые из новорожденных умрут или некоторые браки окажутся бездетными. Если же оставить этот вопрос без внимания, что и бывает в большей части государств, то это неизбеж-

но приведет к обеднению граждан, а бедность – источник возмущений и преступлений» [11, с. 714].

В качестве ограничительных мер роста численности населения Аристотель приводит практику критян, которые «для своей же пользы ели мало», а также, чтобы не рожали много детей, законодатель ввел сожителство мужчин с мужчинами [11, с. 728]. Недопущение перенаселения таким образом привело к неестественным способам удовлетворения половой потребности. Поэтому Аристотель советовал мужчинам вместо жен пользоваться любовью мальчиков. Именно с этих антидемографических позиций следует оценить распространение сегодня во многих западных странах, столкнувшихся с демографическим кризисом, однополых «браков».

Вместе с тем решение проблемы роста численности населения контролем по ограничению деторождения он не абсолютизирует, а связывает, если выразиться современным языком – с конкретными условиями того или иного государства: как нет полного сходства в государствах, так не может быть и полного сходства в демографической политике различных стран. И Аристотель в качестве доказательства этого приводит пример гибели государства лакедемонов: «одного вражеского удара государство не могло вынести и погибло именно из-за малолюдства». Поэтому «лучше, когда государство благодаря равномерно распределенной собственности изобилует людьми» [11, с. 725]. Суть взвешенной пронаталистской политики Стагирит формулирует следующим образом: «Законоположения, касающиеся деторождения, также имеют целью противодействовать малолюдству; законодатель, стремясь к тому, чтобы спартиатов было как можно больше, побуждает граждан к возможно большему деторождению. У них существует даже закон, что отец трех сыновей освобождается от военной службы, а отец четырех сыновей свободен от всех повинностей. И, тем не менее ясно, что даже при возрастании населения существующий порядок распределения земельной собственности неизбежно должен увеличивать число бедняков» [11, с. 725]. Эта пронаталистская политика на рубеже старой (до н. э.) и новой эр нашла отражение в «Законе о трех детях», рассчитанном на укрепление семьи и стимулирования рождаемости, столкнувшимся с всеобъемлющем кризисом античного общества. Он предоставлял ряд преимуществ всем гражданам, имевших трех и более детей.

В связи с проблемой роста численности населения Аристотель поднимает и вопрос о счастливом государстве: «Большинство полагает, — пишет он, — что счастливое государство должно быть большим по своим размерам. Но если даже это мнение справедливо, все же они не понимают того, какое государство является большим и какое небольшим. Величину государства они измеряют количеством его населения; но скорее нужно обращать внимание не на количество, а на возможности. Ведь и у государства есть свои задачи, а потому величайшим государством следует признать такое, которое в состоянии выполнить эти задачи наилучшим образом» [11, с. 845].

И здесь в дополнение к платоновским факторам (а) земли и собственности, а также (б) обеспечения защиты, отражения нападения извне Аристотель добавляет и (в) возможности нормального функционирования государства, его управляемости. И в этой связи он рассуждает: «Опыт подсказывает, как трудно, чтобы не сказать невозможно, слишком многонаселенному государству управляться хорошими законами; все те государства, чье устройство слывет прекрасным, не допускают чрезмерного увеличения своего народонаселения. Это ясно и на основании логических соображений: ведь закон есть некий порядок; благозаконие, несомненно, есть хороший порядок; а чрезмерно большое количество населения не допускает порядка» [11, с. 845-846].

Проблема оптимума населения государства в демографической концепции «Политики» Аристотеля занимает важнейшее место. Нужно отметить, что в эпоху Аристотеля многочисленные государства представляли отдельные греческие города (полисы) и что в современном виде они не существовали. И потому этот греческий мыслитель в качестве критерия нормального функционирования государства выделял непереносимое знание граждан друг друга, что мало-возможно при многочисленности населения полиса-государства. А вот иноземцам в этом случае «легко присваивать себе право гражданства, что нетрудно проделать это незаметно именно вследствие избытка населения» [11, с. 846]. И проблема оптимума населения в рассуждениях Аристотеля о критериях счастливой (прекрасной), большой и многонаселенной государства (которые он различал) была ключевой. Впрочем, предоставим слово самому Аристотелю.

«Государство с крайне малочисленным населением не может довольствоваться (а государство есть нечто самодовлеющее). Государство

с чрезмерно большим населением, правда, является самодовлеющим в отношении удовлетворения насущных потребностей, однако же оно скорее племенная единица, нежели государственная, так как ему не легко иметь какое-либо правильное устройство». И далее: «В своем первоначальном виде государство должно заключать в себе такое количество населения, какое было бы прежде всего самодовлеющим для устройства благой жизни на началах политического общения. Возможно и такое государство, которое, превосходя первое по количеству населения, будет больше его; но это увеличение населения не должно быть безграничным» [11, с. 846]. В общем, получается: и слишком много – плохо, и слишком мало – плохо: «наилучшим пределом для государства является следующий: возможно большее количество населения в целях самодовлеющего его существования, притом легко обозримое» [11, с. 846]. При этом Аристотель в население государства не включает рабов, иностранцев, внебрачных детей и ряд других категорий, а принимает «в расчет только то население, которое составляет часть государства и является его существенной принадлежностью. Избыток такого рода населения действительно служит признаком большого государства, а то государство, в котором много ремесленников, но мало тяжеловооруженных, нельзя считать государством большим: ведь не одно и то же – большое государство и многонаселенное» [11, с. 845]. Современная демографическая статистика поступает также, различая постоянное и наличное население.

Хотя в ряде своих рассуждений Аристотель в состав семьи включает не только ее членов, связанных родственными узами, но и рабов. Однако раб в этих отношениях – это своеобразное домашнее животное, которое должен находиться в подчинении у членов семьи, это «говорящее орудие». Интересно, что этот аспект, еще идущий от Платона, нашел позже отражение в концепции А. Смита о производительной роли различных классов общества. Но если у Стагирита ремесленники (у него масса, состоящая из ремесленников, торговцев, поденщиков не имеет ничего общего с добродетелью) представляют избыточное население (большое государство, но не многонаселенное), то у Адама Смита те, кто занят производительным трудом, составляют необходимую для процветания численность населения. Если у Аристотеля, продолжавшего в этом плане развитие идей Платона, военные (тяжеловооруженные) являют характеристику многонаселенного (но не избыточного населения) государства, то Смит воен-

ных относит к занятым непроизводительным трудом. Но общий методологический подход у них совпадает: основой процветания они считают конкретный социальный слой.

Среди других демографических проблем Аристотель выделяет важность здоровья населения, на которое влияет месторасположение города, затем устройство здорового водоснабжения, состояние атмосферы, гармония брачных отношений. Последние, т.е. брачные отношения с позиций государства включают наиболее благоприятный возраст вступающих в брак, наилучшее время года для зачатия, физические качества супругов, образ жизни и супругов и детей, питание, уход за детьми, их воспитание, причем, реализация многих этих факторов зависит в большей степени от женщин.

Для вступающих в брак «следует устанавливать законы относительно этого соединения, имея в виду самих вступающих в брак и их возраст; они должны подходить друг другу по возрасту, и их потенция должна быть одинаковой; иначе выйдет так, что муж в состоянии производить детей, жена же не в состоянии или, наоборот, жена в состоянии, а муж – нет. Из-за этого бывают раздоры и недоразумения» [11, с. 863-864]. Аристотель указывает: «не следует допускать слишком большой разницы в годах между детьми и отцами (ведь в таком случае для стариков оказывается бесполезной признательность со стороны детей, а для детей – помощь со стороны отцов). Но не должно быть и слишком большой близости по возрасту: эта близость возрастов представляет большое неудобство, потому что, с одной стороны, дети, как почти сверстники своих отцов, питают к последним чувство почтения в меньшей степени, а с другой стороны, и в домашнем обиходе возникает тогда много поводов ко всякого рода распрям. Наконец, следует постоянно помнить о том, чтобы физические свойства рождаемых детей соответствовали предназначениям законодателя» [11, с. 864], т.е. интересам государства.

Заботит его и качество демографического потенциала, генофонда, в связи с чем Аристотель определяет пределы способности демовоспроизводства, которые ограничены «для мужчин – семидесятилетним возрастом, для женщин – пятидесятилетним» [11, с. 864]. Исходя из этого Стагирит рассчитывает начало брачных отношений. «Соединение молодых неблагоприятно в смысле деторождения. И у всех живых существ приплод от молодых производителей бывает слабый, рождаются по большей части самки, и притом низкорослые.

То же самое, разумеется, неизбежно случается и у людей. Доказательство: в тех государствах, где распространены ранние браки, люди слабы и низкорослы. Сверх того, во время родов молодые женщины страдают сильнее и очень многие из них погибают» [11, с. 864]. И в этой связи Аристотель приводит высказывание одного из оракулов: «Не срезывай молодую ниву».

Далее, – размышляет Аристотель, – «полезно выдавать замуж девушек постарше, так как, по-видимому, вступив в половые сношения в ранней молодости, они проявляют большую страстность. К тому же физическое развитие молодых людей задерживается, если они совершают половой акт в период созревания семени, так как и для этого есть определенное время, по истечении которого это созревание прекращается». «Поэтому девушкам подходит более всего вступать в брак в восемнадцатилетнем возрасте, а мужчинам в тридцать семь лет или немногим раньше. При заключении браков в этом возрасте физические силы брачующихся будут в расцвете и такой расчет будет в полном соответствии с тем периодом, когда прекращается способность к деторождению. Сверх того, и то время, когда дети вступают в самостоятельную жизнь, как раз придется на эту пору, так как тогда дети окажутся именно в периоде их расцвета (при том предположении, что рождение, как и следует ожидать, последует сразу), между тем как отцы начнут в то время, к семидесяти годам их жизни, уже слабеть» [11, с. 864]. К этим возрастным границам брака, демовоспроизводства впоследствии будут возвращаться многие мыслители. Так, анализ психофизиологических факторов дал четверть тысячелетия тому назад Ломоносов в своем размышлении «О размножении и сохранении российского народа».

В качестве наиболее подходящего для зачатия времени года Аристотель считает зиму. «Впрочем, супругам следует в вопросах деторождения считаться с наставлениями врачей и знатоков природы, так как врачи могут дать надлежащие советы по части благоприятных условий развития тела, а знатоки природы – относительно ветров (северные одобряются ими больше, чем южные)» [11, с. 865].

В «Политике» Аристотель формулирует принцип воспитания: сначала должно быть образовано тело, а затем разум: «для нормального физического состояния гражданина, для его здоровья, для его способности к деторождению вовсе не требуется физическая мощь атлетов; с другой стороны, подходит тут не слишком нежное и слабо-

сильное телосложение, но среднее между обеими крайностями. Тело должно быть развито, но не посредством изнурительных упражнений и не только в одну сторону, как это бывает у атлетов, но чтобы быть пригодным для деятельности свободнорожденных людей. Это относится одинаково как к мужчинам, так и к женщинам. Беременные женщины также должны заботиться о своем теле, они не должны предаваться безделью, не должны питаться скудной пищей... Духовная их жизнь в противоположность физической должна быть обставлена более спокойно: ведь ясно, что плод, который они носят в себе, питается от женщины так же, как растения питаются от почвы, из которой они произрастают» [11, с. 865].

Говоря о крайних (предельных) сроках производить потомство в интересах государства, Стагирит рассуждает: «дети перезрелых родителей, так же как и слишком молодых, рождаются и в физическом и в умственном отношении несовершенно, а дети престарелых родителей – слабыми. Поэтому предел следует определить, сообразуясь с порой расцвета умственных сил». Этот предел у Аристотеля находится – в возрасте около 50 лет. Переступившие этот возраст на четыре-пять лет, должны отказаться от деторождения, но могут «продолжать в остальное время жизни вступать в половую связь лишь ради здоровья или по какой-либо подобной причине» [11, с. 865-866].

В интересах государства, считает Аристотель, «ни одного калеку выращивать не следует», отказ от новорожденных (когда количество деторождений строго определено) не должен иметь места, «если должен родиться ребенок сверх этого положенного числа, то следует прибегнуть к аборту» [11, с. 865], что вытекают из аристотелевской концепции демографического оптимума. Вообще к аборту древние греки прибегали часто, что не запрещалось тогдашними законами. Еще ко временам Платона и Аристотеля повивальным бабкам разрешалось производить аборт. И потому Аристотель предписывает «преждевременные роды» в тех случаях, когда женщина, «вопреки всем предосторожностям, становится беременной.

Процесс ухода за детьми и их воспитания также осуществляется в интересах государства и имеет свои природные особенности в разных возрастных группах. Это: дети в возрасте до пяти лет; затем от пяти до семи лет; потом от семилетнего возраста до наступления половой зрелости; и, наконец, от наступления половой зрелости и до

двадцати одного года. Причем, считает Аристотель: «всякое искусство и воспитание имеет целью восполнить то, чего недостает от природы» [11, с. 867]. Прежде всего – это питание и матери и ребенка: «питание, богатое молоком, является наиболее благоприятным для развития, а исключение вина предотвращает появление болезней» [11, с. 866].

Полезно, – отмечает Аристотель, – с малых лет приучать детей к холоду, как самое подходящее средство и для поддержания здоровья, и для подготовки к ратным делам. «Поэтому у многих варваров существует обычай окунать новорожденных детей в холодную реку; другие племена, например кельты, завертывают детей в холодные одеяла. Детский организм благодаря имеющейся в нем теплоте вполне способен закаляться и хорошо переносить холод». Эта эмпирическая практика древних народов и подобное теоретическое обоснование, по сути дела, представляет форму естественного отбора. Не этот ли подход позже был положен в религиозную практику крещения – окунать в холодную купель, против которой аргументированно выступал Ломоносов.

Интересные суждения Аристотеля в отношении крика и плача ребенка: «громкий крик и плач – то и другое содействует их росту, так как является для тела своего рода гимнастикой: задерживание дыхания развивает силу у работающих, а это бывает и с детьми, когда они надрываются криком» [11, с. 866]. В возрасте до пяти лет ребенку необходимо давать возможность побольше двигаться, «чтобы тело не оставалось в бездействии; для этой цели следует пользоваться как другими средствами, так и играми», которые «должны подражать будущим серьезным занятиям». И вообще ко всему, к чему возможно приучить ребенка, лучше приучать его сразу же, с самого начала, но приучать постепенно. По истечении пятилетнего возраста наступает пора учебы: «следующие два года, до семи лет, дети должны уже присутствовать на уроках по тем предметам, которые им потом самим придется изучать».

«Смерть к нам не имеет никакого отношения»

Из древнегреческих мыслителей в плане осмысления демографических проблем интерес представляют и идеи **Эпикура** (341–271 гг. до н.э.). Этот аспект касается анализа смертности.

Исходя из атомистической теории Демокрита, он проповедовал идеи свободы – духовной свободы людей от различного рода невзгод, и прежде всего страха перед смертью, ибо после смерти человек ничего не ощущает. В письмах «Эпикур приветствует Геродота» и «Эпикур приветствует Менекея» он обосновывает это: душа, как и все сущее в мире, состоит из атомов. Она представляет особо тонкие частицы тела, рассеянные по всему организму – и «похожа на ветер с какой-то примесью теплоты». И душа способна чувствовать только «согласно с остальным организмом», а «говорящие, что душа бестелесна, говорят вздор» [5, с. 352]. И «когда кричит плоть, кричит душа» [5, с. 360]. Любые тела со временем разлагаются, в том числе и тело человека, а вместе с ним и его душа, которая рассеивается, поэтому человек и его душа не могут страдать. Отсюда и невосприимчивость человека к мукам после его смерти.

В послании к Менекею Эпикур пишет: «Приучай себя к мысли, что смерть не имеет к нам никакого отношения: все хорошее и дурное заключается в ощущениях, а смерть есть лишение ощущения», «если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только еще ожидается». Поэтому «самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как, когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем. Таким образом, смерть не имеет отношения ни к живущим, ни к умершим, так как для одних она не существует, а другие уже не существуют» [5, с. 355-356].

Этим Эпикур нанес удар религиозным спекуляциям о страхах смерти, делая людей свободными от религиозных догматов. Недаром пропагандист идей Демокрита и Эпикура и их последователь Тит Лукреций Кар в своей философской поэме «О природе вещей» об этом заявляет прямо: во времена, когда «безобразно влачила жизнь людей на земле под религии тягостным гнетом, ... ликом ужасным своим на смертных, поверженных долу, Эллин впервые один осмелился смертные взоры против нее обратить и отважился выступить против» [5, с. 361]. Ибо Эпикур таким образом освобождает человека от страха смерти, от страха перед потусторонним миром, от выдуманных религиями мук души после смерти. Религиозные страхи перед смертью и «главное смятение в человеческой душе происходит оттого, что люди считают небесные тела блаженными и бессмертными и вместе с тем думают, что они имеют желания, действия, мотивы,

противоречащие этим свойствам; смятение происходит также оттого, что люди всегда ожидают или воображают какое-то вечное страдание, как оно описано в мифах, может быть боясь и самого бесчувствия в смерти, как будто оно имеет отношение к ним; также оттого, что они испытывают это не вследствие соображений мышления, а вследствие какого-то безотчетного (неразумного) представления себе этих ужасов» [5, с. 354]. Воображение бога толпы («дурным людям боги посылают величайший вред, а хорошим – пользу» [5, с. 355]) является лживым домыслом.

Но вместе с тем, «если бы нас несколько не беспокоили подозрения ... о смерти, что она имеет к нам какое-то отношение, а также непонимание границ страданий и страстей, то мы не имели бы надобности в изучении природы» [5, с. 358]. И Эпикур делает заключение, попавшее в Ватиканское собрание запрещенных сочинений: «глупо просить у богов то, что человек способен сам себе доставить» [5, с. 359]. И человек, который понимает это, – свободен от страха перед смертью, а те, кто постиг это, постиг и конечную цель природы и смеются над судьбой.

В «Застольных беседах» Плутархом рассматривается вопрос «О надлежащем времени полового общения», вопрос который еще Эпикур включил в свой недошедший до нас «Пир». Участники обсуждения этого вопроса у Плутарха, считали, что Эпикур, ссылаясь на Ксенофонта, советовал «участникам пиршества по его окончании спешить верхом к своим женам для любовной встречи». Но показывая спор во время беседы, Плутарх приводит доказательства, что, наоборот, Эпикур, исходя из атомистической теории, советовал после пиршества воздержаться от полового общения. Он утверждал, что оно «опасно, когда люди расположены к нему едой и питьем». Его аргумент следующий: «вино, возбудитель бурных движений, возмущая тело, лишает его устойчивости», оно «получит новые потрясения». Поэтому Плутарх указывал, что Эпикур советовал вступать в эротическое общение, «когда тело обретет покой и освободятся пути распространения пищи по телу, до возникновения потребности в новом принятии. Можно подкрепить совет Эпикура и медицинскими соображениями: утренний час, когда пищеварение уже закончилось, наиболее благоприятен; а влечение после ужина связано с опасностью, ибо пока пища не усвоена, потрясение, сопровождающее поло-

вую деятельность, может получить диспенсию, и, таким образом, вред будет двойной».

Но оппоненты Эпикура его точку зрения о вредности эротического общения после ужина не совсем разделяют. Они считают, что такое бывает, если только тело отягощено опьянением или едой сверх меры. При этом следует опасаться эротических сношений в непосредственной близости перед работой, ибо организм еще не преодолел эротического расположения – это и некрасиво и пользы не принесет.

Во взглядах древних греков эротика была поднята до уровня высшего сознательного наслаждения. Сначала эротический фактор характеризовался борьбой за женщин, войной за овладение ими, что было свидетельством завоевания власти. Похищение женщин часто служило поводом к войне, как в гомеровском повествовании о Прекрасной Елене. Женщина в эротических отношениях считалась неким придатком, так как эротическое наслаждение, как отражение мужского характера эллинской эпохи, соотносилось прежде всего с мужчинами. К рубежу новой эры доминирующим объектом желания, центром объекта любви стал “товарищ” мужчины – мальчик. Одногодок Аристотеля, родившийся и умерший в одни и те же годы со Стагиритом, Демосфен отношения полов отразил следующим образом: «Гетер мы держим ради наслаждений, наложниц – для повседневного удовлетворения потребностей нашего тела, но жен – чтобы они приносили законных детей и были верными хранителями дома» [45, с. 41]. Ценностное осмысление эротических и демографических отношений у древних греков постоянно менялось. Но подход – что позволительно мужчине, то не позволительно женщине, остался. Так, Александр Дюма (сын) заметил, что мужчина создал себе два рода нравственности: одну для самого себя, другую для женщины; первая позволяет ему любовь со всеми женщинами, другая взамен навсегда потерянной свободы допускает для женщины любовь лишь с одним мужчиной.

Как видно, древние греки поднимали многие вопросы и проблемы, которые актуальны и в XXI веке: это прежде всего проблема роста численности населения и демографического оптимума. Это и связанные с ней проблемы брачных отношений, эротики, рождаемости, репродуктивных возможностей, миграции, воспитания, пронаталистской политики, гендерных проблем, продолжительности жизни,

смертности. Их концептуальные идеи, рассуждения и замечания в отношении многих демографических проблем представляют большой методологический интерес и спустя двух с половиной тысячелетий. Они являют живую и яркую картину основ становления теоретической мысли и практических действий, полных и сегодня смелости, мудрости и оригинальности. Их идеи, в которых сверкают алмазы глубочайших и тончайших мыслей, подвергаясь постоянному осмыслению и переосмыслению продолжают свою полнокровную жизнь. В общем, как писал К. Маркс: «нормальными детьми были греки» [147, с. 737], которые навсегда останутся нашими учителями.

Что должна вкусить невеста

В начале новой эры некоторые из этих демографических проблем пополнились новыми красками. Их отразил в своих произведениях греческий писатель и философ-моралист **Плутарх** (около 45-около 127 гг.), рассматривая демографические проблемы с позиций моральных аспектов. В жизнеописаниях великих греков и римлян, а также в «Нравственных сочинениях», которые обычно для краткости называют «Моралиями», с демографических позиций интерес представляют его произведения «Об Эротe», «Наставления супругам», «О воспитании детей», «О доблестях женщин», «Слово утешения к жене».

Плутарх, по сути дела, завершает античный период, как в целом философской и социологической, так и, в частности, демографической мысли. В демографическом плане древнегреческая и античная римская реальность породила в господствующих кругах (главным образом среди мужчин) однополюе связи, ставшие одновременно и характеристикой морального разложения древнего мира. И Плутарх подверг критике эти отклонения от биологической природы человека, проповедуя только сексуальные отношения, отвечающие природной и социальной сущности человека. Но для развития средневековой мысли, которая игнорировала биологическую природу и социальную сущность человека, его взгляды не были востребованы. И только в эпоху Возрождения его идеи обрели значимость, прежде всего в литературе и искусстве.

Заслуга Плутарха в том, что он по-новому поставил проблему сексуальных отношений, провозглашая любовь и проповедуя един-

ство матримониального, полового и прокреативного поведения. Одним из проявлений кризиса морали древнегреческой и древнеримской цивилизации стали сексуальные извращения – любовь к мальчикам. В диалогах Плутарха («Об Эротe») в противовес платоновской «благородной» любви к мальчикам им ставится проблема: «Какой путь избрать, что предпочесть: любовь к мальчикам или любовь к женщинам?». У него речь идет о необходимости выработать концепцию единой любви, выработать ту единственную форму, обеспечить которую, в конечном счете, могут отношения с женщиной, точнее с супругой.

Если, как отмечает Плутарх в «Об Эротe», Платон и Аристотель, а также законодатели сексуальную связь между мужчиной и женщиной рассматривали как необходимость для продолжения человеческого рода, и прославляли это перед толпой, то «у истинного Эрота нет ничего общего с гинекеем». И «что отношение к женщинам или девушкам» «далеко от Эрота, то есть любви, как отношение мух к молоку или пчел к сотам». Что, дескать «желания, устремленные на женщину, в лучшем случае завершается преходящим телесным наслаждением». Противники любви между мужчиной и женщиной приводят сравнение Аристиппа: «Я знаю, что вино и рыба меня не любят, и, однако, я с удовольствием пользуюсь и тем и другим» [201, с. 547]. Думается, что эта позиция, допускающая только телесные наслаждения с женщиной и не допускающая дружеских отношений мужчины с ней, отражает то, что в политических и гражданских отношениях древнегреческая женщина была бесправна.

В противовес этому Плутарх считает, что только одна любовь – любовь к женщинам является совершенной формой любви. И хотя термин «любовь» раньше начали употреблять римляне, которые любовь считали чувством недостойным настоящих римлян, у греков любовь стала основой отношений полов. Сексуальная связь мужчин – «противное природе», а «согласное с природой общение с женщинами должно в еще большей мере через благосклонность вести к дружескому расположению» [201, с. 547], к любви. И только она одна способна, благодаря присущему ей началу согласия и благосклонности, совместить удовольствия Афродиты с добродетелью дружбы. Он не считает такое сочетание простым результатом терпимости, оставляющей в супружеских отношениях место для более или менее утилитарного полового акта (нацеленного, например, на зачатие детей).

Он признает его краеугольным камнем чувственных отношений, одушевляющих супружеский союз. Удовлетворение сексуальных потребностей может лежать в основании любовной взаимности, так необходимой супругам: эта физическая близость – «источник дружбы, как приобщение к великим таинствам». И радость телесного общения здесь менее важна, уточняет Плутарх, нежели «возрастающее от него с каждым днем» взаимное уважение, благорасположение, приязнь и доверительная желанность. «Любовь ярко воспламеняется цветущей молодостью и телесной привлекательностью, но скоро угаснет, если ее не будут питать душевные достоинства и добрый нрав юных супругов» [201, с. 348].

Важная проблема у Плутарха и проблема удовольствий. Основополагающая роль и порождающая функция физического удовольствия получает и официальное историческое подтверждение – его Плутарх нашел в законах легендарного афинского реформатора и законодателя Солона, предписывавшим супругам «сближаться с женами не реже чем трижды в месяц». Хотя в жизнеописании Солона этот закон касается мужа богатой сироты, способной к деторождению, и вызван потребностью в наследниках. Но «если даже и не родятся от этого дети», добавляет Плутарх, такие упорядоченные свидания суть «знак уважения и любви» со стороны мужа по отношению к «целомудренной жене» [200, с. 176]. Рассеивая постоянно накапливающееся недовольство, они не дают супругам совершенно охладеть друг к другу из-за ссор. Положение о сексуальных отношениях как основе регулярной близости и залога доброго согласия Плутарх отчетливо формулирует в диалоге «Об Эроте», наделяя их способностью восстанавливать крепость супружеских уз: «Солон показал себя мудрым законодателем в вопросах брака, предписав сближаться с женами не реже чем трижды в месяц, не ради наслаждения, а с тем, чтобы, обновляя брак, освободить его от набирающихся при взаимной благожелательности в повседневной жизни разногласий – наподобие того как государства время от времени возобновляют свои дружественные договоры» [201, с. 578].

Плотское удовольствие по Плутарху – ядро, принцип и залог брачных, любовных и дружеских отношений, которые придают им силу. Когда Плутарх говорит о «болезненности» начальных отношений между супругами, он считает такие «ранения» или «укусы» необходимыми для создания прочных и длительных супружеских от-

ношений. Он выстраивает целый метафорический ряд: дерево, к которому прививают привой, стремясь получить плоды, и тем самым ранят; знания, приобретение которых тяготит детей и юношей, впоследствии оказываются полезными; и, наконец, смесь двух жидкостей, которая после недолгого кипения и помутнения образует спокойный, чистый и прочный устой, образует новую жидкость, два компонента которой уже ничто не может разъединить [201, с. 355]. Некоторое страдание, волнение и смятение неизбежны и на первых порах брака; но в них залог создания новой устойчивой семьи.

В «Наставлении супругам» и в сочинении «Об Эроте» брак им трактуется как священный союз между людьми. Брачный союз лучше всех прочих отношений приспособлен к восприятию и силы Эрота, для которой нет на свете более достойного места, нежели семейная пара. Эта сила Эрота должна преодолеть вражду семей (что было у самого Плутарха), уладить распри между друзьями и обеспечить супругам счастливую жизнь. В результате Плутарх формулирует важнейшую формулу брачных отношений: **«в браке большее благо любить, чем быть любимым»**, что нашло отражение в одной из современных песен: «мало быть любимой, надо любящею быть». Эта формула предполагает двойную активность любви, связующую обоих супругов. Этот принцип взаимности объединяет супругов: поскольку и муж и жена питают чувство любви. Каждый из них принимает любовь другого, выказывая благосклонность к ее знакам, и, следовательно, любит быть любимым. Эта взаимность в использовании удовольствий оживляет любовь. А это означает, что их двойная активность представляет собой и принцип верности: каждый из двоих может принять в качестве правила поведения и основания усмирять свои желания, ту любовь, которую он испытывает к другому, ведь любящий старается избежать всего, что «увечит и губит брак». «Супружеский союз, если он основан на взаимной любви, образует единое, сросшееся целое» [201, с. 354]. Это положение позже разделял и М.В. Ломоносов.

В начале новой эры (9 год н.э.) в Греции был принят «Закон о троих детях», направленный против безбрачия и предоставлявшим разные льготы лицам, имеющим много детей. Греческие обычаи также предусматривали, что только сыновья имели право наследования. Если же не было сыновей, то имущество отца наследовали дочери. Чтобы родовое имущество не перешло в чужие руки, дочь-

наследница обязана была выйти замуж за ближайшего родственника. При равных степенях родства отдавалось предпочтение старшему из них. Т.е. это отражало тот факт, что у греков женщины на протяжении всей жизни находились под опекой мужчин. Опекуном незамужней был ее отец, а после его смерти – старший брат или другой родственник с отцовской стороны; опекуном замужней – муж, а после его смерти – старший сын.

В жизнеописании о Солоне Плутарх описывает как тот старался устранить некоторые ненормальности, возникающие на практике вследствие этого закона: «Нелепым и смешным кажется закон, позволяющий богатой сироте, в случае неспособности к брачному сожителю ее мужа, который в силу закона является ее опекуном, вступить в связь с кем-либо из ближайших родственников мужа» [200, с. 175]. Хотя некоторые находят, «что и этот закон установлен правильно: именно против мужчин, неспособных к брачному сожителю, но женящихся на богатых сиротах из-за денег и на основании закона производящих насилие над природой. Мужчина, видя, что такая жена отдается, кому хочет, или откажется от брака с нею, или, оставаясь в браке, будет терпеть позор, неся наказание за свою жадность и наглость. Хорошо еще и то, что богатой сироте было дано право выбирать себе любовником не всякого, а только одного из родственников мужа, чтобы ребенок был близок по крови ее мужу и происходил из одного с ним роду». Солон считал, что нельзя насиловать законы природы, нельзя поощрять браки, не соответствующие возрасту: «в свободных государствах такое безобразие нетерпимо; нельзя допускать союзов запоздалых, безрадостных, не выполняющих дела и цели брака. Нет, старику, который женится на молодой» [200, с. 177], – заключает Плутарх.

Плутарх в своих диалогах уделяет большое внимание образу женщины, причем, она намного старше молодого человека, чаще это мальчик, хотя и она при этом все еще молода, богаче его, родовитей, и наконец, опытнее. Подобные истории в Греции были нередкостью; на их распространение влияли не только недостаток женщин, но и принятые брачные стратегии. Позже на подобную коллизию российской действительности обращал внимание М.В. Ломоносов. Отношение к такого рода союзам было несколько неопределенным и настроенным: муж, уступавший жене и в возрасте, и в богатстве, оказывался в сложном положении, поскольку греческая традиция считала

превосходство супруга основой брачных отношений. Разумный правитель, – пишет Плутарх в жизнеописании Солона, – обнаружив в спальне богатой старухи юношу, «который от любовных отношений с ней жиреет, как куропатка», принудит его перейти к девушке, нуждающейся в муже [200, с. 177]. В тоже время Плутарх в «Об Эроте» допускает определенное возрастное неравенство брака, «если исходить из того, что его условием должна быть способность женщины родить и иметь потомство» [201, с. 553]. К сожалению, ни для Аллы Борисовны, ни для Лолиты Аристотель, Плутарх и Ломоносов – не являются авторитетами.

В жизнеописании Солона Плутарх анализирует и другие аспекты семейно-брачных отношений. Так Солон отменил обычай давать за невестой приданое. По его мысли, брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь. «Искать богатства в браке, пренебрегая добродетелью и происхождением жены, низко и недостойно свободного человека», но при этом «избегать богатства при наличии добродетели и знатности глупо» [201, с. 553]. Главное при выборе жены – не красота и не богатство, а нрав женщины: «жениться следует не глазами и не пальцами, как это делают некоторые, подсчитывая, сколько за невестой дадут приданого, вместо того, чтобы выяснить, какова она будет в совместной жизни» [201, с. 352]. Закон Солона о завещаниях не допускал наследование «под влиянием какой-либо женщины». «Вообще, – считает Плутарх, – Солоновы законы о женщинах кажутся чрезвычайно нелепыми. Тому, кто застанет любовника своей жены на месте преступления, он имеет право его убить; а тот, кто похитит свободную женщину и изнасилует ее, карается штрафом...» [200, с. 179]. «Сюда же относится и закон, по которому невесте давали поесть айвы и запирали ее вместе с женихом, а также и тот, что муж богатой сироты должен иметь свидание с нею, по крайней мере, три раза в месяц» [200, с. 176].

Закон Солона в отношении старого мужа молоденькой богатой сироты, который обязан «сближаться с женой не реже чем трижды в месяц» понятен. Он направлен на обеспечение демовоспроизводства и укрепление отношений между супругами. Также понятно и предписание о праве выбора богатой сироты себе любовников среди родственников мужа, если он недееспособен. Он направлен на обес-

печение, как процесса демовоспроизводства, так и наследования по родственной линии. Но интересно другое: зачем Солон предписывал новобрачной, прежде чем уединиться с женихом в спальне, съесть плод айвы?

Плутарх предстает и как этнограф, описывая обычаи, обряды, верования, привычки и традиции древних греков и римлян. Так в «Римских вопросах» он раскрывает вопросы «Отчего у римлян новобрачную заставляют прикасаться к огню и воде?». И отвечает, что оно означает единство, гармонию двух начал, мужского и женского – соединение того и другого в браке устанавливает совершенную общность их жизни, ибо ни то ни другое не способно преобладать. А вопрос «Отчего на свадьбах зажигают пять восковых факелов, а не больше и не меньше?» Плутарх освещает трояко. Во-первых, как сочетание первого четного (мужское) и первого нечетного (женского) чисел, Во-вторых, как знак необходимости женщине родить пятеро младенцев, что на русскоязычном пространстве позволили расшифровать слово «семья», как «семь Я»: муж, жена и пятеро детей. И, в-третьих, как потребность в покровительстве пяти богов. Хотя сам Плутарх «супружеским», «брачным числом» считал не пятерицу, а шестерицу. В последнем случае число «мужское» – 3 и «женское» – 2 не складываются, а перемножаются.

Интерес представляют и другие вопросы социокультурного плана: «Почему женщины, здороваясь с родственниками, целуют их?»; «Почему запрещен обмен подарками между мужем и женой?»; «Почему запрещается принимать подарки от зятя и тестя?»; «Почему, когда мужья возвращаются из деревни или из путешествия, посылают предупредить жен о своем прибытии?»; «Почему на похоронах родителей сыновья покрывают голову, а дочери идут с непокрытой головой и распущенными волосами?»; «Отчего невеста не сама переступает порог дома мужа, а ее переносят сопровождающие?»; «Почему новобрачная и ее супруг соединяются в первый раз не на свету, а в темноте?»; «Почему не принято жениться в мае?»; «Почему волосы у новобрачных разделяют на пробор острием копья?»; «Почему мальчикам дают имя на девятый день от рождения, а девочкам на восьмой?»; «Откуда обычай в праздничные дни выходить замуж не девушкам, а вдовам?»; «Почему римляне не женятся на близких родственниках?», а также, что должна невеста говорить при входе в дом мужа, каким именем следует называть детей, чьи отцы неизвестны.

К этнографическим проблемам относится и предписание Солон — прежде чем уединиться с женой в спальне — новобрачной необходимо вкушать плод айвы. В «Наставлениях супругам» Плутарх высказывает гипотезу в отношении, по его мнению, этого нелепого требования Солон: «вероятно, затем, чтобы первое впечатление от лица ее и голоса было сладостным и чарующим» [201, с. 348]. Этот совет вытекает из известного сказания греческой мифологии об айве. После знаменитого спора — кто красивее: Афродита, богиня любви и красоты; царица богов Гера, сестра и жена Зевса, покровительница брака, отличающаяся властью, жестокостью и ревнивым нравом, или Афина, дочь Зевса, богиня войны и победы, а также мудрости, знаний, искусств и ремесел — красавец Парис преподнес этот фрукт, известный как золотое яблоко, богине любви Афродите, аява стала считаться символом большой любви, брака и плодородия. В эпоху Плутарха айва, как терпкий и кисловатый фрукт, богатый самыми разнообразными элементами, в том числе несколькими суточными нормами железа, была также и символом многообразия семейной жизни: чтобы новобрачная осознала, что жизнь будет не всегда сладкой и приятной: в семейных отношениях может быть все, не только радостные мгновения, но и невзгоды.

Важны и рекомендации Плутарха в поведении супругов, которые в стиле Д. Карнеги можно было бы сформулировать «Как научиться устанавливать благоприятные отношения между супругами», ибо «те, кто не сумели выдержать первых же ссор с юной супругой, ничем не отличаются от таких, кто виноград оставляет другому лишь потому, что он недозрел», а «невесты, которые, едва успев выйти замуж, уже недовольны мужьями, подобны тем, кто пчелиные укусы перетерпел, а медовые соты бросил» [201, с. 348]. Поэтому он советует:

- поначалу особенно следует молодоженам остерегаться разногласий и стычек, глядя на то, как даже склеенные горшки сперва легко рассыпаются от малейшего толчка;

- мелкие, непрерывные, повседневные ссоры жены с мужем как ничто другое приводит в разлад и расстройство их совместную жизнь;

- избегать столкновений мужа с женой и жене с мужем следует везде и всегда, но больше всего этого надо остерегаться на супружеском ложе;

- жене следует избегать стычек со свекровью, ведь матерям вообще свойственно ревновать сына к невестке;

- украшает женщину ... не золото, изумруды и пурпур, а скромность, благопристойность и стыдливость;

- жены, которые предпочитают помыкать глупым мужем, нежели слушаться умного, напоминают таких, кто в пути предпочитает вести за собой слепца, чем идти за человеком зрячим и знающим дорогу;

- всякое дело у разумных супругов решается с обоюдного согласия, но так, чтобы главенство мужа было очевидным и последнее слово оставалось за ним;

- жене следует своих чувств не иметь, но вместе с мужем и печалиться, и веселиться, и тревожиться, и смеяться;

- целомудренная супруга должна показываться на людях не иначе как с мужем, а когда он в отъезде, оставаться необходимо, сидя дома;

- заводить собственных друзей жена не должна; хватит с ней и друзей мужа;

- кто держится с женой слишком сурово, не удостоивая шуток и смеха, тот принуждает ее искать удовольствия на стороне, ибо иные замужние женщины тяготеют своими строгими воздержанными мужьями, зато с распущенными сластолюбцами, словно с псами или козлами сходятся весьма охотно.

Эти и многие другие рекомендации Плутарха, которые можно продолжать, отражающие сформировавшиеся семейно-брачные отношения античности, легли в основу домостроевской морали. Вместе с тем его моралистские рассуждения имеют большую значимость и ныне, в эпоху (по Питириму Сорокину) кризиса семьи, в условиях, когда в отдельных странах под лозунгом свободы личности стали распространяться однополые браки. Моральная распущенность аристократов античного общества стала предвестником разложения эпохи, определившей развитие европейской цивилизации, показывая человечеству XXI столетия куда и как глубоко в бездну оно может скатиться. Перенесенные из тюремных стен однополые сексуальные извращения вступают в противоречия с природным предназначением и социальной сущностью мужчины и женщины. Такие отношения могут характеризовать только садомированное общество. И только се-

мейные сексуальные отношения мужа и жены являются высшей ценностью, они свидетельствуют о высшей красоте и высшем моральном превосходстве такого типа сексуальных связей. И любовь в этом случае представляет одухотворение ощущений, это акт восхождения, сопровождающийся мгновенным прозрением, по Шелеру, высшей ценности – объекта любви. Специфика любви – в направленности на личность как носителя ценности, чего не осознал И. Кант, который был обделен женской лаской, считая нелепым сексуальное чувство, когда от страсти мутится разум. Кант гордился тем, что избежал механических телесных движений, лишенных метафизического смысла. Плутархова же концепция любви служит демографическим интересам, а его моралистические рассуждения в той или иной степени (с поправками на современность) способствуют формированию благоприятного социально-психологического семейного климата.

Демографические идеи – продукт всех умов человечества

Многие выдающиеся мыслители были озабочены демографическими проблемами, которые ставило перед ними свое время. Анализ тех или иных аспектов демографического развития осуществлялся благодаря трудам историков, экономистов, математиков, правоведов, священнослужителей, врачей и представителей различных наук. И по своей актуальности они всегда вызывали большой общественный интерес. Перечислим только некоторые их имена: Дж. Мильтон (1608-1674 гг.), Ш. Монтескье (1689-1755 гг.), Ф. Кенэ (1694-1774 гг.), М.В. Ломоносов (1711-1765 гг.), А. Смит (1723-1790 гг.), Т. Мальтус (1766-1834 гг.), Д. Рикардо (1772-1823 гг.), С. де Сисмонди (1773-1842 гг.), О. Конт (1798-1857 гг.), Дж. С. Милль (1806-1873 гг.), К. Маркс (1818-1883 гг.), Ф. Энгельс (1820-1895 гг.), Г. Спенсер (1820-1903 гг.), А. Маршалл (1842-1924 гг.), М.М. Ковалевский (1851-1916 гг.), Э. Дюркгейм (1858-1917 гг.), Ф. Мюллер-Лиер (1857-1916 гг.), М. Вебер (1864-1920 гг.), К.М. Тахтарев (1871-1925 гг.), А.В. Чаянов (1888-1937 гг.), П.А. Сорокин (1889-1968 гг.).

Наряду с перечисленными деятелями философской, социологической и экономической мысли отметим и такие имена, как Дж. Граунт (1620-1674 гг.), А. Кетле (1796-1874 гг.), А. Гийяр (1799-1876 гг.), Л. Бертильон (1821-1883 гг.), Ж. Бертильон (1851-1922 гг.), А.Дж. Лотка (1880-1949 гг.), М.В. Птуха (1884-1961 гг.), Д.И. Вален-

тей (1922-1994 гг.) и другие, с которыми связывается собственно развитие современной демографической науки. Вообще, как писал Е.В. де Роберти, высказанные ими «идеи, и великие, и малые, – продукт не одного, и не многих даже, а всех без исключения умов, результат длительной совместной работы не только современников, но всех соприкасающихся во времени и пространстве человеческих союзов» [217, с. 473].

В период господства феодальных отношений и крестьяне-земледельцы, и феодальная верхушка были заинтересованы в высокой рождаемости. Первые – потому, что для обработки земли, ведения собственного хозяйства нужна была рабочая сила. Вторые – потому, что число подданных определяло их политическую, финансовую и военную силу. Высокая рождаемость этого периода поддерживалась и догмами церкви, которые, однако, приходили в противоречия с западно-европейской системой наследования (принципом майората).

Определенный интерес для социологии демографии представляют утопические концепции Т. Мора и Т. Кампанеллы, основанные на патриархальном устройстве семейных отношений. Так, в «Утопии» **Томас Мор** (1478-1535 гг.) в уста путешественника Рафаэля Гитлодея вкладывает величайшую для философии, социологии и демографии идею: «человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира» [7, с. 99]. Поэтому утопийцы считают «хорошее здоровье за величайшее из удовольствий», оно является «основой и базисом всего». И Т. Мор в этой связи выступает против всего того, что вредит здоровью: утопийцы считают «признаком крайнего безумия», кто «истощает свое тело постами» [7, с. 106], а «здоровье есть само удовольствие или неизбежно порождает удовольствие, как огонь создает тепло».

Для здорового образа жизни, а утопийцы не переедают и не голодают, у них созданы условия: имеется «изобилие во всем» в отличие от других народов. Все утопийцы (по шесть часов в сутки) работают, в то время, как «огромная часть населения у других народов живет без дела» (у них «овцы пожирают людей»). Все утопийцы «заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, в итоге у них получается изобилие во всем» [7, с. 103].

Т. Мор ратовал за рост численности населения, в котором заключается основной источник увеличения материальных благ наилучшего государственного устройства. Имеются у него и интересные мысли по проблеме территориального размещения населения такого государства. Он полагал, что в идеальном государстве люди будут поочередно менять место жительства – сначала в городе, потом в сельской местности, т.е. сделается невозможным рост численности населения городов за счет сельской местности. Оптимальная численность же городского населения – в пределах 6 тысяч семей. Определяет он и оптимальные размеры «идеальной семьи» (на наш взгляд, с позиций сельскохозяйственных работ) – от 10 до 16 взрослых, число же детей ограничению не подлежит.

В тоже время семейные отношения Мором в стране Утопии рассматриваются в традициях Платона и Аристотеля. Причем, у Мора в его скучноватом чтении совпадают не только отдельные положения и принципы устройства идеального государства с платоновским «Государством», но совпадают и словесные выражения и аргументы. В Утопии полупатриархальные семейные отношения строго регламентированы: во главе «семьи стоит старейший. Жены обслуживают мужьям, дети – родителям, и вообще младшие по возрасту – старшим». Эта регламентация представлена во всем – без разрешения нельзя покинуть даже город. Если же у кого-нибудь возникнет желание побродить по полям вокруг своего города, то необходимо получить разрешение главы семейства при согласии супруги. При вступлении в брак жених и невеста должны обнажиться друг перед другом. Возраст вступления в брак женщин им определялся в 18 лет, а мужчин в 22 года.

То, что Утоп в качестве государственного и демографического идеала выбрал «Государство», а не «Законы» Платона, видно, что Т. Мор, хорошо знакомый с обеими работами, не на стороне Гитлодея. Автор «Утопии», критикуя социальные отношения современного ему английского общества (в котором воров «повсеместно вешали иногда по двадцати на одной виселице»), одновременно не разделяет утопические семейные отношения. Недаром, в его понимании Утопия – это место не только, которого нет, но это место, которого нет и не может быть [96, с. 108], а следовательно и не должно быть.

Эта регламентация прослеживается и у **Томмазо Кампанеллы** (1568-1639 гг.), у которого демографическими проблемами в его

«Городе Солнца» ведает один из трех соправителей – Любовь. «Ведению Любви подлежит деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство». Все это напоминает платоновское и аристотелевское решение демографических проблем. И Т. Кампанелла по платоновски обосновывает необходимость получения наилучшего потомства: «Мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время природой человеческой» [7, с. 181]. Это «производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц – лишь постольку, поскольку они являются частями государства» [7, с. 182]. В основе обоснования преобладания общественных интересов над личными интересами у Кампанеллы лежит его методологическое положение, что «в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже его частей» [7, с. 183].

Вообще-то, эта идея – идея рационального скрещивания и отбора, правда, механистического характера, идея, получившая развитие Ф. Гальтоном в евгенике, не поддержана (не касаясь расистских экспериментов нацистов, о которых А.А. Раков, белорусский демограф, рассказывал, что во время Великой Отечественной войны фашисты в оккупированном Харькове, попытались массово осуществить этот эксперимент. Они собрали несколько сот молодых красивых славянских девушек, которые от специально подобранных нацистов забеременели). Это связано со столь щепетильной стороной жизни людей, как их интимная жизнь, а также сложными другими проблемами нравственного и социального характера – выявления «достойных осеменителей». Впрочем, многие представители российской богемы сегодня этим хвастаются в открытую.

Этот общественный характер на личностном уровне, как считает Кампанелла, обусловлен тем, что частные лица, во-первых, по большей части дурно производят потомство, и, во-вторых, дурно его воспитывают – на гибель государства. Поэтому за деторождением, как за первейшей основой государственного благосостояния, служащей для сохранения рода, а не отдельной личности, должна заботиться община. И этом плане Кампанелла развивает идею платоновского «Государства» об общности жен, детей, жилища: если везде считается естественным иметь собственную жену, дом и детей, чтобы знать и воспитывать свое потомство, то в «Городе Солнца» это отвергается.

В духе идей Платона и Аристотеля Кампанелла регламентирует и наиболее оптимальный возраст улучшения демографического потенциала. У женщин – это возраст не ранее девятнадцати лет. У мужчин – не раньше двадцати одного года. А для тех, кто имеет слабое телосложение – и позже: «те же, кто воздерживается от совокупления до двадцати одного года, а тем более до двадцати семи, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях». В городе Солнца ценятся не приданое и обманчивая знатность рода (вспомним также Платона), а природные качества производителей. Выбор супруга (партнера) для процесса демовоспроизводства у Кампанеллы осуществляется в духе Платона, дословно цитируя его: перед брачными отношениями мужчины и женщины на занятиях в палестре, по обычаю древних спартанцев, обнажаются. А общинное руководство определяет, кто способен, а кто вял к совокуплению, какие мужчины и женщины по строению своего тела наиболее подходят друг другу. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами. Если же, кто-то не соответствует этим критериям, их соединяют для детопроизводства по принципу уравнивания: полные – с худыми, худые – с полными, мужчины резкие, быстрые, беспокойные и неистовые – с женщинами полными и кроткого нрава.

Ссылаясь на Платона, Кампанелла регламентирует, что этот подбор должен производиться по жребью, чтобы те, кому не достались красивые жены, и не взбунтовались против властей от зависти и гнева. Тех же, кто недостойн оплодотворять наиболее красивых, властям необходимо хитрить, обманывать при жеребьевке, дабы доставались им не те, коих они сами хотят.

Чтобы получить лучшее качество демографического потенциала Кампанелла в духе науки того времени астрологически обосновывает наилучшее время («стараются уловить время») для зачатия. Эти расчеты, по его мнению, также необходимы и для спокойствия в государстве, ибо «родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходятся и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего происходит великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу».

У Т. Кампанеллы впервые встречается идея, позже поднимаемая и А. Смитом, и Г. Спенсером, и А. Маршаллом (правда, у них это

связывалось с праздным образом жизни женщин из высшего общества), об ослабевании демовоспроизводственных функций у людей умственного труда. Их усиленные умственные занятия «ослабляют жизненные силы, и мозг не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют, и производят из-за этого художочное потомство». В общем – на потомстве гениев природа отдыхает. Поэтому в городе Солнца этого стараются избежать и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми.

Но, если какая-нибудь женщина не забеременеет от одного мужчины, ее сочетают с другим. Если она и тогда не даст плода, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом у жителей города Солнца. Это направлено против того, чтобы никто не предотвращал беременность ради сладострастия. Но если уж женщина забеременела, то в деле укрепления плода она в течение двух недель не занимается физической работой. После этого переходит к спокойным занятиям для укрепления плода и для притока к нему пищи и затем укрепляет себя, постепенно переходя к более усиленной работе. Пищу разрешается им употреблять только здоровую, по предписанию врачей.

Вообще, Т. Кампанелла уделяет большое внимание здоровому образу жизни и профилактике. Мужчины и женщины допускаются к половым сношениям после тщательного омовения каждую третью ночь. В ведении соправителя Любви находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. Описывая образ жизни жителей города Солнца, Кампанелла выступает против праздного образа жизни женщин современного ему светского общества, разрушающего естественное развитие и здоровье не только их, но и потомства. По его мнению, многие прихоти женщин появились из-за их праздности и безделья, портящиеся у них цвет кожи, появление бледности, потерю гибкости и стройности. И потому приходится им краситься, носить высокие каблуки и добиваться красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью. Поэтому в противовес этому в городе Солнца «живут, – заключает Т. Кампанелла, – по большей части до ста лет, а некоторые и до двухсот».

Поднятая Платоном и Аристотелем проблема о соотношения численности населения и ресурсов мыслителями средневековья, рас-

суждавших в традициях Платона и Аристотеля, рассматривалась через возможность как негативных, так и позитивных последствий роста численности населения. Но главной была мысль об общественной полезности увеличения численности населения (Ф. Аквинский, Т. Кампанелла, Т. Мор). Их идеи в XVI-XVII столетиях, в период эпохи первоначального накопления капитала были поддержаны и развиты Ричардом Кантильоном, Томасом Маном (Мэном), Антонио Серром и Сэмюэлем Фортреем, представлявших меркантилистское направление в экономике, которые полагали, что многочисленное население и прежде всего его трудящаяся часть составляет основу мощи и богатства государства.

Это различие в численности трудящегося населения и господствующего класса, а также различие в воспроизводстве их потомства было выявлено Р. Кантильоном. В результате он пришел к выводу, что рост численности населения сдерживается прежде всего экономическими, а не биологическими факторами. Важными факторами, препятствующими реализации способности различных наций и классов к размножению, по его мнению, являются их образ жизни и нормы потребления. И в этом заложены их пределы роста. Утверждая, что численность населения зависит от образа жизни, Р. Кантильон отмечает, что этот образ жизни в свою очередь зависит от технического состояния, умения потреблять и неравенства доходов. Следовательно, если население растет в максимально возможных размерах, то необходимо и больше производить, необходимо равномерное распределение ресурсов и как можно меньше потреблять. Он отмечал, что «для воспитания одного или двух детей до совершеннолетия или трудоспособного возраста необходимо затратить столько продуктов земли, сколько их требуется для прокормления одного взрослого раба ... Отсюда я делаю вывод о том, что ежедневный труд самого никчемного раба равен по стоимости двойному количеству продуктов земли, необходимых для поддержания его существования» [243, с. 464].

Т. Ман, исследуя эффективность труда, выявил его зависимость не только от численности населения, но и от тех качественных и количественных сдвигов, происходящих в населении и прежде всего – от «приспособленности к производству богатств». Он высказал положение о роли производительной части населения, которое позже будет положено в основу концепции А. Смита: «так как людей, жи-

вущих ремеслами, гораздо больше, чем тех, кто добывает плоды земли, то мы должны старательнее всего поддерживать те усилия множества, в которых заключаются наибольшая сила и богатство короля и королевства» [139, с. 87]. А. Сэр в качестве фактора приумножения богатств видел народонаселение: его трудолюбие, изобретательность. С. Фортрей утверждал, что: «для величия и мощи страны нужны главным образом две вещи: быть богатой и быть населенной. Население и изобилие являются причиной одно другого» [139, с. 85]. Наиболее эффективным фактором роста населения у Фортрея выступает иммиграция, а ее препятствующим выступает эмиграция. Поэтому он выступал против переселения английских подданных в Новый Свет [267, с. 15].

Вместе с тем им противостояли взгляды венецианского экономиста первой половины XVIII столетия Дж. Ортеса, а также представителей английской мысли Дж. Стюарта, Д. Таусенда, Р. Уоллеса, Франклина, усматривавших в чрезмерном росте численности населения реальную угрозу перенаселения и считавших, что лишь голод в состоянии заставить бедных трудиться. Опасение перенаселения, существовавшее еще со времен древних греков и римлян, возродилось вновь в конце средневековья. И вообще, если касаться эпох, когда проблема перенаселения становится актуальной, обнаруживается, что их острота, актуальность приходится на периоды разложения изживающихся общественных отношений. Это опасение разделял даже Вольтер, написавший по этому поводу в первой четверти XVIII века статью. Эти опасения разделяли и некоторые другие мыслители, пока наконец эти взгляды в конце XVIII века не были системно развиты Т. Мальтусом, а в современную эпоху они стали ориентиром теории демографического перехода. Так, в частности, Джаммария Ортес развивал идею о том, что биологические виды (включая людей) могут выживать в окружающей среде лишь при определенной (оптимальной) численности.

Союз духовный заключается на земле, а не на небесах

Джон Мильтон (1608-1674 гг.) – автор поэтических сочинений «Комус», «Потерянный рай» и «Возвращенный рай», лирического диптиха «Жизнерадостный и «Задумчивый», элегии «Люсидас», памфлетов «Ареопагитика» и «Защита английского народа», книг

«Иконоборец» и «История Британии», трагедии «Самсон-борец»... Наиболее известны – как бессмертные – его произведения «Потерянный рай» (1665 г.) и «Возвращенный рай» (1671 г.). В них он в аллегорической форме поставил вопрос о праве человека преступать освященную богословием мораль: «Ум – свой особый мир. И он в себе, внутри, способен превратить рай в ад и сделать рай из ада». Еще ранее, в 1644 г. он издал скандальный для своего времени трактат «О разводе» («Doctrine and Discipline of Divorce»). Перевод этой работы Дж. Мильтона на русском языке отсутствует. Как отсутствует и его имя в философских, социологических и демографических энциклопедиях, справочниках и словарях. И только в «Советском энциклопедическом словаре» (1980 г.), также в его последующем переиздании упоминаются и имя Дж. Мильтона и работы «Потерянный рай» и «Возвращенный рай» (на русском языке вышли в 1830 г.).

Трактат «Doctrine and Discipline of Divorce» [См.: 20], направлен против церковной доктрины, по которой брак совершается не на земле, а на небесах. Он обосновывает необходимость изменения брачного законодательства, необходимость разводов. Так, Милтон считает, что каждый из супругов имеет право на развод, а семейные отношения должны определяться не каноническим правом, а правом каждого человека на свободное волеизъявление.

При этом первоочередное право развода имеют бездетные пары, а также в случае обоюдного согласия супругов. Описывая семейную жизнь в браке, заключенному по католическим канонам, отвечающим прежде всего финансовым интересам, он рисует непривлекательную картину, показывая, что в таком браке обе стороны несчастны. И запрещать развод, во-первых, антигуманно, а во-вторых, противно идее божественной справедливости.

Основопологающей идеей Мильтона является положение, что брак представляет юридический договор между двумя заинтересованными сторонами. Если стороны не выполняют его условия, его можно расторгнуть. Это дает основание считать брак не божественной церемонией, а гражданским актом. А при необходимости его расторгнуть следует обращаться не к церкви, а в суд. Брак – это союз духовный, объединяющий два влюбленных сердца, две души, а значит любовь – основа брака: «Любовь должна не затуманивать, а освежать, не помрачать, – констатирует он, – а осветлять мысли, так как гнездиться она должна в сердце и в рассудке человека, а не слу-

жить только забавой для внешних чувств, порождающих одну только страсть». Таково исходное положение концепции Мильтона. В основанном на любви браке, обе стороны готовы помогать и поддерживать друг друга. Такой брак является высшим проявлением духовности и гуманности. Согласно Мильтону, любовь – это чувство, которое нельзя связывать с чувственностью. Вместе с тем, как считает Милтон, в гармоничном браке жена должна подчиняться мужу, поскольку женщина создана Богом для удовлетворения мужчины. В свою очередь муж обязан быть лояльным по отношению к жене, однако в семье ему принадлежит главенствующая роль. Правда, оговаривается Милтон, в случае, если супруга более благоразумна, нежели ее супруг, то она может быть главой семьи [См.: 20].

Следующее положение Дж. Мильтона: нерасторжимый брак – преступление против гуманизма. Каноническое право, против которого он выступает, полностью игнорирует интересы личности, наделенной душевными переживаниями, потому что церковь воспринимает брак как нечто божественное и вечное, как единство тел и душ, когда только смерть одного из супругов может их разлучить. А если супруг проявляет сексуальную слабость, то такой брак может быть признан недействительным, чего каноническое право не признает. Правда, каноническое право в ряде случаев (измена одного из супругов или другое действие с тяжелыми последствиями) разрешало супругам разойтись (но не развестись). При этом супруги, проживая раздельно, не имели права вступить в повторный брак. Поэтому, однажды пройдя церковную процедуру заключения брака, супруги тем самым приговариваются к пожизненному сосуществованию. А это есть самое настоящее преступление против гуманизма. В общем, проблема брака и развода представляет историю вечной борьбы: борьбы одного – за свободу, а другого – за независимость.

В результате последствием запрещения разводов является несчастливый брак. Прежде всего, указывает Милтон, сама ситуация, когда люди несчастливы в браке, противоречит божественной теории, что в семейной жизни должны царить мир и спокойствие. Спокойствие и счастье семьи основано на любви, а если брак заключен без любви – это профанация брака. Муж, не находящий счастья в своем доме, способен на любой неблагоприятный поступок, он проклинает свою семейную жизнь, его мысли обращены не к Богу, а чтобы найти способ прекращения этого существования. Сексуальные отно-

шения в таком несчастливом браке мучительны. Подобный брак противоречит христианской морали, это варварство и насилие над природой и человеческой натурой. Запрещение развода в таком случае фактически означает «смертный приговор»: жизнь каждого из супругов находится в опасности [См.: 20]. Это отрицательно влияет на сознание людей, что в свою очередь весьма неблагоприятно и для общества в целом.

Таким образом, Дж. Мильтон обвиняет каноническое право в том, что, запрещая развод в случае неудачного брака, оно делает человека несчастным. Он также утверждает, что хотя брак и бракосочетание несут в себе элемент духовности, но все же являются элементами повседневной жизни и именно поэтому не должны входить в компетенцию церкви. Соответственно, если брак получился неудачным, то в соответствии с гражданским законодательством, регламентирующими повседневную жизнь, такой брак может быть расторгнут, обеим сторонам предоставляется развод и право вступать в повторный брак. В определенных случаях развод может также сделать людей счастливыми. Как позже по этому поводу заметил Ж.-Ж. Руссо: «Сколько честных и добродетельных супругов отравляют себе жизнь, потому что они друг другу не подходят» [230, с. 102].

Следуя идеологическим традициям, Дж. Мильтон свои доводы подтверждает анализом текста Библии, исходя из основного религиозного постулата – терпимости, милости и прощения. Христианская религия признает, что человек грешен, и если человек признает свой грех, он может быть прощен. И если супруги ошиблись в выборе друг друга, то исходя из основной идеи Евангелия – прощения, милости и сострадания, Дж. Мильтон логически обосновывает необходимость законно развестись в случае неудачного, неблагополучного брака. Как видно, он опирается, с одной стороны, на христианские идеи милости и сострадания, и с другой – на естественное стремление каждого человека быть счастливым, несмотря на все его прегрешения. И вместо взаимной ненависти в неблагополучной семье он предлагает развод как решение всех проблем несчастливой семьи, что прежде всего отвечало интересам английской монархии, для которой проблема развода в первой половине XVI века стала острой государственной проблемой. Но для большинства населения развод, который позже стал дозволенным, был обременительным, он являлся привилегией только богатых. Так, плата за бракоразводный процесс

была настолько велика, что развод был почти недоступен для состоятельных людей. К тому же во всей стране имелось только одно бракоразводное судебное учреждение – в Лондоне.

Напомним, что более чем за столетие до этого – в 1533 г. 42-летний английский король Генрих VIII спустя 24 лет совместной семейной жизни из-за отсутствия наследников начал бракоразводный процесс с 48-летней испанской принцессой Екатериной Арагонской. Папа Климент VII, не желая ссоры с самой могущественной в то время страной – Испанией, не разрешил этот развод, что не остановило Генриха VIII. Жесткая позиция католической церкви, не санкционировавшей развод, послужила для Англии одним из поводов для разрыва отношений с папой римским и проведения в стране Реформации. Генрих женился на 25-летней красавице Анне Болейн, которая в тот же год родила дочь. Спустя 3 года Анна Болейн была обвинена в супружеской неверности, что считалось государственной изменой, и была казнена. Историки считают это обвинение безосновательным, полагая причиной охлаждение короля, во-первых, отсутствие у новой королевы наследников по мужской линии, во-вторых, попытку королевы играть активную роль в политической жизни (зачатки современного феминизма) и, в-третьих, разногласия королевы по имущественным церковным проблемам с иерархами новой церкви. Позже, почти всю жизнь проживший закоренелым холостяком, А.П. Чехов заметил, что измена мужу или жене не является преступлением, главное – не изменить родине. Дочь же Генриха VIII и Анны Болейн – Елизавета I, взойшедшая на английский престол в 25-летнем возрасте, и не вступившая в брак (словно по семейному опыту своих родителей осознавала то, что позже афористически отметил Ж.Б. Мольер, что из всех вечных вещей любовь длится короче всего), правила страной 45 лет и считается одной из самых успешных (наряду с королевой Викторией) королев в истории страны.

Дж. Мильтон был первым, кто дал обоснование возможности и необходимости развода, поднял проблемы сосуществования супругов в семье, чтобы столетиями позже развод стал реальностью для тех людей, для которых брачные узы означали потерю свободы, а для женщины, зачастую, тиранию мужа, настоящий кошмар. В сороковых годах XIX века к проблеме разводов обращался и К. Маркс. Но Маркс из приоритета общественных отношений по сравнению с личностными проблему разводов рассматривает совсем иначе, чем Дж.

Мильтон. К. Маркс в центр своих рассуждений ставит интересы семьи и прежде всего детей, а Дж. Мильтон – интересы только двух индивидов.

Статистика как остановившаяся история

Историческим первыми формами информации о населении были своеобразные древнейшие переписи населения, учет материальных и людских ресурсов в масштабе государства, отдельного города или поместья. Так, один из древнейших способов переписи населения, своеобразный смотр способного к войне мужского населения состоял в том, что каждый потенциальный воин приносил в определенное время и место, например, камень или наконечник стрелы. И по объему образовавшегося возвышения судили о собственной мощи и готовности вести военные действия. В последующие времена (например, в Афинах) стал вестись регулярный учет естественного движения населения, материалы которых использовал в «Политике» Аристотель. Зафиксирован и случай научной обработки официальных демографических данных в конце II – начале III веков нашего времени римским юристом Ульпианом, попытавшего для разных возрастных групп определить продолжительность жизни [96, с. 251].

Считается и небезосновательно, что научный подход в истории демографии связан с выходом в январе 1662 года в Лондоне работы торговца сукном, члена совета государственного управления г. Лондона капитана городской милиции **Джона Граунта** (1620-1674 гг.) с длинным, но привычным для того исторического периода названием «Естественные и политические наблюдения, перечисленные в прилагаемом оглавлении и сделанные над бюллетенями смертности Лондона. По отношению к управлению, религии, торговле, росту, воздуху, болезням и разным изменениям означенного города». Исходя из названия этой работы, название которой является и своеобразной ее аннотацией, «политические наблюдения» Граунта имеют отношения к торговле (как торговца сукном) и управлению (как члена совета по управлению), а его «естественные наблюдения» уже касаются стран, времен года, рождаемости, здоровья, соотношения полов и возрастов человека. Эта работа, положившая начало современного демографического знания, называемая в справочниках как «Наблюдения о смертности в Лондоне», является первой эмпириче-

ской попыткой анализа статистических материалов, относящихся к населению, где он писал: «можно было бы задать вопрос, какова цель этого трудоемкого вышеживания и этой систематизации? Узнать численность населения? Сколько имеется мужчин и женщин? Сколько состоящих и не состоящих в браке? Сколько женщин способно родить? Сколько есть семи- или десятилетних детей? В общем я бы на это ответил, что тем, кто не может себя уяснить значение этих исследований, не стоит и утверждать себя такими вопросами ... Я бы ответил также, что великое наслаждение в том, чтобы из скудных прези-раемых книг регистрации смертей добыть столько глубоких и неожиданных выводов ... Основа и неперменные части честной и безвредной политики состоят в том, чтобы знать землю и работников, ее населяющих, которыми надо управлять сообразно с их внутренними способностями и случайными различиями между ними» [295, с. 31].

Эта дата выхода книги одновременно считается официальной датой рождения демографии, хотя название это она такое название получила позже – спустя два столетия. Эта работа в духе присущего Новому времени определила образец и новаторский подход для многих последующих исследователей народонаселения – численному изучению населения или «политической арифметики». За эту работу ее автор был принят в Королевское научное общество. Работа Дж. Граунта кроме анализа статистических демографических материалов представляет собой и попытку построения модели стационарного населения. Вместе с тем «рождение» новой науки не является делом одиночки, каким-то внезапным ее открытием. Предпосылки ее рождения, а потом и становления сформировались предыдущими работками проблем народонаселения.

Граунт считал, что надежные и достоверные сведения о состоянии страны позволят людям «не надеяться на то, что невозможно» и тем самым рационализировать свою деятельность. Он изучил данные о погребениях и крещениях в Лондоне за 60-летний период (с 1604 г.), а о погребениях по причинам смерти за 1629-1636 гг. и 1647-1660 гг. [296, с. 188]. И на их основе он критически отнесся к некоторым данным того времени о народонаселении. Так, он отмечал, что при регистрации данных о смертности через англиканскую церковь не учитывались люди иных вероисповедований. Величины этой неполноты он оценивал примерно в 15%. Также были проблемы и с величиной рождаемости, так как обряд крещения не был обяза-

тельным и определенное число рождений не фиксировалось или фиксировалось в другом месте. Он также произвел подсчеты по площади Лондона, числу в нем домов и семей. В результате он по косвенным данным впервые исчислил населения Лондона – 384 тыс. человек. Введение Граунтом в исследовательский оборот церковных бюллетеней о смертности побудило последующие поколения ученых искать подобные и находить новые источники информации о населении, дало начало исследований о половозрастной структуре, рождаемости и смертности населения, ставших впоследствии основными демографическими показателями.

По аналогии с «телом физическим», природой, он рассматривал свой объект изучения (государство) – как «тело политическое», в котором все части взаимосвязаны, не случайны, находятся в определенном соотношении друг с другом. Земля и люди, согласно Граунту, определяют уровень благосостояния «политического тела», формулируя свое научное положение «рабочие руки – отец и земля – мать и лоно богатства» [96, с. 261]. Именно изучив эти компоненты государственного целого, считал Дж. Граунт, можно судить о его состоянии, благополучии или недуге. В духе физиократической системы население представляло для него первичный интерес, а земля рассматривалась комплексно как среда обитания, включая месторасположение, воздух, сезоны года и другие факторы.

Дж. Граунт привлек внимание к необходимости изучения широкого круга демографических явлений. Анализируя, как данные официальных бюллетеней о естественном движении населения, начиная от крещения и смертности, так и другие (косвенные) данные, он выявил ряд статистических регулярностей (закономерностей) в кажущихся случайными событиями постоянного движения, сменяемости населения: норма детской смертности (36% из 100 новорожденных умирали, не достигая возраста 6 лет); соотношение рождений по полу (для Лондона на 14 рожденных мальчиков приходилось 13 девочек; в современных единицах измерения это означает, что на 100 девочек приходилось 107-108 рождений мальчиков); повышенная смертность в городских условиях; более высокая рождаемость в сельской местности; сезонные колебания смертности (осенью их количество, как и количество заболеваний увеличивается); существование благоприятных и неблагоприятных в демографическом плане эпидемиологических годов и др. Им на материалах Лондона в двух

видах была составлена таблица (получившая название таблицы Граунта): дожития до определенного возраста и смертности в определенном возрасте, что позволило ему установить не только общую численность населения, но и судить о его возрастной структуре. На этих материалах он попытался исчислить порядок вымирания поколения путем определения численности населения доживших до возраста, оканчивающегося на цифру 6 (6, 16, 26, 36, 46, 56, 66, 76 и 86):

Возраст, лет	Число доживающих	Возраст, лет	Число доживающих
0	100	46	10
6	64	56	6
16	40	66	3
26	25	76	1
36	16	86	0

И хотя в современной демографической литературе на основе того, что Граунт не располагал данными о возрасте не только живущих, но и умерших, за исключением умерших в возрасте до 6 лет, были высказаны сомнения в достоверности указанных им результатов, тем не менее его методологический подход является ценным. Так, М.В. Птуха отмечал, что хотя таблица смертности Граунта не дает правильного представления о смертности жителей Лондона в середине XVII в., но ее огромное научное и практическое значение заключается в ином: «Граунт первый в конкретной форме осознал и, главное, осуществил на практике изучение смертности в форме вымирания поколения новорожденных» [219, с. 98-99]. Также более поздние исследователи были не согласны с определением им средней продолжительности жизни в Лондоне. По его данным средняя продолжительность жизни населения Лондона в середине XVII века составляла около 18 лет. Более поздние исследователи считают, что этот показатель для того периода столицы Англии составляет около 30 лет [219, с. 205].

Таким образом, заслуга Джона Граунта для демографии и впоследствии социологии состоит в том, что он установил, что в демографическом поведении, в массовых социальных явлениях, даже в тех, по которым нет фиксированных данных, существует определенный порядок, который можно эмпирически доказать. Знание этого всего имеет важное значение, ибо приводит, напомним и это подчер-

кивает Граунт, к «глубоким и неожиданным выводам», так как «основа и непеременимые части честной и безвредной политики состоят в том, чтобы знать землю и работников, ее населяющих, которыми надо управлять сообразно с их внутренними способностями и случайными различиями между ними» [295, с. 31]. И, являясь прародителем демографии, он создал прообраз будущего органистического направления молодой социологии XIX века [96, с. 261].

Условия демографического развития

Эпоха Просвещения потребовала преобразования окружающей человека среды. В плане демографического развития первейшим фактором стала природная среда, которой и ныне уделяется немалое внимание. И первым, кто акцентировал на этом внимание, стал Президент французского Парламента просветитель **Шарль Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье** (Монтескье) (1689-1755 гг.), который по авторитетному мнению Р. Арона является одним из основоположников социологической доктрины [12, с. 33]. А среди направлений социологической мысли его часто рассматривают как основоположника географической школы. Тот новаторский подход, который свойственен его социальной концепции, состоит в попытке объяснить социальные процессы на основе естественных факторов. Монтескье сыграл плодотворную роль в общественной мысли, который, несмотря на некоторую наивность, и сегодня не исчерпал своей методологической актуальности. Среди этих факторов жизнедеятельности общества он акцентирует внимание на физических и моральных факторах, а среди физических – на климат, почву и рельеф местности. И социальные законы «должны соответствовать физическим свойствам страны, ее климату – холодному, жаркому или умеренному, качествам почвы, ее положению, размеру, образу жизни ее народов – земледельцев, охотников или пастухов, степени свободы, допускаемой устройствам государства, религии населения, его склонностям, богатству, численности, торговле, нравам и обычаям», которые и образуют то, что называется «духом законов» [7, с. 541]. Среди важнейших факторов общественной жизни Ш. Монтескье вслед за торговлей и денежным обращением выделяет демографические проблемы, а также религию. Но самое главное, по мнению Монтескье,

они взаимосвязаны между собой и их нужно рассматривать со всех этих точек зрения.

В демографическом плане для него важной является проблема численности населения, которая определяет политическую форму государственного правления. У Монтескье демографическая проблема с исторической точки зрения представлена в двояком плане. Монтескье, как до него Страбон и Диодор Сицилийский и позже Кенэ и Мирабо-отец, полагал, что население непрерывно убывает, что, впрочем, в отношении Франции XVII века проиллюстрировал Ф. Кенэ. Поэтому он ведет речь о необходимости борьбы с сокращением численности населения. В 112-м письме «Персидских писем» (1721 г.) им было высказано убеждение, что в мире происходит непрерывный процесс обезлюдения: «теперь на Земле осталась едва десятая часть людей, живших на ней в древности. И удивительно то, что ее население уменьшается с каждым днем, если так будет продолжаться, через десять столетий она превратится в пустыню». Монтескье полагал, что части земного шара, которые он обозрел, возможно, опустеют еще больше, чем теперь. Однако, по всей вероятности, пока будет существовать Земля, останутся и населяющие ее люди. Возможно, считал он, что для ее существования это столь необходимо, как наличие земли для Вселенной.

Монтескье не сомневался, что народы, населявшие Палестину, острова Средиземного и Эгейского морей, Малую Азию, Африканское побережье Средиземного моря, Колхиду, Персию, Англию, Германию, Данию, Швецию, Россию были ранее гораздо более многочисленными, чем теперь. Но на всей земле они занимали только $\frac{3}{4}$ Европы, часть Азии и небольшое пространство Африканского побережья, т.е. эти местности были ранее более заселены, но не вся земля в целом. Но одним географическим фактором в демографии он не ограничивался. Монтескье говорит, что персы не были бы столь многочисленными, если бы их религия не учила, что самое угодное для бога дело – родить ребенка, вспахать поле и посадить дерево. Христианство же не заботит заселение земли, его истинной целью является заселение неба.

Наряду с рядом интересных мыслей в то же время его утверждения о процессах обезлюдения, а также другие утверждения (к примеру, «индийцы от природы лишены мужества») ничем не обоснованы. Но эти рассуждения должны быть поняты – весь пафос об-

личительства Ш. Монтескье направлен на критику абсолютистских феодальных порядков и поддерживающих его христианских догм. И эта «самая ужасная катастрофа», по его мнению, вызывается «внутренним пороком, тайным и скрытым ядом, медленной болезнью, подтачивающим человеческий род».

Заслуживает внимания в социологическом плане, сформулированный Монтескье принцип географического детерминизма. По его мнению, большинству обществ всегда угрожает нехватка численности людей. Эта его позиция способствовала господству в XVIII веке убеждению, что человечество еще с глубокой древности страдало от малочисленности. Как отмечает А. Сови, эта теория господства с циничной наивностью была воплощена в утверждении «следует умножать численность подданных и скота» [243, с. 210]. Однако Монтескье известны и случаи противоположного рода, когда общество озабочено чрезмерным ростом населения по сравнению с имеющимися жизненными ресурсами. В этой связи проблемы торговли и населения у него взаимосвязаны, так как они в итоговом плане характеризуют общественную жизнь, прежде всего воздействуя на другие стороны жизни общества.

Географическая среда (климат и рельеф местности, а климат у него представлен упрощенно, в противопоставлении: холодный – жаркий, умеренный – крайний) для Ш. Монтескье является основой демографического развития, ибо физическая среда лимитирует количественные характеристики общества, а, следовательно – и число жителей. В ряде случаев Монтескье в прямую зависимость от климата ставит темперамент, чувствительность, манеру поведения людей. И это отражается в его социологической концепции «духа народа»: «В северном климате вы увидите людей, у которых мало пороков, немало добродетелей и много искренности и прямоты. По мере приближения к югу вы как бы удаляетесь от самой морали: там вместе с усилением страстей умножаются преступления»; «в странах умеренного климата вы увидите народы, непостоянные в своем поведении и даже в своих пороках и добродетелях»; «в климате чрезмерно жарком ... человек ко всему равнодушен, не любопытен, не способен ни на какой благородный подвиг, ни на какое проявление великодушия, все его склонности приобретают пассивный характер, лень становится счастьем, там предпочитают переносить наказания, чем принуждать

себя к деятельности духа, и рабство кажется более легким, чем усилия разума, чтобы самому управлять собою» [7, с. 543-544].

С географическими факторами он связывает и ментальные особенности народов, считая, что «характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах» [7, с. 542]. Эти ментальные особенности проявляются в различии сексуального поведения: «В южных странах организм нежный, слабый, но чувствительный, предается любви, которая беспрерывно зарождается и удовлетворяется в гареме, а при более независимом положении женщин связана с множеством опасностей» [7, с. 543].

Эти ментальные особенности, считает Монтескье, проявляются и в размерах государств и в их политическом устройстве: «в Азии всегда были обширные империи; в Европе же они никогда не могли удержаться». Поэтому, по его мнению, «власть в Азии должна быть всегда деспотической», «в Европе в силу ее естественного разделения образовалось несколько государств средней величины» [7, с. 544]. Отсюда, делает вывод Монтескье, «каждая страна в Европе с большим трудом подчиняется посторонней силе». «Напротив, в Азии царит дух рабства, который никогда ее не покидал» [7, с. 543-544].

В ряде других рассуждений об определяющих факторах Ш. Монтескье касается соотношения численности населения и существующих ремесел, т.е. тех факторов, которые в более поздней проработке демографических проблем стали основополагающей проблемой – взаимосвязи численности населения, средств производства и организации труда. В этом плане Монтескье обвинял водяные мельницы в том, что они «лишили рабочих их работы». За столетие до “борьбы” Монтескье против водяных мельниц эта тенденция была сатирически отражена М. Сервантесом. В осмеянии-прославлении борьбы Дон Кихота против ветряных мельниц М. Сервантес показал бесплодные попытки остановить технический прогресс, борьбу против новых общественных отношений, борьбу характерную для периода перехода от одних общественных отношений к другим. К сожалению, в этой борьбе Дон Кихота многие современные российские режиссеры и артисты видят борьбу против миражей, за гуманистические идеалы. Но и Сервантесом и Монтескье была показана многогранная взаимосвязь социальных, политических, экономических, духовных и технологических факторов. В этой связи французский философ постмодернизма Жиль Делёз констатировал, что «технология

представляет собой явление прежде всего социальное, а потом – техническое». И Монтескье в определенном смысле понял, угадал роль конкретно-исторических условий в социальном развитии, в том числе и в демографическом развитии.

Однако, как видим, его подход к этой проблеме не выходил за рамки механистического способа мышления. Монтескье, конечно, переоценивал влияние природных и климатических условий на формирование общественной жизни, как и абсолютизировал определяющую роль законов в реальном общественном развитии. Но для своего времени это был прогрессивный подход, который в совокупности с другими факторами актуален и сегодня. Прежде всего значимым стал его методологический подход – поиска закономерностей общественного развития и влияния на эти закономерности демографических составляющих общества.

Большой интерес представляют его сравнительно-исторические экскурсии разных стран и народов. В центре внимания Монтескье находятся такие страны, как Англия и Франция в Европе, Турция, Китай и Япония в Азии. Отведено место в этом экскурсе и России. Его критика российского деспотизма была высоко оценена А. Радищевым, А. Пушкиным, П. Чаадаевым.

Аксиомы, задевающие интересы людей

В своем становлении современная демография более других прежде всего обязана экономистам. Они демографические проблемы рассматривали во взаимосвязи с экономическими и социальными проблемами. Первым в этом ряду стоит **Франсуа Кенэ** (1694-1774 гг.). Он, как и свою экономическую теорию в целом, так и демографическую проблему, в отличие от последующих мыслителей разрабатывал системно – с экономических и социальных позиций государства, что признавал и отмечал К. Маркс: в лице Ф. Кенэ «система физиократов является первой системной концепцией» [148, с. 405]. У него демографические проблемы представлены наиболее системно. Также и демографические идеи своей эпохи – эпохи перехода к новым социально-экономическим отношениям им представлены систематизированно.

А. Смит и К. Маркс экономические проблемы связывали с позиций субъекта хозяйствования – капитала. В подготовленной (1756

г.) для Энциклопедии Д. Дидро статье «Люди» («Население») известной концепции Ж. Бодена «Люди – единственное богатство» Ф. Кенэ противопоставлял свою концепцию «Без богатства нет и людей». Это противопоставление отражало проблему причинно-следственной связи: что – причина, а что – следствие; является ли рост численности населения причиной роста богатства или богатство создает предпосылки для увеличения численности населения? Кенэ связывал рост численности населения с ростом богатства: «следует меньше стремиться к увеличению численности населения и больше к увеличению национального дохода, ибо создание условий, обеспечивающих извлечение большого удовлетворения из хорошего дохода, предпочтительнее, чем положение, когда численность населения превышает его доход – оно постоянно испытывает острый недостаток средств существования» [102, с. 411, 432; 157, с. 249]. Но его идеи тогда не были озвучены, ибо эта статья в энциклопедию не была включена, она увидела свет только в 1908 г. Или, как заметил А. Маршалл, «по существу, почти никакого внимания не обратили на сдержанный, но убедительный протест Кенэ» [157, с. 249].

То, что его статья тогда не была опубликована, выявляет еще одну особенность развития демографической науки – с Ф. Кенэ начинается настороженность к демографическим публикациям, ибо они затрагивают то, о чем позже писал В.И. Ленин, перефразируя мысль Лейбница, что, если бы геометрические аксиомы задевали интересы людей, они бы опровергались. В одних случаях, как в отношении Ф. Кенэ и М. Ломоносова, их демографические работы стараются замолчать, не публиковать. Так, статью Кенэ не публиковали полтора столетия. Отметим, что в той же Энциклопедии Д. Дидро, которая неприязненно была встречена католической церковью и папским эдиктом внесена в разряд запрещенных книг, была опубликована статья «Народонаселение» (автор – историк-просветитель Э. Дамилавиль) [296, с. 191], в которой демографическое развитие описывается благодушно. Также было в запрете в течение более столетия и демографическое письмо М.В. Ломоносова своему покровителю графу И.И. Шувалову. В других случаях, яркий пример тому Мальтус и Сисмонди, их взгляды подвергаются критике. В третьих случаях, как в советские времена, их засекречивали и одновременно подвергали критике. А все начиналось с Франсуа Кенэ.

Ф. Кенэ связывает прямой зависимостью рост численности населения, занятости и доходов. По его мнению, на увеличение численности населения страны влияют доходы нации: «Могущество государства составляют люди: благодаря их потребностям растут богатства; чем больше народы увеличивают продукцию, в которой они нуждаются, и чем больше они ее потребляют, тем они становятся богаче». Потому «от использования труда людей и от роста населения зависит сохранение и увеличение богатств наций, постоянно возрождающихся и возобновляющихся» [102, с. 183].

В демографическом плане физиократическая позиция Кенэ состоит в том, что для него население представляет интерес лишь с точки зрения производства, потребления и его прироста: «Богатства и население сохраняются лишь при достатке, который создается богатствами же». В противном «люди должны искать в другом месте средства существования, государство беднеет и лишается населения» [102, с. 201, 211]. Их предпосылкой является наличие благоприятных социально-экономических условий: «Люди собираются и плодятся повсюду, где они могут приобрести богатства, жить в довольстве и спокойно владеть в качестве собственников тем, что добыто их трудом и усердием» [102, с. 207].

И Ф. Кенэ дает характеристику ряда факторов развития Франции, способствующих росту богатства и, как следствие – увеличения численности населения. А также в противовес описывает те негативные условия, в результате действия которых население уменьшается. К благоприятствующим факторам он прежде всего относит географический фактор, который у Ш. Монтескье является доминирующим. Для Кенэ такими преимуществами страны, связанными с географическими условиями, является развитие отраслей ее экономики (хозяйствования). Это – наличие земельных ресурсов, развитие земледелия, виноградарства, ряда промыслов. Наряду с географическими условиями он считает важными и социальные факторы – наличие различных социальных групп, развитие новых технологий и, особенно, проведение активной торговой политики. По его мнению, «чем больше людей будет с пользой (подчеркнуто нами – А.З.) занято в земледелии и во внешней торговле, тем сильнее увеличиваются наши богатства и наше население» [102, с. 220-221], «внешняя торговля, полностью активная, должна умножить численность населения» [102, с. 215].

Данная Кенэ характеристика влияния на демографические процессы внешней торговли (полностью активной) выполняет методологическую роль в оценке проводимой ныне Беларусью внешне-торговой и внешнеэкономической политики. Той политики, которая им названа – химерической. И во времена Кенэ, как и ныне у нас, это мотивировали тем, что «для того, чтобы сохранить деньги, полученные от торговли полностью активной, надо, чтобы народ не покупал никаких товаров за границей» [102, с. 215]. Ф. Кенэ же с такими внешнеэкономическими условиями не согласен. Ведь «частные лица, имеющие деньги, желают пользоваться ими и приобретать иностранные товары, нужные им для удовлетворения их. Очень важно, чтобы государство не стесняло ни потребление, ни торговли. Поэтому надо предоставить гражданам свободу в расходовании денег и не терять приток из виду выгоды, протекающие из этого сбыта собственной продукции» [102, с. 215-216].

В противовес химерической конструкции он предлагает другую: «если рассматривать людей только с точки зрения пользы, приносимой ими государству, то окажется, что рабочие, занятые в своей стране, не более полезны, чем чужие, производящие изделия, которые продаются нам. Ведь потребление ими продуктов, продаваемых нами и стоящих столько, сколько труд этих рабочих, нам так же выгодно, как если бы это потребление происходило дома. Поэтому хотя это не наши люди, но они дают нам прибыли, а она способствует росту нашего населения. Чем больше мы увеличиваем свои богатства вследствие расширенного потребления наших продуктов за границей, тем сильнее растет наше население» [102, с. 217]. По Кенэ, страна, открывающая свои границы для внешней торговли, сохраняет возможности прокормить не только наличное население, но и население по численности гораздо большее. Именно с такими химерическими подходами ряд стран постсоветского пространства сегодня сталкиваются во внешнеэкономической деятельности. Примером такой химеры является предложение Минздрава Республики Беларусь запретить продажу в аптеках зарубежных лекарств и медицинского оборудования, аналоги которых производит Беларусь.

Кроме вышеизложенного политико-экономического обоснования действий демографических процессов Ф. Кенэ дает характеристику и их социального характера, а также сугубо демографических явлений. Среди социальных проблем, повлиявших на потерю за сто-

летие (в XVII веке) почти трети населения Франции – с 24 до 16 млн. чел., он выделяет постоянные войны, а также проведение внутренней милитаристской политики. Негативная роль армии в демографическом развитии (солдаты не могут жениться) означает, по его расчетам, сокращение за 30-летие населения Франции на 1200 тыс. чел. Анализируя с позиций демографического развития села практику призыва в ополчение, Ф. Кенэ считает, что численность населения на селе за 30-летие сократилась на 2 млн. И прогнозирует: «если такое положение будет продолжаться, то деревня обезлюдует за срок менее одного века» [102, с. 191]. И исходя из физиократического подхода он на основе имеющихся земельных ресурсов делает вывод, «что для такого большого государства, как Франция, население в 16 миллионов человек чрезвычайно мало» [102, с. 186].

Интерес представляют приводимые Ф. Кенэ данные в отношении ряда демографических явлений – смертности и, особенно, детской смертности, а также влиянии на рождаемость состояния нравственности. В отношении смертности он отмечает большую детскую смертность: «из детей до двухлетнего возраста умирает больше одной трети». А кроме этого в возрасте от двух до 16-17 лет умирает еще около одной четверти детей [102, с. 185].

Говоря о нравственности и ее влиянии на демографические процессы Ф. Кенэ констатирует: «распущенность нравов сильно сокращает число браков в Париже. Но в деревне матери кормят не только своих детей, но и детей буржуазии, поэтому они не могут рожать чаще, чем раз в три года» [102, с. 187]. А анализируя брачную ситуацию в Париже, он фиксирует низкий уровень рождаемости среди коренных жителей столицы Франции. И только рост миграции в направлении Парижа позволяет поддерживать численность населения столицы «за счет провинций».

По сути дела, это был первый социолого-экономический анализ демографического развития тогдашней Франции. И социолого-экономический вывод: «рост богатств нации дает ей возможность достичь еще большего роста этих богатств, а также населения и могущества страны!» [102, с. 239].

Что не заметили у Адама Смита

В этом XVIII в. Адам Смит (1723-1790 гг.) на основе трудовой теории стоимости формулирует Закон накопления и Закон народонаселения, связывая их: «самым бесспорным свидетельством процветания всякой страны служит возрастание численности ее населения» [238, с. 67]. Эти два его «великих» закона заложили политико-экономические основы теории народонаселения: рост богатства приводит к росту заработной платы, что способствует увеличению численности населения: «высокая оплата труда, будучи последствием возрастания богатства, вместе с тем является причиной роста населения. Жаловаться по поводу ее значит оплакивать необходимые следствия и причины величайшего общественного благосостояния» [238, с. 75]. И «спрос на людей, как и спрос на всякий иной товар, необходимо регулирует производство людей – ускоряет его, когда оно идет слишком медленно, задерживает, когда оно происходит слишком быстро. Именно этот спрос регулирует и определяет размножение рода человеческого во всех решительно странах мира, в Северной Америке, в Европе и Китае; он вызывает быстрое размножение в первой, медленное и постепенное во второй и держит население на стационарном уровне третьей» [238, с. 74]; «спрос на работников увеличивается, тогда как предложение их уменьшается. Таким образом, цена на труд в годы дешевизны часто повышается» [238, с. 76].

А. Смит в противовес Ф. Кене основой богатства в демографическом плане считал не вообще рост численности населения (от которого выигрывают только землевладельцы – ведь в этом случае надо увеличивать производство еды), а рост численности населения, занятого производительным трудом. В его «Исследовании о природе и причинах богатства народов» дан первый экономико-социологический анализ демографического развития современных ему Шотландии, Англии, Северной Америки, тенденций брачности, рождаемости, смертности и миграции, которые А. Смит связывал прежде всего с уровнем благосостояния, проблемами классового характера.

С экономико-социологической точки зрения демографическая позиция А. Смита отражена через приведенные им взгляды Р. Кантильона. И хотя между ними был почти 40-летний промежуток А. Смит солидарен с позицией Кантильона: заработная плата рабочего «долж-

на по меньшей мере быть достаточной для его существования», так как «в противном случае ему было бы невозможно содержать семью, и раса этих рабочих вымерла бы после первого поколения». Причем, «рабочий самого низшего разряда должен зарабатывать по меньшей мере вдвое больше того, что необходимо для его личного содержания, дабы он мог вырастить двух детей» [238, с. 66]. Это обусловлено высоким уровнем детской смертности, ибо половина детей умирает до достижения совершеннолетия. «Следовательно, согласно такому расчету, чета беднейших рабочих должна пытаться вырастить по меньшей мере четырех детей, чтобы двое из них достигли совершеннолетия» [238, с. 63]. На современном демографическом языке это означает, что суммарный коэффициент рождаемости (т.е. число детей, рожденных одной женщиной в течение всей своей жизни), должен быть равен четырем, а нетто-коэффициент воспроизводства (число детей, рожденных одной женщиной, которые дожили бы до репродуктивного возраста) – двум.

В этой связи Смит приводит рассуждения Р. Кантильона: «расход на содержание стольких (т.е. четырех – А.З.) детей, как полагают, приблизительно равен стоимости содержания взрослого рабочего. Труд сильного раба признается имеющим вдвое большую стоимость, чем расход на его содержание, а труд самого простого рабочего не может стоить меньше труда сильного раба. Ввиду этого представляется несомненным, что для содержания семьи труд мужа и жены, даже для низших разрядов простейшего труда, должен приносить несколько больше того, что абсолютно необходимо для их собственного содержания». И далее в отношении упомянутой пропорции А. Смит замечает: «я не берусь, впрочем, определить, насколько именно больше» [238, с. 66].

А. Смит фиксирует особенность, характерную для доиндустриальной экономики: «что большое количество детей не только не служит обузой, но является источником богатства и благополучия для их родителей» [241, с. 67]. Он подчеркивает полезность детей для семьи: «Труд каждого ребенка до той поры, когда он в состоянии покинуть родительский дом, приносит родителям, как высчитывают, сто фунтов стерлингов чистого барыша» [238, с. 67]. В некоторых странах эту полезность детей создавала более благоприятные возможности для повторного замужества молодым вдовам с детьми: «За молодой вдовой с четырьмя или пятью малыми детьми на руках, ко-

торая среди средних или низших слоев населения в Европе имела бы мало шансов вступить вторично в брак, — отмечает Смит, — здесь часто ухаживают, как за какой-то находкой» [238, с. 67].

Эта полезность детей исходит из того, «что дети представляют такую большую стоимость и является величайшим из всех поощрений к браку. Нам не приходится поэтому удивляться, что жители Северной Америки обыкновенно вступают в брак очень молодыми. И, несмотря на большой прирост населения, вызываемый столь ранними браками, в Северной Америке не прекращаются жалобы на недостаток рабочих рук. Спрос на рабочих и фонды, предназначенные на оплату их, возрастают, по-видимому, еще быстрее, чем число рабочих, предлагающих свой труд» [238, с. 67-68]. Здесь А. Смит ведет речь о прямой зависимости между материальным положением семьи и уровнем рождаемости, а также об экономической полезности детей и их роли в стимулировании браков. Эта наблюдаемая во многих странах демографическая картина и замеченная А. Смитом, несомненно, представляет его социокультурное «ноу-хау», сегодня лежащее в экономических объяснениях высокого уровня рождаемости в доиндустриальной экономике.

Наряду с проблемой рождаемости А. Смит затрагивает и проблему смертности населения: он обеспокоен высокой детской смертностью, что им связывается с экономическим бытом родителей. Точнее — с бедностью: «бедность, хотя она и не предупреждает деторождение, чрезвычайно неблагоприятна для воспитания детей» [238, с. 73], «такая смертность повсеместно встречается, главным образом, среди детей простонародья, которое не может окружить их таким уходом, каким пользуются дети более обеспеченных родителей» [238, с. 73]. И он приводит примеры из жизни своей родины: «в Горной Шотландии нередко встречаются матери, родившие двадцать детей и сохранившие в живых только двух» [238, с. 73]. Еще двумя десятилетиями ранее подобное в отношении России отмечал М.В. Ломоносов: «много есть столь несчастливых родителей, кои до 10 и 15-ти детей родили, а в живых ни единого не осталось» [134, с. 605].

По утверждению А. Смита такое положение имеет место только в низших слоях населения, что вызвано недостатком средств существования. Именно недостаток средств существования обуславливает высокую детскую смертность и ограничение размножения. «Но в цивилизованном обществе только у низших слоев народа недо-

статок средств существования может ставить предел дальнейшему размножению рода человеческого, и это может происходить только одним путем – уничтожением большей части детей, рождающихся от плодовых браков этих низших классов народа» [238, с. 74].

Он считал, что «бедность не всегда предупреждает браки, хотя, несомненно, затрудняет их. Она, как кажется, даже благоприятствует размножению. Истощенная голодом женщина в горной Шотландии часто имеет более двадцати детей, тогда как изнеженная пресыщенная дама часто неспособна произвести на свет и одного ребенка и обыкновенно оказывается совершенно истощенной после рождения двух или трех детей. Бесплодие, столь частое среди светских женщин, весьма редко встречается у женщин из низших слоев народа. Роскошь, может быть, порождает в прекрасном поле страсть к наслаждениям, но, по-видимому, всегда ослабевает и часто совершенно уничтожает способность к деторождению» [238, с. 73].

Стоит ли соглашаться с таким выводом Смита, который позже повторяют Г. Спенсер и А. Маршалл? На наш взгляд, здесь причина в ином – в западном принципе наследования, основанном на праве старшинства – майората. И в выводах третьей книги Смита этому снижению рождаемости находятся объяснения: «В Европе закон первородства и неотчуждения владений всякого рода препятствует разделу крупных имений и этим затрудняет возрастание числа мелких собственников» [238, с. 306]. И в западном обычае в демографическом аспекте это ориентировало на малую рождаемость, чтобы не плодить бедняков.

А. Смит отмечает высокую смертность среди детей простонародья по сравнению с детьми обеспеченных родителей из-за разности ухода и условий жизни: «Хотя браки у простонародья обычно более плодovиты, чем в высших кругах общества, однако до совершеннолетия доживает меньшая часть их детей. В воспитательных же домах и среди детей, воспитываемых за счет приходской благотворительности, смертность еще больше, чем среди детей простонародья» [238, с. 73-74]; «годы дороговизны обыкновенно бывают для простонародья годами болезней и усиленной смертности, что не может не вызвать уменьшения производительности труда» [238, с. 76].

В основе понимания сути демографических проблем А. Смит исходит из основного принципа рыночной экономики – спроса и предложения, считая его всеобщим для всех стран и для всех времен:

«Заработная плата, выплачиваемая поденщикам и рабочим всякого рода, должна достигать в среднем таких размеров, чтобы давать им возможность поддерживать общее число поденщиков и рабочих на том уровне, какой требуется возрастающим, уменьшающимся или стационарным состоянием спроса общества на них» [238, с. 74].

Как было отмечено выше, у А. Смита рост богатства приводит к росту заработной платы, что способствует увеличению численности населения. В результате каждый компонент из этого цикла находится в причинно-следственной связи с остальными двумя, и рассуждая об изменении какого-либо из них, необходимо учесть и изменения, происходящие в динамике других. Анализируя эту взаимозависимость, Смит рассматривает варианты связей, которые могут возникнуть между ними: «положение рабочих, этой главной массы народа, становится, по-видимому, наиболее счастливым и благоприятным скорее при прогрессирующем состоянии общества, когда оно идет вперед в направлении дальнейшего обогащения, чем когда оно приобрело уже всевозможные богатства. Положение рабочих тяжело при стационарном состоянии общества и плачевно при упадке его. Прогрессирующее состояние общества означает в действительности радость и изобилие для всех его классов, неподвижное состояние общества лишено радости, а регрессирующее – полно печали» [238, с. 75].

Почти современно звучат слова А. Смита и в отношении миграции населения: «Несмотря на все то, что говорят о легкомыслии и непостоянстве человеческой природы, опыт очевидно доказывает, что перемещение человека связано с большими трудностями, чем перемещение какого бы то ни было другого груза» [238, с. 70]. Эта очень актуальная проблема для современного миграционного поведения, отражающего взаимосвязь между экономическим развитием и миграцией, о чем и пишет А. Смит: «если рабочий-бедняк может содержать свою семью в тех местностях королевства, где заработная плата ниже всего, то там, где она выше, она более чем достаточна для этой цели» [238, с. 70]. Т.е. там, где минимальный размер оплаты превышает прожиточный минимум, туда и будет стремиться население. И забота об увеличении населения, безбедном и счастливом его существовании – является главной демографической идеей А. Смита.

Отметим, что начиная с конца XVIII века, когда в известном труде Т. Мальтуса рассматривалась проблема удвоения роста чис-

ленности населения, демографы формулировку этого удвоения связывают с именем Мальтуса. А ведь об этом удвоении более чем за 20 лет до Т. Мальтуса писал А. Смит: «В британских колониях Северной Америки, как установлено, население удваивается в 20 или 25 лет» [238, с. 65, 306]. Т.е. еще до Т. Мальтуса А. Смит утверждал, что население удваивается в двадцать пять лет. Но аналитики почему-то этого не замечают. В этой связи интересно отметить высказывание одного из биографов Т.Р. Мальтуса, что Адам Смит написал книгу, которую все хвалят, хотя никто не читает, Мальтус же написал книгу, которую тоже никто не читает, но все бранят.

Причем, этот период удвоения населения в «британских колониях Северной Америки» А. Смит связывает не с миграцией, а с естественным движением населения, точнее – рождаемостью: «в настоящее время этот рост населения обуславливается главным образом не постоянной иммиграцией новых жителей, а быстрым размножением населения» [238, с. 67]. Отметим также, что Т.Р. Мальтуса часто упрекали в том, что он не принимал во внимание иммиграционный рост американского населения. Как видно из предшествующей констатации А. Смита, Т.Р. Мальтус справедливо отмечал быстрый рост населения США за счет естественного прироста.

Говоря о проблеме удвоения населения, следует отметить, что у А. Смита встречается несколько вариантов временного шага такого удвоения. В частности, сразу после выше цитируемого 20-25 летнего удвоения в Новом Свете, А. Смит пишет: «В Великобритании и в большинстве других европейских стран население, как полагают, удваивается приблизительно в пятьсот лет» [238, с. 67]. А вот в другом месте своего «Исследования о природе и причинах богатства народов», А. Смит, называет уже 50 лет, т.е. в десять раз меньше («В большей части Европы число жителей, как предполагают, удваивается не меньше, чем в пятьдесят лет» [238, с. 306]). Какой временной период у А. Смита является верным из этих двух утверждений? Думается, что вместо 500, вероятнее всего, должно было быть 50 лет, ибо это второе число упоминается в том месте его третьей книги, где А. Смитом подводятся итоги. После которого он еще раз добавляет: «в некоторых из наших североамериканских колониях население удваивается, как это установлено, за 20 или 25 лет» [238, с. 306].

Истоки обоснования геометрической прогрессии в демографии

Обратим внимание на фразы А. Смита в вышеприведенных текстах – «как это установлено», «как полагают», «как предполагают». Это означает, что уже до А. Смита, а тем более и до Т. Мальтуса была сформулирована концепция удвоения численности населения. И тенденция удвоения начала проявляться в ряде стран в XVIII веке. Но для многих (и даже экономистов, демографов и социологов) неизвестно: кем же это было установлено это удвоение, кто же это полагает, кто же это предполагает. И эти вопросы историки экономической, социологической и демографической науки должны осветить.

Мы выдвинем две гипотезы, кто же это мог быть. Во-первых, это мог быть **Ричард Кантильон** (1697-1734 гг.), ибо в своих рассуждениях о демографических процессах и тенденциях А. Смит опирается именно на него. И, во-вторых, это мог быть выдающийся швейцарский математик **Леонард Эйлер** (1707-1783 гг.). Автор не нашел работ Р. Кантильона на русском языке, но французские авторы издания «25 ключевых книг по экономике» сообщают, что в его «Эссе о природе торговли в общем плане» главы с 14 по 16 дают динамичный взгляд на демографические проблемы. Им анализируется взаимосвязь населения и земли через сочетание естественных факторов (плодородие) и потребления (позже именно эта взаимосвязь будет положена в основу выводов Т. Мальтуса). Выстраивая экономические цепи, Кантильон дает динамический анализ демографических проблем, которые, в отличие от более позднего их анализа Т. Мальтусом, не являются пессимистическими. Автор «Эссе» затрагивает многие аспекты: и технический прогресс, и особенности постоянного меняющегося и возрастающего (в терминологии В.И. Ленина) общественного потребления, и социальную иерархию самого общества.

Численность населения и их расселение определяется земельными ресурсами. Р. Кантильон исходит из того, что собственность на землю порождает неравенство людей. При этом он подчеркивает, что равные по размеру наделы земли одинаковой плодородности и обрабатываемые одинаковым способом могут прокормить разное количество людей. Данный феномен он объясняет, как мы сегодня сказали социологически, образом жизни людей.

В свою очередь землевладельцы через любое изменение объема или структуры своего потребления могут повлиять на рост численности населения. Когда собственники используют свои доходы таким образом, что их земля целиком работает на производство ограниченных средств существования для населения, то «люди множатся, как мыши в чулане». Если землевладельцы начинают удовлетворять свой спрос на предметы роскоши, то потребление этих товаров привилегированной группой распространяется и на другие слои населения. В результате своеобразной конкуренции среди класса собственников в погоне за предметами роскоши (в среде этого класса считалось, что, если женщина не имеет золотых украшений, то она ходит нагая) расходы их намного превышают насущные потребности. А так как средств к существованию становится меньше это ведет к сокращению численности населения. Роскошь – это своеобразный феномен последовательного обеднения государства, ведущий к сокращению численности населения: «не требуется много лет, чтобы государство достигло самой высшей степени изобилия, но их потребуется гораздо меньше, чтобы довести его до нужды» [68, с. 24]. Поэтому, констатирует Р. Кантильон: «естественный и постоянный путь увеличения населения – это наличие работы и такое использование земли, которое обеспечивало бы средства его содержания» [68, с. 20-21].

Важное место в развитие демографии принадлежит Л. Эйлеру, взгляды которого к 150-летию со дня смерти в статье «Демографические работы Леонарда Эйлера» исследовал организатор и руководитель Демографического института АН СССР в 1930-е годах В.В. Паевский. Л. Эйлер не является единственным математиком, который активно разрабатывал, как демографические, так и смежные с демографией проблемы. Математическую ветвь в демографии развивали и другие выдающиеся математики, такие как де Муавр, Фурье, Лаплас, Гаусс и др.

Л. Эйлер в сочинениях «Общие рассуждения о смертности и размножении человеческого рода» (1760 г.) и «Исследования о смертности и умножении рода человеческого» (1767 г.), используя различные гипотезы рождаемости и смертности, ввел в оборот концепцию «закрытого» (т.е. не подверженного миграциям) населения. Он впервые подвел математический фундамент под ряд основных понятий демографии, таких, как порядок вымирания или переживания (ныне – таблицы смертности), вероятная (т.е. ныне – ожидаемая)

продолжительность жизни, прирост населения, период его численного удвоения. Он также установил определение величины прироста населения, численности населения в предстоящие годы, численности умерших и т.п. Им также рассмотрена так называемая проблема «законов смертности» или теория повозрастной смертности, к которой, по мнению В.В. Паевского, последующая демографическая наука не прибавила ничего существенно нового. Еще в 1741 г. Л. Эйлер пришел к выводу, что в «закрытом» населении количество родившихся, а следовательно и численность населения, должно расти в геометрической прогрессии [Цит. по: 72].

Конечно, с формальной точки зрения он упрощенно рассматривает предпосылки, как рождаемости, так и смертности. Но этот «формализм» ему необходим для обоснования тенденций в росте численности населения. Так, все браки (Эйлер рассматривает только брачную плодовитость) заключаются в возрасте ровно 20 лет (для обоих супругов). Всякий брак приносит 6 живых детей: 3 мальчиков и 3 девочек. Все рождения происходят двойнями: один мальчик и одна девочка рождаются в годы, когда родителям исполняется ровно 22, 24 и 26 лет. Никто не умирает до возраста 40 лет, но в этом возрасте умирают все. Т.е. он не учитывал, во-первых, зависимость изменения повозрастных коэффициентов рождаемости и смертности, а во-вторых, считал неизменным во все времена возрастную плодовитость.

У Эйлера при этих условиях, начиная от момента, когда первой паре исполнилось 22 года, числа рождений, расположенные через двухлетние интервалы, образуют следующую последовательность:

2, 2, 2, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 4, 6, 4, 2, 0, 0, 0, 0, 0, 2, 6, 12, 14, 12, 6, 2, 0, 0, 0, 2, 8, 20, 32, 38, 32, 20, 8, 2, 0, 0, 2, 10, 30, 60, 90, 102, 90, 60, 30, 10, 2, 2, 12, 42, 100, 180, 252, 282, 252, 180, 100, 42, 14... [Цит. по: 72].

В этой связи весьма характерной для эпохи Эйлера является такая математическая задача в области демографии: «Когда после потопа род человеческий свелся к шести человекам, если, положим, что за двести лет число людей дошло до 1000000, узнать, на какую часть должно возрасть, ежегодно число людей». Наверное, на этот подход ссылался Вольтер, который в первом томе «Опыта всеобщей истории» отмечал, что «ученые специалисты по хронологии высчитали, что при наличии после потопа единственной человеческой се-

мы и ее детей, постоянно занятых заселением земли, обнаружилось бы уже через 250 лет гораздо больше жителей, чем их есть сейчас во Вселенной».

В результате Л. Эйлер на основе математических расчетов формулирует положение что в замкнутом населении числа родившихся, а следовательно и численность населения должны расти в геометрической прогрессии, что и составляет главное содержание его демографического анализа и что позже в известном социально-политическом плане было истолковано Мальтусом.

Повторим, этот математический подход Эйлера ведет к упрощенному рассмотрению предпосылок рождаемости. Большинство религий, медицинская наука не одобряет брак (считай и рождаемость) между близкими родственниками, ибо это, как показывает жизненный опыт, ведет в последующих поколениях к умственной и физической деградации. А следовательно, это грозит гибелью человечества. Поэтому не только после потопа, а даже еще раньше – потомство Адамы и Евы уже после седьмого «колена» могло бы завершить существование.

И хотя в анализе процесса демографического развития Л. Эйлер дает формальную математическую их трактовку, он предостерегает от стремления придать математическому порядку вымирания характер универсальности, говоря, что каждая таблица пригодна лишь для того города или провинции, для которых она построена. Он высказывает положение, что смертность в больших городах должна быть выше, чем в малых, а в малых – выше, чем в сельской местности. Он также говорит, что построенный на таблице порядок вымирания характерен только для периода отсутствия социальных и иных катаклизмов, т.е. он не пригоден в условиях эпидемий, голода и войн. Он поднимает и важность учета миграционных факторов при построении таблиц смертности, а также учета половых различий в смертности. В этой связи Эйлер поднимает и вопрос о пониженной смертности женщин, по сравнению с мужчинами, различиях в возрастной смертности – особенно ранней детской смертности (на первых месяцах жизни) [Цит. по: 72].

А это означает то, что экономисты, приписавшие Т. Мальтусу идею возможности геометрического роста численности населения за 20-25-летний период, не заметили того, что подобные размышления были у А. Смита, а до него и у Р. Кантильона и Л. Эйлера. А ведь

Мальтус в предисловии ко второму изданию своей нашумевшей работы писал, что его наставниками «были Юм, Валлас, Адам Смит, Прайс. Только их работами я пользовался при изложении интересовавшего меня закона ...». А про то, что подобные идеи были у Л. Эйлера и Р. Кантильона и говорить не стоит. Т. Мальтус концепции геометрической прогрессии роста численности населения Л. Эйлера и 20-25 летних параметров этой прогрессии попытался дать социально-экономическую интерпретацию проблем, связанных с демографическим развитием – перенаселенности, бедности, развития социальной сферы.

Законы народонаселения первого профессора экономики Кембриджа

Из периода XVIII-XIX вв. наиболее известную демографическую концепцию (не только экономического, но и социологического плана) представил **Томас Роберт Мальтус** (1766-1834 гг.) в работе «Опыт о законе народонаселения, или Взгляд на его действие на счастье общества в прошедшем и настоящем, а кроме того, изучение, насколько основательны наши ожидания относительно устранения или смягчения тех действий, которые он производит». Это ее полное название, а известна она как «**Опыт о законе народонаселения**». Автор первой в истории науки теории народонаселения, анализируя взаимосвязанные факторы динамики населения, поставил вопросы о борьбе за существование, а также глобальном демографическом, политическом и экономическом взаимодействии.

Идеи Мальтуса в истории социолого-демографической науки – одни из самых неоднозначных. Споры о правильности его идей уже третье столетие привлекают к себе внимание видных мыслителей. Его идеи вписываются в проблемы о роли социального государства, его функциях, они касаются как функционирования экономической, политической, духовной и повседневно-бытовой сфер, так и деятельности социальных институтов. Его идеи затрагивают не только актуальные социально-экономические вопросы (проблемы перенаселенности, бедности, устойчивого роста, системы государственного управления и др.), но и философского, этического и религиозного характера.

Т. Мальтус исходил из того, что население растет настолько быстро, что рано или поздно прокормить его будет невозможно. В результате общество не только не будет выходить на новые уровни развития, но окажется в своеобразной ловушке: человеческое стремление к продолжению рода поставит человечество на грань исчезновения. Его важным теоретико-методологическим подходом являлась попытка обосновать «закон народонаселения» статистическими выкладками. И это существенно отличало его от плеяды мыслителей того времени. Даже, казалось бы, такая отрасль социального знания, как экономическая, длительное время игнорировала эмпирический материал. В произведениях выдающихся классиков политической экономии А. Смита, Дж. С. Милля, Ж. Сэя и других имеются сравнительно редкие факты использования эмпирического материала. Разве, немного больше у Д. Рикардо, да, и у «отца политической арифметики» У. Петти, а также Дж. Граунта, замечен интерес к цифровому материалу.

По Мальтусу рост населения подчиняется закону геометрической прогрессии, а объем продовольствия растет по закону арифметической прогрессии – «состоит в постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи». Рассуждая о тенденциях в демографическом развитии, Мальтус заключает: «мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии» [140, с. 12]. Отметим в этой фразе «**если** возрастание населения **не** задерживается какими-либо препятствиями», но препятствия, как чисто биологические, так и социокультурные, были во все времена.

Согласно такому предположению через 25 лет при отсутствии препятствий к росту миллиард человек может вырасти до 2-х млрд человек, затем через такие промежутки времени – до 4, 8, 16, 32, 64, 128, 256 и т.д. миллиардов человек. Что касается средств существования, то они будто бы могут увеличивать свой объем лишь в арифметической прогрессии: «исходя из современного состояния заселенных земель, мы вправе сказать, что средства существования при наиболее благоприятных условиях применения человеческого труда

никогда не могут возрастать быстрее, чем в арифметической прогрессии» [140, с. 14]. Согласно логике этого утверждения, если к 1 млн т хлеба за год добавится, скажем, 100 т, то далее прибавка все время будет одинаковой. И 2 млн т будет производиться лишь через 10 тыс. лет. Таким образом, через два столетия соотношение народонаселения к средствам производства должно составлять 256 к 9, а спустя двух тысяч лет это отношение было бы беспредельно и трудно исчислимо. Таким образом, Планета не может прокормить быстро растущее население, что изначально определено способностью земли к плодородию.

Если следовать принципам социальной справедливости и все национальное богатство разделить между всеми поровну, то бедность исчезнет, но только на непродолжительное время, ибо недостаток пищи для всех снимет все преграды для размножения. В результате начнется бесконтрольный рост численности населения (по закону сложных процентов – в геометрической прогрессии). А так как производство продовольствия будет осуществляться намного меньшими темпами (по арифметической прогрессии), то возникнет голод, которого не было до той поры, как произошел раздел национального богатства между всеми.

Проблемы роста численности населения и особенно регулирования деторождения Мальтус рассматривал с различных сторон. Прежде всего – с экономических позиций: уровня заработной платы, обеспечения занятости, личных и государственных расходов, благосостояния населения, социального расслоения, конкуренции и прочего. Важное значение в анализе Мальтуса демографического поведения индивидов занимают проблемы инстинктов и влияния религии на уровень рождаемости. Но самое главное, что заметил Мальтус (но на это мало кто из его современников обратил внимание) – это разрушение традиционной семьи в условиях индустриальной революции.

Основные выводы анализа демографических и экономических процессов, носящих социологический характер, Т. Мальтус формулирует в следующих положениях: «1) Количество народонаселения неизбежно ограничиваются средствами существования. 2) Народонаселение неизменно возрастает всюду, где возрастают средства существования, если только оно не будет остановлено явными и могущественными препятствиями. 3) Эти особые препятствия, точно так же как и все те, которые, останавливая силу размножения, возвращают

население к уровню существования средств, могут быть сведены к следующим трем видам: нравственному обузданию, пороку и несчастью» [140, с. 22].

Мы уже отмечали, что гипотеза о геометрической прогрессии роста численности населения принадлежит не Мальтусу. Мы указывали на А. Смита, а также на Р. Кантильона и Л. Эйлера, писавших о возможности геометрического удвоения численности населения. Советский демограф А.П. Судоплатов писал, что «на этих позициях стоял и Р. Уоллес, первый выдвинувший тезис о том, будто население увеличивается в геометрической прогрессии, что неизбежно обусловит в будущем перенаселение земли. Р. Уоллес полагал также, что быстрый рост населения неизбежно обгонит рост средств существования. Правда, перенаселение он относил к весьма отдаленному будущему, но в то же время утверждал, что никакие административные и правовые меры не в состоянии его предотвратить» [267, с. 13]. Не Мальтусу первому принадлежит мысль и о том, что болезни и голод не дают возможности реализоваться этому геометрическому удвоению. Английский философ XVII века А. Райлейх писал, что земля «была бы перенаселена человеческими существами, если бы не последствия голода, чумы и войны». А Д. Таунсенд высказывался против помощи бедным, поскольку она лишь стимулировала бы неоправданное размножение населения [267, с. 12].

Но этот энциклопедически образованный человек, бывший почти до 40-летнего возраста священником, а позже преподававший в своей альма-матер – Кембриджском университете, этой тенденции, обоснованной энциклопедистом Эйлером, и другим положениям (Р. Уоллеса, Д. Таунсенда, А. Райлейха), попытался дать свою социально-экономическую интерпретацию. Это дало основание Марксу констатировать, что Мальтус этот подход, «медленно вырисовывавшийся в XVIII веке» [148, с. 630], выразил в своем законе. А лично мальтусовским является «лишь то особое ударение, которое он на ней делает» и прежде всего то, что он в грубой форме выразил «наличие перенаселения во всех формах общества» [155, с. 103].

Оценки сущности взглядов Мальтуса варьируются в крайностях. Критики демографической концепции Т. Мальтуса считают, что он пришел к выводам, что демографический рост может корректироваться действием «разрушительных» (таких как войны, эпидемии, голод) и «предупредительных» (добровольный отказ от вступления в

брак и рождения детей, позднее вступление в брак, введение системы народного образования и др.) социальных факторов. Наиболее последовательно одна из этих крайностей была представлена марксизмом, в котором сущность его взглядов была признана реакционной, как ничего не имеющая общего с наукой, прогрессом и нравственностью. Маркс резко критиковал Мальтуса, утверждая, что мальтузианские законы народонаселения присущи лишь специфическим производственным отношениям доиндустриальной эпохи. А другим эпохам и различным социально-экономическим отношениям будут соответствовать иные режимы воспроизводства населения. Так, К. Маркс писал, что автор совершенно неправильно предполагает, будто *«возрастание числа людей есть чисто природный процесс, который нуждается во внешних ограничениях, препятствиях, для того, чтобы он не развивался в геометрической прогрессии»*. При этом Маркс считал, что *«Мальтус, до крайности изумленный своим успехом, принялся тогда за то, чтобы заполнить старую схему поверхностно компилированным материалом и присоединить к нему новый, который был, однако, не открыт, а просто присвоен Мальтусом»* [115, с. 630]. А, по словам Ф. Энгельса, концепция Мальтуса явилась *«самым откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата»* [303, с. 504].

Считалось, что в своем «Опыте» Мальтус ополчился против взглядов Уильяма Годвина, Жана Кондорсе и других мыслителей своего времени, развивавших концепцию исторического прогресса и видевших причину бедствий народных масс в «дурном правлении», имея в виду власть, при котором господствует социальная несправедливость. Мальтус же причину бедствий масс видел в «безответственном размножении», обзаведении детьми, для которых нет и не может быть пищи. А *«возлагаемая на правительство ответственность за народные бедствия, очевидно, ошибочна»* [140, с. 65].

Критики Мальтуса считали, что его теория изображает население лишь как потребителя благ, тогда как оно является создателем всех материальных средств существования. Интересна оценка концепции Мальтуса российским социологом Евгением де Роберти: *«воздержание было возведено в принцип и в других областях знания. Но замечательно, что основанным на этом принципе теориях нигде не посчастливилось в той сфере, на значение в которой они прямо били: на практике. Так, например, в экономической области ничто,*

по-видимому, не могло быть убедительнее проповеди мальтузианцев, направленной на воздержание от прокреации существ, заранее осужденных на верную гибель. Но проповедь эта остается гласом вопиющего в пустыне для всех тех, к кому она прямо обращена; и только те, к кому не обращаются приверженцы Мальтуса, действительно исполняют требования последнего» [217, с. 206]. О. Конт характеризовал как ложную социальную доктрину «незаслуженного доверия, оказываемого в Англии софистической теории Мальтуса в народонаселении, несмотря на несочувственный прием, который эта теория встретила у всех других западных народов, и невзирая на то, что она уже отвергнута смелыми английскими мыслителями, это безнравственное заблуждение дает еще кажущуюся научную санкцию преступной антипатии, питаемой руководящими классами ко всякому глубокому возрождению британского населения» [115, с. 132].

Отметим, что труд Т. Мальтуса еще при его жизни публиковался 6 раз. Первый – в 1798 г. анонимно, а с 1803 г. – уже под его именем. И именно на первое анонимное издание, где он весьма жестко оценивал стремление бесконтрольно действовать законам человеческой природы, ссылались по свидетельствам историков его оппоненты. Позже в последующих изданиях Мальтус смягчил свои выводы, однако, в целом не отказываясь как от них, так и от «железного закона заработной платы», вытекающего из его теории народонаселения, означающего, что в силу естественного роста численности населения (соответственно – опережающего прироста предложения рабочей силы) и убывающего плодородия земли уровень заработной платы в обществе сможет расти, неизменно оставаясь на низком уровне.

В другой работе «Принципы политической экономии, рассмотренные в плане их практического применения» Мальтус наряду со многими важными теоретическими политэкономическими вопросами (напомним, что Т. Мальтуса называли «первым», т.е. ведущим профессором экономики Кэмбриджского университета) излагает экономическое «обоснование» своей демографической концепции. В частности, он считает, что повышенная заработная плата может вызвать либо «значительное увеличение рациона питания и повышенную комфортность», либо рост населения. По мнению Мальтуса, демографическому развитию способствуют «деспотизм, угнетение и незнание». Законы о бедных, предоставляя им достаточную помощь,

также стимулируют рост населения. Напротив, благодаря «гражданской и политической свободе и образованию», повышение заработной платы замедляет демографический рост и улучшает условия жизни рабочих [68, с. 145].

Рост населения, который является основным источником потребления, должен привести и к росту производства. У Мальтуса речь не идет о достаточном условии роста: надо, чтобы спрос сопровождался покупательской способностью. Рост населения, сопровождаемый снижением заработной платы (сокращение производственных издержек), должен привести к увеличению прибыли и, следовательно, стимулировать производство. Но и здесь влияние сниженной заработной платы ограничено, так как население перестанет увеличиваться (воздействие на спрос): «Рост населения, едва значительное количество рабочих останется без работы, вскоре должен будет прекратиться именно из-за отсутствия занятости и из-за жалкого существования тех, кто эту работу имеет, а потому, – констатирует Т. Мальтус, – не сможет стать необходимым стимулом для увеличения богатств, пропорционального возможности производить» [68, с. 147].

Вместе с тем Мальтус предугадал демографические последствия смены технологии и связи динамики численности населения с уровнем жизни. Но эта связь в глазах многих мыслителей вызвала негативное отношение к идеям Мальтуса. Это, по мнению Д.К. Шелестова, привело к двум последствиям: с одной стороны, охлаждению интереса к процессам глубокого исследования демографических проблем последователями Мальтуса и правящих структур (прежде всего Англии). А с другой стороны, это побудило исследователей (прежде всего Франции), не придерживающихся или сомневающихся в концептуальных выводах Мальтуса, заняться более глубоким анализом демографических процессов, продвигаться к более глубокой проработке методологических подходов и методических основ демографического анализа.

Рыночные механизмы демографического развития

Положения Т. Мальтуса относительно народонаселения разделял (его друг) **Давид Рикардо** (1772-1823 гг.) в изложенных им «Началах политической экономии и налогового обложения»: «Я очень счастлив, что имею случай выразить мое восхищение «Опытom

о народонаселении» г-на Мальтуса», писал он [214, с. 328]. Д. Рикардо в соответствии с мальтузианской концепцией считал, что производство не будет поспевать за ростом численности населения: «хотя при самых благоприятных обстоятельствах возможность роста производительных сил, вероятно, превосходит способность населения к размножению, долго такое состояние продолжаться не может, потому что при ограниченности земли и неодинаковом качестве производительность ее с каждым новым увеличением капитала, прилагаемого к ней, будет понижаться, тогда как способность населения к размножению продолжает оставаться прежней» [218, с. 89].

Вместе с тем Д. Рикардо (недаром одна из его работ называется «Статьи по аграрному вопросу и критические замечания к книге Мальтуса» [216]) в отличие от Т. Мальтуса сделал попытку экономически («Об основных причинах, определяющих спрос на труд и рост населения») обосновать это. Исходя из развиваемой им концепции «естественной цены труда» Д. Рикардо делает вывод, что «естественной ценой труда является та, которая необходима, чтобы рабочие имели возможность существовать и продолжать свой род без увеличения или уменьшения их числа» [214, с. 85]. Эта его методология на перспективу динамики населения существенно отличается от крайних предложений его друга. И позже она будет представлена в концепциях современных экономистов. Рыночная цена труда, подчеркивает Рикардо, не может на долгое время расходиться с естественной его ценой, ибо если первая значительно повысится по сравнению со второй, то рост благосостояния рабочих приведет к усиленному размножению населения: предложение рабочих рук возрастет, и рыночная заработная плата понизится до уровня естественной. Если же рыночная цена труда упадет ниже естественной, то вымирание населения приведет к сокращению приложения труда и повышению его цены. Таким образом, естественная цена труда и ее отклонение по сравнению с рыночной – и есть тот механизм, который определяет демографическое поведение населения. В свою очередь рост цен считает Д. Рикардо является результатом комбинированной игры расширения спроса, вызванного демографическими факторами и убывающим плодородием почвы.

В пятой главе «Начал политической экономии и налогового обложения» в соответствии с политико-экономической концепцией Т. Мальтуса он резюмирует: «Не подлежит никакому сомнению, что

комфорт и благосостояние бедных не могут быть постоянно обеспечены, если вследствие их собственных страданий или некоторых усилий со стороны законодательства не будет урегулировано возрастание их численности и ранние и непредусмотрительные браки не станут менее частыми в их среде. Действие системы законов о бедных было прямо противоположно. Они делали воздержание излишним и поощряли неблагоразумных, предлагая им часть заработной платы благоразумных и трудолюбивых» [214, с. 95-96].

Спектр демографических вопросов, которые рассматривал Д. Рикардо, широк, хотя изложены они с разнообразной глубиной и убедительностью. Демографические проблемы своего времени он рассматривал во взаимосвязи следующих положений:

- расселение людей, их численность и темпы роста обусловлены земельной рентой;
- демографическое развитие регулируется фондом занятости населения;
- демовоспроизводство представляет сложный экономико-демографический цикл: а) снижение относительной цены на сырье, б) накопление капитала, в) увеличение спроса на труд, г) повышение заработной платы, д) рост численности населения, е) дальнейший рост потребления (потребности сырья), ж) расширение пашни;
- соотношение размера «естественной» (минимальной) и «рыночной цены» (номинальной) заработной платы с ценами на продукты питания, средства существования и предметы комфорта обеспечивает простое воспроизводство населения;
- рост численности населения соотносится с «рыночной ценой на труд», т.е. с заработной платой;
- существует зависимость между ростом численности населения (т.е. спросом на труд) и увеличением капитала;
- демографические последствия являются результатом увеличения спроса на труд;
- наблюдается взаимосвязь между демографическими факторами и изменениями уровня заработной платы: «вследствие спроса и предложения рабочих, а также вследствие цен на продукты, на которые расходуется заработная плата»;
- демографическая политика должна быть дифференцирована в зависимости от групп стран: старых и новых, богатых и бедных;

- в связи с более высоким ростом фонда содержания рабочих по сравнению с их количеством необходимо своевременное проведение той или иной демографической политики;
- между демографическим развитием страны (нации) и демографическим поведением индивидов существуют противоречия;
- существует взаимозависимость между численностью населения и уровнем жизни нации в целом и экономическим положением рабочих и числом их браков в частности;
- технический прогресс является источником ухудшения экономического положения и вследствие этого появляется избыточное население;
- изменения структуры потребления доходов богатого населения связано с демографическими последствиями.

Д. Рикардо, как и Ф. Кенэ, затрагивает и влияние различных видов войн на демографическое развитие и на их демографические последствия.

Более мальтузианец, чем Мальтус

Важными в методологическом плане являются демографические взгляды знаменитого швейцарского экономиста и историка, **Жана Шарля Леонар Симонд де Сисмонди** (1773-1842 гг.). Его двухтомный труд «Новые начала политической экономии или о богатстве и его отношении к народонаселению» (1819 г.), как указывается в названии, связывает демографические проблемы с экономическими аспектами. Кроме того, демографические аспекты рассмотрены в шести его книгах «Новых начал...», а также отдельно в последней седьмой книге «О народонаселении». Заглавия разделов этой книги дают представление о логике анализа демографических проблем С. Сисмонди: «О естественном росте населения»; «Каким образом доход ставит пределы росту населения»; «Рост населения ограничивается не количеством жизненных припасов, которые земля может дать»; «Какой рост населения желателен для нации»; «О поощрении роста населения со стороны религии»; «О государственных мероприятиях, поощряющих рост населения»; «О населении, сделавшемся излишним вследствие изобретения машин»; «Как государство должно охранять население от действия конкуренции»; «Рабочий имеет право на гарантию со стороны работодателя».

Следует отметить также и то, что в свое время В.И. Ленин назвал «экономического романтика» С. Сисмонди «более мальтузианцем, чем сам Мальтус» [126, с. 176]. Указывая на разработку Сисмонди, как теории кризисов, так и теории населения, В.И. Ленин отмечает тождество взглядов русских сисмондистов – народников и Сисмонди, у которых «это такой же доминирующий пункт». Потому С. Сисмонди: «это не только Мальтус, но вдобавок Мальтус, выкроенный нарочито по мерке мелкого буржуа».

Каковы же демографические взгляды этого «Мальтуса»? Во-первых, С. Сисмонди исходил из того, что государство – «должно поощрять размножение живущих по его законом людей лишь постольку, поскольку оно в состоянии увеличить возможность благоденствия для них» [235, с. 148]. Эта позиция ставит вне закона бедных людей, т.к. Сисмонди стоит за то, чтобы поощрять размножение населения только тогда, когда государство в состоянии «увеличить возможность благоденствия для них».

Его концепция связывает экономическое и демографическое развитие, подразумевая равновесие между ними, или существование определенного баланса, соответственно исключает неадекватное развитие какой либо стороны (демографической или экономической) в ущерб другой.

Во-вторых, С. Сисмонди в противовес А. Смиту, исходившего из того, что рост численности населения страны свидетельствует о процветании страны, считал что: «богатство и размеры народонаселения не служат (каждое в отдельности) абсолютными показателями благоденствия государства; благоденствие это зависит от их соотношения. Богатство есть благо, если оно несет довольство всем классам; точно так же многочисленность народонаселения представляет преимущество лишь при том условии, если каждый человек уверен, что он своим трудом может обеспечить себе сносную жизнь. Но государство может оставаться бедным, даже если некоторые лица накопили колоссальные состояния. Если население, как например в Китае, по численности своей превосходит количество средств существования, если оно питается тем, чего не едят даже животные, если ему постоянно угрожает голод, то это многочисленное население не может служить ни предметом зависти, ни признаком могущества: оно составляет бедствие» [235, с. 149].

Экономическое обоснование С. Сисмонди о существовании равновесия между экономическим развитием страны и темпом роста ее населения определяет, что нарушение этого равновесия является причиной неравноправия людей: «рост промышленности, рост производства, обгоняющий рост населения, ведет к увеличению неравенства среди людей» [235, с. 181]. И далее: «в стране, где существует перенаселение, увольнение большей части работников земли в такое время, когда подобное же усовершенствование техники оставило без работы больше половины рабочих мануфактур, является бедствием. Нация есть совокупность отдельных личностей; рост ее богатства является иллюзорным, если он достигается ценой увеличения нищеты и смертности» [235, с. 252]. В этом аспекте К. Маркс отмечал, что Сисмонди «во имя своей ипохондрической филантропии стремился насильственно сохранить отжившие методы ведения сельского хозяйства и изгнать науку из промышленности» [146, с. 568].

Поэтому проведение (в современной терминологии) пронаталистской политики по С. Сисмонди нежелательно как с нравственной, так и с экономической позиций, ибо она направлена на размножение бедного населения: «Призвать человека к жизни и лишить его в то же время всех радостей, которое придают жизни цену, дать отечеству гражданина, который не чувствует к нему никакой любви, которое ничто не привязывает к существующему порядку, – большое зло; в то же время это и экономически нерасчетливо, раз такой человек не создает своим трудом дохода, равного его затратам, раз он не возмещает капитала, который был истрачен на его подготовку» [235, с. 331].

Дифференцированным, в зависимости от классовой принадлежности, является характеристика С. Сисмонди миграционных процессов: «Торговцы, фабриканты, фермеры, все, кто получает доход от приложения капитала, несколько больше привязаны к месту, чем капиталисты; по крайней мере, для двух последних классов оставить родину очень трудно» [236, с. 81-82]. Здесь важным по С. Сисмонди является степень миграционной мобильности. У него капиталисты (или владельцы капитала – в современной терминологии: инвесторы) выделяются более высокой миграционной мобильностью, чем торговцы, фабриканты или фермеры.

Что касается демовоспроизводственного процесса, то государство для нормального развития, считает Сисмонди, должно рабо-

чий класс, или «живой капитал нации» обеспечить такой зарплатой, которая необходима хотя бы для поддержания простого воспроизводства населения: «Но если есть такая часть национального дохода, к которой фиск должен подходить с осторожностью ввиду возможности нанести ущерб тому, что необходимо для воспроизводства дохода, то это, конечно, заработная плата, доход всех, живущих своим трудом. Этот доход рабочие должны потреблять, поддерживая самих себя, ибо они являются живым капиталом нации» [236, с. 82].

Следующее рассуждение Сисмонди, вероятно, могло вызвать известную характеристику Ленина: «Приходится думать, что порядок в человеческих обществах призваны устанавливать страшнейшие бедствия, как буря, гроза и град прочищают воздух, как чума, война и голод поддерживают соответствие между численностью нарождающихся поколений и количеством пищи, которое может им дать земля» [236, с. 121]. Подобно Мальтусу, он считает, что равновесие в человеческих обществах между численностью населения и средствами их существования (или в его терминологии «установление порядка») обеспечивается различного рода бедствиями: «В годы голода чума была бы выгодна для переживших ее, ограничивая число тех, кто должен был кормиться за счет скудных продовольственных средств; но горе тому, кто в надежде на это принесет чуму своим согражданам! Точно также есть, быть может, такая эпоха в прогрессивном движении наций, когда разрушение существующего богатства необходимо для того, чтобы могла возобновиться творческая деятельность. Но горе тому, кто в этих целях подожжет город своих отцов! Горе тому, кто поощряет растраты и безрассудную расточительность правительств! Не нам вызывать бедствие, если даже оно может оказаться для нас полезным. Будем стремиться к богатству, здоровью, свободе и счастью наций. Если необходимо для них бедность, болезни, угнетения, несчастья, чтобы разбудить их активность, возродить население, поднять мужество и закалить характер, великие законы природы причинят им достаточно бед и без нашего вмешательства» [236, с. 121].

Сисмонди, как и Мальтус признает влияние «великих законов природы» на социальное развитие населения. Но не устанавливает причинно-следственных связей между ними. Считая себя истинным гуманистом, он пишет: «Не нам вызывать бедствие, если даже оно может оказаться для нас полезным». Поэтому «будем стремиться к

богатству, здоровью, свободе и счастьем наций» – если не будем знать реальных путей ведущих к этой прекрасной цели, т.е. те механизмы, чем фактически сможем достичь счастья на этой земле.

В результате, как и многие другие, кто придерживался мальтусовских взглядов, но не желающих в глазах общественности быть «козлом отпущения», он впадает в противоречие. С одной стороны, С. Сисмонди видит общественную опасность в воспроизводстве бедняков, а с другой, он ратует за обеспечение достойного для человека существования. Поэтому с этой точки зрения концепция С. Сисмонди характеризуются меньшей ясностью и практической значимостью, в связи с чем трудно согласится с оценкой, что «Сисмонди более мальтузианец чем сам Мальтус».

О темпоральном характере роста численности населения

Джон Стюарт Милль (1806-1873 гг.) больше, чем кто-либо из классиков буржуазной политической экономии уделил внимание проблеме народонаселения и его рассуждения в этом плане носят не только политико-экономический, но и социологический характер. Недаром, полное название его основного труда звучит «Основания политической экономии и некоторые аспекты их приложения к социальной философии» (отметим, что большинство политэкономов и экономистов о второй части названия этой работы – «и некоторые аспекты их приложения к социальной философии» – не слышали). Дж.С. Милль, в целом разделяя озабоченность Мальтуса ростом численности населения, в тоже время в противовес ему исходил из того, что экономический прогресс и рост населения со временем достигнут своего предела – неподвижного, стационарного состояния. Он считал, что к этому состоянию общество придет естественным путем (принудит к этому необходимость), но тем не менее «я не вижу причин желать этого возрастания, хотя бы оно было и безвредно»: «увеличение человечества будет определяться сознательным управлением на основе благоразумной предусмотрительности» [169, с. 83]. Эти идеи Милля послужили для шведского экономиста К. Викселля, основателя теории «оптимальной численности населения» как идеального равновесия между числом людей и возобновляемыми ресурсами земли [99, с. 34].

Дж.С. Милль признает открытие Т. Мальтусом истины, хотя не получившей всеобщего признания: человеческая «способность к размножению безгранична, и, будь эта способность использована до предела, размножение людей в действительности шло бы необычайно стремительно» [167, с. 277]. Но в концепции Т. Мальтуса рост численности населения сдерживает смертность, а у Милля – «сдерживает его рост не высокая смертность, а низкая рождаемость» [167, с. 281]. В частности, он пишет: «Способность к размножению похожа на пружину с подвешенным грузом, растягивающим ее всегда пропорционально ее сопротивлению. Когда количество пищи в течение некоторого времени остается неизменным, рождаемость достигает наивысшего уровня; если в результате количество пищи сокращается, пружина растягивается, а ее сопротивление исчезает, население сокращается, по крайней мере пропорционально перегрузке пружины. Если же, напротив, количество пищи возрастает, пружина, находившаяся в нормальном положении, начинает оказывать сопротивление пропорционально уменьшению груза; люди начинают лучше питаться, размножаться, и по мере увеличения их численности количество пищи снова становится недостаточным» [167, с.250].

В низком уровне рождаемости у Дж. С. Милля существенным моментом является связь брачных отношений с западным правом наследования – майоратом: «сыновья фермеров и те, кто имеет средства стать фермером, откладывают женитьбу до тех пор, пока не вступят во владение фермой» [167, с. 459]. Этот важный вывод Милля в западной научной литературе в отношении анализа детности в семьях, за исключением А. Маршалла, не получил развития. К примеру, А. Смит говорит о нем попутно, а М. Вебер вообще на него не обратил внимания, анализируя только различия социокультурных ценностей протестантов и католиков. Милль констатирует, что рост численности населения сдерживается нищенским положением народа, малыми размерами собственности (прежде всего земельными участками). У Милля впервые (не считая Мальтуса) встречаются эмпирические данные о среднегодовых темпах прироста численности населения, численности родившегося населения, а также коэффициенты соотношения уровней рождаемости и смертности. Он отмечает, что даже небольшой рост численности населения «всцело является результатом снижения смертности; численность родившихся детей вовсе не возрастает, тогда как рождаемость постоянно снижается»

[167, с. 462]. Здесь Милль фиксирует внимание на тех тенденциях, которые позже будут положены в основу теории демографического перехода.

Важным моментом анализа демографического развития у Милля выступает его внимание пронаталистской или антинаталистской политики. В частности, им отмечается стимулирующая рождаемость политика в Соединенных Штатах, где «женатым и имеющим большие семьи работникам при найме всегда отдавали, по причине *близорукой экономии* (выделено нами – А.З.), предпочтение перед неженатыми» [168, с. 54]. Им фиксируется и то обстоятельство, что бедные в Соединенных Штатах Америки как при потере работы так и при ее наличии «обычно от прихода получали еженедельную дотацию, размеры которой устанавливались пропорционально числу детей в их семье» [168, с. 54].

С Новым Светом – понятно, страна эмигрантов нуждалась в населении и потому в этом плане у Дж.С. Милля аспект демографической ориентации населения, связанный с правом наследования, не проанализирован. Другое дело – Старый Свет, где откладывание вступления в брак и малодетность распространены. К примеру – Швейцария, где откладывание вступления в брак распространено. В этом случае Стюарт Милль в качестве причин выделяет социальные факторы, противопоставляя демографическое поведение простых рабочих и более-менее безбедно существующих. Они потому и существуют безбедно, что ограничивают сроки вступления в брак, рождаемость. А современный брак у него выступает как «единственно крепостное право, признаваемое законом». В Англии «главным ограничивающим рост населения фактором является очень высокая доля, которую составляют в населении средние классы и квалифицированные ремесленники, почти равные по численности простым рабочим и в действительности подверженные – и в значительной степени – воздействию мотивов, продиктованных благоразумием» [168, с. 55].

Кроме экономических факторов, ведущих к ограничению рождаемости, есть и другие факторы, ориентирующие на рост рождаемости. Прежде всего это государственная политика: «В конце прошлого столетия огромный спрос на мужчин, вызванный войной и развитием различных отраслей промышленности, привел к тому, что поощрение рождаемости стали считать патриотическим делом» [167, с. 282]. Также значимы и другие социокультурные явления: «в неко-

торых странах в качестве фактора, сдерживающего рост населения, действует старинный обычай, предписывающий девушкам не выходить замуж до тех пор, пока они сами не нарядят и не соткут себе полное приданое, ... а в Англии влияния благоразумия, сдерживающего рост населения, проявляется в сокращении числа заключаемых в промышленных районах браков в годы плохой конъюнктуры» [167, с. 283].

Интерес представляет еще два новых момента объяснения Миллем демографических процессов. Во-первых, это выявленный Миллем темпоральный характер роста численности населения, отражающий различные темпы роста численности различных стран и в различные исторические периоды [167, с. 322-330]. И, во-вторых, эта роль миграционных процессов. Так, миграция населения из Англии в Северную Америку и Австралию позволяет уменьшать нагрузку в Англии, вызванную ростом населения: «в таком положении, в каком теперь находится Англия, разумно осуществляемая эмиграция является, пожалуй, одним из важнейших средств резкого и быстрого снижения давления численности населения» [167, с. 333].

Выше мы отмечали влияние различных факторов на демографические процессы, но Милль в духе социологического подхода анализирует и обратное их влияние. В частности, кроме влияния заработной платы («увеличение труда есть увеличение человечества, увеличение населения») и других факторов Милль рассматривает и влияние развития промышленности и роста населения на ренту, прибыль и заработную плату [169, с. 27-47].

Любовь никогда не пресыщает

Известное кредо социологии **Огюста (Исидора) Конта** (1798-1857 гг.) «знать – чтобы понимать, понимать – чтобы управлять» положено им также и в анализ современных ему демографических проблем. И этот позитивистский девиз спустя более столетия его соотечественником А. Ландри был положен в афористически сформулированные задачи демографии (а по Конту: демография – это и есть социология): знать, понимать, оценивать, изменять.

В разработке демографических проблем О. Конт выделяет два важных аспекта – расу и семью. Анализируя историческое разнообразие, он рассматривал три всеобщих источника развития – расу,

климат и политическую деятельность. Разнообразие человеческих рас он объясняет преобладанием в каждой из них определенных склонностей. По его мнению, черная раса имеет естественную склонность к эмоциональности. «Белая раса обладает столь явным фактическим превосходством в общественном развитии и ... Европа стала главным сосредоточием этой высшей цивилизации» [12, с. 140]. Развитие разных народов шло своеобразными путями, обусловленными различием дарований. Климат у О. Конта включал совокупность естественных условий, в которых оказывался каждый народ: «Таковы, например, физические условия, а также выгодные температурные характеристики умеренной зоны замечательного бассейна Средиземноморья». Преимущества Европы дополняются и тем, что существующая здесь биологическая, фитологическая и зоологическая среда «должна была также уже в силу только этих обстоятельств способствовать развитию цивилизации» [12, с. 141].

Общество у О. Конта сравнимо с живым организмом, в котором решающая роль принадлежит семье. Он, как и Г. Гегель выводил общество, государство из семьи. Но у Гегеля государство есть отрицание гражданского общества, а гражданское общество – отрицание семьи. В общем, как заметил Ж. Д'Аламбер, «истинно честный человек должен предпочитать себе – семейство, семейству – отечество, отечеству – человечество». Человеческое общество, по Конту, есть сложный общественный организм, состоящий из менее сложных и, наконец, простейших семейных сожитий. Семейные сожития у него являются простейшими общественными единицами, элементы клеточной ткани общественного или коллективного организма. Они одинаково входят в состав различных общественных групп, классов, и в состав целых обществ.

Семья у О. Конта в основном представляет эмоциональное единство, семья и общественный организм одновременно соответствуют активной стороне природы человека. В этой связи он считает, что благодаря семейным отношениям происходит связь прошлого, настоящего и будущего, взаимосвязь личного и общественного, формирование психологической основы общества, укрепление в обществе социального и политического порядка. Так, выделяя три главные ступени жизни – личную, семейную и общественную, семью он характеризует как посредствующую систему между индивидуумом и обществом. В частности, О. Конт отмечает, что семейными союзами

«мы связываемся с будущим, так же как сначала мы приобщались к прошлому». И, «благодаря семейным обязанностям человек изменяет своему первоначальному себялюбию и может надлежащим образом подняться к конечной ступени, к общественности». Этим самым семейная жизнь у О. Конта представлена «как необходимое промежуточное состояние между личным и социальным», а «всякую попытку направить нравственное воспитание, минуя промежуточную ступень (т.е. семью – А.З.), следует рассматривать как ... сопряженную с серьезными опасностями для социального порядка» [115, с. 220-221]. Таким образом, в системе социокультурных явлений О. Конта семья является важнейшим социальным институтом, определяющим все стороны жизни общества. Но она одновременно и отражает все эти стороны общественной жизни.

В концепции семьи О. Конта, как и в развитии цивилизации в целом, за образец берется семья западного типа, а другие исторические типы семьи, к примеру, полигамия считается патологической. В противовес ему российский социолог М.М. Ковалевский считал, что социологические обобщения будут до тех пор неудовлетворительными, пока не будет изучена древняя жизнь и других регионов, в частности, Востока. И потому он констатировал, что «Огюст Конт сделал большую ошибку в своей стройной теории, опираясь только на один римско-католический мир» [109, с. 12]. Впрочем, последователи теории демографического перехода в большинстве своем также оперируют статистическими закономерностями католического и протестантского мира. У О. Конта семейные отношения (как результат его стремления к систематизации) представляет различные типы отношений: равенства – между братьями; почтения – между детьми и родителями; доброты – между родителями и детьми; власти и подчинения – между мужем и женой.

Интересна его концепция отношений между мужем и женой, которую К.М. Тахтарев назвал «крепостническим отношением к женщине» [270, с. 602]. С позиций власти и подчинения муж, разумеется, должен повелевать. Но в тоже время деятельный и умный он должен слушаться жену, так как она олицетворяет чувствительность. Но это главенство, основанное в некоторой степени на силе, оказывается с другой стороны и слабостью мужчины. Духовное влияние в семье, т.е. наиболее благородное влияние, оказывает жена [12, с. 118]. Эта концепция семьи О. Конта позже послужила основой для

обоснования генезиса общности и общества у Ф. Тённиса, у которого отношения общности являются зародышем семейных отношений и проявляются в отношениях между: матерью и ее ребенком; мужем и женой как супругами. Понятие «семья» им трактуется в естественном, т.е. общем для всего живого смысле; и людьми, которые осознают себя братьями и сестрами, т.е. по меньшей мере плодами одного и того же материнского тела.

Исходя из основы деятельности общественного организма – разделения труда – О. Конт в семейных отношениях обосновывает необходимость равенства, основанного на коренной дифференциации функций и способностей. Когда он ведет речь об интеллектуальной слабости женщины по сравнению с мужчиной, то видит в этом ее превосходство; одновременно женщина являет собой духовную силу или силу любви, значащую гораздо больше, чем тщеславное превосходство разума, формулируя свое кредо: «Пресыщает любая деятельность и даже мысль, но никогда не пресыщает любовь» [12, с. 118]. И в этом отношении О. Конт был солидарен с Ф. Бэконом, заметившим, что супружеская любовь размножает человеческий род. Придерживался этой позиции и М.В. Ломоносов (о котором речь будет позже), считая, что «где любви нет, ненадежно и плодородие».

Рождаемость – феномен коллективный

Исторически сложилось, что становление и процесс научной институционализации социологии и демографии шли рядом и развивались французскими мыслителями. Термин «социология» был введен в научный оборот в конце 30-х годов XIX века Огюстом Контом. Термин «демография» впервые ввел в научный оборот в середине 50-х годов того же века Ашиль Гийяр. Первыми стали преподавать в учебных заведениях демографию и социологию, соответственно Жак Бертильон и Эмиль Дюркгейм, родившиеся в 50-х годах позапрошлого столетия. Они же являются и первыми дипломированными профессорами своих наук. Они же явились и пионерами, начавшими издавать соответственно демографический и социологический журнал. И их название начиналось с термина «Анналы», т.е. летописи, источники: «Анналы международной демографии» (1882 г.) и «Анналы социологии» (1897 г.). Когда появился термин «демография», то создатель термина «социология» заявил, что «демография – это и есть

социология». И демограф Ж. Бертильон и социолог Э. Дюркгейм, активно исследовали наиболее актуальные проблемы развития населения современной им Франции. Есть у каждого из них работа, посвященная одной и той же проблеме – суицида. У Ж. Бертильона это «Влияние брака на склонность к самоубийству», у Э. Дюркгейма – «Самоубийство».

Представитель самой демографической в мире семьи **Жак Бертильон** (1851-1922 гг.) сыграл выдающуюся роль в деле институционализации демографии. Его дед по материнской линии, математик Ашиль Гийяр, знаменит прежде всего тем, что в 1855 году впервые употребил слово «демография» в своем труде «Элементы человеческой статистики, или сравнительная демография» (1855 г.). А. Гийяр определил ее как «математическое познание человеческих популяций, их общего движения, их физического, гражданского, интеллектуального и морального состояния», как науку, изучающую естественную и социальную историю человеческого рода, описывающую массы с помощью чисел. Этот термин, но совсем в ином плане – не с позиций биологической трактовки и не с позиций только чисто статистических, сразу же подхватил О. Конт, афористически провозгласивший, что демография и есть социология, тем самым выявивший и обозначивший их общие грани.

Его отец Луи-Адольф Бертильон, известный демограф, статистик, доктор медицины, один из основателей и вице-президент французского Антропологического общества руководил в 1876-1883 гг. статистическим бюро столицы Франции (которое после его смерти в течение последующих тридцати лет возглавлял сын Жак) и отстаивал существование демографии как самостоятельной науки. Л.-А. Бертильон исследовал различные социальные проблемы демографии: продолжительность жизни, смертность, брачность, перенаселенность.

Исследуя проблему измерения продолжительности жизни, он, исходя из принципа географического детерминизма Монтескье, анализировал влияние на нее окружающей среды, в частности климата (почвы, температуры, географической широты) и места пребывания (равнины или горы, города или деревни). Он также большое внимание уделял анализу дифференциации продолжительности жизни и смертности и выявил их различие в зависимости от социально-демографических групп, в частности – брачного состояния. Этот подход был дальше развит его сыном Жаком и Эмилем Дюркгеймом.

Л.-А. Бертильон выявил более высокий уровень смертности среди холостяков по сравнению с состоящими в браке. Это различие он приписал регулярности супружеских отношений людей, состоящих в браке. Он также выявил, что и смертность вдовых превышает смертность холостых. Аналогичное различие, хотя и менее выраженное, по информации Л.-А. Бертильона, имеется и среди женщин. Он обнаружил, что смертность замужних женщин в связи с родами выше смертности среди девушек, ибо последние остерегаются беременности. По причине более регулярных супружеских отношений он объяснял и меньший уровень смертности замужних женщин старше 30 лет по сравнению с незамужними этого возраста. Именно по этой причине он объяснял более значительную смертность у вдовых и вдовцов всех возрастов и всех стран: «Как только супружеская связь прерывается, смерть вновь вступает во все свои права: те овдовевшие, недавние супруги, которые были точно так же избраны браком, а супружеская связь придавала им силы, стоит лишь этому союзу прерваться, уже не отличаются более ничем, кроме даже более высокой, чем перед вступлением в брак, смертности. Лишенные поддержки, они низвергаются даже ниже, чем никогда не состоявшие в браке» [Цит. по: 71].

Эти подходы демографического анализа своего отца впитал и Жак Бертильон. Вместе с его младшим братом Альфонсом, который занимался криминалистикой, были разработаны принципы и методы антропометрии, основанные на физических измерениях, которые в дальнейшем использовались полицией для выявления преступников. По Жаку Бертильону «демография является изучением человеческих общностей; основным инструментом этого изучения служит статистика»: демография «занимается изучением коллективной жизни. Ее цель состоит в изучении причин, в силу которых общества развиваются, восстанавливаются, и, в конце концов, приходят в упадок и погибают. Она рассматривает как физический, так и нравственный склад каждого народа; рассматривает, какие занятия доставляют ему средства к жизни; она исследует, как и почему люди вступают в брак, в каком количестве они размножаются и как воспитывают детей и пр. Она указывает, наконец, при каких обстоятельствах, в каком возрасте и в силу каких причин люди умирают» [Цит. по: 71].

Демографию Ж. Бертильон по-контровски ориентирует на исследование населения с двух основных точек – в статике и в динамике

ке, но содержание этого деления в него иное, чем у Конта. Анализируя состав населения, эта наука – статическая, ибо она раскрывает анатомию населения. А исследуя перемещения, происходящие в населении путем рождений и смертей, эта наука – динамическая, представляющая своеобразные физиологические процессы населения [295, с. 70].

Ему принадлежит и выдающаяся роль в деле институционализации демографии. Он положил начало изданию первого в мире демографического журнала – «Анналы международной демографии» (1882 г.). Жак Бертильон был пионером преподавания демографии – он в течение более десяти лет преподавал статистику и демографию в основанном им в 1895 г. Свободном колледже социальных наук. Как Э. Дюркгейм был первым дипломированным профессором социологии, так и Ж. Бертильон стал первым профессором демографии в Школе антропологии. Он, как врач по образованию, сыграл исключительную роль в создании классификации болезней, номенклатура которой в 1900 г. была утверждена в качестве Международной классификации болезней (МКБ), за что Американская ассоциация общественного здравоохранения признала его «отцом международной нозологической номенклатуры». Деятельность основанного им в 1896 г. демографического общества способствовала проведению активной пронаталистской политики во Франции.

В научном и исследовательском плане имеют большое значение его работы «Введение в курс антропологии» (1877 г.), «Влияние брака на склонность к самоубийству», «Статистика заикающихся во Франции», «Карлики и великаны», «Статистика движения населения во Франции» (все 1880 г.), «Демографические исследования развода и разделения в разных странах Европы» (1883 г.), «Курс административной статистики» (1896 г.), «Проблемы депопуляции» (или «Вымирание французского народа» (1897 г.), «Алкоголизм и средства борьбы с ними: из опыта юридической практики» (1904 г.), «Депопуляция во Франции: последствия и причины» (1911 г.). «Статистика движения населения во Франции», «Курс административной статистики» и «Вымирание французского народа (Finis Galliae!)» были опубликованы и на русском языке – соответственно в 1889, 1897 и 1899 гг.

Особенно важной задачей для Франции Жак Бертильон считал преодоление таких социальных проблем как депопуляция и алко-

голизм. Исследуя рождаемость в округах Парижа, Берлина и Вены им были выявлены значительные различия в уровне рождаемости в зависимости от благосостояния. Причем оказалось, что у более обеспеченных рождаемость ниже. На основе исследований Жака Бертильона французский социолог Арсен Дюмон сформулировал теорию социальной капиллярности, изложенной в его книге «Депопуляция и цивилизация». А. Дюмон предполагал, что возрастающая социальная дифференциация различных структур населения является главной причиной снижения рождаемости и замедления прироста населения, т.е. выявил тенденцию согласно которой продвижение по социальной лестнице сопровождается сокращением рождаемости. Термин «депопуляция» через некоторое время становится ключевой проблемой исследований Ж. Бертильона.

Выявление тенденции дифференциальной рождаемости породило переход от чисто статистической фиксации рождаемости к исследованию факторов, влияющих на эту тенденцию. Этот социолого-демографический подход отражал осознание социальных различий в уровнях рождаемости семей с различными условиями жизнедеятельности. Этот же дифференцированный подход проявился у Ж. Бертильона и при характеристике продолжительности жизни.

Проблема депопуляции, вызванная прежде всего низкой рождаемостью, которая на протяжении всего XIX столетия «прогрессивно уменьшалась во всех департаментах и при всех правительствах, которые относились к этому явлению совершенно индифферентно» [Цит. по: 71], обусловлена внутренними причинами. И Ж. Бертильон видит проблему прежде всего в правилах наследования земли. Правило майората, т.е. наследования недвижимости старшим ребенком, приводило к тому, что семейная пара, стремясь избежать дробления имущества и соответственного уменьшения благосостояния своих детей, стремилась ограничить по возможности их количество, исповедуя принцип Ж.-Б. Сэя «Лучше делать сбережения, чем заводить детей».

В целях преодоления депопуляции Бертильон на основе учета практики Министерства морского флота Франции, ставшего возмещать своим служащим часть расходов на содержание их семей под лозунгом «10 сантимов в день на ребенка», обосновал необходимость проведения активной пронаталистской политики. Он считал, что высокие налоги и маленькие квартиры являются факторами ограничи-

вающими число детей в семье. Чтобы бороться с тенденцией малодетности семей Ж. Бертильон предлагал выплачивать родителям денежный бонус на четвертого ребенка. Таким образом он обосновал вывод, который столетие спустя принял А. Сови, что «рождаемость – феномен скорее коллективного, чем индивидуального, характера; здесь большую роль настроенность общества в целом, влияние примера ... Оказание материальной помощи в ее различных формах привело к большому или меньшему осознанию того, что впредь общество создаст необходимые условия для детей или по крайней мере не будет отказываться от них с прежней непреклонностью» [244, с. 190].

Ж. Бертильон выдвигал и предложения для поощрения мужчин и женщин вступать в брак. Он писал: «Женитесь, если вы хотите долго жить. Женатый мужчина или женщина, имеет в три раза больше шансов иметь хорошую и высокую продолжительность жизни по сравнению с никогда не вступавшими в брак.... Смертность среди вдов несомненно намного выше, чем среди замужних женщин того же возраста. Смертность вдов 20-25 лет, вдвое больше, чем замужних женщин этого же возраста... Женатые люди ведут более нормальный образ жизни... Их физическая жизнь, как и их нравственная жизнь, здоровее, спокойнее, и более естественна» [Цит. по: 71].

Работы Луи-Адольфа Бертильона и его сына Жака Бертильона о влиянии брака на склонность к самоубийству послужили для их коллеги Э. Дюркгейма для фундаментального исследования этой проблемы, отраженной в книге «Самоубийство». Анализ научного творчества А. Гийяра, отца и сына Бертильонов, с одной стороны, и их современников О. Конта и Э. Дюркгейма, с другой, показывает – насколько близки грани соприкосновения демографии и социологии, становление и развитие которых шло параллельно.

Целительная роль брака

Эмиль Дюркгейм (1858-1917 гг.) продолжил и далее развил контианские идеи в социологии. У первого в мире профессора социологии – это: сциентизм, социологизм, механистический функционализм, роль разделения труда, приоритета общества и социальной среды, анализа индустриального характера современной им экономики, сочетания социального и биологического, идеи солидарности, роль моральных факторов и др. Хотя по некоторым перечисленным аспек-

там в их трактовке между Контом и Дюркгеймом имеются существенные различия. Как и Конт, Дюркгейм попытался сформулировать некоторые социологические законы, один из которых – «закон самоубийства». У него этот закон, объясняя относительное постоянство числа самоубийств в определенных группах, гласит: «Число самоубийств обратно пропорционально степени интеграции тех социальных групп, в которые входит индивид» [84, с. 186]. Важной идеей Э. Дюркгейма является взаимосвязь личного и общественного, а в современных интерпретациях – социальных (в широком смысле этого слова) и демографических явлений. Ведь, в конце концов, контовский «инстинкт самосохранения» означает и продолжения рода человеческого, достойного существования человека на Планете.

Говоря о постоянстве степени самоубийств, Э. Дюркгейм акцентирует внимание на той силе – а ею является интеграция – которая влияет на подобные действия людей: «Контингент добровольных смертей определяется моральной организацией общества. У каждого народа (а мы добавим – и у каждой исторической эпохи – А.З.) существует известная коллективная сила определенной интенсивности, толкающая человека на самоубийства» [84, с. 287]. Но при всем этом возникает вопрос: как объяснить то, что индивиды, даже не подозревая о существовании таких, подобных себе индивидов, ежегодно в приблизительно одинаковом количестве решаются на расставание с жизнью? И ответ он находит в общей для них социальной среде: «Они не оказывают, по крайней мере в большинстве случаев, друг на друга никакого влияния, и между ними нет никакого соглашения; а между тем все происходит так, как будто они выполняют один приказ ... в общей среде, окружающей их, существует какая-то сила, которая направляет их в одну и ту же сторону, причем в зависимости от большей или меньшей интенсивности этой силы повышается или понижается число отдельных самоубийств» [84, с. 293].

А когда мы от себя добавляли “и у каждой исторической эпохе”, имелось в виду то, что у Дюркгейма различия в степени самоубийств связывались с конкретным состоянием общества в тот или иной момент. Социальная среда, ее структура, ее свойства – вот факторы, влияющие на все стороны деятельности людей, в том числе и на суицидное поведение. Вместе с тем, как ранее считал С. Кьеркегор, каждая эпоха наряду со своими умонастроениями, своими моральными принципами имеет и свою безнравственность, имея в виду

апологию А. Шопенгауэра в качестве исхода – самоубийства, а последователь А. Шопенгауэра Э. Гартман даже (на основе концепции солидарности Э. Дюркгейма – вот парадокс!) призывал к коллективному самоубийству.

Э. Дюркгейм в русле своей концепции солидарности показал же другое – живительную роль социальной среды, общественного разделения труда. Он выявляет, что показатели самоубийств варьируются в зависимости от возраста, т.е., как правило, растут вместе с ними. Они меняются в зависимости от пола: у мужчин этот показатель выше, чем у женщин. Меняются они и в зависимости от религии: в частности, согласно германской статистики этот показатель в районах проживания протестантов выше, чем среди католиков. По другим демографическим показателям Э. Дюркгейм анализирует данные о самоубийствах среди мужчин и женщин, как состоящих в браке, так и не состоящих в браке, а также среди вдовцов и вдов. Он сравнивает также частоту самоубийств среди женатых и неженатых мужчин одного и того возраста. И на этой основе Дюркгейм делает вывод о благоприятном влиянии семейных отношений на разнообразные стороны жизни и деятельности людей и общества. Эта благоприятная роль семейной социальной среды (и своеобразное разделение) состоит в том, что она «нейтрализует наклонность к самоубийству и мешает ей развиваться» [84, с. 156], а «безбрачие увеличивает количество самоубийств» [84, с. 149], брак же «почти наполовину уменьшает наклонность к самоубийству» [84, с. 150]. Доказывает Э. Дюркгейм положительную роль семьи и тем, что «в одном и том же возрасте вдовцы лишают себя жизни чаще, чем женатые люди того же возраста» [84, с. 152]. Таким образом, он устанавливает, что брак служит профилактическим средством и для мужчин и для женщин. Эта профилактика характерна для более зрелых по возрасту людей и связана прежде всего с наличием детей.

Эту тенденцию Дюркгейм с позиций механической солидарности объясняет «брачным подбором»: «Брак механически производит в общей массе населения некоторого рода сортировку. Не всякий желающий женится. Мало шансов создать себе семью у того человека, который не обладает известным здоровьем, средствами к жизни и определенными нравственными достоинствами. Тот, кто лишен всего этого, за исключением каких-либо благоприятных обстоятельств, волей или неволей отбрасывается в разряд безбрачных, которые и со-

ставляют, таким образом, наихудшую часть населения» [84, с. 156]. Особенно ярко это проявляется в женской среде: среди замужних женщин процент самоубийств меньше, чем среди незамужних; среди бездетных замужних женщин размеры самоубийств выше, чем у незамужних. Тем самым Э. Дюркгейм связывает это явление со степенью семейной солидарности: «число самоубийств изменяется обратно пропорционально степени интеграции семейного общества» [84, с. 185], что обусловлено «влиянием не супружеского, а семейного союза» [84, с. 165]. Таким образом, средством защиты выступает не столько брак, сколько семья и дети. Бездетная семья не является достаточно надежной прежде всего в социально-психологическом плане.

Еще более важную методологическую роль играет вывод Э. Дюркгейма о влиянии на самоубийства экономических факторов, который он сформулировал в своей докторской диссертации «О разделении общественного труда» [83]. Его методологическая роль значима и для постсоветского демографического развития, где в связи с кризисными экономическими процессами существенно выросло количество самоубийств. В «Самоубийстве» Э. Дюркгейм дает характеристику различных их видов – из эгоизма, из альтруизма и экономического. Влияние на самоубийство экономических факторов он связывает с кризисными экономическими процессами, проявляющимися в общественной дезинтеграции и ослаблении связей между индивидом и группой. Рост убийств в период экономических кризисов одновременно коррелируется и с числом разводов; и Э. Дюркгейм приводит доказательство этого и взаимосвязи разводов и суицидов.

Вообще экономическая жизнь сопровождается соперничеством друг с другом, что порождает суицидальную тревогу: люди ждут от жизни многого, их запросы велики, несоответствие между запросами и их удовлетворением являются питательной средой для суицидальных настроений. Тем самым уровень самоубийств по Э. Дюркгейму вскрывает патологические черты конкретного общественного строя: действительные причины самоубийств – общественные силы, изменяющиеся от общества к обществу, от группы к группе, от религии к религии. «Прилив добровольных смертей свидетельствует, следовательно, не об усиливающемся блеске нашей цивилизации, а о состоянии кризиса и расстройстве, которое не может продолжаться, не порождая опасности [12, с. 338].

Этим выводом Э. Дюркгейм переводит вопрос о суицидах из «бесплодной области личной психологии» в «область социальных явлений, каковыми они, несомненно, являются», – констатирует российский исследователь его наследия А.Б. Гофман [63, с. 59]. И то, что данное явление представляется реальным фактом социальной жизни, отражают и такие показатели измерения этой жизни, которые употребляет в «Самоубийстве» Э. Дюркгейм – «коэффициент предотвращения самоубийств», «сопротивляемость женатых мужчин», «насыщение», «профилактическое значение традиции» и др. Именно такой его вывод в своем анализе самоубийств разделяет и П.А. Сорокин, считая, «что Дюркгейм вполне удовлетворительно разрешил эту проблему» [254, с. 168]. Солидарность с этой позицией позволила Сорокину, находившемуся в студенческие годы под влиянием дюркгеймовских идей, опубликовать отдельной брошюрой статью с аналогичным названием «Самоубийство». В анализе Э. Дюркгеймом суицидов имеется и связь с экономическими факторами иного плана. В частности, семья стала маленькой и потеряла экономическую функцию. Экономическая деятельность отныне развертывается вне семьи, место работы не совпадает с местом жительства.

Демографические ступени развития человечества

Франц Карл Мюллер-Лиер (1857-1916 гг.) в своих работах «Смысл жизни», «Фазы культуры», «Формы брака», «Семья» и «Фазы любви», составивших его многотомное «Ступени развития человечества» и поставивших его в один ряд с О. Контом и Г. Спенсером, развивал концепцию генеомии, рассматривая ее как сумму всех тех жизненных проявлений общества, которые связаны с сохранением вида [171, с. 1]. Его концепцию генеомии в Беларуси в 20-х годах XX в. развивал С.Я. Вольфсон [54].

В генеомическом развитии человеческого общества, на основе исторического изучения семьи Ф. Мюллер-Лиер выделяет три основных периода: родовую, семейную и индивидуальную (или личную) эпохи. Каждый из этих периодов характеризуется преобладанием определенных принципов организации общества. Родовая эпоха основывается на биолого-половом фундаменте человечества, т.е. первичных, животных частей [171, с. 35]. Семейная эпоха характеризуется, с одной стороны, облагораживанием половых инстинктов, а с

другой – господством мужчин, подчиненностью женщин, произволом в отношениях между мужчиной и женщиной, взглядом на женщину, как на низшее существо [171, с. 65]. Начинаясь, по его мнению, личная (индивидуальная) эпоха означает прогресс в отношениях мужчин и женщин, где «будущее принадлежит новому типу, новой женщине, добившейся самостоятельности собственным трудом, равноправной с мужчиной». В условиях близкого перенаселения, бедности, войн, нищеты, болезней, хилости и вырождения «индивидуум уже не поглощается в такой полной степени заботами о потомстве, любовь как таковая, становится составной частью личного стремления к счастью, ибо она необходима для того, чтобы познать радость жизни» [171, с. 72].

В работе «Фазы любви» Ф. Мюллер-Лиер попытался дать социологическое обоснование евгенике, в чем сказалось его медицинское образование, как центрального ядра новой половой морали [171, с. 167-174], ставшей в фашистской демографической «политике» идеологией этой политики: «устремляясь в будущее приходим к мысли об евгенике, о сознательном половом отборе. В свете этой идеи наивысшую моральную ценность имеет такой брачный союз, который дает наилучшее, т.е. наиболее здоровое, крепкое и красивое потомство» [171, с. 228]. Одновременно это будет означать рационализацию половой жизни, «регулируя ее таким образом, чтобы произвести не больше детей, чем то их количество, которому он в силах дать достойное человека и культуры воспитание» [171, с. 227].

Также в социологическом плане им были подняты проблемы взаимоотношения общества, семьи и женщины: антагонизм между семьей, с одной стороны, обществом и женщиной, с другой [171, с. 178-180]. На основе развития общественного (индустриального) разделения труда Ф. Мюллер-Лиер прогнозирует будущее феминистического движения, перспективой которого, выходящей за рамки «чистой социологии», он выбрал афоризм некой Генриетты Фюрт «Женщина пока худший враг женщины». У него современное состояние семьи («поздне-семейная фаза») означает прогрессивный переход к такой моногамной семье, которая не будет озабочена воспроизводством и воспитанием потомства, а только реализовывать личное стремление к счастью.

Народонаселение в отражении производительных сил

Марксистская демографическая концепция представляет интерес по двум важнейшим обстоятельствам. Во-первых, развитие социально-гуманитарных наук в Советском Союзе, в том числе и демографии, было невозможным, если ученые не связывали те или иные проблемы с разработками классиков марксизма. Это напоминает позицию Дж. Мильтона, который свой протест против религиозных семейных догматов подтверждал религиозными постулатами. И марксистское (и в кавычках и без кавычек) обоснование в истории отечественной демографии занимает значительное место. Во-вторых, хотя у Маркса специальных трудов по проблемам народонаселения не имеется, но в его системе философских, экономических и социологических построений демографические аспекты в большей или в меньшей степени присутствуют.

Проблемы народонаселения в научной концепции **Карла Маркса** представлены в рамках общесоциологической и общэкономической концепции – в системе производственных отношений, не затрагивая демографической сущности современного подхода их анализа. У него население представляет, с одной стороны, во-первых, как начальную, а во-вторых, так и итоговую стадию социально-экономических отношений. А с другой стороны, оно выступает как основа и субъект всего общественного процесса производства. В «Экономических рукописях 1857-1858 годов» эта их диалектическая взаимосвязь Марксом характеризуется таким образом: «Кажется правильным начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Однако при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население – это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит ... если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом. ... Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришел бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отношений» [147, с. 726-727; 154, с. 36-37].

Этим Маркс дает характеристику народонаселения, как общесоциологическому явлению, где население представляет системную совокупность индивидов, производящих в определенных исторически конкретных общественных условиях. Даже «простейшая экономическая категория, например, меновая стоимость, предполагает население – население, производящее в определенных условиях, – а также определенные формы семьи, общины или государства и т.д.» [147, с. 728; 154, с. 38]. Народонаселение, по Марксу, представляет всю совокупность классов, социальных групп, определенным образом взаимодействующих между собой в результате «подчинения индивидов определенным производственным отношениям» [154, с. 33]. Хотя у Маркса нет специальных развернутых исследований о народонаселении, но, как видно из вышеизложенного, они включены в его аналитическую систему той или иной исследуемой им проблемы. А в данном контексте они им включены в систему экономического учения, т.е. как его составной части. И у него учение о народонаселении составляет неотъемлемую составную часть его политико-экономического анализа: «все *отношения народонаселения* (выделено курсивом Марксом – А.З.) и поэтому основы учения о народонаселении точно так же содержится в этой первой главе о капитале (речь идет о первоначальном варианте «Капитала» – А.З.), как и основы учения о прибыли, цене, кредите и т.д.» [154, с. 32].

Важнейшей сущностью демографической концепции Маркса, на что в основном упор делали демографы в советские времена, была его характеристика законов народонаселения. Анализ движения народонаселения и его законов, отмечает К. Маркс «относится к тому *социальному опосредствованию* (здесь и далее выделено курсивом Марксом – А.З.), в результате которого индивид связан со средствами собственного воспроизводства и создает их; следовательно, это относится к *условиям производства* и его отношению к ним ... Никогда не имело места отношения к *несуществующей* абсолютной массе средств существования, а имело место отношения к условиям воспроизводства, которые ... в равной степени являются *условиями воспроизводства людей*, всего населения, включая относительно избыточное население» [155, с. 105-106]. Следовательно, условия воспроизводства относительно избыточного населения являются составной частью условий воспроизводства всего населения и никакого – к средствам существования: «перенаселение и население, взятые вме-

сте, составляют *то* население, которое может быть порождено определенным производственным базисом» [155, с. 102-103].

Говоря о законах народонаселения, К. Маркс подчеркивает, что «всякому исторически определенному способу производства в действительности свойственны свои особенные, имеющие исторический характер законы народонаселения» [148, с. 646]. Характеризуя эмиграционные проблемы Англии, и исходя из соотношения – что первично, а что – вторично, К. Маркс делает вывод «не народонаселение давит на производительные силы, а последние давят на народонаселение» [146, с. 568]. А это означает, что конкретно историческим и специфическим условиям существования присущи свои законы роста населения и его перенаселенности: «при различных общественных способах производства существуют различные законы возрастания населения и перенаселения» [155, с. 101]. В частности, в отношении предшествующих форм капиталистического способа производства, где господствовали законы майората, он отмечает, что «там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствия» [154, с. 483].

Рассматривая процесс образования избыточного рабочего населения в анализируемой капиталистической действительности, К. Маркс исходит из результата взаимодействия труда и капитала. И в этой связи в «Капитале» он дает следующую характеристику закона народонаселения капиталистического способа производства: «Рабочее население, производя накопление капитала, тем самым в возрастающих размерах производит средства, которые делают его относительно избыточным населением» [148, с. 645-646]. И К. Маркс делает вывод: «это свойственный капиталистическому способу производства закон народонаселения» [148, с. 646], т.е. это специфический демографический закон. Этот закон, исходящий из того, что народонаселение представляет всю совокупность классов, социальных групп, определенным образом взаимодействующих между собой, Маркс распространяет на особенности классового воспроизводства, характер семейно-брачных отношений.

В отношении класса, который Т. Веблен в своем научном бестселлере [47] назовет «праздным классом», К. Маркс его воспроизводство рассматривает в системе других законов этих специфических отношений – конкуренции, концентрации, централизации и

накопления капитала, образования и воспроизводства праздного населения господствующего класса и т.д. В отношении воспроизводства рабочего класса Маркс акцентирует внимание на законах воспроизводства необходимого рабочего населения, стоимости рабочей силы, свободного времени, капиталистического накопления, образования резервной армии труда. На раннем этапе капитализма социокультурная инерция многодетности в обществе предшествующей формации стимулировалась и использованием труда детей, как «премией за производство рабочих детей, которую дает их эксплуатация» [148, с. 657]. В связи с этим К. Маркс соотносил также зависимость, согласно которой «не только число рождений и смертных случаев, но и абсолютная величина семей обратно пропорциональны высоте заработной платы, т.е. той массе жизненных средств, которой располагают различные категории рабочих» [148, с. 658]. Маркс отмечает, что этот закон капиталистического общества казался бы бессмыслицей среди дикарей или даже цивилизованных колонистов. И он ссылается на Лэнга, который считал, что если бы все в мире находилось в благоприятных условиях, это мир скоро бы обезлюдел, т.е. делает вывод противоположный Мальтусу: высокий уровень жизни способствует не увеличению, а уменьшению рождений.

К закону народонаселения относится и установленная Марксом зависимость между увеличением численности населения и изменением затрат времени на воспроизводство новой рабочей силы, что отражает его вывод: «население может расти по мере того, как сокращается *необходимое рабочее время*, или по мере того, как относительно уменьшается время, *необходимое для производства живой рабочей силы*» [155, с. 503]. Поэтому «максимальный рост населения, живой рабочей силы ... разделение труда, кооперация, максимально возможное количество центров обмена – все это тождественно с ростом населения» [155, с. 102].

С позиций товарных отношений, представляющих собой «совокупность всех продуктов, деятельностей, отношений к обмену», т.е. «развитие меновых отношений», Марксом характеризуется «всеобщая проституция» семейных отношений буржуазного общества, которая у него, «выражаясь более вежливо», являет собой «всеобщее отношение полезности и годности для употребления». А с политико-экономических отношений «выступает как необходимая фаза разви-

тия общественного характера личных задатков, потенций, способностей, деятельности» [154, с. 106].

Отметим, что сформулированная К. Марксом в «Капитале» в общетеоретическом плане методология анализа демографических процессов, позже будет взята на вооружение в основу концепции демографического перехода. Это вывод Маркса о том, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [148, с. 9]. Да и Ф. Энгельс в письме к ближайшему другу семьи К. Маркса – К. Каутскому, автору книги «Размножение и развитие в природе и обществе» предполагал, что абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел, конечно, существует. Причем, перед этим вышеприведенным выводом К. Маркс констатирует, что «эта тенденция действует и осуществляется с железной необходимостью» [148, с. 8]. Вероятно, эти, да и другие рассуждения К. Маркса, к примеру, «все исторические различия ... могут быть смешаны и стерты в *общечеловеческих* (выделено Марксом – А.З.) законах» [147, с. 713; 154, с. 23], теория демографического перехода взяла в качестве своей теоретико-методологической основы. Но в отличие от теории демографического перехода марксистская концепция теории в отношении закона народонаселения отрицает их «вечный» и «неизменный» характер.

Как политический деятель, активно обсуждавший социальные проблемы, К. Маркс дал анализ и критику проекта закона о разводе, тех, которые «думают только о двух индивидах и забывают про семью». В демографической и юридической литературе широко известно его теоретическое положение: «Никто не принуждается к заключению брака, но всякий должен быть принужден подчиняться законам брака, раз он вступил в брак. Тот, кто заключает брак, не *творит* брака, не *изобретает* его, он так же мало творит и изобретает брак, как пловец – природу и законы воды и тяжести. Брак поэтому не может подчиняться произволу вступившего в брак, а наоборот, произвол вступившего в брак должен подчиняться сущности брака». Но «если бы брак не был основой семьи, то он так же не являлся бы предметом законодательства» [153, с. 162].

В этом положении есть противоречие с его же методологическими выводами в отношении общества, где господствуют товарные отношения: и до Маркса и во времена Маркса часто брак осуществ-

лялся принудительно, на что указывал Ф. Энгельс [304, с. 73]. Но более важным является последующая аргументация Маркса, суть которой, что в браке нельзя жить также свободно, как до брака, что любовью, кто находится в брачных отношениях, должен подчиняться законам супружества – и писаным и неписаным. Маркс не являлся противником развода, ибо «развод есть только установление факта: данный брак есть *умерший* брак, его существование есть только видимость и обман» [153, с. 163]. Главное, что защищает К. Маркс – это семья, ибо «всякое расторжение брака есть расторжение семьи и что даже с юридической точки зрения положение детей и их имущество не может быть поставлено в зависимости от произвольного усмотрения родителей, от того, что им заблагорассудится» [153, с. 162].

Важной в марксистской демографической концепции является работа **Фридриха Энгельса** «Происхождение семьи, частной собственности и государства» [304] (1884 г. и доработанная в 1890-1891 гг.). Ф. Энгельс обратился к генезису семейно-брачных отношений, анализ которых был особенно популярен в исторической, философской и социологической литературе того периода. Эта традиция, заложенная Л. Морганом, была продолжена Г. Спенсером, М.М. Ковалевским, Э. Дюркгеймом, а также нашими М.В. Довнар-Запольским (в дореволюционное время) и С.Я. Вольфсоном (уже в 20-х годах XX века). Ф. Энгельс демографические проблемы прежде всего связывает с проблемами происхождения и генезиса государства, его основы частной собственности, классовым расколом общества и перспективами трансформации семейно-брачных отношений. Его основной вывод состоит в характеристике истории развития семьи в неразрывной связи с отношениями собственности: «семейный строй полностью подчинен отношениям собственности» [304, с. 26]. Ф. Энгельс придерживался материалистической трактовки, что производство и воспроизводство непосредственной жизни в конечном счете является определяющим моментом в истории. При переиздании «Происхождения семьи...» в 1940-х-1950-х годах, как отмечает крупнейший в Советском Союзе историограф в области демографии Д.К. Шелестов, была предпринята попытка «поправить» Ф. Энгельса. В подстрочном примечании редакции писалось: «Энгельс здесь допускает неточность, ставя рядом продолжение рода и производство средств к жизни в качестве причин, определяющих развитие общества и общественных порядков», что внесло сумятицу в ряды многих исследова-

телей [295, с. 148], в т.ч. и пионеров возрождающейся советской демографии.

А ведь Ф. Энгельс позже ясно писал, что «согласно материалистическому пониманию историю в историческом процессе определяющим моментом *в конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни ... Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу» [302, с. 394]. И Энгельс, будто предвидя, что это диалектическое марксистское положение будет еще не раз утрировано (как это сделал Н. Бухарин в популяризаторском учебнике начала 1920-х годов «Теория исторического материализма» его представил в качестве монистического) требовал «отдавать должное остальным моментам, участвующим во взаимодействии» [302, с. 396]. Хотя Ф. Энгельс добавляет, что условия «экономические являются в конечном счете решающими» [302, с. 395].

В доработанной работе Ф. Энгельс ссылается и на М.М. Ковалевского [304, с. 61-63, 130-134, 139-140] – на серию его лекций в Стокгольмском университете [109], первоначально вышедшей французском языке в 1890 г., а также на еще более раннюю его работу «Первобытное право» [110]. Он высоко оценивает исследование М.М. Ковалевским исторической роли большой семьи, или патриархально-семейной общины, как формы разложения рода. В частности, он отмечает, что «мы обязаны Максиму Ковалевскому доказательством того, что патриархальная домашняя община образовали переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира» [304, с. 61-62], которую Ф. Энгельс называет современной изолированной семьей [304, с. 139]. В целом дискуссии второй половины XIX в. в отношении семейно-брачных отношений позволили установить зависимость многообразия исторических форм семейно-брачных отношений от конкретно-исторических условий, а также их генезис.

Следует отметить, о чем речь была выше, что у Маркса не имеется специальных развернутых исследований демографических проблем, но, как видно из предыдущего изложения, демографические аспекты вплетаются в его систему философских, экономических и

социологических взглядов. И даже некоторые ученые считают, что демографические аспекты у Маркса рассмотрены преимущественно в критическом плане (антимальтузианском), а «позитивный план не был главным» [227, с. 230-231]. Важным аспектом марксистского анализа демографических проблем является критика мальтузианской концепции народонаселения. И эта критика изложена в его системном анализе социально-экономических проблем. И в ней пронизан «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории» [127, с. 329].

Говоря о содержательном аспекте демографической концепции Мальтуса, К. Маркс социальную сущность его сочинений охарактеризовал как «ученически-поверхностный и поповско-напыщенный *плагиат*» [149, с. 630], как бесстыдный «*пасквиль на человеческий род*». В политэкономическом анализе Ф. Энгельс пишет: «Мальтус по своему прав, когда он утверждает, что всегда имеется “избыточное население”, что на свете всегда слишком много людей; он только неправ, когда утверждает, что на свете больше людей, чем могут *прокормить имеющееся налицо средств к жизни*» [303, с. 315-316]. Но при этом молодой Энгельс делает совсем иной вывод, нежели Мальтус: вместе с тем «из теории Мальтуса мы черпаем самые сильные экономические аргументы в пользу социального преобразования, ибо даже если бы Мальтус был безусловно прав, то все же было бы необходимо предпринять это преобразование. ... При посредстве этой теории мы стали понимать глубочайшее унижение человечества, его зависимости от условий конкуренции ... как вследствие этого система конкуренции убивала и убивает миллионы людей» [301, с. 567]. Именно в этом аспекте дана марксистская критика теории народонаселения Мальтуса, и в частности – перенаселения, которая у Мальтуса выступает «естественным законом» [155, с. 104] и которую Ф. Энгельс называет «самым откровенным провозглашением войны буржуазии против пролетариата» [303, с. 504]. Главный вывод Мальтуса Ф. Энгельс формулирует следующим образом: «на земле всегда имеется избыток населения и потому всегда будут царить нужда, нищета, бедность и безнравственность, что такова судьба, таков вечный удел людей – появляться на свет в слишком большом количестве», из которого, по мнению Ф. Энгельса, Мальтус делает практический вывод, что всякая помощь бедным лишь поддер-

живает существование «избыточного населения» и поощряет его размножение, «а оно своей конкуренцией понижает заработную плату остальных, что вместо безработного, получающего работу, неизбежно лишается работы другой рабочий».

И Ф. Энгельс перефразирует демографическую политику, вытекающую, по его мнению, из выводов Мальтуса: «задача заключается вовсе не в том, чтобы прокормить «избыточное население», а в том, чтобы тем или иным образом возможно более сократить его число», что «Мальтус прямо объявляет чистой бессмыслицей признававшееся до сих пор право каждого родившегося на средства существования» [303, с. 504]. Эта трактовка Ф. Энгельсом демографической концепции Мальтуса длительное время была господствующей в советской общественной науке.

В поисках демографической гармонии

Системный анализ демографических процессов в XIX веке изложил **Герберт Спенсер** (1820–1903 гг.). Им демографическое развитие было представлено эволюцией семейных форм организации и их взаимосвязи с общественными отношениями. Это уже представляло социологическую систему. Вместе с тем в его концепции объективизма и эволюционизма отразился противоречивый характер эпохи, одно из которых охарактеризовал К.М. Тахтарев: «можно только удивляться, каким образом в голове этого выдающегося мыслителя его индивидуалистическое миросозерцание могло мириться с его органической социологической теорией. Таково было увлечение Спенсера биологией. Спенсер, бесспорно, считал человеческое общество настоящим организмом» [270, с. 607]. В социологическом плане это было противоречие между бурным ростом капиталистических отношений, с одной стороны, и консервативностью многих социальных процессов, и прежде всего демографических процессов, с другой стороны. И это противоречие отразилось на противоречивости спенсеровских взглядов на демографические процессы.

По аналогии с биологическим организмом Г. Спенсер представлял и общество как растущий, постоянно увеличивающийся организм. По аналогии с биологическим организмом в ходе эволюции усложняется и общество. При этом эволюционное развитие идет во взаимодействии двух тенденций, с одной стороны, дифференциации

функций социального организма, а с другой – развития взаимодействия дифференцированных структур и функций биологического и социального организма. Однако при этом Г. Спенсер подчеркивает существенное различие между этими двумя видами организмов: «Общество существует для блага своих членов, а не члены его существуют для блага общества. Следует всегда помнить, что, как ни были велики усилия, направленные на благосостояние политического агрегата, все притязания этого политического агрегата сами по себе суть ничто и что они становятся чем-нибудь лишь в той мере, в какой воплощают в себе притязания составляющего этот агрегат единиц. Все остальные требования не важны в сравнении с этим главным требованием – чтобы каждый жил, не обременяя других и не принося им вред» [259, с. 10].

Г. Спенсер исходит из того, что виды (типы), лучше других приспособленные к условиям, имеют такую степень размножаемости, которая обеспечивает их стремление к преобладанию. Но более развитые организмы, – считает он, исходя из соотношения количества и качества, – абсолютно менее плодовиты, хотя относительно они более плодовиты, обусловленные крайними различиями в издержках, сопровождающих телесную и духовную деятельность человеческого рода. Если А. Смит только констатировал уменьшение плодовитости женщин правящих слоев («бесплодие, столь частое среди светских женщин»), то Г. Спенсер в духе своего биологизма предпринял попытку это обосновать: хотя «плодовитость человека соотнобразуется с общими законами плодовитости», «обильная пища одновременно и увеличивает самого индивида, и усиливает производство новых индивидов», но «относительное возрастание траты уменьшает плодовитость; у женщин чрезмерная умственная работа обыкновенно приводит к бесплодию;...люди необыкновенной умственной деятельности часто не оставляют потомства» [259, с. 137-138]. В другой своей работе «Биология» он приписывает влияние на физическую сторону женщин переутомлению активной мозговой деятельности, что приводит к недостатку у них воспроизводительной силы. Спенсер это аргументирует более частыми случаями у них бесплодия, ранним прекращением детородной способности и весьма часто встречающейся неспособностью кормить детей: «Воспроизводственная способность, взятая в полном ее объеме, есть способность родить хорошо развитого ребенка и давать ему естественную пищу в течение

естественного периода. Большинство плоскогрудых девушек, прошедших все ступени школьного воспитания, неспособны к этому. Если бы измерять их плодовитость числом детей, которых они в состоянии выкормить без искусственной помощи, то они оказались бы относительно весьма неплодовитыми». Что в несколько иной интерпретации столетием ранее заметил французский ученый Б. Фонтенель: «Нет ничего печальнее жизни женщин, которые умели быть только красивыми».

По мнению А.Сови, первым (наверное, он имел в виду Францию – А.З.), кто начал говорить о сокращении способности человека к деторождению в результате обильного питания, был Ш. Фурье, развивавший концепцию гастрософии. И Спенсер придерживался мнения, что избыточное питание снижает половую возбудимость человека. Размышляя над позицией Спенсера, Маршалла, Фурье и других о том, что хорошо питающееся население, как правило, имеет меньшее количество детей, чем плохо питающиеся, А. Сови делает иной вывод. Он отмечает, что создается впечатление, что они не проводили четкого разграничения между физиологическими и социальными факторами: «на самом деле население, которое хорошо питается, проявляет предусмотрительность потому, что оно более развито и обладает более высокими доходами. Но физиология к этому не имеет никакого отношения» [244, с. 164].

Рассматривая историческую эволюцию семьи, Г. Спенсер считает прогрессивной тенденцией развития семьи – моногамную семью: «моногамная семья есть наиболее развитая форма семьи, ... ее более многочисленные связи приводят к большей устойчивости»; «интересы общества детей и родителей находят себе лучшую поддержку в моногамном браке в течение тех более поздних периодов социальной эволюции» [259, с. 305]. Т.е. в спенсеровской эволюционной концепции моногамная семья представляется как более высокая лестница социальной эволюции. Анализ Спенсером моногамной семьи выполнен в духе научных традиций середины XIX в., что было свойственно любому мыслителю, касавшихся этой темы, начиная от Г. Мэна и Л. Моргана до Ф. Энгельса и К. Каутского, а также историков, этнографов, когда семья понималась как изначальная и по своей природе моногамная ячейка общества. Им этот анализ также продолжен в духе XIX в., показывавшего историческую изменчивость брака и семьи, в которой «моногамная форма половых отношений есть

окончательная форма, и всякие изменения, возникновение которых можно предсказать, должны быть направлены на дополнение и расширение ее» [259, с. 311].

Им эволюция семьи представлена простейшим социальным явлением, базовым явлением, а «от устройства семьи, рассматриваемой как составная часть общества, зависят различные общественные явления» [259, с. 306]. Эта эволюция семейных форм организации органически взаимосвязана с общественными отношениями, последние же меняясь, отражались и на эволюции семьи. Эволюция семьи выявляет законы жизни, а «знание закона жизни гораздо важнее многих других знаний», – таково методологическое кредо Г. Спенсера.

Говоря о выводе Генри Мэна (чьи работы «Древнее право», 1861 г. и «Древний закон и обычай», 1883 г. положили начало многолетней дискуссии), что «единицей древнего общества была семья, а единицей современного общества – индивид», Г. Спенсер акцентирует внимание на процессах современной дезинтеграции семьи. Он предпринял попытку выявления сущностных изменений и внутри современной моногамной семьи. Как эволюционист, он задает вопрос: есть ли предел этой дезинтеграции? Как ученый, рассматривающий эволюцию во взаимодействии интеграционных и дезинтеграционных тенденций, размышляет: «В современных обществах эта дезинтеграция разрушила отношения домашней жизни и заменила их отношениями общественной жизни. Государство не только признало индивидуальные права и индивидуальную ответственность младших взрослых членов семьи, но оно в значительной степени узурпировало родительские функции относительно детей и, признавая их права на его заботы, употребляет против них принудительные меры. Однако мы имеем основания думать, что подобная дезинтеграция семьи зашла слишком далеко и что в будущем, – оптимистически заявляет он, – произойдет частичное увеличение интеграции» [259, с. 308].

Определяя в общем плане эволюцию демографического развития, Г. Спенсер основным направлением считает обеспечение гармонии, или равновесия. Это равновесие Спенсера обеспечивается взаимосвязью этических, биологических и экономических аспектов (требований), что свидетельствует о преобладании социологического подхода к демографическим процессам. Ставя социальный прогресс в зависимости от роста народонаселения, Г. Спенсер приходит к таким выводам: эта зависимость порождает «борьбу за существование», а в

«борьбе за существование» побеждают наиболее приспособленные к жизни индивидуумы. По его мнению, всегда и всюду совершенствование и способность к производству потомства противоречат друг другу. И из этого он приходит к выводу, что дальнейшее развитие общества, вероятно, приведет к уменьшению размножения человечества. Таким образом, в его концепции на первый план выдвигается, во-первых, планетарная ответственность человечества, и, во-вторых, сущностные изменения внутри моногамной семьи.

Говоря об ответственности, он признает «желательность сохранения человеческого рода, что существует обязательство приносить для этого соответствующие жертвы. Естественная справедливость указывает, что, так как каждый индивид находится в долгу перед предшествующими ему индивидами за издержки, связанные с производством и воспитанием его, то он должен дать известный эквивалент на пользу будущих индивидов» [259, с. 462]. Поэтому необходимо, чтобы «требования, предъявляемые браку, согласовывались с условиями возникновения нового поколения». В связи с этим Спенсер считал, что необходим отказ от борьбы за снижение смертности среди слабых здоровьем. Это он обосновывает тем, что мероприятия в области социальной гигиены наносят вред обществу, тем самым исключая процесс естественного отбора.

Среди сущностных семейных изменений – это: положение женщины в семье и общественной жизни; взаимоотношения в семье мужчин и женщин; рождение детей и их положение в семьях; разделение труда в семьях и обществе. Великий предшественник Спенсера III. Фурье степень освобождения женщины признал естественным мерилom всякого освобождения. Но у Фурье борьба за освобождение женщины является признаком будущего свободного общества – коммунизма. У Спенсера это освобождение рассматривается во взаимосвязи с другими социальными явлениями, и как следствие – его влияния на демографические процессы. «Общества, которые из поколения в поколение производят достаточное количество индивидов, физические, нравственные и умственные качества которых лучше всего соответствуют данным требованиям (т.е. прогресса – А.З.), должны сделаться господствующими обществами и должны стремиться заместить собой другие общества путем спокойного процесса промышленной конкуренции. Следовательно, должно совершиться распространение таких супружеских отношений, которые в наибольшей ме-

ре благоприятствуют достижению этого результата; при этом господствующие чувства и идеи претерпят такие изменения, соответствующие требованиям этих отношений, что всякие другие отношения будут осуждаться как безнравственные» [259, с. 311].

Но, здесь в его социологической концепции равновесия в отношении проблем народонаселения возникает противоречие, которое он решает интересами расы. Признавая уменьшение численности населения «роковым» явлением, Г. Спенсер в тоже время считает: что «дети худших родителей, воспитываемые худшими способами, будут постоянно замещаться детьми лучших родителей, воспитываемыми лучшими способами» [259, с. 312]; что «следует осуждать и тех, которые рожают много детей, имея средства для вскармливания только немногих из них»; что «рождение детей не должно быть слишком частым. Это необходимо не только для более полного развития уже родившегося ребенка, и того, который родится впоследствии, но также и для здоровья матери». Но «каким же образом привести в соглашение интересы индивидов и интересы расы? На этот вопрос, может быть, и нельзя ответить. Несомненно, однако, одно: интересы расы должны господствовать над интересами индивидов» [259, с. 463]. Как видно, этот вывод созвучен требованиям глобалистской перспективы современной теории демографического перехода.

Первичная причина этой перспективы (уже во второй половине XIX века, когда населения Планеты было в 4 раза меньше, чем ныне) у Г. Спенсера состоит в чрезмерной плотности населения: «Трудность добывания средств в жизни есть одновременно побудительная причина и к обеспечению лучшего воспитания детей, и к усиленным и более продолжительным занятиям взрослых». И в соответствии с мальтусовской (не мальтузианской в наиболее общепринятой и известной трактовке) концепцией он дает обоснование неизбежности падения численности населения: «избыток плодовитости есть причина дальнейшей эволюции человека. Но ... сама дальнейшая эволюция человека вызывает упадок его плодовитости», что: «обеспечивает окончательное достижение высшей формы, при которой количество жизни должно быть возможно большее, а количество рождений и смертей возможно меньшее». Это его положение представляет социологическую предтечу теории демографического перехода и составляет одновременно противоречие в его демографических взглядах: «С самого начала тяжесть чрезмерного населения бы-

ла ближайшей причиной прогресса. Заселив надлежащим образом земной шар; подняв все обитаемые его части до высшей степени культуры; доведя до совершенства все процессы, служащие для удовлетворения человеческих нужд; развив ум до полной пригодности его для дела, а чувства до полной пригодности к общественной жизни – совершив все это, человечество будет уменьшать чрезмерную перенаселенность, и со временем она даже исчезнет» [259, с. 139-140], – таков вывод у Г. Спенсера в отношении перспектив демографического развития Планеты.

О законе спроса в демографии

Наряду с Т. Мальтусом, Дж.С. Миллем и Г. Спенсером системно, а на наш взгляд – наиболее системно, проблемы народонаселения рассмотрел **Альфред Маршалл** (1842-1924 гг.). Этому посвящены четыре главы («Рост населения»; «Здоровье и сила населения»; «Производственное обучение» и «Рост богатства») четвертой книги первого тома его «Принципов политической экономии». Он анализирует проблемы роста населения – численности, силы, знаний и характера, представленные им, как «воздействие проблемы роста населения, часто неявное, а иногда даже четко не осознанное людьми» [157, с. 289], отражают взаимодействие интрональных и экстранальных факторов демографического развития.

Продолжая и развивая в определенной степени подход Монтескье, А. Маршалл считает: «Наука продвигается вперед, увеличивая количество и точность своих законов, подвергая их все более жесткой проверке и расширяя сферу их действия до тех пор, пока один-единственный закон не поглощает и не заменяет ряд более узких законов, которые оказались лишь частными его проявлениями». Одним из таких его законов является закон спроса, который регулирует тенденции роста или уменьшения численности населения.

В методологическом плане А. Маршалл исходит из конфликта человеческого рода между стремлением к продолжению рода и борьбой за жизнь. Этот конфликт осложняется тем, что «с одной стороны, забота о будущем побуждает многих индивидуумов сдерживать свои естественные порывы, иногда с целью достойно выполнять свой родительский долг, а иногда, как, например, в Риме времен империи, с низменными целями. А с другой стороны, общество оказы-

вает на индивидуума давление религиозными, нравственными и правовыми предписаниями, иногда с целью ускорения, а иногда и с целью замедления роста населения» [157, с. 246].

Рост численности населения — это явление относительное: «Быстрый рост населения в одних условиях представляет собой беду, а в других не является такой» [157, с. 406-407]. Кроме того последствия роста численности населения следует четко отличать от последствий увеличения богатства, которым он обычно сопровождается. Так, в Древней Греции и Древнем Риме с целью укрепления колоний рост численности граждан считался источником могущества государства. Браки там поощрялись общественным мнением, а во многих случаях даже и законодательством, хотя уже и тогда было осознание, что в определенных исторических условиях могут осуществляться и меры противоположного характера. И А. Маршалл приводит факты, о которых мы сегодня сказали бы — пронаталистикой и/или антинаталистской политики: при двух Тюдорах в Англии проводилась пронаталистская политика, а в XVI веке — антинаталистская политика. И в следующих веках пронаталистская политика сменилась антинаталистской политикой.

Критерием выбора той или иной демографической политики у А. Маршалла является плотность населения. Для обоснования этого критерия он ссылается на У. Петти, показавшего преимущества высокой плотности населения, в частности, на примере Голландии, которая богаче, чем Франция, поскольку в последней население более рассредоточено [157, с. 248].

В качестве примеров пронаталистской политики А. Маршалл ссылается на поощряющую рождаемость меры, которые осуществляло правительство Питта в отношении людей, обогативший страну несколькими детьми. Далее — в военный период (в 1806 г.) был принят закон, освобождавший от налогов отцов двух и более детей. Закон позже, после ссылки Наполеона на Святую Елену, был отменен. Подобная пронаталистская политика проводилась в Англии и позднее, а также в дореволюционной и послереволюционной Франции вплоть до первых десятилетий XX века.

А. Маршалл прогнозирует, что при современных ему темпах роста численность населения мира может за 200-летний период увеличиться в 4 раза. Если рассматривать последующее демографическое развитие под углом зрения современных мировых демографиче-

ских проблем, то его прогноз был чересчур оптимистическим: если в 1890 г. численность населения мира составила 1,5 млрд чел., то 6-ти миллиардный рубеж по его расчетам должен быть достигнут за 200 лет (т.е. в 2090 г.), но уже к началу XXI века, т.е. почти на 100 лет ранее, эта величина уже была перекрыта.

В отличие от предшествующих поколений политэкономов А. Маршалл имел возможность пользоваться фундаментальной статистической информацией. Это позволяло ему делать демографически осмысленно выводы, что «увеличение численности населения зависит, во-первых, от его естественного прироста, т.е. от превышения рождаемости над смертностью, и, во-вторых, от его миграции» [157, с. 254]. Уровень рождаемости А. Маршалл объясняет главным образом обычаями, относящимися к браку, возрастом вступления в брак, который колеблется в зависимости от климата, откладыванием возраста женщины вступления в брак, что ведет к снижению уровня рождаемости. Брачность и уровень рождаемости А. Маршалл связывает с характером труда: наиболее высоким уровнем брачности характеризуются те регионы, где наиболее высок удельный вес молодых женщин, занятых фабричным, т.е. физическим трудом. Советские демографы и социологи 1960-1970-х годов, исследуя социальные проблемы труда женщин, также отмечали большую детность семей, где женщины заняты тяжелым физическим трудом по сравнению с женщинами, занятыми преимущественно умственным трудом. Впрочем, об этой особенности, но несколько в ином плане, говорили и А. Смит («роскошь в прекрасном поле уничтожает способность к деторождению») и Г. Спенсер («у женщин чрезмерная умственная работа обыкновенно приводит к бесплодию»).

Одновременно он отмечает, что уровень рождаемости ниже среди состоятельных родов, чем среди тех, кто откладывает значительные сбережения для себя и своих детей и кто ведет деятельный образ жизни; плодовитость сокращается привычкой к роскоши (вероятно, от умственного перенапряжения): «при определенных физических силах родителей их ожидание многочисленной семьи уменьшается вследствие большого усилия напряжения умственных сил... кто выполняет сложную умственную работу, представляет собой слой людей, обладающих выше средней физической и нервной энергией ... не относятся к неплодовитым. Однако они обычно вступают в брак поздно» [157, с. 259].

А. Маршалл продолжает миллевский анализ влияния западного права наследования – майората на демографические процессы Старого Совета. Так, в сельскохозяйственных районах Европы брак старших сыновей на единственной наследнице рассматривается как деловая сделка. При этом он отмечает, что в Англии этот обычай женить старшего сына на наследнице (причем, не всегда плодотворной), а иногда отговаривать младших сыновей вступать в брак «в конце концов привел к угасанию многих знатных родов» [157, с. 258].

Факторы, влияющие на уровень смертности, рассматриваются А. Маршаллом в главе «Здоровье и сила населения», которые если разумно используются, определяют и рост материального богатства, а оно увеличивает здоровье и силу рода человеческого – физическую, умственную, нравственную. Также влияют на продолжительность жизни климат (важнейший фактор у Ш. Монтескье), раса (у О. Конта), урбанизация. Многогранность социально-экономического анализа демографических процессов характеризует рассмотрение А. Маршаллом влияния на продолжительность жизни профессии, заработной платы, условий труда, медицинского обслуживания, а также материнское влияние в раннем возрасте. А среди колонистов: «самую важную причину следует усматривать в оптимизме, свободе и разнообразии условий жизни» [157, с. 273].

Но наиболее важны насущные жизненные средства, состав пищи, одежда, жилье, отдых, ибо голод, нужда, болезни снижают и жизненную энергию людей. Анализируя их, А. Маршалл констатировал, что нищета ведет к вырождению: «условия, сопутствующие крайней нищете, особенно в перенаселенных районах, могут убить самые лучшие качества. Нет сомнения, что их физическая, умственная и нравственная ущербность частично порождается и иными причинами, помимо нищеты, но последняя служит главной причиной. Перегруженные работой и оставшиеся недоучками, изнуренные и изможденные, не имеющие покоя и досуга, они лишены каких бы то ни было шансов полностью использовать свои умственные способности» [157, с. 57]. И потому исследование причин бедности одновременно представляет и исследование причин деградации большей части человечества.

Демографический анализ у А. Маршалла (это было в научных традициях XIX-XX веков) – связан с отношением к концепции Т. Мальтуса. В целом он разделяет озабоченность Т. Мальтуса демо-

графическими перспективами. Но в частностях видно его неоднозначное отношение к выводам Мальтуса. Конечно, он озабочен количественным ростом, но для него первостепенными являются качественные показатели развития населения, которые влияют на здоровье и силу населения: хотя «законы, управляющие рождением гения, непостижимы». В результате «суущественно лучшая часть природных талантов нации рождается в трудящихся классах, но пропадает втуне» [157, с. 289]. В этой связи, считает он: **«образование – национальная инвестиция и долг родителей»** [157, с. 294].

Исходя из концепции Ч. Дарвина, А. Маршалл придает большое значение естественному отбору, который на начальных стадиях цивилизации побуждал самых сильнейших и самых энергичных оставлять после себя наибольшее потомство и которому род человеческий обязан своим прогрессом больше, чем по какой-либо причине; предоставленная самой себе природа стремится уничтожить слабых, но человек вмешался в этот процесс. «Государству очень выгодны большие семьи со здоровыми детьми», к тому детская смертность «представляет собой бесполезное бремя для матери и идет во вред остальной семье» [157, с. 278].

Но больше всего А. Маршалла волнует то обстоятельство, что «некоторая часть наиболее способных и наиболее развитых представителей рабочего класса стала обнаруживать признаки нежелания иметь большие семьи, а **это уже представляет собой источник опасности**» [157, с. 278] (выделено нами – А.З.). И в этом плане, – высказывает беспокойство А. Маршалл, – для США «существует опасность вытеснения китайцами».

Детально рассматривая аргументы Т. Мальтуса, А. Маршалл особенно останавливается на последнем (из его трех) выводе, т.е. на заключении: «что происходит в прошлом, очевидно, повторится и в будущем и что рост населения, если он не будет ограничен добровольным воздержанием, будет сдерживаться бедностью или иными губительными причинами. Поэтому он призывает людей прибегать к добровольному самоограничению и, сохраняя нравственную чистоту в своем образе жизни, воздерживаться от очень ранних браков». Говоря о других аспектах концепции Мальтуса, А. Маршалл констатирует, что, хотя Мальтус не учитывал возможность технического прогресса, и что, хотя его другие аргументы и устарели, но по своему содержанию они могут быть признаны.

Продолжая рассматривать демографическую концепцию Т. Мальтуса, А. Маршалл делает вывод: «на первый взгляд представляется целесообразным, чтобы люди не производили на свет детей, пока они не уверены в своей способности дать им по крайней мере такое же физическое и духовное воспитание, какое получили они сами, и чтобы они сочли за лучшее вступать в брак довольно рано при условии, что у них достаточно самообладание от удержания численности семьи в границах без нарушения нравственных законов. Всеобщее распространение такого образа действий наряду с надлежащим обеспечением чистого воздуха и здоровых условий проведения досуга для городского населения не может не способствовать укреплению силы и сохранения энергии человечества. Но вскоре мы обнаружим основания для вывода, что, когда силы и энергия народа возрастут, рост численности населения вскоре вызовет сокращение среднего реального дохода людей.

Следовательно, – констатирует А. Маршалл, – прогресс знания, особенно медицинской науки, возрастающая активность и мудрость правительства во всех областях, относящихся к здравоохранению, и рост материального богатства – все это, вместе взятое, ведет к сокращению смертности, укреплению здоровья и силы и к продлению продолжительности жизни населения. С другой стороны, быстрый рост городского населения и тенденция высших слоев вступать в брак позднее и иметь меньше детей, чем низшие слои, снижает жизнеспособность и увеличивает коэффициент смертности. Если бы действовала только первая группа причин, причем их действие регулировалось бы таким образом, чтобы избежать опасность перенаселения, то вполне возможно, что человек очень быстро достиг бы такого высокого физического и умственного совершенства, какого свет еще не знал; если же беспрепятственно действовала бы вторая группа причин, человек очень скоро бы выродился» [157, с. 279].

Обе группы причин, – отмечает А. Маршалл, – действуют так, что почти уравнивают друг друга, с очень небольшим перевесом первой группы. Хотя численность населения Англии увеличивается столь быстро, как никогда прежде, та его часть, которая охватывает физически и умственно отсталых, не образует возрастающую долю целого, а другая его часть гораздо лучше питается и одевается и – кроме жителей перенаселенных индустриальных районов, – в общем усиливает свою жизнеспособность [157, с. 280].

Как решать проблему с ростом численности населения? А. Маршалл считает, что регулирование роста и уменьшения численности населения будет осуществляться естественным путем. При прочих равных условиях – увеличение зарплаток рабочих приводит к повышению темпов роста их численности. Повышение цены спроса вызовет их увеличение, а снижение цены спроса вызовет их сокращение. Спрос играет такую же роль и в том случае, когда численность населения возрастает под влиянием и других – неэкономических причин, также в условиях одинакового уровня квалификации рабочих [158, с. 213]. Но экономические причины у А. Маршалла играют ведущую роль в регулировании роста численности населения. При этом «воздействие экономических причин на численность населения в целом проявляется главным образом косвенно и опосредствуется через нравственные, социальные и домашние формы поведения. В свою очередь и на эти последние экономические причины оказывают глубокое, хотя и медленное воздействие, причем таким путями, которые трудно проследить и невозможно предсказать» [157, с. 295-296].

И А. Маршалл в целом диалектически и оптимистически смотрит на демографические перспективы: «Рост численности населения, сопровождаемый равным увеличением материальных ресурсов удовлетворения желаний и средств производства, вероятно, влечет за собой пропорционально больший рост совокупного удовлетворения всякого рода желаний при условии, во-первых, что достаточное предложение продуктов сельского хозяйства и сырья может быть обеспечено без большого труда и, во-вторых, что не возникнет такая перенаселенность, которая подорвет физическую и духовную энергию людей вследствие недостатка свежего воздуха и света, возможностей для здорового и счастливого детства» [157, с. 408].

Обеспокоенность демографическими проблемами периода XVIII – начала XX вв. в странах Запада прежде всего отражала современному этому периоду социально-экономические проблемы, вызванные развитием капиталистических отношений и обострившиеся проблемы взаимоотношений метрополий и колоний.

*История – не учительница, а надзирательница,
она ничему не учит, а только
наказывает за незнание уроков.
Василий Ключевский.*

2. Демографическое знание в русскоязычной науке

Был век людской недолог

На древнеславянском пространстве демографические проблемы в социально-политическом плане впервые концептуально нашли отражение в «Слове о полку Игореве». Сегодня, как и 750 лет тому назад, в эпоху его создания, как и 250 лет тому назад, когда М.В. Ломоносов предлагал свой проект «О размножении и сохранении русского народа», нас волнует демографическое будущее славянского этноса. Так, в общей численности населения мира за период 1950-2000 гг. произошло сокращение доли России – в 1,7 раза, Украины – в 1,8 и Беларуси – в 1,9 раза. А по прогнозным данным ООН этот показатель сократится в России – в 1,8 раза, Украины – в 2,1 и Беларуси – в 1,9 раза. К концу XXI столетия совокупная доля населения трех постсоветских славянских государств в мировом населении ожидается 1,473%, т.е. почти столько, сколько была доля только одной Украины в 1950 г. – 1,463%. Поэтому нас беспокоят депопуляционные процессы в Беларуси, России и Украине, которым следует поставить преграду, проводя активную пронаталистскую политику.

Но праву первым трудом, анализирующим отечественные демографические проблемы, является исторический памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», в котором неизвестный патриот Древней Руси отразил и демографические беды жителей тогдашней Руси на территории нынешних Украины, Беларуси и России: «Внук Дажьбога бедствовал в походе, / Век людской в крамолах был недолог. / И не стало жизни нам богатой, / Редко в поле выходил оратай, / Вороны над пашнями кружились, / На убитых с криками садились, / Да слетались галки на беседу, / Собираясь стаями к обеду ...» (Перевод Н. Заболоцкого). Этот документ отражал соответствующие демографические проблемы жителей той территории, естественным преемником которой ныне является современная Беларусь. Ведь «Слово» упоминает о «кровавых берегах Немиги», где «день и ночь снопы кладут на риге – / не снопы, а головы кладут. / Не

цепом – мечом своим булатным / в том краю молотит земледел, / и кладет он жизнь на поле ратном, / веет душу из кровавых тел». Какие это проблемы? Бедствия (бедствовал в походе), незначительная продолжительность жизни (век людской недолог), сверхвысокая в распрях смертность (вороны на убитых с криками садились). Недолог век людской – такая характеристика продолжительности жизни белорусского населения еще в эпоху заселения территории Беларуси: «до 40-летнего возраста доживал 1 человек из 100, а большинство умирали или гибли, не прожив и 20 лет» [300, с. 32]. И эта ситуация держалась почти до середины XIX века.

Следует отметить, что, как сегодня, так и прежде, демографические проблемы западного и восточного (русскоязычного) пространства воспринимались по-разному. Если на Западе (прежде всего в Великобритании) сначала робко, а затем и в полный голос звучала озабоченность ростом численности населения, то в России озабоченность была иного плана – недостаточной численностью населения. Правда, и социально-экономические условия западных стран и Российской империи также существенно отличались, что накладывало и разный отпечаток, как на сами демографические процессы, так и на их отражение и осмысление. На Западе бурными темпами развивались капиталистические отношения, в российском векторе доминирующими были феодальные отношения. А это, как указывал позже Д. Рикардо, порождала трехкратный разрыв в производительности труда.

Не менее острыми, чем на Западе, стояли демографические проблемы на славянских землях в середине XVIII века и в начале XX века. Формирование научных знаний о демографическом развитии в России началось на рубеже XVII–XVIII вв. При этом интересно, что одним из первых демографических законодательных актов России был посвящен проблеме качества населения. Это был изданный в апреле 1722 г. Указ Петра I «О свидетельствовании дураков в Сенате», а также последующее (декабрь 1723 г.) решение Сената о проведении такого освидетельствования. Его необходимость была вызвана уклонением некоторых дворянских детей от обучения и государственной службы под предлогом юродства и слабоумия от рождения. Этими законодательными актами решались две задачи. Во-первых, выявление настоящих психических больных в дворянских семьях с последующим государственным наблюдением над имуществом сума-

сшедшего и запретом таким людям вступать в брак. И, во-вторых, выявление дворянских детей, уклоняющихся от государственной, воинской службы и обучения.

Согласно этим документам «дуракам» запрещалось занимать государственные должности, потому как от глупых людей «доброего наследия к государственной пользе надеяться не должно». А также те дворяне, которые не годятся в службу, «отнюдь не женитца». Сенат «смотрел» молодых людей, не пригодных к науке и службе, с тем, чтобы не допускать их до брака, грозившего дать плохое потомство и не сулившего «государственной пользы». Свод законов Российской империи 1832 г. подтвердил это положение, запретив «вступать в брак с безумными и сумасшедшими». Такое положение было зафиксировано и Уставом Лютеранской церкви 1832 г.: «Лишенные ума не могут сочетаться браком».

Первая российская демографическая программа

Те демографические проблемы, которые волновали российскую общественность XVIII века и остающиеся злободневными и ныне, отразил **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711-1765 гг.) в письме к графу И.И. Шувалову (от 1 ноября 1761 г.) «О размножении и сохранении российского народа». В нем М.В. Ломоносов среди важнейших социально-экономических и политических проблем (о размножении и сохранении российского народа; об истреблении праздности; об исправлении нравов и о большем народа просвещении и др.), подлежащих разработке, выделяет проблемы демографического характера.

Отметим, что во многих источниках его название преподнесено иначе – «О сохранении и размножении российского народа». На первый взгляд – различие вроде бы несущественное. Но это не так. М.В. Ломоносов на первый план выдвигает необходимость обеспечения роста численности населения – «размножения». Он, исходя из характеристики демографической ситуации в России в середине XVIII века, обосновывает необходимость принятия мер, способствующих росту численности населения. Он считал, что для российского государства, имевшего громадные и неосвоенные просторы, благом является увеличение численности населения: «в чем состоит величество, могущество и богатство всего государства, а не в обширности,

тщетной без обитателей» [134, с. 599]. Ныне в социолого-демографической литературе эта проблема в концепции сжатия-расширения пространства трактуется неоднозначно – диалектически.

Логически с проблемой роста численности населения у М.В. Ломоносова связана проблема роста рождаемости и брачности. Среди проблем «размножения и сохранения» он останавливается на анализе причин прежде всего высокой детской смертности, требуя принятия мер против высокой детской смертности. Он стремился к проведению политики по снижению смертности и среди взрослых: «много есть человекоубивства и еще самоубивства, народ умаляющего, коего непосредственно указами, без исправления или совершенного истребления некоторых обычаев и еще некоторых, под именем узаконений вкоренившихся, истребить невозможно» [134, с. 599]. В частности, М.В. Ломоносов указывает на необходимость самого широкого просвещения, в том числе и образа жизни и социальной гигиены, для чего необходимо наладить медицинскую помощь, распространения аптек, борьбу с эпидемиями, а также с суевериями и грубым упрямством. В качестве таких антидемографических явлений он относил религиозные догматы. Значительное внимание уделяется проблеме (в современной терминологии) миграции, в связи с чем он предлагал меры по предотвращению побега крестьян за рубеж.

Это свидетельствует, что анализ демографических проблем, и пути их решения М.В. Ломоносовым рассматривались системно, в их взаимосвязи. Исходным пунктом размножения российского народа является рождаемость, с которой он начинает анализ демографической ситуации в современной ему России. В принципе для XVIII в. «размножение» тождественно рождаемости, о чем двумя десятилетиями спустя речь вел А. Смит.

В своих рассуждениях о размножении российского народа и сохранении жизни М.В. Ломоносов поднимает и социальные проблемы, связанные с брачными отношениями, которые у него идут под первым пунктом. Так, он считает вредными для демографических процессов два вида неравных браков. Это, во-первых, когда малолетнего ребенка женили на взрослых девках: «и часто жена могла по летам быть матерью своего мужа» [134, с. 599]. В результате первые годы после женитьбы «проходят бесплодно, следовательно, такое супружество не супружество, и сверх того вредно размножению народа, затем что взрослая такая женщина, будучи за ровнею, могла

родить несколько детей обществу. Мальчик побуждаем будучи от задорной взрослой жены, усиливанием себя прежде времени портит и впредь в свою пору к детородию не будет довольно способен, а когда достигнет в мужской возраст, то жена скоро выйдет из тех лет, в кои к детородию была способнее. Хотя ж она и в малолетство мужнее может обрюхатеть непозволенным образом, однако, боясь бесславия и от мужней родителей попреку и побоев, легко может поступить на детоубивство еще в своей утробе» [134, с. 599-600]. М.В. Ломоносов выступает против и второго вида неравных браков, «когда мужчина в престарелых годах женится на очень молодой девушке, которое хотя и не столь опасно, однако приращению народа вредно» [134, с. 600].

А какие же возрастные границы по мнению М.В. Ломоносова могут считаться равными браками? У него возраст жениха и невесты должен колебаться в следующих пределах: «невеста жениха не должна быть старше, разве только двумя годами; а жених старше может быть 15 годами. Сие для того, что женщины скорее старятся, нежели мужчины, а особливо от частой беременности. Женщины родят едва ли далее 45 лет, а мужчины часто и до 60 лет к плодородию способны. Всего сходнее, ежели муж жены старше от 7 до 10 лет» [134, с. 600]. Как видно, во-первых, здесь М.В. Ломоносовым дается обоснование пределов фертильности женщин – «едва ли далее 45 лет», во-вторых, речь идет о более раннем половом созревании женщин и более старших репродуктивных возрастах мужчин. Но, самое главное – это то, что в неравном супружестве, «где любви нет, ненадежно и плодородие. Несогласие, споры и драки вредят плоду зачатому и нередко бывают причиною безвременному и незрелому рождению» [134, с. 600]. Эти демографические проблемы М.В. Ломоносов отразил и в своем многообразном поэтическом наследии: «Златой младых людей и беспечальной век...», «Жениться хорошо, да много и досады...», «Зачем я на жене богатой не женюсь?...», «Женился Стил, старик без мочи...» и другие иногда вольные и шуточные, но вместе с тем назидательные стихотворения о браке и продолжении рода, а также о гендерных отношениях.

Целям размножения и сохранения российского народа у него способствуют и повторные браки, а также недопущение исключения из демовоспроизводства отдельных категорий населения. О повторных браках он отмечает следующее: «хотя больше одной жены иметь в нашем законе не позволяется» [134, с. 600], однако на практике раз-

решается и третий брак, но четвертый запрещается. И эта позиция церкви «много воспрещает народному приращению». И Ломоносов далее отмечает: «много видел я вдовцов от третьей жены около 30 лет своего возраста, и отец мой овдовел в третий раз хотя 50 лет, однако еще в полной своей бодрости и мог бы еще жениться на четвертой. Мне кажется, – считает Ломоносов, – было б законам не противно, если бы для размножения народа и для избежания непозволенных плотских смешений, а от того и несчастных приключений, четвертый, а по нужде и пятый брак был позволен, по примеру других христианских народов» [134, с. 601]. Правда, его утверждение «по примеру других христианских народов» – голословное и не соответствовало практике брачных отношений христианства. Обоснование Дж. Мильтоном необходимости развода 1644 года и реальная практика расходились.

Еще одной категории, которая могла бы стать потенциалом размножения российского народа, посвящает часть своих размышлений М.В. Ломоносов, «что натуре человеческой противно» – «что вдовых молодых попов и дьяконов в чернцы насильно постригают, чем к греху, а не к спасению дается повод и приращению народа немалая отрасль пресекается» [134, с. 601]; «возможно ли подумать, чтобы человек молодой, живучи в монашестве, без всякой печали, ...и по всему внешнему виду здоровый, сильный и тучный, не был бы плотских похотей стремлений подвержен ... монашество в молодости не что иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство (как будто, под копирку списано с сегодняшних реалий католической церкви, но бытовавшее на протяжении всей истории церкви, в т.ч. и православной – А.З.), наносящее знатный вред размножению человеческого рода, не упоминая о бывавших детоубивствах», констатирует М.В. Ломоносов. И потому, исходя из границ репродуктивного возраста XVIII в., считает, «что надобно клобук запретить мужчинам до 50 лет, а женщинам до 45 лет» [134, с. 602].

Это, во-первых, по мнению М.В. Ломоносова, будет способствовать «обильнейшему плодородию родящих», а во-вторых «сохранению рожденных»: «запрещением неравного и насильного супружества, позволением четвертого и пятого брака, разрешением и супружеству вдовых попов и дьяконов и непозволением до указанных лет принятия монашеского чина, несомненно, воспоследовать может знатное приумножение народа и не столько будет незаконно-

рожденных, следовательно, и меньше детского душегубства» [134, с. 602.]. Подобная мысль была высказана и в статье «Население» Этьена Дамилавиля, опубликованной в Энциклопедии Д.Дидро, который к факторам монашества добавлял и критику западного принципа наследования майората: «Многочисленные организации безбрачных людей способствуют сокращению народонаселения не только тем, что воздерживаются от долга, предписанного им природой и обществом, которого они лишают граждан, но также теми правилами, которыми они руководствуются, а именно из-за своих богатств и огромных земельных владений».

Наряду с осуществлением политики, направленной на необходимость роста населения, М.В. Ломоносов выступает и против многих других религиозных традиций, что «портит здоровье и жизнь коротит» [134, с. 607]. Причем, этим явлениям он в своих размышлениях уделяет больше места, чем другим факторам. Например, крещение «младенцев зимою в воде самой холодной» [134, с. 604]. В связи с последним М.В. Ломоносов заключает: «таких упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами, затем, что желают после родин и крестин вскоре и похорон для своей корысти» [134, с. 605]. Среди образа жизни он выделяет невоздержание в приеме пищи в период подготовки к постам: «во всей России много людей так загавливаются, что и говеть времени не остается. Мертвые по кабакам, по улицам и дорогам и частые похороны доказывают то ясно» [134, с. 605]. Также и после постов: «бедный желудок, привыкнув чрез долгое время к пищам малопитательным, вдруг принужден принимать тучные и сальные брашна в сжавшиеся и ослабевшие проходы и, имея требуемого довольства жизненных соков, несваренные ядения по жилам посылает: они спираются, пресекается течение крови, и душа, – горько иронизирует М.В. Ломоносов, – в отверженные тогда райские двери из тесноты тела прямо улетает» [134, с. 606].

В этой связи Ломоносов обращал внимание на крайне неблагоприятные российские климатические условия времени религиозных празднеств. Он указывал, что смена постов и праздников в российских землях приходится на период, «когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывших во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам ... во все строение жизненных членов чело-

веческого тела вливаются, рожают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть ускоряют в тех, кои бы еще могли пожить долее» [134, с. 606]. Время постов, перенесенное из стран с иным климатом, в российских землях припадает на самые неблагоприятные природные условия. К тому же резкие перемены в питании, вызванные постами, вредны для организма: «Неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не токмо вредно человеку, но и смертоносно, так что строгих постников, притом усердных и ревностных праздниколюбцев, самоубийцами почесть можно» [134, с. 606]. И в этом также проявляется системный характер анализа демографических процессов российским ученым – во взаимосвязи экологии и здоровья населения, учета загрязнения природной среды и социокультурных традиций.

Анализируя последствия побега крестьян за рубеж (в современной терминологии мигрантов) Ломоносов таких мигрантов называет «живыми покойниками»: «с пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона» [134, с. 613]. Ломоносов раскрывает социальные причины бегства россиян в приграничные земли. Во-первых, это побеги крестьян от помещичьего произвола. Во-вторых, бегут крестьяне от рекрутства – солдатских наборов. И третьей причиной Ломоносов указывает на религиозные распри: «для расколу много уходит российских людей на Ветку» [134, с. 613], т.е. в ближайшую к России часть современной Беларуси.

Отметим, что в комментарии к этому письму в полном собрании сочинений М.В. Ломоносова, где эта работа названа «О сохранении и размножении российского народа» [136], неточно дана и интерпретация Ветки, где она называется рекой. Город Ветка и в нынешней Беларуси является центром староверов, потомков староверов-беженцев. И Ломоносов, исходя из его методологической позиции – увеличения численности населения российского государства, полувопросительно, полуутвердительно пишет: «находящихся там беглецов не можно ли возвратить при нынешнем военном случае?». Здесь Ломоносов ведет речь о возможности при прохождении русских войск после прусской кампании через территорию нынешней Беларуси, принудительного возвращения раскольников из их поселений в Ветке. Эта мера была им затронута и в его рассуждениях по истреблению раскола. Нужно отметить, что и до написания трактата

«О размножении и сохранении российского народа» и позже, вплоть до первого раздела Речи Посполитой, было несколько экспедиций российских войск в приграничную с Россией Могилевщину, разоривших поселения религиозных раскольников и принудительного их возвращения в российские земли, ибо такие мигранты (а их было несколько десятков тысяч) наносили казне убыток, не платя налогов.

Одновременно М.В. Ломоносов, точно также как и в нынешние времена, ведет речь о необходимости создания условий для привлечения мигрантов в Россию: «много беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры», поскольку «нынешнее в Европе несчастное военное время принуждает не токмо одиноких людей, но и целые разоренные семейства оставлять свое отечество и искать мест, от военного насилия удаленных» [134, с. 614]. Новой идеей для того времени было и его предложение регистрации приезжающих и проживающих.

Интерес представляют и предложения М.В. Ломоносова: по повышению качества акушерской помощи и культуре беременных («искусство повивальных бабок и осторожность беременных»), просветительской деятельности по родовспоможению, культуре образа жизни, совершенствованию качества медицинского обслуживания, развитию аптечной и лекаркой сети, профилактики смертности от несчастных случаев (пожаров, утоплений, обморожений), обеспечению безопасности жителей городов и др. В целом, этот трактат Ломоносова представлял прообраз современных демографических программ. Но, к сожалению, эти его размышления были опубликованы только в XIX в.

Сложная, непростая и даже трагическая судьба у этого замечательного социолого-демографического труда М.В. Ломоносова. Более столетия не публиковалась эта работа. В многосерийном фильме «Ломоносов» Иван Иванович Шувалов объясняет причину, по которой тот не напечатал это письмо, приуроченное к его дню рождения: чтобы у Ломоносова не было проблем с Синодом. Первые упоминание и отдельные отрывки этого письма были опубликованы в «Журнале древней и новой словесности» (1819 г.), а полностью в «Беседах в обществе любителей российской словесности при Московском университете» (1871 г.) и «Русской Старине» (1873 г.). Ее публикация в 1819 г. вызвала негативный отклик тогдашнего ми-

нистра народного просвещения и духовных дел А.Н. Голицына: «распространение письма Ломоносова в публике должно быть воспрещено», ибо его «мысли предосудительные, несправедливые, противные православной церкви и оскорбляющие честь нашего духовенства».

Отдельные демографические аспекты изложены и в его работах естественнонаучного характера. Так, в «Слове о пользе химии» М.В. Ломоносов эту науку называет «великой участницей в населении нашем», которая «сильнейшим оружием умалила человеческую пагубу и грозою смерти многих от смерти избавила» [135, с. 180]. Следует отметить, что М.В. Ломоносов в противовес экономической концепции «убывающего плодородия почвы», которая позже ляжет в обоснование теории народонаселения Т. Мальтуса, провозглашает пользу науки, в частности – химии: «Веселитесь, места ненаселенные; красуйтесь пустыни непроходные; приближается благополучие ваше. Умножаются очевидно племена и народы и поспешнее прежнего распространяются. Скоро украсят вас великие города и обильные села. Место вояния зверей диких наполнится пространство ваше гласом веселящегося человека и вместо тернии пшеницей покроется» [135, с. 180]. Ломоносов верил, что собственных Платонов и быстрых разумом Ньютонів российская земля могла рождать. Сегодня в России этот девиз звучит – было бы от кого.

Интерес представляет обширный в 4-х книгах философский трактат **Александра Николаевича Радищева** (1749-1802 гг.) «О человеке, его смертности и бессмертии», где, говоря словами В. Шекспира, утверждается «Над смертью властвуй в жизни быстротечной, и смерть умрет, а ты пребудешь вечно». Важную роль в осмыслении демографических проблем Российской империи, куда входили с конца XVIII века и белорусские земли, сыграли труды Н.Х. Бунге, К.Ф. Германа, В.К. Дмитриева, Е.Е. Слуцкого, А.А. Чупрова, И.И. Янжула, В.Э. Янсона и других экономистов-статистиков.

В частности, Н.Х. Бунге, которого считают «пионером» социологического направления в русской статистики, еще до того, как российские ученые обратились к теоретическим проблемам социологии. Он в духе А. Кетле считал, что «предмет статистики составляют законы общественных отношений», к которым он относил численность, структуру и движение населения, его деятельность в сфере экономики, просвещения, нравственности и искусства. Его идеи в

духе социологического направления в статистике в России разделяли Ю.Э. Янсон, А.И. Чупров, А.А. Кауфман вплоть до появления трудов А.А. Чупрова и Р. М. Орженцкого, отошедших от социологической методологии статистики. В трудах В.Э. Янсона сформировались основные подходы демографического анализа, существовавшие почти полтора столетия – это заложенные Ж. Бертильоном статический и динамический подходы, вытекавшие из контовских социальной статистики и социальной динамики. Статический подход включает: анализ численности населения, населенность и густоту (т.е. плотность населения), размещение населения, состав (половой, возрастной, семейный, по роду занятий и хозяйственному положению), физическое состояние (здоровье). В изучение динамики Янсон включал: брачность, рождаемость, смертность, миграцию, движение населения во времени, т.е. процесс воспроизводства населения, как мы сегодня говорим – процессы естественного и механического движения населения.

Предтеча системы «затраты-выпуск» В.В. Леонтьева и современной теории транзакционных издержек Р. Роуза В.К. Дмитриев в работе «Критические исследования о потреблении алкоголя в России» (1911 г.) проанализировал распространение алкоголизма с социолого-демографических позиций. Он показал, что это явление – социальное, вызванное «раскрестьяниванием» патриархальной российской деревни, ломкой привычного образа жизни, его вековых устоев, совершенно не совместимых с условиями города, куда после раскрепощения массами переселялись деревенские жители.

И.И. Янжул впервые в демографии осуществил исследование проблемы незаконнорожденных (1870 г.). Интересной явилась и концепция А.А. Чупрова (Чупрова-младшего), выявившего тенденцию понижения доли мальчиков среди рождающихся (1913 г.), ставшей в мировой демографии общепризнанной.

В начале XX века разработкой проектов оздоровления демографической ситуации в России активно занимался **Дмитрий Иванович Менделеев**. В своих «Заветных мыслях» он констатировал, что прогресс человечества «может происходить только при улучшении общих жизненных условий, при уменьшении гибели людей и при убыли слез отцов и матерей, видящих погибель детей от недостатков ли питания, или от войн, или от болезней и пороков» [162, с. 226]. Решение демографических проблем в традициях конца XIX – начала XX веков он рассматривал в органической связи с решением соци-

альных, экономических и политических проблем: «К какому бы предмету, относящемуся до общенародного блага, ни направлялась мысль, она всегда встретится с вопросами, касающимися народонаселения» [162, с. 281].

Это понимание доминирующей роли социально-экономических факторов в демографических процессах с различных методологических позиций развивалось многими выдающимися деятелями социально-экономической науки прошлого. Прежде всего существенный методологический интерес представляют взгляды российских социологов М.М. Ковалевского, К.М. Тахтарева, П.А. Сорокина, А.В. Чаянова и других ученых.

Демографический фактор экономики

Первый российский профессиональный социолог европейского масштаба, современник Э. Дюркгейма и М. Вебера, **Максим Максимович Ковалевский** (1851-1916 гг.) различные аспекты демографических проблем рассматривает в следующих своих работах: «Современный обычай и древний закон» (Вып. 1-2, 1886 г.), «Первобытное право» (Вып. 1-2, 1886 г.), «Закон и обычаи на Кавказе» (Т.1-2, 1890), «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (1898-1903 гг. Т. 1-3), «Развитие народного хозяйства Западной Европе» (1899 г.), «Современные социологи» (1905 г.), «Социология» (1910 г. Т. 1-2), также в лекциях в Стокгольмском университете «Очерках происхождения и развития семьи и собственности» (1890 г.) и частично в других работах.

Основой социологической концепции Ковалевского, в т.ч. и в отношении демографических процессов был плюралистический подход, о чем он писал в предисловии к книге «Современные социологи»: «Я думаю, что выражу не только кратко, но и весьма определенно мою заветную точку зрения, сказавши, что социология в значительной степени выиграет от того, что забота об отыскании фактора, да вдобавок еще первичного и главнейшего, постепенно будет исключена из сферы ее ближайших задач, если в полном соответствии со сложностью общественных явлений она ограничится указанием на одновременное и параллельное воздействие и противодействие многих причин» [112, с. 14]. Там же Ковалевский подчеркивал, что «следует говорить не об одностороннем влиянии, а о воздействиях, вза-

имно оказываемых друг на друга всеми явлениями, из которых складывается общественная жизнь, и не о руководящих факторах – экономическом, правовом, государственном, научном, художественном и т.д., а о стоящих в тесном общении фактах или явлениях общежития [112, с. 112]. Проблема факторов общественной жизни, которая во времена Ковалевского стояла в центре науки, рассматривалась им не с монистических, а с плюралистических позиций: «Все стороны общественной жизни тесно связаны между собою и воздействуют друг на друга. Раскрыть это взаимодействие в прошлом и объяснить зарождение верований и учреждений и составляет ближайшую задачу всякого социолога» [112, с. 274]. И этот подход Ковалевский приложил к анализу проблем демографического развития (роста населения).

Современники М. Ковалевского его труд «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» (на русском языке вышло три тома, а на немецком – 7 томов, последний в 1905 г.) ставили в один ряд с работами К. Маркса, Г. Зиммеля и В. Зомбарта. С демографических позиций в его структуре плюралистической социологии – теории факторов (позже плюралистическая теория факторов М.М. Ковалевского будет развита его учеником и последователем П.А. Сорокиным) – эта работа может рассматриваться и как опыт изучения влияния роста населения на социальную жизнь людей. «Экономический рост Европы» представляет собой опыт глубокого анализа функциональной связи между ростом населения и формами экономической жизни: «важнейшим фактором эволюции (форм народного хозяйства) является в каждый данный момент и в каждой данной стране рост населения, бóльшая или меньшая его густота, от которой зависит прежде всего выбор форм производства, а затем зависят размеры и порядки фактического владения землей и сам характер общественных отношений» [113, с. 7-8]. И потому он считал главным двигателем экономического прогресса увеличение массы и плотности населения, которое он назвал «демотическим фактором», трактуя его как биосоциальное явление. Вообще для анализа экономического роста Европы население (демографический фактор) выступает в качестве «независимой переменной» сложного функционального ряда: густота населения влечет прежде всего изменения форм народного хозяйства. «Продолжительные изыскания, – писал М.М. Ковалевский, – привели меня к тому заключению, что главным фактором всех изменений экономического строя является не что

иное, как рост населения» [296, с. 199]. Говоря о роли различных факторов в демографическом развитии он подчеркивает роль экономического фактора; но в противовес марксистской концепции у него этот фактор доминирующим выступает только на ранних стадиях развития общества. «Численный рост семей, – считал он, – вынуждает пастушеские племена перейти к преимущественному занятию земледелием ... Достаточно, чтобы племя выросло в численности, при невозможности выйти из своих границ, как происходят важные изменения и в способе обработке полей и в других условиях существования» [296, с. 199].

Анализируя демографический фактор, Ковалевский постоянно подчеркивает влияние на динамику населения и совокупности многих других факторов. У него выстраивается цепочка факторов: рост населения, экономический рост, политические и духовные процессы, причем, все эти элементы взаимодействуют между собою и обуславливают друг друга. Это позволяет понять роль, влияние роста населения на все стороны общественной жизни. Однако, абсолютизация факторного подхода не позволила ему сделать анализ населения как элемента обществ. Да, он и не ставил такую задачу, хотя демографическим аспектам он посвятил несколько своих работ. В частности, его «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» посвящен, во-первых, характеристике («критике») теорий происхождения и развития семьи, и во-вторых, анализу генезиса различных форм семьи – прежде всего тому, что «матриархальная, патриархальная и индивидуальная семья были тремя преемственными фазами одного и того же развития» [109, с. 7].

Стремясь «к синтезу выводов уже сделанных этнографией», Ковалевский рассматривает историческое развитие разных народов в разные времена в рамках теории прогресса («без идеи прогресса не может быть и социологии», – утверждал он). Он анализирует эти периоды их развития, а также исследует причины эволюции семьи: «Я полагаю, что довольно ссылки на факты тождества физической и психической природы людей и на вероятность развития их способностей под влиянием приспособления или воспитания, чтобы объяснить причины по которой на значительных расстояниях, временных и пространственных, могут повторяться, если те же, то однохарактерные общественные явления». В этой связи его заслугой прежде всего является ввод в анализ развития семейных отношений разнообразного

этнографического и исторического материала тогдашних российских – кавказских народов, а также, что было отмечено при характеристике социолого-демографической концепции О. Конта, форм семейных отношений Востока, игнорирование которых составило ошибку Огюста Конта [109, с. 12]. Его исследование исторической роли большой семьи, или патриархально-семейной общины, как формы разложения рода были высоко оценены Ф. Энгельсом: «мы обязаны Максиму Ковалевскому доказательством того, что патриархальная домашняя община образовали переходную ступень от семьи, возникшей из группового брака, основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира» [304, с. 61-62].

Это важный момент в оценке демографических взглядов Ковалевского. Анализируя древние социальные институты, прежде всего на обычаях и нравах народов Кавказа, Ковалевский в качестве исходной ступеньки собственной социальной организации выделил род (в отличие от господствовавшего в его времена положения, что род представляет разросшуюся семью). Именно из рода позже выделяется семья на основе становления частной (семейной) собственности. Анализируя процесс эволюции семьи, он доказал, что исходной в этом процессе была матриархальная семья. Патриархальная семья – это уже следующий этап эволюции семьи, обусловленный ростом населения и развития частной собственности.

Ковалевский в противовес социолого-демографической концепции О. Конта, игнорировавшем другие формы семейных отношений, ввел в научный демографический анализ эволюцию российской семьи. На основе анализа российской действительности он сделал вывод, что синтезом родовой и семейной организации является община, что общинное социальное устройство и ее эволюция (развитие и разложение, а также причины этого развития и разложения) являются общими для всех народов мира.

Его исторический анализ семейно-брачных отношений основывается на так называемом генетическом принципе, рассматривая социальный генезис и эволюцию одних социальных институтов в связи с прочими общественными формами: государственные институты развиваются в связи с развитием рода, семьи, собственности и психической деятельности. В свою очередь семейные отношения, демографические процессы развиваются в связи с развитием государственных институтов.

Обычай – деспот среди людей

Эти положения генетического принципа развил последователь М.М. Ковалевского первый профессиональный преподаватель социологии в России **Константин Михайлович Тахтарев** (1871-1925 гг.). Именно по рекомендации Ковалевского Тахтарев стал первым профессором социологии. Семейные отношения, во-первых, он выводил из чувственных половых отношений, в которых «имеет большое значение удовлетворение потребностей осязания и телесное слияние с другим существом» [270, с. 58]. Во-вторых, в этих отношениях важное место принадлежит любви: «конечно, в нашей нравственно-волевой жизни нами двигают наши собственные потребности, влечения, стремления и желания. Но чувство любви к другим людям, сочувствие им придает нашим нравственно-волевым движениям и действиям совсем особый характер и отпечаток» [270, с. 60]. В-третьих, Тахтарев на этой основе показывает социальную сущность отношений между мужчинами и женщинами: «известная пошлая русская поговорка – «женщина – не человек» – в данном случае не более верна, чем противоположное утверждение, говорящее, что и мужчина – не человек. Ибо взятые в отдельности и мужчина и женщина суть лишь дополняющие друг друга половины одного и того же человеческого существа. В отдельности друг от друга они не способны даже размножаться и продолжать свое существование дальше известного момента, не говоря о том, чтобы жить полной человеческой жизнью. Только взятые вместе, только в общении друг с другом, только в сожитии представляют они собой действительно цельного человека, образующего то семейное сожитие, которое считают настоящей основой всей общественной жизни. Вся наша брачная и семейная жизнь состоит в общении личностей разных полов и возрастов с целью совместного удовлетворения всевозможных потребностей. И это общение представляет собой нечто до того целостное и замкнутое, до того близкое к личности, что некоторые социологи, как Конт и Ле Пле, утверждали даже, что настоящей, простейшей и мельчайшей общественной единицей следует считать не отдельную личность, а отдельную семью или брачное сожитие, и что человеческое общество состоит не из личностей, а из семей» [270, с. 93]. Но при этом такое «сожитие, хотя и оно проявляется в различных формах брачного и семейного общения его членов, не есть то, что называется обще-

ством» [270, с. 137]. Это и, в-четвертых, о роли, соотношении семьи и общества, которая в традиционной современной формулировке гласит, что семья является первичной ячейкой общества.

И наконец, в-пятых, Тахтарев, как и большинство мыслителей его времени, уделяет внимание генезису брачных отношений и роли тех или иных факторов этого генезиса: «В области генетической жизни, брачной и семейной, мы видим различные отношения, которые возникают на почве различных форм брачного и семейного общения людей» [270, с. 554]. Так, «брачная жизнь может служить в этом отношении не менее наглядным и поучительным примером. И в этой области мы видим то же господство обычаев, которые в данном случае свидетельствуют об упорядоченности брачной жизни людей. Новые брачные отношения возникают на почве новых форм брачных отношений людей. Таковы различные формы брака: группового брака, многоженства, единобрачия. Все эти формы точно также носят вначале как бы случайный характер действий отдельных людей, которые руководятся лишь своими страстями. Не менее случайный характер носят вначале и общественные отношения, возникающие на этой почве. По мере того как отдельные случаи новых брачных отношений и группировок повторяются, они входят в жизнь. Известная степень повторяемости делает их новым обычаем. Новые брачные отношения, конечно, не встречают себе сочувствия со стороны большинства тех, которые держатся старых брачных обычаев. Против новых брачных отношений обыкновенно начинается борьба; она делит их сторонников и противников на две враждебные общественные группы людей, относящихся сознательно к новому явлению в брачной жизни сообщественников. Но, в конце концов, новые обычаи в области половой и семейной жизни, упорядочиваются общественной властью, не только получают общественное признание, но и превращаются в настоящие общественные учреждения. Они заменяют собою старые брачные отношения и означают совершенно новый уклад данной стороны жизни» [270, с. 513-514].

Среди этих новых зарождающихся форм отношений и роли тех или иных факторов Тахтарев выделяет любовь: «Как часто даже брачная жизнь богачей уродуется из-за извращенной, ненасытной страсти к дальнейшему обогащению. Как часто потребность в личной любви приносится в жертву большим материальным удобствам и роскошествам жизни. Брак по расчету есть явление общее почти всем

слоям общества. Но что значит брак по расчету, как не господство других сторон жизни над потребностью личной любви. Таков обычный уклад жизни людей, для которых жертвование материальными благами жизни ради брака по любви является не правилом, а исключением» [270, с. 518].

Вместе с тем говоря о целостном соотношении различных сторон человеческой жизни, где «экономическая сторона имеет первенствующее значение», «поскольку последние обуславливают собой другие области жизни», он утверждает, что «стоит только произойти какому-нибудь крупному изменению в области экономической жизни, оно неизбежно отражается и на семейной, и на умственной, и на политической сторонах жизни людей. Распространения обмена, денежного хозяйства, машинизма, крупного производства неизбежно внесли изменения не только в экономическую жизнь. Они повлияли не менее неизбежным образом и на формы брака ... Они сделали невозможным прежние формы крепостничества, прежнюю степень подчинения женщины мужчине; детей власти отца» [270, с. 521]. В свою очередь «уплотнение населения и увеличение потребностей бесспорно возбуждают и усиливают технико-экономическую деятельность людей, которая является первенствующим фактором общественной жизни» [270, с. 522]. И Тахтарев формулирует специфический демографический закон: численность населения всегда по необходимости определяется отношением количества его потребностей к имеющимся средствам их действительного удовлетворения.

Демография и теория семейной экономики

Александр Васильевич Чаянов (1888-1937 гг.) развил теорию семейной экономики как часть своей экономической концепции в системе сельскохозяйственной кооперации и аграрной политики государства. И в свете социально-экономической дифференциации крестьянства он рассматривал происходящие демографические процессы на селе. В частности, процесс дифференциации крестьянских хозяйств российский ученый представлял по аналогии с биологической жизнью семьи. В результате роста семей и семейных разделов происходит дробление и разделение крестьянских хозяйств на отдельные самостоятельные хозяйства. Семейное начало в крестьянском хозяйстве – тот социальный механизм вокруг которого, с одной

стороны, развивалось и укрупнялось, а, с другой – мельчало, дробилось и деградировало и крестьянское хозяйство. Но одновременно эти две противоположные стороны развития крестьянских хозяйств сказывались и на демографических процессах. Это означает, что крестьянские хозяйства в своем развитии переживают биологическую жизнь своей семьи. Такова основная суть сформулированной им теории семейно-трудового хозяйства – теории семейной экономики.

В своей теории семейного трудового крестьянского хозяйства А.В. Чаянов противопоставлял хозяйствующую семью, использующую труд только ее членов, капиталистическому предпринимательству, основанному на наемной рабочей силы. Анализ эволюции семейного трудового крестьянского хозяйства позволил ему выявить, во-первых, трудовой потенциал крестьянской семьи, и, во-вторых, волновой характер процесса ее роста и распада. Пользуясь социологической методологией анализа индустриального развития М. Вебера, А.В. Чаянов выявил место семейного трудового крестьянского хозяйства в народнохозяйственной системе. Механизмом соединения интересов массы семейных трудовых крестьянских хозяйств, по мнению А.В. Чаянова, является постепенная добровольная кооперативная коллективизация. Ставя в центр своего научного анализа семейное трудовое крестьянское хозяйство, т.е. семью, взгляды Чаянова дают яркий пример демографического анализа связи определенной формы социально-трудовых отношений с функционированием и развитием семейно-бытовых отношений [282, с. 157-159].

Анализируя изменения в крестьянстве в связи с коллективизацией, А.В. Чаянов показывал, что указанная дифференциация сельского крестьянства отражает не социально-классовый процесс расщепления, а отщепление от основного массива семейно-трудовых хозяйств фермерских, кредитно-ростовщических, промысловых и вспомогательных предприятий села [281, с. 266]. Мелкое крестьянское хозяйство у него не имеет ничего общего с капиталистическим хозяйством. Это хозяйство Чаяновым рассматривалась как самостоятельная некапиталистическая семейная сфера производства. Если капиталистическое хозяйство ведется ради прибыли и ренты, то целью мелкого крестьянского хозяйства является обеспечение существования самого производителя и его семьи. Проблемы существования мелкой крестьянской семьи породили и практику отхожих промыслов. Отхожие промыслы ослабляли собственно земледельческое

хозяйство крестьянской семьи, но давали крестьянам возможность равномерного распределения своего трудового потенциала по временам года.

Важными факторами такой дифференциации, по мнению А.В. Чаянова, является дисгармония, с одной стороны, натуральных хозяйств наиболее плодородных регионов центрально-черноземной части России, и, с другой стороны, – простых товарных хозяйств вокруг крупных и портовых городов: «наиболее высокие изоцены хлебов у нас тяготеют к портам Балтийского и Черного морей, к Московскому промышленному району и к зонам неземледельческих областей (Туркестан и Крайний Север). Полоса наиболее низких цен идет по центрально-земледельческим районам и равнинам Сибири» [282, с. 147]. Преобразование натуральных в товарные хозяйства выявляло аграрную перенаселенность, порождающую рост миграционного движения сельских жителей регионов с преобладанием натуральных хозяйств.

Многофакторность против монизма

Питирим Александрович Сорокин (1889-1968 гг.) в своей социальной теории уделял видное место анализу демографических процессов. Их трансформацию в современной ему России он рассматривал через выявление тенденций, характерных для кризисных эпох. Эта связь кризисной эпохи и демографических процессов рассмотрена им, во-первых, на материалах революций, во-вторых, на генезисе аграрного сектора общественной жизни, и, в-третьих, на динамике социокультурных процессов. Первая отражена в работах «Социология революции», «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь»; вторая – в совместной работе с Карлом Циммерманом «Принципы социологии города и села», и третья – в «Кризисе нашего времени», представляющей краткое содержание четырехтомной «Социальной динамики».

Анализ многочисленных социальных фактов позволяет П.А. Сорокину в отличие от исторического анализа однократных исторических событий, в духе предметного разделения истории и социологии В. Зомбарта, выделить «ритмику» исторических событий. Эти ритмы социальных явлений и являются фирменным знаком П.А. Сорокина. Именно с позиций социологического историзма в первом

фундаментальном научном исследовании «Элементарном учебнике общей теории права в связи с учением о государстве», опубликованном им в России в послеоктябрьский период, он рассматривает правовые аспекты демографических процессов, отражающих рост тенденции «освобождения личности от уз касты, сословия, класса, церкви, семьи и государства»: «Раньше личность была поставлена под опеку семьи. Выйти из-под нее она не могла. Дети опекались родителями, женщины – мужчинами, все члены – главой семейства. Связь родителей с детьми была принудительной, связь мужа с женой также, формы брака обязательны, развод недопустим.

На протяжении истории и в этой области произошли громадные изменения, сводившиеся к освобождению личности от принудительных связей семьи. Женщина освободилась из-под опеки мужа, дети также. Власть родителей над ними сведена до минимума ... Точно также ослабляется и принудительная связь родителей и детей, мужа с женой. Современное семейное законодательство увеличивает свободу развода и предоставляет супругам возможность разорвать мучительную для них принудительную связь. Короче, и здесь принудительная связь заменяется добровольной. И здесь личность уничтожает те формы семьи и брака, которые связывают ее, с одной стороны, с другой – перестали быть общественно полезными. Ко многим формам самоопределения наше время присоединила добавочную: *«семейное самоопределение личности»*» [255, с. 200].

Демографическая концепция П. Сорокина, изложенная им в «Социологии революции», а также «Голод...», противоположна той «марксистской» концепции, которая была представлена в популярном учебнике Н.И. Бухарина по марксистской социологии «Теория исторического материализма». П. Сорокин, критикуя монизм Бухарина, в основу своей аргументации берет сложный многофакторный характер демографических процессов. Если Н.И. Бухарин в качестве фактора, определяющего демографическое развитие рассматривает уровень развития производительных сил, то П.А. Сорокин, во-первых, указывает и на влияние других факторов, а, во-вторых, говоря о развитии производительных сил, отмечает, что не только они влияют (хотя и не всегда) на демографические процессы, но и сами демографические процессы влияют на уровень и развитие и производительных сил. В частности, он отмечает, что кроме (а) состояния производительных сил «играет роль и раса (б), и характер природной

среды (в), и характер рефлексов населения (г) и т.д.». И он констатирует, что «из изучения о равновесии общества следует, что для существования его необходимо не только воспроизводство средств производства, но и самих людей, иначе общество вымрет. А отсюда следует роль демографического фактора». Но, при этом замечает П. Сорокин, «хотя не всегда рост производительных сил влечет рост населения. Но не столь ли же верно и обратное положение, гласящее: быстрота размножения, степень плотности и количества населения обуславливают и движение производительных сил ... мы здесь имеем отношение взаимозависимости и производительных сил и демографического фактора» [251, с. 213-214].

На рубеже второго и третьего десятилетий XX века существенным негативным фактором демографических процессов стал голод, как результат истребления производительных сил в годы первой мировой войны. Следует отметить, что на начальном периоде этой войны П.А. Сорокин в своих статьях «Причины меньшей смертности современных войн» и «Социальная роль и будущее войны» считал, что современные войны по своим демографическим потерям «менее смертоносны, чем войны прошлого времени» [250, с. 144]. Этот вывод он сделал на основе чисто математических расчетов – на основе относительных показателей демографических потерь. Однако в последующих своих работах, и прежде всего в таких фундаментальных, как «Социология революции» и «Голод как фактор...» он дал классический анализ демографических последствий голода – «голод и мирная эмиграция»; «голод и война (насильственная эмиграция, иммиграция и захват достояния других стран)» [249, с. 231–320], в определенной степени изменившей его первоначальный вывод.

В них демографические показатели он рассматривает в такой последовательности: положительный и отрицательный прирост населения, суицидальная динамика, стратификационная динамика, связанная с изменением качества жизни и ее воспроизводства. Такой подход, когда в основу положены демографические показатели социальных изменений, позволяет выявить объективные условия не только протекания демографических процессов, но и через них выявить объективные условия возникновения кризисных явлений. Именно демографический кризис (в той мере, в какой он интересовал П. Сорокина) является, с одной стороны, предвестником глобальных кризисных процессов, а с другой – их результирующим показателем.

В частности, в работе «Социология революции» им сделан детальный анализ изменений поведения людей в революционные эпохи: влияние революции на состав населения, его смертность, рождаемость и брачность. Его выводы основываются на многочисленных фактах не только русской, но и средневековых революций в Европе – английской, французской и германской революций Нового и Новейшего времени.

Основной методологический принцип социологического подхода П.А. Сорокина состоит в том, что факты (в духе социологии «социальных фактов» Э. Дюркгейма) являются отправными при анализе социальной действительности: социология «должна отправляться от факта, идти к фактам и кончать фактами. Короче, эта мысль гласит: «Хорошая статистическая диаграмма стоит гораздо больше, чем обширный социально-философский трактат» [254, с. 534]. Следует отметить, что, несмотря на концептуальные политические разногласия с П. Сорокиным, и В.И. Ленин почти аналогично сформулировал задачу (методологическое кредо) социологии (в работе «Статистика и социология»): «Подобрать примеры вообще – не стоит никакого труда, но и значения это не имеет никакого, или чисто отрицательное, ибо все дело в исторической конкретной обстановке отдельных случаях. Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и, безусловно, доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [128, с. 350]. Питирим Сорокин считает, что «факты – упорная вещь» [252, с. 391]. В целом, их это методологическое значение фактов созвучно положению Генри Бокля, констатировавшего, что «истинное знание состоит не в знакомстве с фактами, которое делает человека лишь педантом, а в использовании фактов, которое делает его философом». Это созвучно и марксовому подходу: «как бы ни выглядели сухо выстроенные тесными колонками в официально напечатанном документе цифры, – отмечал К. Маркс, – они в действительности дают больше ценного материала для истории общего развития нации, нежели томы, полные риторической чепухи и политической болтовни. Первое, что привлекает наше внимание, – это таблицы численности населения [148, с. 513].

На основе дюркгеймовского анализа самоубийств П. Сорокин выдвигает концепцию «социокультурного сцепления»: «Смысл его

теории (Э. Дюркгейма – А.З.) заключен в целостном рассмотрении общества и его культуры в качестве причин самоубийств». И далее Сорокин формулирует свое социокультурную концепцию: «Когда вся сеть социальных отношений хорошо интегрирована, то тогда существует высокая степень социального сцепления; люди ощущают себя жизненными частями общества, к которому они принадлежат, рассматривая данное общество и культуру как нечто целое» [254, с. 168].

Важное место в демографических взглядах П. Сорокина занимает совместная с Карлом Циммерманом работа «Принципы социологии города и села» (позже вылившаяся в трехтомную «Антологию сельской социологии» [265, с. 49], в которой упадок сельского уклада связывается с культурным кризисом. Отталкиваясь от общего понимания природы крестьянства в России и фермерства в США, П. Сорокин и К. Циммерман показывают, что семейное хозяйство наиболее адекватно сельскохозяйственной организации, в которой дом и работа, земля и семейная общность институализированы в живую систему, которая стремится сохранить себя через поколения. Если система сельской экономики «семье-хозяйство» сокращается и приходит в упадок, то и семья, занимающаяся фермерством также разлагается, тем самым формируя социокультурную тенденцию к «атомизации семейных отношений», уже не имеющих никаких ограничений. В итоге само общество приходит к своему закату как созидательной ценности.

Рассматривая сельскую социальную организацию в ее определенных функциональных и культурных аспектах, П.А. Сорокин за исходную единицу анализа берет семью как базовую категорию и как базовое социокультурное явление сельской жизни. При этом крестьянская семейственность выступала фундаментальной чертой социальной и политической организации сельскохозяйственных сообществ. В подобном подходе исследования крестьянской семьи как клеточки сельской социальной организации лежат, во-первых, концепция «корневой семьи» Ф. Ле Пле и, во-вторых, семейно-трудовая концепция Александра Чаянова, у которого, можно предположить, вероятно, эта идея им была позаимствована (попутно, отметим, что П. Сорокин, А. Чаянов и Н. Кондратьев входили в последний состав Временного правительства России. И это их сотрудничество сказалось и на восприятии прочих идей друг друга). Семья П. Сорокиным исследовалась в динамике влияния на них урбанизации, вызвавшей

ряд позитивных и негативных последствий: с одной стороны, улучшение уклада жизни, повышение технических возможностей для сельскохозяйственной деятельности, с другой, – ослабление социального контроля, роста преступности, безнравственности и несдержанности.

В качестве альтернативы кризисной семьи в «Принципах социологии города и села» принята концепция «корневой семьи» Фредерика Ле Пле, который утверждал, что такая семья должным образом обеспечивает родительский контроль, в системе родовой семьи отец и мать выполняли роль духовных наставников. Он стремился обнаружить признаки корневой семьи во всех наиболее значимых периодах человеческой истории. «Корневая семья» представляет собой нечто большее, чем нуклеарная чета мужа и жены, – охватывая расширенное родство, она являет собой не просто значимую, а зачатую направляющую и ведущую силу человеческого развития. У авторов «Принципов социологии города и села» сила семьи основывается на владении земельным участком и всеми необходимыми условиями для автономного хозяйства: устойчивой привычкой к работе, приобщением к наследственным ценностям, внутренней самодостаточностью преодоления кризисов, и наконец, устремленностью к рождению и воспитанию детей [98, с. 16].

В «Кризисе нашего времени» (1941 г.), представляющей сжатое изложение четырехтомной «Социальной динамики», Сорокин подчеркнул связь между возрастающим беспорядком, сокращением числа детей и атрофией семейных функций. Утрата семейных функций в ходе движения от «корневой семьи» приводит ко многим последствиям, а в демографическом плане – падению рождаемости. Вопросы населения и вопросы семьи в большинстве своих аспектов совпадают: «население, стабильно уменьшающееся, – считает он, – недопустимым для выживания нации». И потому прямым показателем здоровья нации является высокая рождаемость [98, с. 24]. Уменьшение размеров семьи явилось результатом процесса урбанизации и «умственной моральной и физической патологии» городского образа жизни [98, с. 25]. Если в Америке когда-нибудь будет проводиться политика повышения рождаемости в целях прироста населения, то наиболее эффективной она окажется в сельских районах, считают они. Сорокин и Циммерман соглашались с мнением Вестремарка, рассматривавшим вероятность «исчезновения брака». Послед-

ний был убежден, что далее главные функции семьи «будут уменьшаться, пока семья не станет случайным сожителем мужчины и женщины, а дом окажется ночной «парковкой» ради сексуальных встреч» [98, с. 30]. В таком понимании отражается главнейшее обстоятельство изменения содержания демографических процессов – их взаимосвязь с изменениями в социально-трудовых отношениях.

В связи с критическим отношением к монизму исторического материализма Н. Бухарина и марксизму К. Тахтарева у П. Сорокина одним из факторов демографических процессов и изменений является характер рефлексов населения. Первым социальным фактом «Кризиса нашего времени» у Сорокина выступает деформация половых рефлексов, которая у него является физиологической основой кризиса семьи. Такой вывод Сорокин делает не только на основе демографических тенденций и процессов в послереволюционной семье, но и тех феминистских (антифамелистских) тенденций, которые стали набирать силу общественного мнения в США. Вот характерные феминистские утверждения (1914-1919 гг.): «семья представляет собой институт для всестороннего подчинения и порабощения женщин и детей»; «брак является институтом, который лишает женщину индивидуальности и низводит ее до уровня проститутки»; «материнство – это бедствие, которого следует избегать»; «семья возвращает к временам варварства, тогда как государство принадлежит к вершинам цивилизации» [98, с. 33] и др.

В целом социолого-демографическая концепция кризиса семьи П. Сорокина рассматривается в контексте кризиса как феномена культуры, как дезинтеграции общечеловеческих ценностей. В условиях длительного демографического кризиса заставляет задуматься вывод Сорокина о взаимосвязи качества населения и тенденций социокультурного развития общества: «Судьба любого общества зависит прежде всего от свойств его членов. Общество, состоящее из идиотов или бездарных людей, никогда не будет обществом преуспевающим. Дайте группе дьяволов великолепную конституцию, и все же этим не создадите из них прекрасного общества. И обратно, общество, состоящее из талантливых и волевых лиц, неминуемо создаст и более совершенные формы общежития. Внимательное изучение явлений расцвета и гибели целых народов показывает, что одной из основных причин их было именно резкое качественное изменение состава их населения в ту или другую сторону» [252, с. 423].

Особенность подхода П. Сорокина состоит в его акцентировании на нравственно-психологическом аспекте кризиса (дизинтеграции) общечеловеческих ценностей. Во времена кризисов большинство стремится к удовлетворению экономических интересов, меньшинство ориентировано на альтруистическую (в том числе и демографического плана) активность. Преодоление кризиса П. Сорокин видит в перестройке ценностей, среди которых особая роль принадлежит альтруистической любви. Проблема любви в философском плане была поднята еще Ф. Бэконом, а в социолого-демографическом аспекте ей немалую роль отводили О. Конт и К. Тахтарев. Питиримом Сорокиным Любовь рассматривается как Добро, Истина, Красота, являющиеся высшими формами энергии. Энергия любви – энергия жизни, которая проявляется в предотвращение самоубийств, влиянии на продолжительность жизни, состоянии здоровья, а в целом в воздействии на социальную, культурную жизнь.

Конечно, автор концепции альтруизации не настолько наивен, чтобы довериться власти любви в деле изменения правителей и человечества. Но тем не менее на Любовь в отличие от предшественников, и в частности упоминаемого нами ранее Ф. Миллер-Лиера, возложены великие надежды, прежде всего в деле «морального обновления правительства». В условиях глобального системного кризиса социума никакие отдельные личности не могут его преодолеть; только глобальная целостная переориентация внутри общества – гарант стабилизации общества, его процветания. В демографической сфере это означает проведение политики, ориентированной на создание концентрированной системы ценностей, норм, выступающей материальной, этической основой крепкого брака, укрепления человеческого генофонда.

В его судьбе отразилась судьба советской демографии

Михаил Васильевич Птуха (1884-1961 гг.) – украинский советский демограф, академик, бессменный директор с момента создания первого в мире научного учреждения с демографической специализацией – Демографического института Всеукраинской академии наук (1919–1938 гг.; с 1934 г. – Института демографии и социальной статистики). Демографический институт был основан по его инициа-

тиве и при поддержке М.И. Туган-Барановского в числе пяти институтов созданной Украинской академии наук.

Это было первое в мире академическое научное учреждение по кооперации усилий демографов. До этого времени демографы трудились в составе университетов на кафедрах социологии, политэкономии, статистики, а также в органах государственной статистики. Базой кадров украинского академического демографического института стал Киевский институт народного хозяйства (ныне Киевский национальный экономический университет), где М.В. Птуха преподавал статистику, институт, который создавал М.В. Довнар-Запольский, выходец из Беларуси, что свидетельствует и о белорусских корнях первого в мире академического демографического института и украинской демографии в целом. Социально-экономический факультет этого института окончил и Ю.А. Корчак-Чепурковский (1896-1967 гг.), еще в студенческие годы, заинтересовавшийся демографическими проблемами и выбравший для своей дипломной работы тему о смертности населения Украины.

В задачу демографического института входило всестороннее исследование народов, населяющих Украину: физико-психических особенностей людей (их антропологическое и статистическое изучение), смертности, брака и семейных отношений, рождаемости, наследственности, упадка сил, инвалидности, труда и занятости, преступности, миграции. Это означало не изолированное одно от другого исследование демографических явлений, а в их тесной взаимосвязи, как на макроуровне, так и на микроуровне. Методологической основой такого подхода является обоснованная М.В. Птухом еще в 1916 г. концепция «демографической биографии обычного человека». На основе 15-ти летних исследований института была создана общая теория воспроизводства населения как составная часть воспроизводства производственных отношений [264; 284].

Более чем 19-летняя деятельность на посту организатора и руководителя фундаментальных и систематических демографических исследований не только в Украине, но и в масштабах СССР способствовали объединению сил ученых и специалистов в области демографии. Результатом работы института под его руководством была публикация 14-ти томов «Трудов демографического института», заложивших научный фундамент в деле дальнейшего развития демографических исследований в Украине и СССР. Два тома «Трудов»

института полностью отведены под библиографию. IX том представляет собой указатель литературы по демографии на Украине (1914–1928 гг.). XI том – указатель литературы о демографических переписях. Сам Михаил Васильевич – автор 11-ти фундаментальных монографических научных трудов, среди которых «Статистическая наука на Западе» (1925 г.), «Очерки по истории статистики XVII–XVIII веков» (1945 г.), двухтомные «Очерки по истории статистики в СССР» (Т. I, 1955 г.; Т. II, 1959 г.), «Очерки по статистике населения» (1960 г.), «Избранные труды» (1971 г.).

Важные аспекты демографии в общетеоретическом плане сформулировал Ю.А. Корчак-Чепурковский, который выявил, что «непосредственной числовой зависимости между хозяйственными ресурсами и численностью населения не существует ... Проблемы определения факторов роста населения есть проблема социологическая, а не общебиологическая» [117, с. 29]. Им демографические тенденции рассматривались в зависимости от изменения способа производства, смены социально-экономических формаций. Наряду с общей теорией Ю.А. Корчак-Чепурковского воспроизводства населения как составной части развития производственных отношений, давшего наиболее цельную в украинской демографической литературе характеристику возникновения различных социальных групп украинского общества, ученые института подошли к концепции демографического перехода. В частности, С.А. Томилиным была разработана концепция цикличности глобального демографического развития одновременно с А. Ландри, который оформил основные положения теории демографической революции. Позже С.А. Томилиным была предпринята попытка осмыслить демографические процессы в социальном и экономическом плане. Им была сформулирована концепция «экономики населения», суть которой не просто исследовать влияние на производство средств к жизни демографических процессов и структур, но стать конструктивной (в контовском смысле – позитивной) наукой. Она должна разрабатывать пути и методы рационального демовоспроизводства населения с позиций оптимизации затрат общественного труда. Преждевременную смертность, особенно детскую, Томилин сравнивает с выходом из строя техники: какой бы шум поднялся в государственных органах управления, если из определенного количества произведенных тракторов какая-то часть из-за

поломок пришла негодноть и не вышла в поле, а станков не попала в цеха предприятий [278].

Ценность представляют исследования М.В. Птухи предмета и метода демографии (демостатистики), построение общей схемы изучения демографических явлений и процессов. Особое место в его творчестве в теоретическом и прикладном плане, как для статистики, так и для демографии представляют исследования проблем переписи населения как наиболее важного аналитического инструмента. Он был научным консультантом ЦСУ СССР по вопросам подготовки и проведения первой послевоенной Всесоюзной переписи населения 1959 г. Именно перепись активизировала в Советском Союзе внимание к проблемам демографии.

Важными направлениями научной деятельности М.В. Птухи явилось всестороннее исследование демографических процессов, в частности, изучения особенностей смертности населения в европейской части России и в Украине («Смертность в России и на Украине», 1928 г.), смертности одиннадцати ведущих народностей Европейской России конца XIX столетия («Смертность 11 народностей Европейской России в конце XIX века», 1927 г.), эволюции в тенденциях смертности в Украине до начала первой пятилетки, реализации перспективных расчетов (прогнозов) населения Украины до 1960 г. Эти его работы являются не только определенными страницами советской демографии, но и служат образцом глубоких и целенаправленных теоретических обобщений. Они характеризуются историческим подходом изучения демографических явлений и концепций. Им была показана важность того, чтобы теоретические разработки базировались не только на творческом изучении идей предшественников, но и на детальном анализе всех доступных источников исследуемых проблем, а также на всестороннем изучении громадного конкретного статистического материала [264; 284]. И его работы были примером такого подхода.

Результатом его научной деятельности было и совершенствование методики демографического анализа – индексов брачности («Индексы брачности. Этуд по теории статистики населения», 1922 г.), методик построения кратких таблиц смертности (исчислено до 200 разнообразных кратких таблиц смертности) и показателей смертности для новорожденных по месяцам, методических вопросов перспективных прогнозов, разработки единой конечной схемы изучения

конкретных массовых явлений социальной жизни человека («Очерки по статистике населения»), схемы их общего выявления и представления как специальной демографо-статистической методологии.

В его судьбе отразилась эпоха и судьба тогдашней советской демографии. В 1934 г. сначала был ликвидирован входивший в систему Отделения математических и естественных наук АН СССР Демографический институт АН СССР в Ленинграде (декабрь 1930 – апрель 1934 гг.), который возглавлял В.В. Паевский. Всего в институте на постоянной основе работало 5 человек. В конце 1933 г. в связи с переездом Академии наук из Ленинграда в Москву началась реорганизация ее учреждений. Демографический институт к тому времени передали в состав Физико-математической ассоциации, а в марте 1934 г. Президиум АН СССР признал его существование нецелесообразным, мотивировав, что «попытки ввести в работу Демографического института моменты социально-экономические не удались» [295, с. 134-135].

В 1938 г. после репрессированной переписи населения СССР в связи с засекречиванием данных демографической статистики и репрессиями был закрыт и руководимый М.В. Птухой институт демографии и санитарной статистики АН Украины. Был репрессирован и сам Михаил Васильевич, которому все же «повезло», ибо за решеткой он пробыл только 23 месяца (с 21 февраля 1938 г. по 19 января 1940 г.). В стране не стало научных организаций, целенаправленно изучающих население. Был закрыт и доступ к необходимой демографической информации. Демографией на свой страх и риск занимались лишь одиночки-энтузиасты, с помощью которых в 1960-е годы демография в СССР была возрождена. Это наряду с М.В. Птухой – А.Я. Боярский (1906-1985), А.И. Гозулов (1892-1981), Л.С. Каминский (1889-1962), Ю.А. Корчак-Чепурковский (1896-1967), М.В. Курман (1905-1980), А.М. Мерков (1899-1971), С.А. Новосельский (1872-1953), Б.Я. Смулевич (1894-1981), В.С. Стешенко (1934-2014), С.Г. Струмилин (1877-1974), С.А. Томилин (1877-1952), Б.Ц. Урланис (1906-1981), Б.С. Ястремский (1877-1962).

В 1940-1950 гг. М.В. Птуха возглавлял отдел статистики Института экономики АН УССР, куда были переданы функции Института демографии и социальной статистики. В Институте экономики АН Украинской ССР М.В. Птуха, где он стал академиком, занимался вопросами истории статистики и истории демографии, как более без-

опасными научными проблемами, а также теоретическими проблемами статистики населения. Этими исследованиями он обратил внимание советских ученых на важность анализа истории развития мировой демографической мысли.

Ныне его имя носит Институт демографии и социальных исследований НАН Украины, который был возрожден С.И. Пирожковым и Э.М. Либановой, ныне академиками НАН Украины. Это единственные на постсоветском пространстве ученые демографы, имеющие статус академиков. Особенно следует отметить работу Э.М. Либановой «Продолжительность жизни населения» (1991 г.) [129] по Украине, являющейся лучшим трудом по этой проблематике в советской демографии. Эта работа, продолжившая региональные исследования М.В. Птухи, основана на факторном моделировании продолжительности жизни населения на базе повозрастных коэффициентов смертности в условиях автокорреляции. Э.М. Либанова, анализируя тенденции смертности населения Украины, дала оценку влияния изменения летальности важнейших заболеваний и интенсивности смертности по возрастно-половым группам на динамику средней продолжительности населения Украины. Особенно ценным вклад в деле развития демографической науки не только в Украине, но и в целом в Советском Союзе принадлежит В.С. Стешенко, начавшей еще в ИЭ АН УССР издавать серию демографических сборников – «Демографические тетради» и «Демографические исследования» и опубликовавшей ряд крупных демографических работ [261-263].

В Советском Союзе в 30-е роковые среди социальных наук именно социология и демография стали нежелательными и подверглись гонениям. Прежде всего, это нашло отражение в теоретическом аспекте, примером которого служит статья Б. Смулевича и А. Шевелева «Демография» в XXI томе Большой Советской энциклопедии (1931 г.). Эта статья не давала определение самому понятию «демография», не касалась она и собственно демографических проблем, а была растворена социальной статистикой. Вначале она была «отрегулирована» цензурой. А в последующем издании БСЭ, издании 1939 г. ее соответствующий (41-й) том вышел уже без статьи о народонаселении [295, с. 145].

В общем, повторялась ситуация, характерная для осмысления демографических проблем конца XVIII века в России. Кроме того, что тогда на демографическое письмо М.В. Ломоносова был наложен

запрет публиковать, было запрещено публиковать и данные о жителях страны, несмотря на широкое проведение ревизий (учета) податного населения. Даже слово «статистика» находилось тогда под запретом. Когда во времена Екатерины II была высказана мысль о получении Академией наук статистических данных официальным путем, ее «по духу времени приняли за преступление и не хотели даже слышать имени статистика» [295, с. 42-43].

Да и в СССР заниматься чисто статистикой даже после войны было небезопасно. Как рассказывал чл.-корр. АН СССР В.Н. Старовский, возглавлявший Госкомитет по статистике: «Я несколько раз ставил перед И.В. Сталиным вопрос об издании журнала «Вопросы статистики» (Этот журнал выходил с 1919 г., но он был ведомственный, а не открытый для массового читателя – А.З.). Сталин обходил этот вопрос молчанием, но в конце прореагировал: «Передайте Молотову, чтобы он подготовил решение об учреждении этого журнала и назначении вас его ответственным редактором». И, помолчав немного, добавил: «Но чтобы в этом журнале не было ... никакой статистики». А если говорить о демографических показателях, то длительное время для публикации многих из них, к примеру, данных о миграционном движении населения требовалось разрешения «главлита» (управления по охране тайн в печати).

Даже такая величина в советской экономике, статистике, демографии и социологии как академик С.Г. Струмилин, занимавший в СССР самые высочайшие должности, испытал это. В 1936 г. С.Г. Струмилин подготовил к печати работу «К проблеме рождаемости в рабочей среде», которая была основана на материалах обследования 1934 г. Но опубликована эта работа [266] была только после XX съезда КПСС, после съезда, на котором был подвергнут критике культ личности Сталина, – в 1957 г.

С.Г. Струмилиным был дан первый в отечественной науке прогноз численности и поло-возрастного состава населения СССР, оправдавшегося с учетом последствий Великой Отечественной войны с большой точностью. Также он в работе 1922 года «Трудовые потери России в войне» осуществил расчет и дал экономическую оценку потерь страны за годы первой мировой и Гражданской войн. С социолого-демографических позиций им в 1922-1923 гг. было организовано проведение бюджета времени рабочих и крестьян.

В начале 1960-х годов, размышляя о демографическом будущем, С.Г. Струмилин полагал, что со временем, когда человечество приблизится к естественному пределу своего долголетия и перейдет к простому воспроизводству населения, внимание общества будет направлено на рост качества населения.

Но, возвращаясь к эпохе 1930-х годов, напомним, что когда социология была объявлена «лженаукой, выдуманной французским реакционером Огюстом Контом», даже упоминание самого слова «социология» в марксизме в Советском Союзе было запрещено. А демографы были подвергнуты репрессиям. Многие руководители переписи населения 1937 года вплоть до областного уровня вообще были расстреляны. С конца 1930-х годов демографические исследования, как и вся демографическая статистика, попали в разряд запретных. Даже данные по общей численности населения стали или секретными, или в лучшем случае – «для служебного пользования» вплоть до середины 1950-х годов. Естественно, в этой ситуации демографические и социологические исследования и в Беларуси оказались под запретом.

У истоков современной демографической науки

Последние полстолетия на советском и постсоветском пространстве проходили под влиянием развития социологии и демографии. И именно социология и демография в так называемую «эпоху застоя» выводили общественную науку в Советском Союзе на новые рубежи. И в мировой научной мысли они возникли почти одновременно, что позволило Огюсту Конту заявить «Демография – это и есть социология». О том, что они развиваются во взаимосвязи друг с другом, свидетельствуют, как трагические периоды в их истории, так периоды их подъема.

Возрождение демографии, как и социологии, относится к 1950-1960-м годам. Этот интерес к демографическим проблемам был вызван рядом объективных социальных, экономических и политических причин. Во-первых, к концу 1950-х гг. в трудоспособный возраст вступило население, родившееся в годы Великой Отечественной войны. А так как рождаемость, особенно в европейской части СССР, в военный период была низкой, в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в трудоспособный возраст вошло меньшее по численности поколение,

то возникли проблемы обеспечения рабочей силой промышленных предприятий и призыва в ряды Вооруженных сил СССР. Возникли и проблемы комплектования старших классов в средней школе и занятости преподавателей. Для того, чтобы не допустить сокращения численности учителей старших классов, средняя школа в срочном порядке на несколько лет была переведена с десятилетнего среднего образования на одиннадцатилетнее. А для обеспечения призыва в ряды вооруженных сил, с одной стороны, и обеспечения трудовыми ресурсами экстенсивно функционирующей экономики – с другой, ввели ограничения для выпускников средних школ для поступления в вузы – на первый план в числе критериев приема в вузы стали не столько оценки, сколько наличие двухлетнего трудового стажа. Для абитуриентов-выпускников школ выделяли 25% мест, а для «стажников» – 75%. В результате целому поколению мужского населения на 5-6 лет, а многим – и на оставшуюся жизнь, ибо они уже не могли конкурировать с новым поколением выпускников, – были поставлены преграды в получении высшего образования.

В середине 1960-х гг. в трудоспособный возраст вступило послевоенное поколение, родившееся в период послевоенного «бума» рождаемости, средняя школа вернулась к десятилетнему среднему образованию. В 1966 г. экономическая и социальная сферы столкнулись сразу с двумя выпусками средней школы – с одиннадцатилетним и десятилетним образованием. В вузах отменили квоту выпускникам школ и «стажникам»: на первый план выступили оценки абитуриентов, а при их равенстве стал учитываться и стаж работы. Был сокращен и срок службы в вооруженных силах с 3-х до 2-х лет. Все это выявило значимость демографических проблем.

В связи с приближающимся 20-летием начала Второй мировой войны и Великой Отечественной войны стала актуальной проблема определения истинных людских потерь СССР. Вышедший в СССР в 1957 г. сборник статей немецких ученых «Итоги Второй мировой войны» еще более ее актуализировал. В этом сборнике немецкий профессор Г. Арнтц в статье «Людские потери во Второй мировой войне» оценил людские потери СССР в 20 млн чел., что значительно превысило объявленную в начале 1946 г. И. Сталиным цифру в 7 млн чел. [88, с. 70].

После XX съезда КПСС, на котором был подвергнут критике культ личности Сталина, с одной стороны, встала проблема опреде-

ления демографических потерь от репрессий, а с другой – в науке была провозглашена политика преодоления начетничества, догматизма, цитатничества и субъективизма.

В 1956 г. в связи с отменой Указа Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1939 г., запрещавшего увольнения рабочих и служащих по собственному желанию, в экономике страны выросла текучесть кадров, нерегулируемая миграция, что создало объективную потребность в исследованиях этих процессов. И демография, и социология оказались как никогда востребованными и получили возможность возрождения.

В 1963 году в ведущем идеологическом журнале «Коммунист» (№ 17) было опубликовано письмо Бронислава Яковлевича Смулевича «О двух забытых областях марксистской социологии» [241]. Этими «забытыми» областями науки оказались социальная гигиена и демография. Это письмо Б. Смулевича и материалы совещания, организованного для его обсуждения, имели исторический резонанс и способствовали возрождению демографии в СССР в 1960-е годы. Можно сказать, что после своей реабилитации бывшего белоруса (Б. Смулевич, как и М. Птуха, также был репрессирован), реабилитации социологии была реабилитирована и демография.

В этом 1963 г. при Минвузе СССР был создан Координационный Совет по проблемам народонаселения. С середины 1960-х гг. в Советском Союзе, как в центре, так и в союзных республиках, стали создаваться специализированные научные коллективы из представителей различных наук, изучающих народонаселение. В первых его рядах были статистики, имевшие надежную эмпирическую базу – материалы первой послевоенной переписи населения СССР 1959 г. Следует отметить, что проведение первой послевоенной переписи населения планировалось на 1949 г., но по идеологическим мотивам она не состоялась.

В этот сложный исторический период еще сильна была инерция атмосферы 1930-1950-х гг., когда научные искания испытывали влияние идеологических стереотипов. Поэтому демографы в условиях этой идеологизации пытались противопоставлять буржуазному подходу к решению демографических проблем марксистский. Теоретические поиски отечественной демографии, исходившие от теоретических положений К. Маркса и Ф. Энгельса, были направлены к поиску отличных от западных подходов, более точных формулировок

ее предмета и объекта, формулировки закономерностей воспроизводства населения, при этом биологические, социальные, экономические и социологические закономерности часто смешивались. Были сложности и с информационной базой демографических процессов как результат противодействия руководителей органов ЦСУ (и прежде всего В.Н. Старовского), которое всю проблематику вопросов народонаселения, во-первых, сводило лишь к фиксации демографических явлений, а во-вторых, засекретив (или сделав их «для служебного пользования») данные демографической статистики. Фактическим признанием демографии, важности решения демографических проблем, а также итогам результативности ученых в этой области стали официальные документы ЦК КПСС и в частности – материалы XXIV-XXVI съездов КПСС, где проблемы демографического развития СССР, проведения активной демографической политики были подняты на уровень практических государственных задач.

С момента возрождения демографии обозначились ее три основных направления. Одно из них – собственно демографическая школа, состоящая преимущественно из статистиков (Е. Андреев, А. Боярский, А. Вишневский, А. Волков, А. Кваша, Б. Урланис и др.) и предметом которой была самостоятельная демографическая система. Второе – социально-экономическая демографическая школа (в основном украинские ученые В. Стешенко, В. Пискунов, Э. Либанова, В. Горелик, В. Перковский, Л. Чуйко, Л. Шахотько и др.), предмет которой демографическая система рассматривалась как результат и отражение социально-экономических процессов. И третье – народонаселенческая, ныне это социологическая школа (А. Антонов, В. Борисов, Д. Валентей, В. Елизаров, Ж. Зайончковская, В. Медков, В. Переведенцев, А. Раков, Н. Римашевская, Л. Рыбаковский, В. Сысенко, Б. Хорев и др.), предметом которой были демографические процессы во взаимодействии с социально-экономическими процессами. При этом, они не растворялись в социально-экономических процессах, а были их активной стороной.

Ныне происходит медленное сближение этих направлений, хотя по некоторым концептуальным аспектам расхождения остаются. Это ярко продемонстрировал III Всероссийский социологический конгресс (2008 г.), посвященный 50-летию возрождения в СССР социологии и 40-летию создания первого в СССР академического института социологии. В его программе была 11-я сессия «Демографи-

ческие вызовы современной России». Но заседание одной из ее секций было в ВШЭ, а второй – на социологическом факультете МГУ: руководители этих секций сессии (А.Г. Вишневский, лидер статистико-демографического направления, и А.И. Антонов – представитель социолого-демографического направления), ныне придерживающиеся различных методологических позиций, так и не смогли найти желания объединиться, чтобы совместно обсудить демографические проблемы России.

Институционально возрождение демографии связано с созданием первого в СССР специализированного научного подразделения – проблемной лаборатории народонаселения в феврале 1965 г., а в 1967 г. – кафедры народонаселения на экономическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова, у истоков которой стояли Д. Валентей, А. Боярский, С. Струмилин и Б. Урланис. В 1968 г. лаборатория и кафедра были объединены в Центр по изучению проблем народонаселения. Следует отметить, что в ее создании заслуга принадлежит активной деятельности энтузиастов одиночек, пионеров возрождения демографии при громадной поддержке тогдашнего ректора МГУ математика, академика И.Г. Петровского, уроженца Брянской области, имя которого носит Брянский государственный университет, изыскавшего средства на финансирование сначала лаборатории, а затем и Центра. Отметим, что Иван Георгиевич Петровский способствовал преодолению препятствий процесса институционализации и демографии и социологии в 1960-1970-х годах в МГУ. Ярким примером этого является защита им от травли, которая была развернута в консервативных философских кругах, курса лекций по социологии Ю.А. Левады, которым мы, тогдашние студенты, буквально зачитывались.

Нелегким оказалось и возрождение демографии и на статистическом «фронте». Статистические демографические подразделения в СССР первоначально были созданы не на союзном, а на республиканском уровне. Так, сектор демографии и трудовых ресурсов, обеспечивавшим научную базу в этой сфере, был создан в Институте статистики и экономических исследований Госкомстата Российской Федерации. И только в 1965 г. он был преобразован в Отдел (а позже – Лабораторию) демографии НИИ ЦСУ СССР. Но даже для руководства ЦСУ СССР (в лице В.Н. Старовского, твердо соблюдавшего указание И.В. Сталина, чтобы не было никакой статистики) демографические исследования только добавляли головную боль. И всякая де-

мографическая информация еще с 1930-х годов, когда, проводившие перепись населения 1937 года статистики и демографы, были репрессированы, появлялась с большими препятствиями, что подтверждает и научный путь автора монографии.

В 1974 году, начав работать младшим научным сотрудником научно-исследовательского института (НИИЭМП) при Госплане БССР, автор ездил в командировки во все областные статистические управления с целью сбора региональной демографической информации. И в одном из них (Витебском облстатуправлении), руководителем которого была в тот период единственная в Советском Союзе женщина, работавшая в нем с послевоенных времен, прежде чем поставить резолюцию на отношении института о получении региональных статистических данных в течение нескольких часов устроила по сути допрос – для чего же нужны запрашиваемые данные. А не будут ли они использованы в диссертациях? Не будут ли они опубликованы в научных статьях и т.д.

В конце 1960-х гг. в Институте социологии АН СССР (тогда он назывался Институт конкретных социальных исследований) исследованием социолого-демографических проблем занимался отдел по руководством Л. Рыбаковского, из которого наряду с Л.Л. Рыбаковским впоследствии вышли крупные демографы А.И. Антонов и А.Г. Вишневский, принадлежащие ныне, как мы отмечали, к различным (конфликтующим между собой) демографическим школам. Первый специализированный демографический институт в системе Академии наук СССР – Институт социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) появился только в 1988 году.

Важной вехой в развитии демографической науки в СССР явилось издание в 1985 г. «Демографического энциклопедического словаря». Его главным редактором и идейным вдохновителем был руководитель Центра по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ Д.И. Валентей.

Дмитрий Игнатьевич Валентей (1922-1994 гг.) оставил след в истории советской демографии как выдающийся деятель, стоявший у истоков возрождения современной демографии в Советском Союзе. Советской демографической науке повезло, что у истоков ее возрождения и становления оказалась такая личность как Д.И. Валентей. Кроме таланта ученого сказались и такие факторы. Валентей в конце 1950-х годов был заместителем главного редактора ведущего в СССР

экономического журнала «Вопросы экономики». Имел он творческие контакты и с другими научными журналами, в частности – в журнале «Экономические науки». Это способствовало появлению в ряде центральных журналов и газет публикаций демографического характера. Работал он и деканом одного из факультетов Московского института иностранных языков имени Мориса Тореза. Прекрасно зная «кухню» издательского дела и имея серьезный опыт организаторской работы он сумел их соединить со своим талантом ученого для институционализации демографической науки в Советском Союзе.

В противовес поисков более удачных формулировок закономерностей воспроизводства населения (чем часто грешат многие диссертанты, рассуждая о новизне своей работы, что, дескать, они дали более точную формулировку того или иного понятия) им была сформулирована концепция существования системы законов развития народонаселения, присущих определенным социально-экономическим формациям. Им были также сформулированы главные особенности демографической ситуации в СССР и на постсоветском пространстве, ее проблемы, требующие решений. Основные критерии их актуальности и остроты, по мнению Д.И. Валентя, определялись степенью соответствия численности структуры, воспроизводства, соответствия территориального размещения населения потребностям экономического развития, обеспечения занятости, благосостояния и развития всех членов его общества.

Это проблемы:

- снижение рождаемости и система факторов, его обуславливающих;
- рост смертности и потери от сверхсмертности мужчин;
- социально-экономические последствия старения населения, изменения демографической нагрузки;
- снижение темпов роста населения и усиление его региональной дифференциации;
- нерациональное, с точки зрения развития экономики, направление потоков миграции;
- укрепление семьи и сокращение разводимости;
- гендерные проблемы как социально-экономические проблемы всего общества;
- проблемы детей, молодежи, физического и нравственного воспитания здорового молодого поколения.

Этот перечень проблем поднимает демографию до системы демографических наук, вершиной которой является теоретическое обоснование направлений демографической политики и оптимизации демографических процессов. Сложность становления демографической науки еще состояла и в том, что тем, кто поднимал актуальные демографические проблемы, тогдашние руководители ЦСУ навешивали ярлык неомальтузианцев.

Благодаря усилиям Д.И. Валентя по примеру В.С. Стещенко с 1973 года начала издаваться серия тематических сборников «Народонаселение», фактически ставшая своеобразным научным и научно-популярным журналом, главным редактором которой он являлся. В течение 15 лет в 55 сборниках, выходивших ежеквартально, освещался самый разнообразный круг научных проблем народонаселения: рождаемости, продолжительности жизни, брачности, семейных и гендерных отношений, миграции, урбанизации, региональных демографических аспектов, зарубежной и исторической демографии, использования трудовых ресурсов и др. По инициативе Д.И. Валентя Центром было проведено более 20-ти научно-практических конференций и семинаров. Центр осуществлял координацию научных демографических подразделений, появившихся в разных регионах СССР. Конференции давали возможность обсуждения научных достижений и проблем в области демографии. На основе материалов конференций издавались сборники, дававшие выход результатам исследований региональных ученых, привлечении их к большой науке. Эти научные мероприятия, особенно проводившиеся в регионах страны, обращали внимание органов местного управления к демографической проблематике, необходимости реализации комплексного подхода, их связи с актуальными социально-экономическими процессами, развития социальной и научной инфраструктуры.

Говоря об издании «Демографического энциклопедического словаря», следует отметить, что работа над ним длилась почти 10 лет. Она началась в 1975 г., а планах издательства «Советская энциклопедия» этот словарь фигурировал с 1979 г. Словарь затрагивал вопросы не только сугубо научного плана, не только исторического прошлого, но он (хотели того авторы словаря или нет) касался и острейших современных политических проблем. Так, в этом словаре в статье о Болгарии была дана адекватная картина национального и конфессионального состава населения этой страны, где кроме болгар живут и

другие народы: «...кроме них (болгар) проживают армяне, греки, румыны, русские, татары, турки, цыгане» [70, с. 41]. Нынешнее поколение политической подоплеки в этом не увидит. Но эта фраза затрагивала проблемы, по которым у болгарского руководства было иное мнение – и о национальном составе и о внутренней национальной политике – прежде всего по отношению к туркам. В середине 1980-х годов в Болгарии развернулась кампания по ассимиляции турок – прежде всего насильственной смены имен и фамилий турецкого почти полутораmillionного национального меньшинства на болгарские. Руководство Болгарии просто замалчивало наличие в стране турецкого этноса. И свое «мнение» по поводу демографического словаря болгарские руководители изложили в письме-жалобе Кремлю. И даже в эпоху «перестройки» это могло быть чревато «оргвыводами».

Но благо, что супруга Горбачева и ее дочь очень интересовались вопросами социологии и демографии (в частности, планирования семьи). Р.М. Горбачева защитила кандидатскую диссертацию по социологии, руководителем которой был академик Г.В. Осипов. А дочь (по мужу И. Вирганская) работала одно время в лаборатории медицинской демографии под руководством профессора М.С. Бедного. С их помощью удалось передать ряд аналитических записок по проблемам демографии в Советском Союзе на высокий уровень управления страной. Отголоском того, что материалы были прочитаны, стало упоминание М. Горбачевым (в интервью газете французских коммунистов) о сложной демографической ситуации в СССР, как об одном из факторов, затрудняющих экономическое развитие страны. Хотя и до М.С. Горбачева отдельные Генсеки высказывались по ряду демографических проблем. В частности, Ю.В. Андропов на основе аналитических записок Центра отмечал, что наряду с социальным, важнейшими факторами общественного развития являются демографический и национальный. Эти факты свидетельствуют о непростом пути социологии демографии в СССР и заслугах Дмитрия Игнатьевича Валентея.

Д.И. Валентеем была начата и подготовка демографических кадров. Ему удалось добиться создания на экономическом факультете МГУ кафедры народонаселения (1967 г.). Здесь в 1968 г. стали преподавать совершенно новый курс демографии. До этого единственным в ту пору учебным заведением, в котором преподавали не демографию, а демографическую статистику (статистику населения)

был Московский Экономико-Статистический институт, где кафедрой статистики населения заведовал профессор А.Я. Боярский (позже он был приглашен на экономический факультет МГУ). В 1970-х годах под руководством Д.И. Валентея была разработана программа курса «Демография» для экономических факультетов университетов и экономических вузов. Эта дата положила начало чтения демографической дисциплины в экономических вузах, на экономических и социологических факультетах вузов. Центром были изданы: «Курс демографии» под редакцией А.Я. Боярского и с участием Д.И. Валентея, а также А.Я. Кваши, «Основы демографии», «Основы теории народонаселения» и «Марксистско-ленинская теория народонаселения», «Система знаний о народонаселении», вышедших под его редакцией и непосредственным активным участием.

В память ученого экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, начиная с 1997 года проводит Международные научные конференции «Валентеевские чтения», как важный элемент научной культуры, соединяющих как ученых разных поколений и парадигм, так и демографов бывшего Советского Союза. Их уже проведено семь: в 1997, 1999, 2002, 2005, 2007, 2010 и 2012 гг. В апреле 2015 г. планируется проведение 8-х Валентеевских чтений «Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе». И только на Валентеевских чтениях в российской демографии происходит сближение позиций представителей трех научных в демографии направлений. Но это сближение позиций большей массы ученых, а не самих лидеров. Ныне в России в области исследований демографических проблем заняты ученые Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Института социально-политических исследований РАН, Института социологии РАН, Института демографии университета Высшей школы экономики, Всероссийского центра уровня жизни, а также многих вузов. А многое, если не все, начиналось с Дмитрия Игнатьевича Валентея.

Идти вперед, не теряя прошлого

Не зная прошлого, невозможно понять подлинный смысл настоящего и будущего, – писал М. Горький. Проникновение в историю становления и развития демографического знания показывает, что демографические аспекты – многогранны, охватывая все стороны

жизни. И хотя, как утверждает Б. Рассел: «главное назначение брака заключается в том, чтобы восполнять людские потери населения земного шара» [213, с. 185], на самом деле в реальности их взаимоотношения гораздо сложнее и глубже. И как пишет У. Бек: «если б речь шла только о семье и браке. На деле ситуация гораздо сложнее. Привязывая взаимоотношения полов лишь к тому, чем они представляются на первый взгляд: к межполовым отношениям, т.е. к темам сексуальности, нежности, брака, родительства и т.д., – мы упускаем из виду, что одним этим они не исчерпываются, а включают в себя и многое, многое другое – работу, профессию, неравенство, политику, экономику. Именно такое беспорядочное переплетение всего, причем до крайности противоречивого, необычно усложняет положение вещей. Говоря о семье, приходится говорить о работе и деньгах, говоря о браке – о специальном образовании, профессии, мобильности, о точнее: о неравномерных распределениях» [22, с. 147].

Таким образом, экскурс в историю развития демографического знания выявляет:

- рост интереса и понимания сложности демографических процессов и явлений;
- многогранность аспектов демографических процессов и прежде всего их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни;
- сложность предмета социолого-демографических исследований – воспроизводства населения, где выявились различные теоретические направления – анализ собственно демографических процессов, выявление экономических соотношений между различными поколениями и социально-демографическими общностями, анализ взаимодействия демовоспроизводства и социально-экономического развития и др.;
- исторический характер демографических процессов, отражающий их «ритмику», их постоянное развитие и изменение;
- неоднозначный характер оценки роли демографических процессов (роста или уменьшения населения той или страны);
- высокую значимость социологической интерпретации демографических процессов;
- предшествующими поколениями заложены основы осмысления демографических процессов, имеющие ценное методологическое значение для современного научного знания;

- озабоченность общественности проблемами роста численности населения прежде всего в глобальном, общецивилизационном масштабе и преобладание в решении противоречивого характера общецивилизационных и национальных аспектов демографического развития в пользу национальных интересов.

Важно и то, что, если в Западной Европе была высока озабоченность, идущая от Дж. Ортеса, Т. Мальтуса, Д. Рикардо и С. Симонди, «чрезмерным» ростом численности населения, то в Советском Союзе вследствие геополитических особенностей государства в решении противоречивого характера общецивилизационных и многонациональных аспектов демографического развития решались в пользу многонациональных интересов страны.

Наука всегда серьезна, всегда строга, всегда правдива, всегда истинна, заблуждения и ложь исходят из людей, в том числе и людей науки, но больше всего от людей около науки. Тернисты и непросты пути развития науки. Об этом свидетельствует исторический путь советской и белорусской демографии, которая одновременно (по Конту) была и социологией.

*Демография представляет
историю человечества.
Адольф Ландри.*

Глава 2.

Демографические проблемы и демографическая политика в истории белорусской науки

*История – это фундамент, на котором
строится жизнь народа. И, чтобы
построить свою жизнь, нужно начинать
с фундамента, чтобы здание было сильным.
А фундамент у нас важный, история наша богата.
Вацлав Ластовский.*

1. Истоки белорусской демографии

К истории вопроса о белорусской демографии

Исторические вехи всегда оживляют моменты прошлого. В развитии белорусской демографической науки и демографической политики выделяется четыре основных исторических этапа: дореволюционный, довоенный, советский и суверенный. Они связаны, как с историческими различиями эпох, так и с теми проблемами, которые стояли в центре внимания демографической науки на определенном историческом этапе, а также с вкладом исследователей в развитие демографического знания. Дореволюционный – это истоки белорусской демографии. Довоенный – времена которые не выбирают, как гроза перед бурей. Послевоенный – период расцвета и зрелости. И современный суверенный – период новых исканий, осмысления своего места в историческом процессе.

В дореволюционный период собственно демографических исследований в Беларуси не было. Тем более, что после отмены крепостного права и до Первой мировой войны (1861-1914) рост численности населения белорусских губерний был наиболее высоким среди европейских губерний России.

Исследованиям демографических проблем в историографии белорусской науки уделено меньше внимания, чем в Европе или в России и Украине. Вот что об истоках белорусской демографии говорилось в первой советской демографической энциклопедии (1985):

«До Октябрьской революции 1917 г. опубликованы отдельные работы П.П. Семенова-Тян-Шанского, А.К. Киркора, Е.Ф. Карского, М.В. Довнар-Запольского и ряда других исследователей, посвященные изучению населения Белоруссии. После Октябрьской революции анализировались итоги переписей населения 1923 и 1926 гг. Б.Я. Смулевич провел анализ заболеваемости и смертности населения городов и местечек Белоруссии в 20-х гг. Статистик Д.Н. Поплавский изучал особенности воспроизводства населения республики. В 30-х гг. исследования по проблемам семейно-брачных отношений проводил С.Я. Вольфсон» [70, с. 35].

Это наиболее существенное, что могла сообщить белорусская наука три десятилетия тому назад в отношении анализа демографического развития страны в дореволюционный и довоенный периоды. Если сравнить, что энциклопедия сообщала о демографических исследованиях в России и Украине, где существуют аналогичные демографические проблемы, что и в Беларуси, то очевидным становится незначительное внимание белорусской науки к демографическим проблемам в дореволюционный и довоенный периоды. Так, в ней названы 7 имен белорусских исследователей, история украинской демографии включает более 30 имен, не считая российских, а также польских, австро-венгерских, румынских и чешских ученых и специалистов, поскольку в давние исторические периоды ряд территорий Украины входил в состав других государств.

На наш взгляд, имена исследователей демографических проблем тогдашней Беларуси мало известны не только потому, что их круг был меньший, но и потому, что историческими аспектами развития белорусской демографии, их исследованием, в отличие от украинской науки, никто целенаправленно не занимался, — это делалось попутно. А если вспомнить, что в Украине был образован первый институт демографии в истории советской демографии, то очевидно было отставание Беларуси, во-первых, в развитии национальной демографической науки и анализе демографических проблем, и, во-вторых, в исторической демографической памяти.

Впрочем, это характерно для демографической науки в целом. С того времени, как Дж. Граунтом было опубликовано исследование по смертности (1662), проблемы народонаселения в различной интерпретации становились составной частью философских, экономических, социологических, геополитических, политологических, исто-

рических, географических, медицинских и многих других наук. Такая же тенденция была характерна и для становления демографической науки в Беларуси. Конечно, самые значимые научные исследования демографических проблем Беларуси, пришлось на вторую половину XX в., но сказать, что анализ демографических процессов Беларуси связан только с этим периодом, будет не совсем правомерно.

У истоков белорусской демографии

Проблемам народонаселения дореволюционной Беларуси посвящали свои работы многие исследователи – главным образом русские и белорусские статистики, географы, историки, этнографы, литераторы, военные и врачи.

В частности, начиная с 1867 г. в Санкт-Петербурге стали ежегодно издаваться сборники «Статистический ежегодник России» и «Движение населения в европейской России», в которых публиковались демографические показатели в разрезе губерний России и даже уездов и многочисленные данные о демографическом развитии различных городов. Как отмечает Л.П. Шахотько, уже были отдельные публикации в отношении некоторых городов Беларуси [293, с. 8]: А.И. Голынца «К изучению в медико-топографическом и статистическом отношении губернского города Могилева» (СПб., 1887) и А.А. Бекаревича «К изучению в медико-топографическом и статистическом отношении губернского города Минска» (СПб., 1890). М.В. Довнар-Запольский еще указывал на научную деятельность «статистиков Семеновского и Смородского» [75, с. 422], сведения о которых, к сожалению, отсутствуют.

Правда, цельных значительных теоретических работ в истории белорусской демографической науки дореволюционного периода практически не было. В основном это были работы описательного статистического, географического, этнографического, медико-гигиенического, исторического и правового характера, имеющие ту или иную связь с демографическими процессами. Но тем не менее и в них можно отыскать значительные демографические открытия.

Как отмечал в 1892 г. А.Н. Пыпин, в 1830-х-1840-х годах в целом в России и особенно в белорусских губерниях начали проводиться официальные статистические исследования. Но, говоря современным языком, данные о национальном составе «частью были

отрывочны, частью оставались в неизданном виде, вроде канцелярской тайны, пока ими не воспользовались офицеры генерального штаба в своих описаниях». Первой изданной была в 1861 г. «статистическая» работа М. Лебединского «О племенном составе народонаселения западного края Российской империи», где, как далее отмечает А. Пыпин, «Лебединский, состоявший при Центральном статистическом комитете пользовался официальными данными, но удивительным образом, смешав современную статистику с летописными известиями о древних жителях края, исчисляет здесь не только те племена, какие находятся в наличии в западном крае, но и те, которые в настоящее время совсем не имеются, а которые были здесь ранее в X–XII вв. Напр., – иронизировал А. Пыпин, – он не только дает цифру великороссиян, малороссиян, поляков, литовцев, но ему *известно с достоверностью*, что в западном крае находятся поляне (108.453), древляне (196.900), кривичи (23.016), волыняне (93.744), тиверцы и угличичи (8.398), хорваты (17.228), в том числе инородцев указаны ятвяги с цифрой 30.927. Таким образом, когда историки полагали, что те или другие древние племена бесследно исчезли в позднейшем племенном объединении, как, напр., какие-нибудь древляне или тиверцы и угличичи, или погибли в исторической борьбе, как ятвяги, Лебединский в каких-то неисповедимых источниках находил их даже в настоящую минуту и указывал их численность не только в тысячах, но даже в десятках и единицах, и притом, не только вообще, но даже в частных цифрах по уездам!» [203, с.152-153].

Проблемы численности населения тогдашних белорусских земель (Северо-Западного края) и расселения белорусов в других губерниях стали надолго важнейшими демографическими проблемами. А. Пыпин приводит другие работы в качестве более достоверных источников. Одна издана полковником Р.Ф. Эркерттом сначала в 1863 г. в Париже на французском языке, а потом в 1864 г. на русском языке («Взгляд на историю и этнографию западных губерний России») с атласом. Почти одновременно вышел и «Атлас народонаселения западнорусского края, по вероисповеданиям» А. Риттиха. С демографических позиций в них для нас важны сведения об общей численности населения, его конфессиональном и социальном составе. Оценка ими общей численности населения близка (у Эркерта – 4294 тыс. чел.; у Риттиха – 4485 тыс. чел.) [203, с.158], особенно, если учесть, что их работы вышли с разницей в один год. Этническая характери-

стика населения белорусских губерний у них следующая: русских (читай – белорусского населения) у Эркerta – 2531 тыс. чел., у Риттиха – 2854 тыс. чел. Более значительны (в удельном весе) расхождения их данных в отношении других этносов: поляков у Эркerta – 791 тыс. чел., а у Риттиха – 383 тыс. чел.; литовцев и латышей у Эркerta – 529 тыс. чел., а у Риттиха – 713 тыс. чел. Если для современников, причем, пользовавшихся «официальными статистическими» данными, были такие разночтения, то для нас ныне эта проблема еще значительно более сложная.

Вышедший в конце XIX в. третий том поистине энциклопедического труда «Живописная Россия» (1882) был посвящен Беларуси – Литовскому Полесью (ч. 1) и Белорусскому Полесью (ч. 2). В нем существенное место уделено и демографическим аспектам «Литовских и Белорусских областей» (в терминологии П.П. Семенова-Тян-Шанского). А.К. Киркором, автором этих двух частей, в значительной степени опирающегося на издание А. Риттиха, приведена характеристика численности населения губерний, их этнического (в т. ч.: и племенного), конфессионального и социально-классового состава, особенностей развития городской и сельской местности в связи с их этническим составом. Отмечается также быстрый рост населения белорусских губерний в послереформенный период.

В частности, существенным различием Литовского Полесья (Виленской, Ковенской и Гродненской губерний) и Белорусского Полесья (Минской, Могилевской и Витебской губерний) является этнический состав и плотность их населения. «Существенное отличие Белорусской области от Литовской заключается в составе их населения, между которыми русская народность, а именно, белорусское племя, решительно преобладает по своей численности, да и польский или ополячившийся элемент в высшем землевладельческом сословии является преобладающим лишь в некоторых частях области, а именно: в Минской и части Витебской губернии. Наконец и сама плотность населения Белорусской области совершенно иная, чем в Литовской, так как в последней на кв. версту приходится 30 жителей, а в белорусской области – только несколько более 20» [86, с. 474]. В этой связи интерес представляет глава «Живописной России» – «Белорусская Смоленщина с соседями», в которой ее автор С.В. Маскимов приводит также интересные демографические данные, где за политическими границами белорусских губерний (по сведениям 1860 г.) бе-

лорусов в Смоленской губернии насчитывалось 1122 тыс. (68%), а великороссов – 520 тыс. (32%) [86, с. 442].

В указанной советской демографической энциклопедии отмечаются работы Е.Ф. Карского, посвященные изучению населения Беларуси. Это прежде всего его многотомное издание «Белорусы» (Вильно, 1904 г.), за создание для которого «Этнографической карты белорусского племени» Евфимий Карский был избран академиком Петербургской АН (1916), награжден Большой золотой медалью Русского географического общества и отмечен Ломоносовской премией Академии Наук России. Этот фундаментальный труд заслуживает внимания не только в этнографическом и филологическом, но и в демографическом плане.

В этом издании нашло отражение нескольких аспектов демографического развития в том виде, в каком сегодня наука рассматривает демографические проблемы. Во-первых, это проблема миграции населения (беженцев) из Московской Руси на белорусские земли – в Могилевскую (в г. Ветка), Витебскую, Сувалкскую, Виленскую и Ковенскую губернии (прежде всего во времена Ивана Грозного, Бориса Годунова, эпоху самозванцев и даже позже во времена Екатерины II [100, с. 164]. Напомним, что в середине XVIII века в письме к графу И.И. Шувалову (от 1 ноября 1761 г.) «О размножении и сохранении российского народа» М.В. Ломоносов значительное внимание уделял проблеме (в современной терминологии) миграции из Российской империи в белорусские земли, в связи с чем он предлагал определенные меры. Анализируя последствия массовых побегов крестьян за рубеж, Ломоносов называл их «живыми покойниками»: «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона. Побегии бывают более от помещичьих отягощений крестьянам и от солдатских наборов. Для расколу много уходит российских людей на Ветку» [134, с. 613].

Во-вторых, это данные Карского о численности населения белорусских губерний по результатам всероссийской переписи населения 28 января 1897 г. (10 127 925 душ) и на 1 января 1903 г. (11 065 606 душ). В-третьих, это характеристика этнической структуры губерний Северо-Западного края. И, наконец, в-четвертых, это определение общей численности белорусов не только в губерниях Северо-Западного края, но и в других пограничных с ними. По данным Карского, к 1903 г. численность белорусов в 14-ти губерниях составила

8 317 961 чел., в том числе: в Минской губернии – 1 755 069 чел., Могилевской – 1 650 069, Виленской – 1 076 435, Витебской – 976 638, Смоленской – 947 826, Гродненской – 861 640, Черниговской – 700 000, Тверской – 125 000, Ковенской – 60 000, Псковской – 42 400, Калужской – 41 029, Орловской – 38 484, Сувалкской – 22 390 и Курляндской губернии – 20 981 чел. [76, с. 164-170]. Его этнографическая карта, утверждают современные исследователи творчества Карского, в целом повторяла границы атласа А. Риттиха, созданного на полвека ранее [279, с. 201]. Интересно, что по последним белорусским, российским и украинским переписям населения чисто этническое белорусское население в этих регионах за столетие увеличилось почти на один миллион.

Этнодемография дореволюционной Беларуси

Из дореволюционного периода исследования демографических проблем в Беларуси наиболее значимыми являются работы М.В. Довнар-Запольского, известного белорусского (он уроженец Речицы и начало его научной деятельности связано с анализом исторических, этнографических и историко-экономических процессов Беларуси), российского и украинского историка, экономиста и организатора экономического образования. Его работы освещают демографические проблемы в разнообразных планах (и прежде всего в социологическом), хотя они касаются их только попутно (сначала в этнографическом, а затем и историческом аспектах). Определенную ценность представляет первая теоретическая работа М.В. Довнар-Запольского «Первобытные формы брака», написанная в 1892 г. в традициях ныне классической и наиболее популярной в конце XIX века теории эволюционизма на работах Э. Вестермарка, Г. Жиро-Телона, Н.И. Зибера, М.М. Ковалевского, Дж. Леббока, Ш. Летурно, А. Поста, Г. Спенсера и др. [78, с. 384-404]. Рассматривая с первобытного периода процесс поэтапного изменения форм отношений полов – промискуитет, гетеризм (бытовой и религиозный), брак по группам, полиандрию, левират и снохачество, экзогамию и куплю-продажу женщин, М.В. Довнар-Запольский проиллюстрировал эту эволюцию примерами обычаев славянских народов 80-х-90-х гг. XIX в. и прежде всего белорусов на материалах свадебных обрядов в Игуменском, Бобруйском, Речицком, Мозырском и Пинском уездах Минской и Могилев-

ской губерний. В этой работе Довнар-Запольский первым из ученых Российской империи ввел в анализ эволюции форм брачных отношений материалы из белорусской реальности, что делает ее демографически значимой.

Для демографов интерес представляют и небольшие «Статистические очерки Северо-Западного края» Довнар-Запольского (1888 г.) [79, с. 425-430]. Они представляют двойной интерес. Во-первых, в этих очерках имеются материалы демографического характера. А, во-вторых, они опубликованы в двух томной его социологической работе «Исследования и статьи: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность».

Но наибольший интерес в демографическом и социологическом планах, представляет его работа «Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура» (в соавторстве с Д.З. Шендриком), опубликованная в 9-м томе «Настольной и дорожной книги для русских людей» – «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества». Она стала своеобразной энциклопедией по Беларуси в начале XX века. В этом томе «Верхнее Поднепровье и Белоруссия» уже кроме этнографических зарисовок имеются и обширные статистические данные по Витебской, Минской, Могилевской и Смоленской губерниям из материалов первой всеобщей российской переписи населения 1897 г.

Диапазон этих данных стал значительно шире: динамика изменения численности населения белорусских губерний за последнюю половину XIX века, сравнительная характеристика плотности (густоты) населения, его распределения в разрезе городской и сельской (уездов) местности, группировка городских (губернских, уездных и заштатных) поселений, половая структура, сословная, конфессиональная и этническая характеристика губерний, показатели брачности, рождаемости и смертности, а также (и это весьма интересно и неожиданно!) социологический анализ интеллектуальной миграции этнических белорусов [74, с. 126-137]. Причины белорусской «утечки мозгов» на рубеже XIX–XX вв. Довнар-Запольский объяснял преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев. Именно этим, по мнению Митрофана Викторовича, был вызван отток высокообразованных этнических белорусов из Беларуси, которым преоб-

ладающие в экономической сфере этносы в этих регионах ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал. Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до 1917 г. в городах белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе [300, с. 201].

Существенной характеристикой демографического развития последних 50-ти лет перед Первой мировой войной был значительный рост численности населения белорусских губерний. Хотя нужно отметить, что в оценке численности населения белорусских земель на рубеже XIX–XX вв. существуют расхождения. Но несмотря на все это, фактом демографического развития Беларуси является то обстоятельство, что наивысшие в своей дореволюционной истории темпы роста населения приходится на послереформенный период. Так, Довнар-Запольский со ссылкой на данные известного русского статистика академика К. Германа, возглавлявшего статистическое отделение Министерства полиции (опубликовавшего в 1819 г. «Статистические исследования относительно Российской Империи») и в статистике «человека очень осторожного», приводит следующую динамику роста численности населения бывшего Северо-Западного края: конец XVI века – не менее 1 млн. чел.; конец XVII века – не более 1,6 млн. чел., конец XVIII века – около 3,8–3,9 млн. чел. [75, с. 188].

В противовес крепостной эпохи «в последующем пятидесятилетии население возрастает с 5,6 млн. душ обоего пола в 1863 г. до 14 млн. в 1914 г., т.е. увеличивается в 2,5 раза ... Рост плотности населения (с 20 чел. на 1 кв. версту в 1863 г. до 49 чел. в 1914 г.) уже дает перенаселенность при данных условиях хозяйства» [75, с. 434–435].

Отметим, что приведенная Довнар-Запольским численность населения в 5,6 млн. чел. на порядок расходится с данными Эркerta (4294 тыс. чел.) и А. Риттихом (4485 тыс. чел.) и относящимися к этому периоду. Также на порядок расходятся и сведения разных исследователей того периода и современные статистические данные в отношении численности населения Беларуси согласно первой всероссийской переписи населения. Современники переписи населения 1897 г. приводят следующую численность населения современных им белорусских земель: Карский – 10 127 925 чел. в 1897 г. и 11 065 606 чел. на 1 января 1903 г.; Довнар-Запольский – до 14 млн. чел. в 1914 г.

Белорусские исследователи и статистика нашего времени дают оценку населения Беларуси в современных границах: по переписи 1897 г. – 6673,0 тыс. чел. и на начало 1913 г. – 6899,1 тыс. чел. [289, с. 391]. В своем политизированном исследовании польский географ П. Эберхардт определяет еще меньшую численность населения 1897 г. в современных ее границах – 6493,6 тыс. чел. [299, с. 22 и др.].

К вопросу о «демографической революции» в Беларуси

Характеристика демографического развития Беларуси учеными и статистиками того периода (в современных им ее границах) позволяет выявить главное – тенденции демографического развития. Характеристика Е.Ф. Карским и М.В. Довнар-Запольским изменения численности населения территорий Беларуси за период XVI – начала XX вв., рост которого составил по минимальным данным – 12, а по максимальным – 14 раз, имеет важное значение для понимания тенденций демографического развития Беларуси в свете современных демографических концепций. Если сравнить с темпами роста численности мирового населения за этот период – с 500 млн. до 2 млрд. чел., т.е. в 4 раза, то темпы роста численности белорусского населения на этом фоне – значительно выше.

И другим европейским странам, как и Беларуси также были характерны более высокие темпы роста численности населения. Это свидетельство того, что и демографические процессы Беларуси развивались в русле мировых тенденций. За исключением, разумеется, стран американского и австралийского континентов, рост численности которых, кроме высокого естественного прироста, проходил и за счет значительного миграционного притока и был, естественно, выше. Это значит, что тот «демографический взрыв», который концепция демографического перехода относит на 1920-1950-е гг., Беларусь прошла раньше. Вообще, XIX характеризуется как «белый взрыв», т.е. рост европейского населения, но этот рост в мировой демографической науке не рассматривается как демографическая революция, мировая демографическая революция приходится на XX век.

Это одновременно ставит вопросы к теории демографического перехода как якобы единственной научной теории, объясняющей особенности современных демографических процессов, связывающей повторение демографических фаз и этапов, которые, дескать,

были положены западными странами – концепция «вестернизации». Это не столько тенденция «вестернизации», сколько отражение противоречия между развитием производительных сил и инертности (оставания) демографических процессов. В этой связи темпы роста численности населения на белорусских землях в послереформенный период были особенно высоки. Этот высокий рост численности населения связан с бурным развитием капиталистических отношений в России и того, что А. Смит вкладывал в концепцию «человека экономического». Именно в связи с бурным развитием капиталистических отношений демографическое развитие и других стран (Англии, Германии, Франции, а также, естественно, США, Канады, Австралии и др.) сопровождалось высокими темпами прироста населения, но в Беларуси они были на порядок более высокими.

Но есть существенные различия в отношении оценок этого роста на Западе, с одной стороны, и в России и Беларуси – с другой. Западная Европа была озабочена (Дж. Ортез, Т. Мальтус, Д. Рикардо и С. Симонди) «чрезмерным» ростом численности населения. Эта их обеспокоенность демографическими проблемами периода XVIII – начала XX вв. прежде всего отражала социально-экономические проблемы этого периода, вызванные, во-первых, развитием капиталистических отношений, во-вторых, обострением взаимоотношений метрополий и колоний и, в-третьих, конкуренцией за ресурсы.

Истоки дореволюционной белорусской миграции

В России вследствие ее геополитических особенностей в решении противоречивого характера общецивилизационных и национальных аспектов демографического развития они решались в пользу национальных интересов. В Беларуси эта перенаселенность ставила на повестку дня осуществление перехода от аграрной экономики к индустриальной. Именно эта идея развивалась М.В. Довнар-Запольским, выделявшим фактор аграрной перенаселенности: «Это уже угрожающая перенаселенность, которая говорит об избытке населения в деревне, о том, что земледелие не потребляет всего труда населения». И он констатирует: «Выход из этого затруднительного положения заключается в расширении площади пользования, в интенсификации хозяйства и в переселении – если городская промышленность не может потребить нарастающего в деревне труда. По-

требность в переселении сделалась весьма актуальной. Переселение началось в конце 80-х и 90-х годах, и белорусское население просачивалась в Сибирь сперва весьма небольшими группами. Но уже в половине 900-х годов белорусский переселенец занял едва не самое видное место среди переселяющихся в Сибирь: только 4 губернии (Могилевская, Минская, Витебская и Смоленская) за 20-летие 1896-1915 гг. дали 7-ю часть переселенческого движения за этот период всей России, и белорусское переселенческое движение превзошло переселенческое движение из центрально-промышленных губерний. Это, конечно, большой урон для хозяйства Белоруссии, тем более, что, как общее правило, переселенческий поток пополнялся здоровым середняком. Рост переселенческого движения Белоруссии понятен, если мы скажем, что города наши росли чрезвычайно слабо. Процент городского населения с 12,1 в 1863 г. упал несколько к концу столетия до 11,5 в 1897 г. и поднялся только до 14,3% в 1914 г., когда начало чувствоваться уже дуновение индустриализации» [75, с. 435].

К анализу М.В. Довнар-Запольским внутривосточных миграционных процессов на Беларуси добавим характеристику международной миграции Беларуси в начале XX в. Важным демографическим источником международных миграционных процессов на Беларуси дореволюционного периода является работа известного политического деятеля, руководителя в конце 1920-х гг. ЦСУ СССР, Н. Осинского (псевдоним В.В. Оболенский) «Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР». Если Довнар-Запольский отмечает высокие масштабы белорусской миграции в деле заселения Востока и Сибири, то Осинский сообщает о высокой миграционной подвижности населения губерний Северо-Западного края в период 1905-1913 гг. на американский континент: «к 1906–7 гг. эмиграционная “зараза” от соседей – поляков, литовцев, евреев – дошла, наконец, и до отсталого западно-русского крестьянина»: «Из Виленской губернии оно проникло в Минскую, где пропаганда эмиграционных агентов действовала главным образом на молодежь и на безземельных батраков, которые здесь живут в довольно плохих условиях. Зимой 1914 г. в Минске были предприняты аресты эмиграционных агентов, нелегально переводивших через границу. Но в 1914 г. уход на заработки в Америку отмечается уже и в Могилевской губернии». В отношении социальной характеристики мигрантов Н.

Осинский сообщает: «хотя о социальном составе русской эмиграции 1907-1913 гг. мы не располагаем точными данными, но можно предположить, что безземельные с.-х. рабочие – преимущественно из западных губерний – были самой многочисленной группой среди русских эмигрантов. За ними следовала обширная группа крестьян полупролетарского, с ничтожным наделом, или мелких арендаторов. Значительно меньше было крестьян, способных самостоятельно вести хозяйство. И среди эмигрантов было и небольшое количество промышленных рабочих, особенно в годы промышленной депрессии – 1908–09 гг.» [184, с. 62, 73].

В результате, как сообщают историки, в связи с перенаселенностью сел, а также городов и местечек Беларуси шел активный миграционный процесс: «за 1903-1913 гг. отсюда эмигрировало преимущественно в США, Аргентину, Бразилию и Канаду свыше 1,5 млн. чел. Но позже 600 тыс. из них, заработав средства на обустройство хозяйства, возвратились на родину. Необходимо отметить, что в 1912 г. только в Германии работали 100 тыс. выходцев из белорусских губерний, а в 1917 г. белорусов проживало, например, в Петрограде, Москве и Одессе больше, чем в городах Беларуси» [300, с. 201].

Подытоживая результативность миграционных процессов начала XX века, воспользуемся выводом лауреата Нобелевской премии 1971 г. уроженца Беларуси Семена (Саймона) Кузнецца, который считал, что «если эмиграция была важна для посылающих стран как средство, ослабляющее давление населения в течение периодов перехода от допромышленных к современным нормам роста, то иммиграция была еще важнее для принимающих стран и наложила заметный отпечаток на их экономический рост» [121, с. 121-122]. Это означает, что демографический потенциал Беларуси, растворившийся в титульных этносах тех стран, куда белорусы мигрировали, явился источником экономического развития многих других государств.

Заслуги первопроходцев белорусской демографической нивы

Таким образом, хотя собственно демографических исследований в дореволюционный период в Беларуси еще не было, а тем более, что вообще система демографических знаний в конце XIX – начале

XX вв. еще была в процессе становления, белорусские исследователи под влиянием исторических проблем, уже начали очерчивать круг сугубо демографических проблем. Исследования касались отдельных проблем естественного движения населения. Проходило накопление эмпирического материала, осуществлялись попытки разработки оригинальных положений. Особенностью дореволюционного демографического развития Беларуси было то, что в послереформенные годы (1861-1914) рост численности населения белорусских губерний был наиболее высоким среди европейских губерний России, а также многих других государств Европы. Важнейшей демографической проблемой надолго стала проблема численности населения белорусских земель (Северо-Западного края), характеристика численности населения губерний, их этнического, конфессионального и социально-классового состава, особенностей развития городской и сельской местности в связи с их этническим составом, а также расселения белорусского этноса.

Сегодня часто от науки требуют сиюминутных результатов, внедрения, расчета экономического эффекта. Исторический путь развития белорусских демографических исследований показывает, что иногда этот эффект сказывается через десятилетия. Так, когда в 1939 г. после воссоединения западных и восточных частей встал проблема определения границ присоединенных западных земель Беларуси, дореволюционные исследования (в частности, «Этнографическая карта белорусского племени» Карского, определившего территорию распространения белорусского языка и этноса [299, с. 18], этнографических работ М.В. Довнар-Запольского и других ученых) послужили весомым аргументом для установлении белорусско-украинской границы. Этнографические исследования дореволюционного периода сыграли решающую роль и в сохранении *status quo* границ после Великой Отечественной войны, когда была предпринята попытка несколько «урезать» северные территории Беларуси (Витебской области) в пользу Псковской области. Это свидетельствует о высоких результатах демографических исследований дореволюционной белорусской науки, которые в целом соответствовали тогдашним мировым научным социологическим и демографическим концепциям.

К несомненным научным заслугам первопроходцев на белорусской демографической ниве следует отнести:

- анализ связи демографического и экономического развития белорусского крестьянства (а дореволюционная и послереволюционная Беларусь была крестьянской) с концепцией семейно-трудовой теории;
- связь динамики роста численности населения с бурным развитием экономических (капиталистических) отношений;
- выявление несоответствия между экономическим ростом страны, темпами увеличения численности ее населения и масштабами миграционного движения и прежде всего эмиграционных потоков;
- поворот в анализе демографических процессов к обоснованию необходимости развития индустрии и сопутствующему этому развитию – урбанизации.

*Историческое знание – первейшее
средство сохранения и продления
стареющей цивилизации.
Хосе Ортега-и-Гассет.*

2. Демография Беларуси между революцией и войной

Социально-исторические предпосылки развития демографической науки довоенной Беларуси

Демографическое развитие Беларуси в послереволюционное двадцатилетие проходило в основном на историческом фоне, оказавшем негативное влияние, как на сами демографические процессы, так и на развитие демографических исследований этого исторического периода. Во-первых, это еще продолжавшаяся Первая мировая война, революционные потрясения, охватившие все стороны социальной жизни белорусского населения, и Гражданская война. Все эти события привели к громадным демографическим потерям и отразились на традиционных белорусских демографических устоях. Немецкая и польская оккупация Беларуси породили значительный миграционный отток белорусского населения. Почти четверть миллиона (246 тыс. чел.) из более чем миллионной армии беженцев и эвакуированных на восток России не вернулись в родные края – в Беларусь. Также «более 120 тыс. чел. выехали в Литву, Латвию, Эстонию, Чехословакию, Турцию и другие страны» [24, с.15]. Сегодня подобные процессы характеризуют и демографическое развитие приграничных регионов Украины, что сказывается на миграционном приросте Беларуси.

Во-вторых, это противоречивая социально-политическая атмосфера в Беларуси, социально-экономическое, политическое и демографическое развитие которой протекало в условиях насильственного разделения белорусского этноса. В демографическом плане кроме прямых демографических потерь из-за роста смертности и снижения рождаемости значительный демографический урон Беларуси нанесли и миграционные процессы. Так, Рижский договор 18 марта 1921 г., разъединивший белорусский этнос, вызвал волну миграции. Договором предусматривался возврат населения, родившегося на территориях, отошедших к Польше, но проживавшего на момент заключения мира в пределах Советской России и пожелавшего вернуться в западные земли. И наоборот – те, кто родился на терри-

тории, отошедшей к России, но проживал на польской территории и пожелал выехать из Польши, могли вернуться. Яркими примерами такой миграции являются судьбы Семена (Саймона) Кузнеця и Болеслава Смулевича, чьи демографические идеи будут изложены далее.

В-третьих, это репрессии и окатоличивание белорусов в западных землях, а также репрессии и массовое раскулачивание, затронувшее прежде всего «здорового середняка», периода культа личности в восточных областях Беларуси. В результате эмиграции жителей западных земель Беларуси до 1939 года в Америку и Европу «выехало от 180 до 250 тыс. чел. по причине национально-религиозного и социального давления на население» [24, с.16]. Новые социально-экономические и политические реалии в восточных территориях Беларуси породили не меньшие масштабы миграции в молодой БССР. Как отмечают историки, «в различные регионы СССР из Беларуси выезжают на стройки народного хозяйства, на работу по распределению, для прохождения воинской службы и по другим причинам около 600 тыс. чел.» [24, с.17]. А учитывая и репрессии по идеологическим и политическим мотивам, массовое раскулачивание, то объем безвозвратной миграции в восточных областях Беларуси за этот период составил около 1,6 млн. чел. [24, с.17].

В-четвертых, это и потери белорусских земель со значительной долей белорусского этноса, включая и территориальные изменения после Второй мировой войны. В частности, к таким потерям относится передача в состав Польши из бывшей Гродненской губернии Бельского, Белостокского и Сокольского уездов и части Гродненского уезда. Большинство территорий дореволюционных Виленского, Троцкого и Свенцянского уездов сегодня находятся в составе Литвы. Кроме того северная часть дореволюционной Витебской губернии, а именно 6 уездов, которой входят сегодня в состав России (Велижский, Невельский и Себежский уезды) и Латвии (Дриссенский, Люцинский и Режицкий уезды) [299, с. 19-20]. Таким образом, из 47 белорусских дореволюционных уездов население 12-ти уездов полностью и одного частично, т.е. четвертая часть оказалось вне белорусского этноса.

После воссоединения западных и восточных земель Беларуси и Украины встала проблема определения границ присоединенных западных земель. Руководивший в то время Украиной Н.С. Хрущев ходатайствовал об установлении границ воссоединенных западных

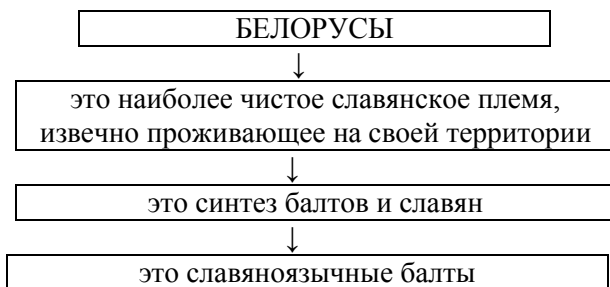
территорий между Беларусью и Украиной по реке Припять. Доказательства белорусского руководителя П.К. Пономаренко, опиравшегося на дореволюционные научные исследования о распространении белорусского языка и этноса, показались И.В. Сталину более убедительными. Как говорит молва (эту версию автор слышал в 1975 г. от Александра Александровича Чижова, заслуженного экономиста Белорусской ССР, проработавшего 34 года в должности заместителя, первого заместителя председателя Госплана БССР), Сталин сказал: «Слушай, Никита, а ведь доводы Пантелеймона крепче твоих». И, выдержав паузу, спросил: «Скажи, Никита, наверное, тебе лес нужен?». И получив у замямлившего Хрущева утвердительный ответ, добавил: «Дадим тебе немного белорусского леса» и провел на карте красным карандашом кривую линию, установив современную границу между западными белорусскими и украинскими землями.

В первые послереволюционные годы происходило осмысление предреволюционных демографических процессов – той демографической базы, которая должна была использоваться на новой социальной основе. Это, во-первых, осмысление содержания и последствий миграционных процессов, в том числе и принудительного перемещения в масштабах глобальных социально-экономических и политических процессов того исторического периода. Во-вторых, для Беларуси это осмысление проходит через анализ взаимосвязи уровня тогдашних особенностей социально-экономического развития и демографических процессов. Не все из вышеперечисленных процессов в силу идеологических и политических запретов, а также особенностей развития СССР и БССР получило научное осмысление. Но, то демографическое осмысление, что было возможно и что было сделано в тех сложных конкретно-исторических условиях, заслуживает высочайшей оценки.

Демография в обосновании индустриализации

В предыдущем разделе уже отмечался разносторонний интерес М.В. Довнар-Запольского к отдельным демографическим аспектам в дореволюционный период, начавшего демографические изыскания с этнографических проблем тогдашнего Северо-западного края. Переехав в Беларусь после почти 30-летней научной и педагогической деятельности в Киеве и Баку Довнар-Запольский, столк-

нувшись лицом к лицу с новой белорусской реальностью, продолжил исследования демографических проблем дореволюционной и современной ему Беларуси и в 1920-е гг. Но этот его научный анализ осуществлялся уже под иным углом зрения. Для исторической и демографической науки интересной является его теоретическая схема в отношении этногенеза белорусов, которая представлена трансформацией следующей цепи [77, с. 2, 4], то или иное звено которой сегодня неоднозначно оценивают белорусские историки и политики:

Насыщенной теоретическими выводами и богатым фактологическим материалом в отношении демографических проблем после реформенной Беларуси является работа М.В. Довнар-Запольского «Народное хозяйство Белоруссии. 1861-1914 гг.» (1926). В ее начале («Наследие крепостной эпохи») ученый подводит итоги дореформенного развития экономики Беларуси, а затем дает описание ее демографического состояния. Демографическое и экономическое развитие крестьянства Беларуси им рассматривается в соответствии с концепцией семейно-трудового хозяйства А.В. Чаянова, согласно которой величина крестьянского хозяйства зависит от величины и состава семьи.

Довнар-Запольский особенности экономического развития различных отраслей народного хозяйства в определенной мере связывает и с этническим составом населения страны. В частности, он акцентирует внимание на высокой (11%) численности евреев [76, с. 21-26], для которых «кроме торговли, обычным занятием была аренда таможенных и ярмарочных пошлин, занятие откупам и корчемством». По материалах переписи 1897 г. среди занятых в промышленности, торговле, на всех видах транспорта и средств связи, а также в роли домашней прислуги и городских поденщиков евреев было

59,9%, белорусов – 17,1, поляков – 10,2, русских – 10,1, латышей – 1,3, литовцев – 0,8 и украинцев – 0,6%. Перед Первой мировой войной на долю национального белорусского рабочего класса и буржуазии приходилось около 2 % от всей численности проживающих на родине белорусов, в том числе буржуазии насчитывалось около 20 тыс. человек. «.. В конце XIX в. классовая характеристика населения Беларуси была представлена: крупной буржуазией, помещиками и высшими чиновниками – 147 тыс. чел., зажиточными мелкими хозяевами – 670 тыс. чел., беднейшими мелкими хозяевами – 1993 тыс. чел., пролетариями и полупролетариями – 3674 тыс. чел.» [300, с. 195, 188].

Поистине ценным является анализ Довнар-Запольским динамики численности белорусского населения в подготовленном в середине 1920-х гг., но неизданном тогда (тем не менее подвергнутом в печати резкой критике) учебном пособии «История Белоруссии». Характеризуя динамику изменения численности населения Беларуси того времени и оценивая эту динамику Довнар-Запольский указывает на важнейшие проблемы демографического развития – социальные, экономические и политические факторы, в результате воздействия которых «огромное пространство, занятое Белоруссией, было пространством редко населенным», что еще было подмечено А. Кирком и П. Семеновым-Тянь-Шанским.

Важным для анализа демографических процессов на рубеже XIX–XX вв. является, во-первых, выявление им связей демографических процессов с экономическим развитием и влиянием капиталистических отношений. Во-вторых, из факта аграрной перенаселенности, свидетельствующего об опережающих темпах роста численности населения, Довнар-Запольский делает вывод о несоответствии этим темпам уровня индустриального развития, а также объясняет высокую миграционную подвижность населения Беларуси в советский период. В-третьих, он отмечает влияние белорусской миграции на демографические процессы, как в самой Беларуси, так и на освоении и заселении Сибири. В-четвертых, хотя процессы коллективизации еще не набрали тех негативных тенденций, которые позже сказались на положении середняков, но тем не менее с современных исторических позиций провидческой звучит фраза Довнар-Запольского о большом уроне для хозяйства Беларуси (а мы добавим и для последующих демографических процессов), которым оказалась утрата

здорового демографического потенциала («здорового середняка»). В пятых, хотя Довнар-Запольский об этом прямо и не говорит, но данная ситуация дает объяснение снижения рождаемости в середине 1920-х гг. В-шестых, высокая миграционная подвижность, аграрная перенаселенность являются объективными факторами обоснования им необходимости индустриализации. После переезда из Баку в Беларусь Довнар-Запольский работал в системе Госплана БССР – был членом Президиума Госплана БССР и зав. РИО Госплана в промышленной секции. Его дореволюционные и послереволюционные демографические изыскания сыграли немалую роль в обосновании социально-экономической политики.

Уже работая в Москве после его изгнания из Беларуси, ученый в серии «Экономическая география СССР (СССР по районам)» издал свод материалов «Западный район (Белорусская ССР и Западная область РСФСР)», где дано демографическое описание Беларуси [80, с. 16-21]. Отметим, что именно этот экономико-географический аспект Довнар-Запольского в начале 1960-х гг., стал отравной точкой в деле возрождения демографической науки в Беларуси. Хотя спорной (точнее – необоснованной) представляется указанная им цифра 14 млн. душ населения Беларуси в 1914 г., анализ которой был рассмотрен в предыдущем разделе.

Семейно-брачные отношения в демографических процессах Беларуси

Существенное влияние на формирование послереволюционных демографических процессов оказало изменение в этот период семейно-брачных отношений, связанное прежде всего с секуляризацией семейно-брачной сферы (т.е. вытеснением церковного брака гражданским) и ломкой в этой сфере прежних прав, традиций и норм. Уже тогда появилась тенденция, которая ныне стала «модной» в современной молодежной среде, – это брак без регистрации.

В конце 1920-х гг., когда начался процесс индустриализации, а страна оказалось в том демографическом состоянии, который П.А. Сорокин охарактеризовал «население страны обабилося», и выросла потребность в рабочей силе, началось активное вовлечение женщин в общественное производство. В этой связи индустриализация конца 1920-х – начала 1930-х гг. сопровождалась развитием системы мате-

ринства и младенчества. Тем не менее исторически сложившаяся в предшествующие столетия демографическая модель поведения существенно не корректировалась. Изменения в семейно-брачной сфере в 1920-1930-е гг. происходили постепенно и охватывали не существенные, а поверхностные явления, что характеризовала эту модель как относительно устойчивую. Статистика того времени отмечает рост роли государства и семейно-брачных отношений, подтверждающийся ростом численности браков, как в городе, так и на селе, как среди малообразованной, так и среди образованной части населения, заключенных через ЗАГСы, как органы государственной регистрации [105, с. 22].

Эти изменения были зафиксированы в Кодексах законов о семье, браке и опеке 1918 и 1927 гг., которые ввели принципы добровольности и свободы брака и развода, что подтверждают анкетные опросы. Так, проведенный среди студенчества Белгосуниверситета в середине 1920-х гг. опрос [186, с. 36], показал, примерно одинаковую ценность зарегистрированных и незарегистрированных сексуальных (брачных) отношений: 39,1% опрошенных высказались за решение сексуальных отношений на брачной основе [здесь и далее пересчет наш, который отсеял группу респондентов, не ответивших на данный вопрос анкеты], 37,1% – за свободное сожительство (в современной интерпретации – “гражданский брак”). Кроме того, еще 7,4% высказались за приоритет кратковременного сожительства, 5,6% опрошенных сексуальные проблемы решали путем случайных встреч. И только 10,8% опрошенных высказались за воздержание. Как видно, студенчество решение своих сексуальных проблем в равной степени связывало как с браком, так и свободными сексуальными отношениями.

Но что характерно, среди женской части студенчества Белгосуниверситета 1920-х годов преобладала поддержка внебрачных сексуальных отношений. Так, среди опрошенных мужчин 38,6% респондентов высказались в поддержку сексуальным отношениям на брачной основе, а среди женской – 40,2%. В то же время 33,3% мужской части студенчества выступали за свободное сожительство, а среди женской – 44,5%, еще 7,8% респондентов мужчин – за кратковременное сожительство, а среди женщин – 2,6%. За решение сексуальных проблем на основе случайных встреч высказалось 7,8% респондентов

мужчин, а женщин – 1,2%. И наконец, за воздержание среди мужчин и женщин – соответственно 10,5% и 10,8% [186, с. 36].

Как видно, уже в послереволюционный период в семейно-брачных отношениях началось формирование тенденции сожительства, причем для женщин характерно преобладание более прочных (длительных) отношений в этом сожительстве. Среди мужской части студенчества удельный вес респондентов, решающих свои сексуальные проблемы в сожительстве с частой сменой партнеров, более высокий (в 4,5 раза), чем среди женской. Конечно, это не коренная ломка традиционных норм и стереотипов семейно-брачных отношений белорусского населения, но определенное раскрепощение, отход от сложившихся стереотипов налицо. Вообще это было продолжением тех изменений, которые начались в послекрепостнической России, когда страна вступила на путь интенсивного развития капитализма, нарушившего тысячелетнюю замкнутость социокультурной российской жизни. Как справедливо отмечает авторитетный российский демограф А.Г. Вишневский, это развитие одновременно положило и начало всеобщей ломке патриархальных условий российской жизни, всей системы традиций, отношений, ценностей и норм поведения, которые до этого существовали, веками упрочивались и согласовывались с условиями крестьянской жизни, в том числе и прежде всего и в демографическом плане [40, с. 218-219].

Это означало, что при доминировании традиционных форм семейно-брачных отношений в Беларуси одновременно происходили процессы, характерные и для западного типа демографического поведения: прежде всего получило распространение такого типа индустриального и урбанизированного демографического поведения как малодетность. Вообще для кризисных и переходных периодов характерен поиск новых форм организации жизни общества, исходя при этом из своих убеждений, желаний и гипотез. И прежде всего эти поиски происходят в бытовой сфере. «Противникам разгула сексуальной свободы, имевшего место в первые годы советской власти, удалось протащить неловкую формулировку, согласно которой физическая культура “регулирует сферу половой жизни”», – отмечают западные исследователи [197, с. 106].

В этот период было распространено мнение, что если говорить о вырождении, то русские (имея в виду население Советской России) занимают «первое место среди самих злочастных народов.

Смертность, тем более детская смертность, превышает средние европейские показатели: дамоклов меч вырождения и вымирания висел над русским народом еще до начала Первой мировой войны. Вырождение проявляется в форме всевозможного параморфизма, наблюдающегося среди всех сословий и классов, а также выраженного в слабой активности и общем упадке сил. Война, эпидемии, голод ослабили народ еще больше, повлияв на качественный состав населения. Его качество ухудшилось резко, поскольку на войну ушли лучшие элементы народа: самые сильные, здоровые, лучшие работники всех сфер труда в возрасте от 18 до 50 лет. Самые высококвалифицированные как в физическом, так и в умственном отношении, рабочие погибли на войне. От них осталась какая-то часть, пополнившая ряды инвалидов. Баланс количественного соотношения полов резко изменился в пользу женщин» [197, с. 114-115], т.е. того, что отмечалось П.А. Сорокиным – «население обабилося».

В духе мировых тенденций в социологии и демографии

Демографическое развитие Беларуси послереволюционного периода характеризуется значительным ростом уровня рождаемости. Естественно, это нашло отражение в публикации данных о размерах рождаемости. Так, мы встречаем характеристику процессов естественного движения населения за 1924 г. (М. Киркевич) [105] и за 1923-1927 гг. (Д.Н. Поплавский) [174], где частично использованы и материалы переписей 1923 и 1926 гг. В этой связи отметим, что между датой демографических процессов и опубликованием материалов за этот период в первом случае прошло два, а во втором – три года. В издание за 1927 г. были включены и данные по естественному движению населения ряда городов и местечек за 1928 г., а также некоторые данные по механическому движению населения за 1928 г.

Известный советский статистик, демограф и гигиенист Б.Я. Смулевич на основании данных и поддержкой Народного комиссариата здравоохранения и ЦСУ БССР издал в 1926 г. работу «Заболеваемость и смертность населения городов и местечек БССР» [240]. Хотя в его научной деятельности Беларусь оказалась временным местом жительства (1923-1928 гг.), тем не менее он выполнил исследование, которое считается первым в Советском Союзе по региональной демографии. Эта работа была опубликована на год раньше, чем аналогич-

ные публикации по проблемам смертности М.В. Птухой. Смулеви-чем было проанализировано состояние заболеваемости и смертности населения в городах и местечках ныне центральных и восточных ре-гионов Беларуси. Отметим, что объектом исследования стала город-ская местность, так как только по ней имелась более или менее до-стоверная информация.

Проблемы заболеваемости и смертности как проблемы соци-альной гигиены остались для Смулевича важнейшими в анализе де-мографических процессов и тогда, когда он переехал в Москву. Именно эти работы, начатые им в Беларуси, среди демографических источников послереволюционного периода являются наиболее цен-ными. Основные методологические подходы Смулевич сформулиро-вал еще в Беларуси. Интересно, что именно и исследование по смертности Граунта, по сути дела, открывает историю развития ми-ровой демографической науки.

Продолжая научную деятельность в столице Советского Сою-за, Смулевич впервые использовал термин «политика населения», под которым тогда понималась демографическая политика, хотя и поставлена она тогда была в характерной для середины 1930-х годов идеологической форме: «Только СССР, страна социализма – показы-вает пример настоящей народной политики населения, ибо только социализм – это забота о человеке и быстрый рост населения». С уча-стием Смулевича была также издана и крупная для того времени ра-бота «Рабочая молодежь Белоруссии. Численность, состав, быт, усло-вия труда и физическое состояние (по материалам медико-санитарного обследования 1925 г.)» [73].

Отметим, что Довнар-Запольский и Смулевич в своих работах предпринимали попытки комбинировать показатели рождаемости и смертности: Довнар-Запольский – попутно, Смулевич – системно. Это мы отмечаем прежде всего потому, что именно в 1920-х годах в мировой демографической науке на основе комбинирования пока-зателей смертности и рождаемости зародились предпосылки формиро-вания теории демографического перехода. Но это означает и то, что попытки демографического анализа белорусскими учеными в начале 1920-х годов были в русле мировых подходов и содержали отдельные ценные выводы.

Считается, что впервые основные положения теории демо-графического перехода были сформулированы американцем Уорре-

ном Томпсоном, а концептуальное ее оформление связано с именем французского демографа Адольфа Ландри. Но, как показали научные исследования известного советского и российского демографа В.А. Борисова, впервые начало процесса демографического перехода выявил в то время доцент Варшавского университета доктор Леон Рабинович (писавший в то время под фамилией Рабинович) [33], издавший в 1929 г. в Париже книгу «Проблемы населения во Франции». Им ввел термин “демографическая революция”, который как раз и характеризует первую переходную стадию процесса демографического перехода, отличающейся от традиционного типа воспроизводства населения с высокими темпами естественного прироста населения. «Демографическая революция» Л. Рабиновичем рассматривается с трех точек зрения – роста численности населения, перемещения демографических центров и процесса урбанизации и связывается с индустриальной революцией. Причем за основу автором «демографической революции» берутся изменения в системе расселения – прежде всего перемещении в промышленные центры, создавшие предпосылки для новых социальных, а следовательно, и репродуктивных установок.

Отметим интересное и важнейшее для белорусской демографической науки обстоятельство, что мигрант Смулевич, перебравшийся в начале 1920-х годов из Польши в Беларусь, в своей фундаментальной работе «Заболеваемость и смертность населения городов и местечек БССР» также анализирует соотношение динамики рождаемости и смертности в духе теории демографического перехода (не называя ее так). При этом знаменательно, что и Смулевич и Рабинович в начале 1920-х годов были гражданами Польши, один из которых позже стал гражданином СССР, а второй – гражданином Великобритании. И кто знает, может быть, в свое время их пути в Варшаве пересекались и, может быть, кто-то из них на кого оказал каким-то образом влияние. В общем, белорусские и польские историки могли бы этот аспект просветить.

В 1920-1930-е годы научные исследования в общественных науках, в том числе и демографических, были направлены на исследовании общественных структур, а роль человека в определенной степени умаялась. В этот период наиболее значимой в белорусской науке явилась работа С.Я. Вольфсона по проблемам семьи «Матриархат и марксистская генеомия» [54], в которой автор анализирую-

вал генезис семейно-брачных отношений. Как было отмечено в первой главе, концепция генеомии, рассматривающая ее как сумму всех тех жизненных проявлений общества, которые связаны с сохранением вида, была разработана Ф.К. Мюллер-Лиером.

В конце 1920-х годов Вольфсон успел опубликовать фундаментальную работу по проблемам семьи, в названии которой было слово «социология», – «Социология брака и семьи» [55]. Это исследование необходимо отметить прежде всего потому, что уже к этому времени была опубликована работа И. Сталина «О диалектическом и историческом материализме», в которой социологическое знание, как знание нефилософское, было «упразднено». В это время назревала дискуссия в Институте философии Коммунистической академии (1929 г.), на которой социология была объявлена «лженаукой, выдуманной французским реакционером Огюстом Контом», даже само слово «социология» было запрещено в использовании в марксизме. По этой причине в нашей отечественной литературе эту работу Вольфсона, где в заглавии было название «упраздненной» науки, длительное время не упоминали. Наиболее значимой считалась другая работа академика – «Сям'я і шлюб у їх гістарычным развіцці» (1937 г.), в которой тем не менее даже в период, когда термин «социология» был изгнан из науки, автор несколько раз употребил его, противопоставляя марксистско-ленинскую социологию буржуазной [43, с. 7]. Именно этот методологический подход Вольфсона – противопоставление буржуазного и марксистского направления в науке («буржуазная» наука генеомии Ф.К. Мюллер-Лиера и марксистская генеомия, «буржуазная» социология и марксистско-ленинская социология) был им с виртуозностью продемонстрирован при анализе семейно-брачных отношений.

Эта монография написана в традиционном для того исторического периода духе противопоставления советской семьи существовавшим до этого типам семейно-брачных и половых отношений – первобытного, рабовладельческого, феодального, капиталистического обществ и фашистской семьи. В ней переплетался, с одной стороны, подход ученого, с другой – идеолога. В этой связи проблемы семейно-брачных отношений и даже развития советской семьи Вольфсоном автоматически решается в пользу советской семьи. В капиталистическом обществе женщина – «угнетенный эксплуатируемый член семьи – орудие детопроизводства и “главная служанка”». В

стране Советов, «хотя мы возимся на кухне, ведем хозяйство, стираем белье, но это, во-первых, не является самым главным в нашей жизни, и, во-вторых, не связывает нас. В любой момент, как только этого пожелаем, мы можем пойти на производства, начать учиться. Перед нами открыты все двери. Выбор зависит от нас» [43, с. 218].

Если в капиталистических странах мужчины получают первый сексуальный опыт в основном с проститутками [43, с. 229], то в СССР, сообщает профессиональный идеолог, «в трудовых коммунах и лагерях НКВД не одна тысяча вчерашних проституток “перевоспиталась” в активных и сознательных участников социалистического строительства» [43, с. 230]. Если в основе буржуазной семьи брак совершается как коммерческая сделка [43, с. 231], то «в советской семье муж и жена не являются деловыми контрагентами, которые ищут в браке взаимных экономических выгод. Их объединяет особенная склонность сотрудничества по воспитанию детей и совместный труд на благо социалистического строительства» [43, с. 232]. Если сам М. Горький не видел (или не хотел видеть) изъянов ежовско-сталинских Гулагов, то С. Вольфсон по долгу профессионального идеолога тем более также «не сумел» их разглядеть.

Вместе с тем Вольфсон, как ученый, под видом критики дал характеристику социальной реальности семейных отношений 1920-1930-х гг., что по горячим следам отразила тогдашняя литература: «У нас любви нет, есть только половые отношения. А на всех, кто в любви ищет что-нибудь большего, чем физиологию, смотрят с насмешкой, как на убогих и умственно-испорченных субъектов» (П. Романов. Без черемухи); «Мы не признаем никакой любви – это все буржуазные выдумки, мешающие делу» (Л. Гумилевский. Собачий переулочек). Эти явления отразила и концепция А.Н. Колонтай (половая жизнь – простое физическое наслаждение), под влияние которых попала значительная часть советской молодежи [43, с. 242], а также взгляды Л. Троцкого, «попытавшего в свое время оправдать подобное типично буржуазное поведение мужчины» [43, с. 222]. К сожалению, в современных взаимоотношениях молодых женщин и мужчин повторяется тенденция интимных отношений 1920-1930-х годов «без черемухи». Спрашиваешь у нынешней студенческой молодежи: читают ли парни стихи своим девушкам. Ответ парней «а зачем», опасаясь, что девчата таких парней будут называть «растениями», ботаниками. Действительно, «без черемухи».

Научной (социологически научной) является характеристика Вольфсоном изменений в крестьянской семье: «Сельская крестьянская семья до революции была неизмеримо крепкой и более устойчивой, чем городская семья. Крестьянская семья почти до революции оставалась основной хозяйственной ячейкой села – двором. В семье-дворе (в соответствии с концепцией семейной экономики А.В. Чаянова, поддерживаемой и П.А. Сорокиным – А.З.) господствовали патриархальные принципы и мелкобуржуазные отношения ... Революция принесла с собой свободу заключения брака и свободу его ликвидации. Это привело к освобождению молодежи от власти всеильной семейной опеки, передала ей в руки решение вопроса о вступлении в брак, которое было по патриархальным традициям привилегией родителей. Это создала и полную независимость в отношениях женщины со своим мужем, освободила ее из-под ярма пожизненного насильственного навсегда заключенного союза» [43, с. 222-223], как идеолог, в собственный научный анализ вмешивается С.Я. Вольфсон.

Запретный плод социальной науки

Период послереволюционного всплеска рождаемости в конце 1920-х гг. сменился снижением ее уровня. Эта смена вектора рождаемости одновременно привела к тому, что официальная статистика перестала публиковать открытые данные по этому вопросу. В середине 1930-х гг. социологические и статистические исследования попали в разряд или вредных, или секретных. Существенно снизилось количество публикаций по многим важным демографическим проблемам. О цензурных запретах публикаций демографических материалов в 1930-х гг. свидетельствует «Библиографический указатель опубликованных работ профессорско-преподавательского состава кафедры общественного здоровья и здравоохранения Белорусского государственного университета» за период 1924-2004 гг., затрагивающих и некоторые аспекты демографических процессов. Если в 1928 г. было опубликовано 30 печатных работ, то в 1932 г. – 2, 1933 г. – 2, 1934 г. – 3, 1935 г. – 0, 1936 г. – 1, 1937 г. – 0, 1938 г. – 1 и 1940 г. – 3 [28]. Правда, и в этих редких статьях ученых и преподавателей медицинского вуза демография присутствовала с позиций анализа состояния здоровья, условий труда и быта населения.

Так, на выставке документов Главного статистического управления по Гомельской области представлены статистические раритеты – статистический сборник по Белорусской ССР, изданный ЦСУ в 1929 г. [26], и статистический сборник по Гомельской области, изданный Гомельским областным управлением народнохозяйственного учета в 1940 г. [61]. Первый из них был выпущен к 10-летию существования БССР 4-х тысячным тиражом и распространялся через торговую книжную сеть. В нем дана обширная демографическая статистика по переписи населения 17 декабря 1926 г. и по отдельным показателям за 1927 г. по БССР в целом, по бывшим в то время 8 ее округам, а также в разрезе крупных городов и районов, прочим городам, городским местечкам (в современной терминологии – поселкам городского типа) и сельской местности, их этническом составу (белорусы, евреи, русские, поляки и прочие) и половому составу, рождаемости, смертности (в том числе младенческой), естественному приросту и др. Второй статистический сборник тиражом 225 экземпляров уже имел гриф «для служебного пользования». Но ни по одному из перечисленным в сборнике 1929 г. демографическому показателю (хотя бы по общей численности населения области, рождаемости, смертности, не говоря уже про миграцию) данных в нем нет. И хотя в республиканском и областном статистических управлениях имелись отделы по демографии и данные собирались, но они оставались «закрытыми» для научной общественности.

Таким образом, демографические процессы и их исследование в послереволюционное и предвоенное двадцатилетие характеризуются различными тенденциями. В первом десятилетии наблюдался значительный интерес к анализу демографических процессов Беларуси. Однако в последующем перед демографической и социологической наукой были поставлены препоны. Но демографическое развитие ставило новые проблемы, которые нельзя было игнорировать. На первый план стали выходить проблемы семьи, тем более, что государство стало больше уделять процессу укрепления семьи как ячейки общества, влияющей на демографические процессы. Был принят ряд законодательных актов, направленных на повышение рождаемости, что было обусловлено, во-первых, обострением проблемы аборт, вызвавшей рост уровня смертности беременных женщин. Указом Президиума Верховного Совета СССР 1936 г. аборты были запрещены. Во-вторых, «репрессированная» перепись населения 1936 г. не

подтвердила надежд советского руководства на автоматическое преимущество социализма перед капитализмом в демографической сфере. Репрессии против руководителей Всесоюзной переписи и руководителей областных комитетов по статистике, табу на публикацию показателей по демографии, закрытие в конце 1930-х годов Института демографии АН УССР и Ленинградского демографического института АН СССР негативно сказались на исследованиях демографических процессов в СССР. С конца 1930-х годов демографические исследования, как и вся демографическая статистика, попали в разряд запретных. Даже данные по общей численности населения стали или секретными, или в лучшем случае — «для служебного пользования» вплоть до середины 1950-х годов. Естественно, в этой ситуации демографические и социологические исследования в Беларуси, как и в целом по СССР, были практически прекращены.

Вместе с тем анализ исследований демографических проблем белорусской наукой между революцией и Великой Отечественной войной свидетельствует, что наука не была в стороне от научного анализа и осмысления демографических процессов своей страны. В послереволюционный период появились значительные демографические работы М.В. Довнар-Запольского, Б.Я. Смулевича, С.Я. Вольфсона, которые соответствуют современным концепциям социологии и демографии. Главными направлениями в решении демографических проблем встала необходимость обеспечения занятости населения, смягчавшая проблему аграрной перенаселенности, регулирования миграционного движения (Довнар-Запольский), смертности, рождаемости, здоровья, условий жизни и быта (Смулевич), семейной политики (Вольфсон). Социологическая трактовка демографической науки Беларуси осуществлялась в духе мировых тенденций в социологии и демографии.

*Будущее – горизонт проблем,
прошлое – твердая почва
методов, путей решения.
Хосе Ортега-и-Гассет.*

3. Достижения белорусской советской демографической науки

Демографический прорыв

Если в дореволюционные и довоенные годы демографические процессы привлекали внимание лишь отдельных исследователей, да и то этот анализ осуществлялся попутно, то в послевоенные годы, а сегодня в особенности, демографические проблемы становятся едва ли не центральными во многих отраслях науки и сферах общественной жизни. Изучение демографических проблем в Беларуси возобновилось в 1950-х годах. Сначала этот процесс носил эпизодический характер. Систематические исследования в области демографии начались после проведения Всесоюзной переписи населения 1959 г., когда появилась соответствующая информационная база и этой работой стали заниматься как отдельные ученые, так и целые коллективы. Проблемы народонаселения в основном изучали преподаватели (и студенты, выполнявшие сначала курсовые, а затем и дипломные работы) географического факультета БГУ. Их интересовали вопросы экономической географии и размещения производительных сил.

О роли географической науки в возрождении демографии в Советском Союзе свидетельствует и такой факт. Первым серьезным демографическим трудом, изданным в СССР, стал двухтомник известного французского демографа А. Соби «Общая теория населения». Этот труд, вышедший с грифом «Для научных библиотек», был издан в 1977 году издательством «Прогресс» в редакции литературы по географии. По сравнению с другими социально-политическими и экономическими редакциями, издававшими переводные работы зарубежных авторов, в этой редакции была возможность легально выпустить эту работу. Легче легально, но не легче вообще, как отмечал в «Демоскопе Weekly» ее главный редактор А.Г. Вишневский. Но, тем не менее, хоть и с трудностями, сам факт ее издания в редакции литературы по географии свидетельствует о роли географической науки в возрождении демографии в СССР.

Из среды выпускников географического факультета БГУ выросли крупные исследователи проблем народонаселения Беларуси. С 1963 г. центром демографических исследований стал Научно-исследовательский институт экономики и экономико-математических методов планирования (НИИЭМП) при Госплане БССР, ныне это научно-исследовательский экономический институт (НИЭИ) Министерства экономики Республики Беларусь. В 1960-1970-е гг. сотрудники отдела населения и трудовых ресурсов этого института под руководством А. Ракова исследовали проблемы соотношения экономического развития и демографических процессов в целом, а также отдельные демографические проблемы, такие как: рождаемость, смертность, миграция. Одновременно началась разработка системы демографических моделей и математических программ по народонаселению в целом по республике и в разрезе отдельных областей и г. Минска, составлялись региональные прогнозы населения. В других подразделениях института (Я.М. Александрович, А.В. Богданович) стали анализироваться проблемы урбанизации, развития больших и малых городов, сельского расселения, развития и размещения производительных сил Беларуси и областей.

Первыми научными трудами послевоенного периода, в которых нашли отражение проблемы демографической тематики, стали: «Города и села Белорусской ССР» (1959 г.), «Города Белоруссии. Краткий экономический очерк» (1967 г.), Н.Г. Юркевича «Семья в современном обществе» (1964 г.) и «Современная семья. Функции и условия стабильности» (1970 г.). Вообще, семья как предмет изучения позволяет выявить связи и общие интересы философов, социологов, демографов, историков, этнологов, психологов, юристов, медиков, что дает возможность им найти общие точки соприкосновения, а также к выходу в своих исследованиях на более высокий уровень. И семейная тематика для блюстителей идеологии того времени являлась менее взрывоопасной, тем более, что в работах Н.Г. Юркевича семья, в основном, рассматривалась через призму правовых документов [307; 308].

В НИИЭМП при Госплане БССР под руководством А.А. Ракова, ставшего на длительные годы признанным лидером белорусской демографии, плодотворно работали Л.И. Маськов, А.Н. Пешкова, Я.И. Рубин, Л.Е. Тихонова, Л.П. Шахотько и др. Именно эти ученые осуществили прорыв в науке в деле развития демографической

тематики. Собственно демографическими, пионерскими стали работы сотрудников этого отдела в выпускаемых НИИЭМП при Госплане БССР ежегодных сборниках научных трудов «Проблемы трудовых ресурсов и народонаселения». В 1970-1976 годах в сборниках был опубликован ряд содержательных статей ведущих ученых республики – А.А. Ракова, Я.И. Рубина, Б.А. Манак, З.А. Юк, Л.П. Шахотко, Л.И. Маськова, А.Н. Пешковой, Л.Е. Тихоновой, А.В. Богдановича, С.А. Польского, М.А. Криволаповой, Л.Е. Гончаренко, М.М. Коробенковой, А.М. Матвеевой, С.Л. Черныша, Т.И. Адуло и др., ставших первым вкладом в разработку актуальных теоретических и практических демографических проблем белорусского общества.

Важную роль в развитии современной демографической науки в Беларуси сыграл Всесоюзный симпозиум «Производственная деятельность женщин и семья», проведенный в 1969 г. на базе БГУ им. В.И. Ленина, организаторами которого стали и белорусские ученые Н.Г. Юркевич, С.Д. Лаптенюк, З.М. Юк. На симпозиуме широко обсуждались вопросы демографического развития, комплексного рассмотрения демографических проблем во взаимосвязи с проблемами других наук – философии, морали, права, социологии, экономики, медицины. В 1972 г. в Минске состоялась научно-теоретическая конференция «Воспроизводство и использование трудовых ресурсов Белорусской ССР». Эта конференция по кругу проблем и составу участников вышла далеко за рамки внутривсесоюзной. Среди участников конференции были широко представлены ученые не только НИИЭМП при Госплане БССР, но и Белорусского филиала НИИ труда, институтов экономики и философии АН БССР, БГУ, а также практические работники Госплана БССР, Комитета по труду БССР и ЦСУ БССР.

Свидетельством высокого уровня демографических исследований в Беларуси явилось проведение в Бресте по линии Министерства высшего и среднего специального образования СССР с участием МГУ им. М.В. Ломоносова и Центра МГУ по изучению проблем народонаселения 1-й Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе» (27 мая – 2 июня 1979 г.). Основными темами данного семинара стали: современная демографическая ситуация в СССР и проблемы регулирования демографических процессов; современное состояние разработки программ

развития народонаселения, ее цели и задачи; отражение процессов народонаселения в системе планового управления региональным народнохозяйственным комплексом; проблемы развития и функционирования трудовых ресурсов на современном этапе; управление качественными характеристиками населения; миграционные потоки и методы их регулирования; управление процессами расселения населения в городах и на селе.

Наряду с ведущими демографами Советского Союза доклады представили и белорусские ученые: А.А. Раков «Проблемы развития и функционирования трудовых ресурсов села на современном этапе» (совместно с А.И. Карповским) [210], А.Н. Пешкова «Тенденции миграционных процессов и некоторые вопросы управления ими (на примере БССР)» [196] и Л.П. Шахотько «О демографической политике в области рождаемости» [291].

Доклады белорусских демографов были представлены в работе и следующих Всесоюзных демографических уже не школ, а семинаров по проблемам народонаселения: 2-го – в Саратове (1982 г.), 3-го – в Йошкар-Оле (1987 г.) и последнего 4-го – в Ашхабаде (1991 г.), а также и на исторических международных научных конференциях и конгрессах. Это – Седьмой Международный социологический конгресс (Варна, 1970 г.), Третья всемирная конференция по народонаселению (Бухарест, 1974 г.), Международная научная конференция демографов социалистических стран «Преобразования в народонаселении и общественная политика» (Варшава, 1977 г.) и Международная демографическая конференция в Китае (Пекин, 1979 г.), на которых Беларусь представлял А. Раков.

Третья всемирная конференция ООН по народонаселению, проходившая в 1974 году (18-30 августа) в Бухаресте, впервые была создана на правительственном уровне. Предыдущие международные конференции были проведены в 1954 году (31 августа – 10 сентября в Риме) и в 1965 году (30-августа – 10 сентября в Белграде). Белградская конференция впервые была проведена под эгидой ООН и в ней активное участие принял уроженец Беларуси будущий лауреат Нобелевской премии 1971 года по экономике Саймон Кузнец с докладом «Демографические аспекты современного экономического роста» [121].

Бухарестская конференция, также проводившаяся под патронажем ООН, в год, когда на Планете был достигнут рубеж в 4 млрд

жителей, год который был объявлен ООН Всемирным годом народонаселения, впервые была представлена правительственными делегациями. Эта конференция стала первой в мире межправительственной конференцией ООН по народонаселению. И с 1974 г. Всемирные конференции по народонаселению приобрели новый статус – правительства большинства государств начали брать на себя обязательства включать демографические проблемы в программы развития своих стран.

И на ней впервые приняла участие белорусская делегация, экспертом которой являлся А.А. Раков. Причем, в Бухаресте в силу организационных обстоятельств А.А. Раков, по сути дела, взял на себя ответственность за работу всей советской делегации. Дело в том, что делегации на Третьей всемирной конференции ООН по народонаселению, как положено на всех официальных мероприятиях этой организации, были рассажены по алфавитному принципу. И белорусская делегация располагалась в первых рядах. А когда началось обсуждение центрального документа Бухарестской конференции «Всемирного плана действий в области народонаселения», то возникла проблема – какую позицию займет советская делегация по наиболее спорным демографическим вопросам. Этот документ принимался на основе консенсуса – общего согласия участников, без проведения формального голосования при отсутствии формально заявленных возражений. И в этом плане позиция А.А. Ракова, который по ряду моментов высказывал возражения, акцентируя внимание прежде всего на социально-экономических аспектах демографического развития, сказалось и на решении делегаций других республик Советского Союза. И именно от того, какую позицию занимала белорусская делегация, зависела и позиция делегаций других советских республик, находившихся в дальних рядах мирового демографического форума. Позже оказалось, что именно такая консолидированная позиция сводной советской делегации, тон которой определил А.А. Раков, которую поддерживали и демографы других социалистических стран, позволила принять позитивные документы бухарестского конгресса, что было отражено во Всемирном плане действий в области народонаселения. В нем подчеркивалось, что главной предпосылкой демографических изменений является социально-экономическое развитие.

К этому периоду относится и защита (1969 г.) первой кандидатской диссертации в Беларуси по демографическим проблемам

Я.И. Рубиным на тему «Проблемы роста населения в ее антимальтузианской трактовке на Западе (Анализ и критика современных взглядов ученых-неомарксистов)» [230] в совете по экономическим наукам БГУ. Также были защищены кандидатские диссертации по демографии Л.П. Шахотко («Социально-экономическое исследование рождаемости в Белорусской ССР», Белорусский государственный институт народного хозяйства им. В.В. Куйбышева, 1971 г.), Л.И. Маськовым («Экономико-статистическое исследование смертности населения Белоруссии», Ленинградский финансово-экономический институт им. Н.А. Вознесенского, 1975 г.), Л.Е. Тихоновой («Социально-экономические аспекты миграции населения БССР», Институт социологических исследований АН СССР, 1982 г.), А.К. Легчиловым («Старение населения и использование труда пенсионеров в народном хозяйстве Республики (На материалах БССР)», ИСИ АН СССР, 1984 г.). Все они представляли демографическую школу А.А. Ракова в НИИЭМП при Госплане БССР.

Кроме этого, были защищены кандидатские диссертации ученых Беларуси, представлявших другие научные организации: С.С. Ткаченко «Источники обеспечения рабочей силой промышленных предприятий в малых и средних городах БССР» (ИЭ АН БССР, 1972 г.), А.Г. Злотникова «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР)» (ИСИ АН СССР, 1978 г.), Н.И. Кунгуровой «Экономико-демографические особенности занятости женщин в развитом социалистическом обществе» (МГУ, 1980 г.). Уже сам перечень советов и городов, где защищали диссертации белорусские ученые демографы и социологи, свидетельствует о растущем авторитете белорусской экономической и социологической демографической школы. Высокий уровень демографических разработок госплановского института объясняется прежде всего тем, что работы его ученых были ориентированы на практические запросы Госплана БССР в деле обоснования перспектив развития и размещения производительных сил страны, что требовало и соответствующих теоретических исследований. И это сочетание теоретических разработок и требований социально-экономической практики выступило основой высокого качества демографических исследований еще на этапе становления современной демографической науки в Беларуси.

Важная веха в развитии национальной демографии

Важной вехой в развитии национальной демографии является объемная и фундаментальная монография А.А. Ракова «Население БССР» (1969 г.) [209], поскольку она была первой работой по региональной демографии и потому стала настольной книгой для специалистов этого профиля всего Советского Союза. В ней целостно освещалось демографическое состояние одной из советских республик (БССР). Именно эта работа положила начало (в терминологии советских времен) региональным аспектам демографического развития СССР, что отмечает историограф демографии Д.К. Шелестов [295, с. 178]. С нее начинается собственно демографическая наука современных независимых государств на постсоветском пространстве, ибо кроме богатого фактологического материала она содержала и интересные суждения научного и практического плана, стала источником не только информации, но и методологии и методики современного демографического анализа. Так что белорусская демографическая наука, которая в дореволюционный и послереволюционный период на порядок отставала, например, от украинской, в 1960–1970-х гг. заняла достойное место в советской науке.

В этой насыщенной богатым систематизированным фактологическим материалом работе А. Раковым впервые дана комплексная социально-экономическая характеристика демографических процессов страны за полувековую историю: характеристика процессов воспроизводства населения и миграционных процессов, половозрастной структуры, профессионального и национального состава населения, его размещения по территории, включая важнейший демографический фактор – распределение населения в разрезе городской и сельской местности. Эти явления представлены не только в укрупненном плане, но и в разрезе различных региональных общностей. Вместе с тем в этой работе (но это не вина автора, а беда ученых, не имевших тогда возможности обнародовать собранные данные) анализ отдельных демографических процессов был неполным. В связи с этим напомним, что диссертация Л.Е. Тихоновой «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» защищалась под грифом «Для служебного пользования». Потому характеристика и данные о масштабах основных миграционных потоков Беларуси – между сельской и городской местностью, во внутриобластном и

внутриреспубликанском движении населения в разделе «Миграция» [209, с. 80-97] практически отсутствовали. Миграционное движение населения Беларуси дано в разрезе межреспубликанской миграции. Конечно, А.А. Раков и другие ученые, исследуя миграционные процессы, находили выход: на основе данных об уровнях рождаемости и смертности, а также численности населения областей, отдельных городов и районов на начало года, делали расчеты об объемах миграции – положительном или отрицательном сальдо миграционного движения тех или иных регионов.

Тогда белорусскими демографами был сделан важный, являющийся актуальным и ныне экономико-социологический вывод: «Чтобы избежать напряженности трудового баланса в республике в 1980 г. и в последующие годы, уже сейчас надо иметь в виду, что сохранение существующих темпов экономического развития БССР диктует необходимость существенного повышения прироста производительности труда за счет технического прогресса» [209, с. 42].

Этот вывод о необходимости перехода к интенсивному развитию экономики существенно отличается от предложений более чем сорокалетней давности М.В. Довнар-Запольского, ратовавшего за экстенсивный путь белорусской экономики. Значительный рост трудового потенциала в начале XX в. и экономического потенциала того времени требовали экстенсивного развития, чтобы обеспечить занятость населения. Напряженность с трудовым потенциалом в последней трети XX в. требовала уже интенсивного развития белорусской экономики. Но, несмотря на разные социально-экономические условия и разные выводы, и А.А. Раков, и М.В. Довнар-Запольский в своих обоснованиях для одной и той же организации – Госплана БССР исходили из одной методологической установки – сложившихся демографических процессов.

В 1974 г. была издана небольшая брошюра А.А. Ракова, «Белоруссия в демографическом измерении», форматом вмещающемся в кармане, объемом всего лишь на 128 страницах [205]. Правда, на полках книжных магазинов она не появилась, хотя и вышла не только для того периода, но и для последующих и нынешних времен большим тиражом – 14500 экз., потому что была издана «Библиотекой газеты “Голас Радзімы”», выпускающей для соотечественников, живших за границей. Она стала знаменательной вехой в отечественной демографической мысли – именно из нее ученым и специалистам

всего мира стало известно о существовании в Беларуси демографической науки. В теоретическом плане ее ценность состоит прежде всего в том, что в ней была применена методология построения непрерывного ряда численности населения Белорусской ССР, включая и военный период, исчисления людских (прямых и косвенных) потерь Беларуси в Великой Отечественной войне. Потому и сегодня эта работа бесценна, особенно в борьбе с теми, кто пытается преуменьшить исторические заслуги белорусского народа в жестокой схватке с фашизмом.

О демографических проблемах во весь голос

Эта деятельность подготовила почву для глубокого осмысления отдельных конкретных демографических процессов. Следующие демографические публикации ученых госплановского института были посвящены анализу отдельных демографических явлений – рождаемости (Л.П. Шахотько) [293], миграции и занятости (А.Н. Пешкова) [194; 195], демографическим проблемам села (Л.Н. Гончаренко и А.А. Раков) [62], мировым проблемам «демографического взрыва», демографического оптимума (Я.И. Рубин) [222-229].

В монографии Л.П. Шахотько «Рождаемость в Белоруссии» (1975 г.), основывающейся на солидных статистических и архивных данных, рассмотрена динамика и эволюция рождаемости в стране за почти столетний период. Впоследствии она была положена в основу кандидатской диссертации автора. Эта солидность эмпирических статистических данных стала фирменным знаком и всех последующих работ автора. Л.П. Шахотько выявила постоянную тенденцию снижения уровня рождаемости, начавшуюся с конца XIX в., которая корректировалась историческими событиями, выпавшими на долю Беларуси. Эти события (революция, войны, резко сменяющиеся периоды экономических преобразований) маскировали общую тенденцию снижения рождаемости, которая в условиях стабильного периода стала доминантой демографического развития страны. Но главный упор Л.П. Шахотько делала на собственно демографические аспекты тенденции снижения уровня рождаемости – структурные изменения в половозрастной и брачной структуре населения, изменения ценностных ориентаций, противоречия в расширении масштабов занятости и выполнения функций материнства. Уже тогда автор предупреждала о

возможных негативных социальных, экономических, морально-этических и даже генетических последствиях снижения рождаемости.

Людмила Петровна осознавала, что только статистической информации для проникновения в суть социально-экономических аспектов рождаемости недостаточно. И потому в аннотации она указывала, что анализ осуществляется «на основе богатого статистического материала, данных архивов и социологических исследований». Но материалов этих социологических исследований в монографии не было. Это последнее утверждение автора отражало не только дань моде на социологию, но и было свидетельством растущей значимости социологического осмысления социально-экономической проблематики вообще и демографической в частности.

В следующей монографии «Воспроизводство населения Белорусской ССР» (1985) Л.П. Шахотько расширяет горизонт анализа демографических процессов, рассматривая в комплексе основные из них – рождаемость и брачность, здоровье и продолжительность жизни, смертность и миграцию. Более высокий аналитический уровень характеризуется анализом ею основных социально-экономических факторов, воздействующих на эти процессы. Сугубо демографические процессы увязываются с проблемами брака и семьи. Основные тенденции в демографии позволяют автору определить перспективы и направления разработки демографической политики в Беларуси того времени.

Важной содержательной частью этой монографии являются выводы автора относительно перспектив демографического развития Беларуси к концу столетия – существенные изменения ожидаются в половозрастной структуре населения и прежде всего в уменьшении удельного веса и даже общей численности детей в возрасте до 16 лет: «Это результат снижения уровня рождаемости, вызванного как уменьшением количества детей в семьях, так и сокращением доли женщин детородных возрастов». А к концу XX ст. «прирост населения в трудоспособном возрасте несколько возрастет. Резкое уменьшение прироста численности трудоспособного населения в 1986–1995 гг. необходимо учитывать и заблаговременно готовить хозяйство республики к нормальному функционированию в изменившихся условиях» [287, с. 110]. А если еще учесть, что «наиболее быстро растет численность лиц в самых старших – пенсионных возрастах, и данная ситуация сохранится до 2000 г.» [287, с. 110-111], то стано-

вится ясным, что белорусская демографическая наука сумела дать обоснованные демографические прогнозы, которые ныне подтверждены демографической реальностью.

В работе А.Н. Пешковой «Миграция населения Белоруссии» (1973), рассмотрены явления, связанные с механическим движением населения [195]. Особенность миграционных процессов Беларуси, характеризующихся стабильно отрицательным миграционным сальдо, в тот исторический период было более злободневной проблемой, чем даже снижение рождаемости. Другим аспектом проблемы миграции был рост оттока населения из сельской местности. Основная сложность анализа миграционных процессов состояла в том, что, во-первых, в отношении показателей миграции еще сохранялся служебный характер статистической информации. На публикацию данных по проблемам миграции требовалось специальное разрешение. И, во-вторых, статистика в отношении миграции была неполной – информация имела только по городской местности. Справедливости ради следует сказать, что в конце 1970-х годов в статистических сборниках перестали публиковать и данные о рождаемости, что связано с наступлением первой послевоенной демографической «ямы».

Работы З.М. Юк «Труд женщин и семья» (1975) [306] и «Научно-технический прогресс и труд женщин» (1981) [305] положили начало гендерной проблематике в белорусской науке. В них предлагалось решение важной социальной задачи – создание благоприятных условий труда для женщин, отвечающих особенностям женской физиологии и которые позволили бы сочетать семейные функции с вовлечением в общественное производство. Но этот акцент хотя и на важных, но на несемейных сторонах жизнедеятельности женщин сыграл и свою негативную роль, по сути, сглаживая демографические проблемы вовлечения женщин в общественное производство.

Рассматривая труд женщин, З.М. Юк делает вывод, что «биологические особенности функций организма женщин в процессе труда и особая ее функция материнства представляет собой биологическую “почву”, исходный момент возникновения специфических социально-экономических отношений по участию женщин в общественном труде, соответствующих их отношению к материалу, орудиям и продуктам труда» [306, с. 13]. В этой связи она выделяет основное противоречие труда женщин как «противоречие между соци-

альным и биологическим. Оно проявляется, с одной стороны, как противоречие между функционированием и развитием общественно-го труда женщин и биологическими особенностями их организма с точки зрения способности к труду и свойств генеративной функции. С другой стороны – как противоречие между профессиональной деятельностью женщин и их материнством, а также уровнем развития социально-экономических условий, обеспечивающих женщине успешное их сочетание» [306, с. 42]. Но это противоречие ею решается не в пользу материнства, т.е. не в пользу демографического развития Беларуси. И позже (в середине 1990-х гг.) именно этот гендерный подход стал превалировать в идеях конференций Женского негосударственного института «ЭНВИЛА» по теме «Женщина. Образование. Демократия» (прежде всего в публикациях Н. Чикаловой). Правда, со временем сами женщины на этих конференциях стали выражать несогласие с феминистской направленностью этих гендерных тенденций; да и сама проблематика таких конференций стала иной – «Женщина. Общество. Образование».

«Критика» как фактор продвижения научных идей

Первая докторская диссертация по демографическим проблемам среди белорусских ученых была защищена Я.И. Рубиным на тему «Критика буржуазных трактовок социальных проблем развития народонаселения (Историко-демографическое исследование)» [222] в ИСИ АН СССР по специальности 08.00.18 в 1980 г. Ранее (1969 г.) он защитил кандидатскую диссертацию в БГУ по демографической проблематике. Прекрасно владевший несколькими иностранными языками, свою научную деятельность он направил в основном на продвижение в Советском Союзе в научный анализ как классических, так и современных западных демографических концепций, тем более, что для этого была и объективная причина – анализ проблем мирового «демографического взрыва» середины XX в. И хотя в названии его диссертации и опубликованных работ ключевым словом была *критика* (скорее как дань времени), но интересующиеся демографическими проблемами могли найти в них много новой информации о научных демографических тенденциях в зарубежной науке. При этом автор обращал внимание на неправомерность огульного толкования буржуазной демографической литературы как мальтузианской. Впер-

вые такая оценка была дана им в статье «Мальтузианство или особое направление?», опубликованной в авторитетном журнале «Мировая экономика и международные отношения» [223], что способствовало уяснению сложных демографических проблем, стимулированию исследований сложных механизмов взаимосвязей в демографическом развитии. Причем, что примечательно эта статья была опубликована в рубрике «Суждение социолога».

Читатели могли ознакомиться со взглядами таких демографов, как Ф. Бовер (Франция), Боже-Гарнье (Франция), Д. Боут (США), Г. Бутуль (Франция), Х. Вандер (Германия), Г. Галеотти (Италия), Т. Григ (США), Г. Дейли (Великобритания), Л. Дэблин (США), А. Карр-Саундерс (США), Г. Макенрот (Германия), Дж. Мортар (США), А. Ландри (Франция), А. Лотка (США), Н. Райдер (США), Т. Сальвимини (Италия), А. Сови (Франция), Ж. Стассар (Бельгия), Дж. Стикс (США), Дж. Феррари (Италия), В. Фогт (Франция), Ж. Фревилль (Франция), Ж. Фурастье (Франция), С. Энке (США) и др., считая «весьма ценным их стремление проникнуть в правду жизни» [223, с. 72]. Необходимо отметить, что Я.И. Рубин стал первым белорусским демографом, работы которого были изданы в центральных московских издательствах: «Теории народонаселения (Мальтузианские и буржуазно-антимальтузианские направления)» (Мысль, 1972 г.) и «Наследники Мальтуса» (Политиздат, 1983 г.), положившие начало выходу однотипных книг о мальтузианстве. Причем первая из этих книг была переведена на испанский язык и переиздана на Кубе. И хотя в кругах современных российских демографов к ним отношение неоднозначное, но первый шаг – всегда трудный. И этот шаг был отважный.

Наряду с «критическим» направлением в белорусской демографии Я.И. Рубиным высказана мысль о рождаемости как стержневой проблеме мировой демографии того времени. В работе «Оптimum населения: что за этим понятием?» он обосновывает, что «демографический оптимум обеспечивается оптимальной рождаемостью», а «демографический оптимум на семейном уровне – двух-трехдетная семья». И «хотя это объективно, но пассивное ожидание такого оптимального показателя недопустимо», поэтому «требуется активные, целенаправленные действия для некоторого повышения рождаемости в тех районах страны, где “нормой” стали семьи с одним, двумя детьми и редкостью – с тремя» [226, с. 125,126]. И эти выводы не по-

теряли актуальности и сегодня. Но, к сожалению, эти выводы демографов слышали, но к ним не прислушались. Уже после смерти ученого были опубликованы его аналитические статьи «Главный фактор обретения демографического здоровья» (БЭЖ, 2008, № 2) и «Современная демографическая проблема в Беларуси» (Социс, 2009, № 2), посвященные поиску ключевых приоритетов долговременной стратегии демографического развития Беларуси.

Проблема оптимума, впервые поднятая шведским экономистом Кнутом Викселлем, рассматривавшим оптимальную численность населения как идеальное равновесие между числом людей и возобновляемыми ресурсами земли, развивалась также и Саймоном Кузнецом. И это в какой-то части можно отнести к достижениям национальной демографической науки, как уроженца Беларуси. Правда, наш земляк по сравнению с большинством западных политиков и ученых ее рассматривал в ином плане. Она существенно отличалась от позиции К. Викселля и его оппонентов. Критикуя концепцию ограничения роста численности населения, С. Кузнец отмечает, что «новейшая специальная (и популярная) литература особо подчеркивает отрицательные стороны и опасности роста населения – истощение невозпроизводимых ресурсов, ухудшение условий накопления капитала, организационных возможностей общества и т.п. ...Я же предлагаю рассмотреть положительный вклад населения, полагая, что он, в конце концов, должен перевесить отрицательный эффект»; «главный вопрос нашей дискуссии, как и большинство исследований в области отношений между демографией и экономикой, остается открытым». «Мы не знаем, – пишет С. Кузнец, – как много – слишком много и как мало – слишком мало. У нас нет даже приблизительных эмпирических данных для того, чтобы взвешивать различные положительные и отрицательные стороны роста населения. Хотя мы, возможно, способны отличить выигрыш от проигрыша, мы редко знаем характер функции, которая связывает их с различными значениями роста населения», но «это не означает, что нельзя получить гораздо больших знаний о количественных соотношениях между демографическими тенденциями и экономическим ростом путем систематического изучения данных, относящихся к широкому диапазону времени и пространства. В самом деле, экономисты, пренебрегая демографическими аспектами...в количественных исследованиях экономики, и демографы, пренебрегая экономическими аспектами...в

количественных исследованиях населения, незаслуженно ограничились систематический количественный анализ взаимоотношений между этими двумя группами тенденций; а объем данных можно увеличить, чтобы обеспечить гораздо более широкую основу для в общем надежных выводов» [121, с. 141-142].

О концепции демографизации

Следующая докторская диссертация по демографии была защищена А.А. Раковым (также в ИСИ АН СССР в 1985 г.) по специальности «Экономика народонаселения и демография» на тему «Демографическое прогнозирование в системе планирования социального и экономического развития» [208]. Ее основополагающие идеи позже (1990) были изложены им в монографии «Демографические основы народнохозяйственного планирования» [206]. Эти работы имеют наиболее существенное отношение к исследованиям демографических процессов в Беларуси и поэтому являются действительно пионерскими. В них представлены концепция «демографизации», обосновывающая необходимость демографического прогнозирования как неотъемлемого элемента экономического и социального планирования, и ее возрастающая роль в планировании и управлении. Эта концепция вытекает из роли демографического фактора в общественном развитии, ставшая ныне сердцевиной социально-экономических программ страны. В целях всестороннего и более полного учета этого фактора развита идея о планировании потребностей специфических социально-демографических групп (семьи, молодежи, женщин, пенсионеров). Автором рассматривается методологическая неправомерность «вычленения» законов народонаселения из общей системы экономических законов.

В диссертации А.А. Ракова также обобщен опыт разработки демографических прогнозов, систематизирована и уточнена их классификация, раскрыта их структура и указаны их основные направления, дано методологическое обоснование демографических перспектив Беларуси. Автором исследована взаимосвязь и взаимообусловленность демографических и социально-экономических факторов на республиканском, отраслевом и региональных уровнях, выдвинута идея о принципах построения баланса населения по возрасту и полу, общественно-экономическим группам и характеру деятельности как

инструмента совершенствования демографической диагностики и демографической политики. В методологическом плане для понимания современных демографических тенденций ценным (и предупреждающим) является прогноз отрицательного сальдо естественного прироста населения в середине 1990-х гг.

Важную роль в исследовании демографических проблем середины 1970-х гг. сыграла практика социального планирования, в которой свою нишу нашли и социологи. И работа по исследованию демографических проблем наполнилась новым содержанием, их обсуждение активно проходило на конференциях по социальному планированию. Назовем только некоторые из множества таких конференций, где принимал участие и автор: Всесоюзный научно-практический семинар «Проблемы усовершенствования планирования экономического и социального развития административных районов (городов) республики» (г. Таллин, ноябрь 1975 г.); Вторая республиканская демографическая конференция «Социально-экономические особенности воспроизводства населения в условиях развитого социализма» (г. Одесса, сентябрь 1976 г.); Международный симпозиум «География населения» (г. Минск, июль 1976 г.); Республиканская научно-техническая конференция «Комплексное планирование и прогнозирование социально-экономического развития регионов, отраслей, предприятий» (г. Брест, октябрь 1980 г.); Всесоюзная научно-практическая конференция «Пути дальнейшего развития и повышения эффективности социального планирования в трудовых коллективах, отраслях и регионах» (г. Москва, октябрь 1983 г.); Республиканская научно-практическая конференция «Молодежь как объект социально-экономического планирования» (г. Минск, март 1985 г.); Всесоюзная отраслевая научно-практическая конференция «Проблемы управления трудом на промышленном предприятии в период совершенствования хозяйственного механизма» (г. Гомель, сентябрь 1987 г.) и другие, не считая многих региональных конференций.

В начале 1980-х гг. изучением демографических проблем стали заниматься в Институте экономики АН БССР, куда с 1981 г. перешли работать из НИИЭМП в созданный отдел демографии А.А. Раков и Л.П. Шахотько. Этот академический институт до 1990 г. являлся центром исследования методами математической статистики влияния на демографические процессы разнообразных социально-

экономических факторов, в том числе на миграционные, развития региональных систем расселения. Следует отметить и исследования С.С. Ткаченко.

В БГУ, как уже отмечалось, сугубо демографические проблемы исследовались на географическом факультете с позиций экономической географии – территориального размещения и развития производительных сил как республики в целом, так и в разрезе региональных общностей. Доцент этого факультета В.А. Новицкий активно пропагандировал демографические знания и пробуждал интерес к демографическим проблемам, выступая в различных аудиториях Беларуси как лектор ЦК КПБ. Кафедры правоведения и философии, социологическая лаборатория при БГУ уделяли в своих исследованиях внимание и проблемам брака и семьи.

«Чернобыль» и демография

В книге «Насельніцтва Беларусі» (1992) Б.А. Манак [143], по сути дела завершающей советскую эпоху демографических исследований, с позиций экономической географии сопоставляются внутренние и внешние региональные особенности в развитии и размещении населения Беларуси, как в территориальном, так и во временном плане. Автор выделяет два крупных периода в демографическом развитии послевоенной Беларуси: первый – послевоенный – до чернобыльской катастрофы и второй – после аварии на ЧАЭС с доминантой влияния последствий этой катастрофы: «Вторая половина 80-х годов уже не вписывается в сложившуюся картину социально-демографического развития двух послевоенных поколений. Третье поколение начинает жить в новых условиях. 1986 год в географии населения Беларуси выступает как своеобразный рубеж, который отделяет установившиеся закономерности и тенденции от новой ситуации, вызванной непредвиденной экологической катастрофой» [143, с. 5]. Автор считает, что в своей работе ей удалось дать итоговую характеристику населения Беларуси, которая была задолго до этого дана только в других условиях еще в книге А.А. Ракова (1969) [209, с. 6]: «Со второй половины 80-х годов в географии населения Беларуси начался новый период, который характеризует изменения в следующих процессах: динамике численности и темпах роста населения; характере миграции и размещения; территориальной структур хозяй-

ства и расселения; распределении и использовании трудовых ресурсов; уровне жизненной среды, в условиях труда и отдыха людей, в состоянии их здоровья; развитии национально-государственного устройства; в результатах социально-экономического развития» [143, с. 151]. Подобные оценки ею даны и в других работах.

Выводы Б.А. Манак («таким образом, демографическая ситуация в городах формируется очень сложно, ее воздействие самое многогранное и должно быть объектом постоянного изучения и регулирования»; «таким образом, региональный демографический подход позволяет выявить те отличия в демографическом развитии, которые обыкновенно прячутся за средними величинами и оказывают влияние на различные социальные и экономические процессы»; «таким образом, одни условия будут содействовать социально-экономическому и культурному прогрессу в развитии системы расселения, другие, наоборот, сдерживать его» [143, с. 35, 45, 134]) с позиций географической науки существенно значимы. Но с позиций общедемографического анализа и их осмысления этого явно недостаточно. Хотя в совместных работах Б.А. Манак с Е.А. Антиповой, а также в отдельных работах Е.А. Антиповой уже замечен выход за рамки только фиксации демографических процессов и стремление осуществить анализ влияния многообразных социально-экономических изменений на демографическую ситуацию, что отвечает основной тенденции развития современной науки – взаимосвязи и взаимопроникновению отдельных научных дисциплин.

И хотя демографические процессы с позиций последствий катастрофы на ЧАЭС не стали в современной науке доминирующими, тем не менее они в последнее советское пятилетие для Беларуси были существенны и социально значимы. Такими они остаются и сегодня. И автор данной книги, одним из первых опубликовавший научные работы по социолого-демографическим аспектам постчернобыля, проводя социологические исследования демографических преобразований постчернобыльской эпохи, также констатирует, что тем не менее авария на ЧАЭС стала заключительным аккордом в развитии белорусской демографической науки советского периода. Автору книги приятно, что самый известный белорусский философ и социолог академик НАН Беларуси Е.М. Бабосов в своей работе «Катастрофы» [15] по чернобыльским социальным проблемам ссылается из русскоязычных авторов только на наши исследования и публикации.

Таким образом, подъем интереса к демографическим проблемам пришелся на 1960–1970-е гг. Наибольшая заслуга в развитии демографической науки в этот период принадлежит экономическим географам, статистикам и экономистам. Важным направлением стало изучение демографических проблем (главным образом – семьи) юристами и философами. С этого периода и по настоящее время развитие демографической науки и сами демографические процессы послевоенного времени становятся центром внимания многих отраслей науки и сфер общественной жизни.

Центром развития демографической науки стал НИИЭМП при Госплане БССР (А.А. Раков, Я.И. Рубин, Л.П. Шахотько, А.Н. Пешкова, Л.И. Маськов и др.). В этот период появляются наиболее значимые демографические труды, не потерявшие своей актуальности и сегодня. Белорусскими учеными были разработаны демографические прогнозы, которые подтверждены современным демографическим развитием. В публикациях пионеров белорусской демографической науки дается комплексная социально-экономическая характеристика демографических процессов страны – воспроизводства населения и миграции, рождаемости и брачности, здоровья и продолжительности жизни, смертности и изменения половозрастного и этнического состава населения, его территориального размещения. Исследована взаимосвязь и взаимообусловленность социально-экономических и демографических факторов на республиканском, отраслевом и региональных уровнях. Введение в научный оборот и общественную жизнь богатого фактологического материала сопровождалось разработкой методологии и методики современного демографического анализа – была обоснована методология построения непрерывного ряда численности населения БССР, исчислены прямые и косвенные демографические потери Беларуси в Великой Отечественной войне.

Среди отдельных демографических выводов заслуживают внимания следующие: обоснование положения о рождаемости как стержневой проблеме демографии и социальной политики, рассмотрение динамики и эволюции рождаемости за столетие, выявление сформировавшейся с конца XIX в. постоянной тенденции снижения уровня рождаемости, влияние на эту тенденцию и этот процесс изменений в половозрастной и брачной структурах населения, противоречия в расширении масштабов занятости и выполнения функций мате-

ринства. Общественно значимыми и подтвержденными демографической реальностью стали демографические прогнозы о перспективных негативных социальных, экономических, морально-этических и генетических демографических последствиях в конце 1970-х – начале 1980-х гг. В методологическом плане для понимания современной демографической ситуации является ценным (и предупреждающим) прогноз о приближающемся в середине 1990-х гг. отрицательном сальдо естественного прироста населения. Это способствовало уяснению сложных демографических проблем, стимулированию исследований механизмов взаимосвязей в демографическом развитии и поставило на повестку общественной практики необходимость активной комплексной демографической политики. В связи с этим была обоснована и идея об ориентации на двух-трехдетную семью. Чернобыльская катастрофа поставила перед белорусской демографической наукой новые проблемы в осмыслении демографических процессов.

Социально-экономическая обусловленность демографических процессов

О роли факторов демографического развития дает представление сравнительная характеристика региональных демографических процессов: сравнение “чернобыльских” и нечернобыльских областей, а также приграничных областей Беларуси, России и Украины. Гомельская область первой из областей Беларуси во второй половине XX века столкнулась с общим уменьшением численности населения. Наивысшая в истории области численность населения зафиксирована на начало 1986 года, т.е. на период, пришедшийся до катастрофы на Чернобыльской АЭС. За период с 1986 по 2006 гг. (т.е. по сравнению с самой наибольшей численностью населения области в ее истории) население Гомельской области сократилось почти на 190 тыс. чел. Наибольшее сокращение пришлось на 1990 г., за который общая численность населения области уменьшилась почти на 46 тыс. чел. Миграционный «вклад» в это уменьшение составил более 50 тыс. чел. Это уменьшение численности населения в 1986–1991 гг. было обусловлено ростом его миграции, связанной с последствиями катастрофы на ЧАЭС, которая оказала существенное влияние на демографические процессы области конца 1980-х годов.

Особенно негативные демографические процессы в постчернобыльский период пришлось на сельскую местность. В результате выросшего миграционного оттока Гомельская область потеряла каждого третьего жителя села. А если учесть еще и миграционные потери села Могилевской области, то суммарные потери двух чернобыльских областей из шести областей страны составили 40% общей убыли сельского населения Беларуси. И уже в начале 1991 года Гомельская область в сравнении с другими областями страны стала иметь самый низкий удельный вес населения в сельской местности.

Однако вхождение области в демографический спад (т.е. когда смертность превысила уровень рождаемости) произошло несколько позже, чем в других областях Беларуси. Первыми областями, в которых было зафиксировано отрицательное сальдо естественного движения населения, стали Витебская и Минская области. В них превышение уровня смертности над рождаемостью произошло еще в 1991 г. В Могилевской области эта ситуация сложилась в 1992 г. В Гомельской и Гродненской областях, которые по последствиям катастрофы на ЧАЭС находятся на разных полюсах, отрицательное сальдо естественного движения населения было зафиксировано в одно время – в 1993 г. Эти факты свидетельствуют, что во второй половине 1980-х годов в демографическом развитии Гомельской области доминировал «чернобыльский» фактор. И это отличало тенденции демографического развития Гомельской области от республиканских тенденций. А с начала 1990-х годов в области ведущими стали явления и процессы новой социальной, политической и экономической реальности, что было характерно для демографического развития Республики Беларусь в целом. А значит и уменьшением роли «чернобыльского» фактора в депопуляционном развитии.

Интересным в этом плане представляется сравнение демографических тенденций приграничных областей Беларуси и России, развитие которые характеризуются также действием последствий катастрофы на ЧАЭС, причем, в Гомельской области эти последствия – самые значительные

Если в целом по России демографическая ситуация в последние годы начала оздоравливаться, то в регионах, где преобладает славянский этнос, рост рождаемости на несколько порядков ниже (См.: табл. 1). Особенно негативны они в сравнении с граничащими областями Республики Беларусь. Хотя и в Беларуси они также не обеспе-

чивают прирост населения, и в целом демографическое развитие в России (прежде всего в регионах с преобладанием славянского населения) и Беларуси несмотря на рост рождаемости в первом десятилетии нынешнего века остается кризисной.

Таблица 1. Сравнительные показатели естественного движения населения областей белорусско-российского пограничья за 1990-2012 гг.

Показатели	1990	1995	2000	2005	2010	2011	2012
Республика Беларусь							
Рождаемость	14,0	9,9	9,4	9,4	11,4	11,5	12,2
Смертность	10,8	13,1	13,5	14,7	14,4	14,3	14,3
Естественный прирост	3,2	-3,2	-4,1	-5,3	-3,0	-2,8	-2,1
Российская Федерация							
Рождаемость	13,4	9,3	8,7	10,2	12,5	12,6	13,3
Смертность	11,2	15,0	15,3	16,1	14,2	13,5	13,3
Естественный прирост	2,2	-5,7	-6,6	-5,9	-1,7	-0,9	0,0
Гомельская область (Беларусь)							
Рождаемость	13,6	10,3	9,6	9,6	11,6	11,6	12,5
Смертность	10,9	13,6	14,0	15,1	15,1	15,0	14,1
Естественный прирост	2,7	-3,3	-4,4	-5,1	-3,1	-3,4	-1,6
Брянская область (Россия)							
Рождаемость	13,0	9,3	7,8	9,0	10,7	10,9	11,4
Смертность	12,9	16,0	18,2	19,8	17,0	16,1	16,1
Естественный прирост	0,1	-6,7	-10,4	-10,8	-6,3	-5,2	-4,7
Могилевская область (Беларусь)							
Рождаемость	13,4	9,9	9,4	9,2	10,8	11,2	11,8
Смертность	11,7	14,0	14,8	16,2	15,6	15,6	15,6
Естественный прирост	1,7	-4,1	-5,4	-7,0	-4,8	-3,4	-3,8
Смоленская область (Россия)							
Рождаемость	11,9	8,1	7,0	8,6	10,4	10,4	10,5
Смертность	13,3	17,2	20,0	21,6	18,4	16,8	16,7
Естественный прирост	-1,4	-9,1	-13,0	-13,0	-8,0	-6,4	-6,2
Витебская область (Беларусь)							
Рождаемость	13,2	9,1	8,5	8,4	10,1	10,1	10,9
Смертность	12,5	14,9	15,1	16,5	16,7	16,2	16,2
Естественный прирост	0,7	-5,8	-6,6	-8,1	-6,6	-6,1	-5,3
Псковская область (Россия)							
Рождаемость	11,9	7,8	7,4	8,8	10,5	10,5	11,0
Смертность	15,1	20,9	22,3	24,5	21,2	19,4	19,5
Естественный прирост	-3,2	-13,1	-14,9	-15,7	-10,7	-8,9	-8,5

Причины в более худших демографических показателях приграничных российских областей, хотя в России гораздо более высокий уровень стимулирования рождаемости (чего стоит только размер материнского капитала – более 400 тыс. российских рублей), лежат в более низком по сравнению с белорусскими областями уровне социально-экономического развития. И социально-экономическая обусловленность по сравнению с другими факторами (в т.ч. и чернобыльским) перевешивает. И тенденцией развития демографических процессов «славянских» регионов является раскручивание депопуляционной спирали. Современное и будущее демографическое развитие этих регионов определяется инерционными механизмами – сложившийся демографический потенциал воспроизводит и будет воспроизводить существующие негативные демографические процессы, т.е. в депопуляционном режиме.

4. Демографическая наука современной Беларуси

Демографическая наука в новых демографических реалиях

К периоду обретения суверенитета белорусская демографическая наука пришла сформировавшейся отраслью научного знания с существенным теоретическим багажом и определенными успехами. Вместе с тем в самом демографическом развитии Республика Беларусь столкнулась с новыми реалиями, впрочем, как и все другие европейские новые независимые государства на постсоветском пространстве. Развал единого демографического пространства с самого начала 1990-х гг. сказался на новых тенденциях в миграционном движении. Реальностью стало и прогнозировавшееся ранее отрицательное сальдо естественного прироста населения. И хотя это было ожидаемо, падение рождаемости оказалось настолько высоким, что его объяснение чисто демографическим анализом, скажем, привычными структурными изменениями в половозрастной структуре населения, было явно недостаточным.

Проблемы демографического развития Беларуси стали и предметом политической манипуляции. Политические силы, проигравшие президентские выборы, негативные тенденции в демографическом развитии страны первой половины 1990-х гг. попытались связать с политикой первого Президента Республики Беларусь. В связи с этим выросла потребность в социологическом осмыслении современного демографического развития страны. Как отмечает член-корр. НАН Беларуси А.Н. Данилов, «социология остро востребуется именно в периоды кризисов, когда происходит смена вектора общественного развития, норм и ценностей, всего уклада жизни общества» [67, с. 87]. А по мнению упоминавшегося выдающегося российского демографа В.А. Борисова, именно социологической науке, в частности социологической демографии, «удалось достаточно удовлетворительно объяснить причины снижения рождаемости до малодетного уровня по мере экономического развития, чего не удалось сделать экономистам по пути чисто экономических объяснений этого процесса» [32, с. 334].

Рост потребности в социологическом осмыслении актуальных проблем общественного развития в Беларуси одновременно сопровождался и подъемом самой социологии, что было подкреплено и соответствующей институциональной базой. В 1989 г. в БГУ на философско-экономическом факультете открывается отделение социологии и кафедра социологии (А.Н. Елсуков). В 1990 г. был образован Институт социологии НАН Беларуси (Е.М. Бабосов) на базе ранее созданного Республиканского центра социологических исследований. В этом же году в Гомеле был создан хозрасчетный социологический центр «Оракул» (А.П. Касьяненко). На базе Проблемной научно-исследовательской лаборатории социологических исследований БГУ, существовавшей с 1967 г., в 1996 г. начал работу Центр социологических и политических исследований БГУ (Д.Г. Ротман). В 1996 г. был образован ИСПИ при Администрации Президента Республики Беларусь (И.В. Котляров). Начали готовить кадры социологов Гродненский государственный университет им. Я. Купалы и Могилевский государственный университет им. А. Кулешова. В 2008 г. в БГЭУ открыта специализация по экономической социологии. Плодотворно работают МогИРСПИ (Могилевский региональный институт социально-политических исследований, руководитель Н.Е. Лихачев) и другие государственные и негосударственные центры и лаборатории.

В БГУ были проведены исследования проблем молодой семьи в новом веке, социально-психологических особенностей современной молодежи и уровня их репродуктивных установок как факторов, влияющих на демографическую ситуацию в Беларуси, вопросов государственного регулирования демографических процессов в стране, а также психологических аспектов адаптации вынужденных мигрантов на территории Республики Беларусь и путей их коррекции. В БГПУ с демографических позиций анализировались проблемы международной миграции молодежи Беларуси.

В МогИРСПИ изучались проблемы разводимости, тенденции изменения психологии внутрисемейного поведения, сельская демография. В Белорусском торгово-экономическом университете потребительской кооперации (Гомель) под руководством автора исследовались демографические проблемы в условиях последствий катастрофы на ЧАЭС, в частности обеспечения национальной демографической безопасности в причернобыльской зоне, взаимосвязи демографических процессов и рыночного механизма депрессивных реги-

онов, развития трудового потенциала постчернобыльской зоны, разработки региональной стратегии развития демографического капитала и трудового потенциала. В Витебске задачи обеспечения демографической безопасности исследовались с позиций обоснования перспективного прогноза численности населения и трудовых ресурсов в разрезе административных единиц Витебской области, а также осуществлялся анализ хода выполнения областной программы демографической безопасности.

Не только в вузах, институтах, центрах и на социологических кафедрах изучались демографические проблемы Беларуси. По-прежнему эффективно работал в этом направлении НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь (бывший НИИЭМП при Госплане БССР), где разрабатывались демографические прогнозы, исследовалось влияние демографических процессов на рынок труда в Беларуси, готовились демографические материалы для использования Министерством экономики, президентскими подразделениями. Результаты публикуются в бюллетенях НИЭИ и «Белорусском экономическом журнале».

При Министерстве статистики и анализа Республики Беларусь был образован НИИ статистики, где был открыт отдел демографических исследований (Л.П. Шахотько), который сыграл важную роль в проведении в 1999 г. первой переписи населения суверенной Беларуси. В этих целях здесь изучались проблемы совершенствования методологии демографической статистики с учетом современных тенденций развития Республики Беларусь и мировых стандартов, был разработан прогноз основных показателей демографического развития Республики Беларусь и социально-экономического положения домашних хозяйств на перспективу.

Исследования демографических проблем проводит и созданный на базе Белорусского филиала НИИ труда СССР Белорусский НИИ труда при Министерстве труда и социальной защиты населения Республики Беларусь. Здесь проводилась разработка основных положений проекта Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь», а также проектов Национальных программ демографической безопасности Республики Беларусь на 2006–2010 и 2011–2015 гг.; исследовались социально-экономические последствия демографического развития Гомельской области на уровне административных районов и городов, миграционные

намерения и информированность женщин Беларуси по вопросам торговли людьми за рубежом, критерии и показатели неблагополучной семьи; постоянно осуществляется мониторинг демографической безопасности с целью разработки предложений для Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь.

В 1990 г. центр исследований демографических проблем в НАН Беларуси переместился из Института экономики в Институт социологии, в котором важное место занял отдел социальной демографии и занятости населения (А.А. Раков), однако в 2002 г. этот отдел был закрыт.

Затем исследования демографических процессов вновь возвращаются в Институт экономики НАН Беларуси. Здесь сначала был создан отдел по проблемам демографии, который был преобразован в Центр демографии и человеческого развития (А.А. Раков). Это, во-первых, отражало объективную потребность в необходимости вести фундаментальные демографические (включая и прикладные) исследования, во-вторых, показало рост значения демографии для различных сторон жизнедеятельности общества, ибо без их осмысления невозможны разработки ни одной значимой социально-экономической программы развития, ни одного крупного государственного проекта. Без уяснения демографической ситуации, тенденций демографического развития, разработки демографических прогнозов, различных аспектов демографического процесса (репродуктивного и миграционного поведения населения, гендерных проблем, семейной политики и т. д.) сложно обеспечить научно обоснованное развитие социума, различных сфер жизнедеятельности общества. Демографические исследования необходимы для нужд не только экономики, но и обороны, бизнеса, торговли, просвещения, здравоохранения и т.д. Свою роль в этом сыграло принятие в 2002 г. Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», обозначившего вектор развития демографических проблем, в разработке которого участвовали все ведущие демографы Беларуси.

Центром демографии и человеческого развития Института экономики НАН Беларуси создавалась стратегия развития демографического потенциала и социального капитала, организационно-правовые механизмы взаимодействия экономико-демографических и социально-демографических факторов, обеспечивающих национальную и демографическую безопасность Республики Беларусь, изуча-

лась роль миграционных процессов в социально-экономическом развитии Балтийского региона, влияние миграции населения на состояние регионального рынка труда Беларуси (на примере сельскохозяйственных регионов).

Но этот Центр просуществовал недолго и опять был преобразован в отдел. Его научные направления расширились за счет сужения исследований по демографической проблематике. Проявились и другие негативные явления. В частности, в начале 2009 г. в Национальном статистическом комитете Беларуси (бывшем Министерстве статистики и анализа) был упразднен НИИ статистики и, естественно, перестал существовать и отдел демографических исследований. А в 2013 г., объявленном ООН годом статистики, в органах государственной статистики Беларуси произошло сокращение на 40% специалистов в областных подразделениях, ведущих демографическую статистику. В НИЭИ Министерства экономики в результате структурной перестройки была сокращена единица ведущего специалиста в области расчета демографических прогнозов. Это отражает сложность и противоречивость развития демографической науки в Республике Беларусь и процесса ее дальнейшей институционализации.

Демография в новых социально-политических реалиях

Первая докторская диссертация по демографии, защищенная уже в суверенной Беларуси в специализированном Совете по защите диссертаций Института социологии НАН Беларуси, была выполнена Л.П. Шахотько на тему «Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период трансформации экономической системы» (1997) [294]. Она была одновременно и первой докторской диссертацией (и пока единственной) по демографическим проблемам в социологии, защищенной именно в Беларуси. Л.П. Шахотько осуществлен анализ социально-демографических процессов, в основу которого положен методологический подход, раскрывающий содержание демографических процессов современной Беларуси на основе сложившегося типа воспроизводства населения.

Ею были исследованы основные причины изменения динамики в репродуктивном поведении населения Беларуси, начиная с середины 1980-х гг., как в целом по стране, так и по регионам, прежде всего в исследовании демографических процессов на территориях,

пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. На основе комплексного (междисциплинарного) анализа долговременных демографических процессов были выявлены тенденции и закономерности современного социально-демографического развития, в частности, то, что население Беларуси воспроизводится только на 2/3. Этот суженный режим демовоспроизводства, переход к новому типу семьи, по мнению Л.П. Шахотко, – закономерный процесс развития общества. А наступившая и прогнозирувшаяся депопуляция была ускорена и усугублена последствиями катастрофы на ЧАЭС и самое главное – экономическими и социально-политическими трансформациями 1990-х гг. «Поэтому обществу необходимо четко осознать, что большинство перемен, происходящих в брачно-семейных отношениях, вызваны закономерным ходом истории, принять новую модель семьи – малодетную, нуклеарную и отказаться от мер, оказывающих экономическое или иное давление на нее. Предоставить возможность семье самой строить свою супружескую жизнь, решать экономические и другие семейные проблемы. Главная задача государства – создать условия абсолютному большинству людей, особенно молодым, обеспечить надлежащее благосостояние своей семьи за счет личного труда».

На основе обобщения 30-летней практики демографического прогнозирования Л.П. Шахотко были разработаны методические подходы и на их основе построены перспективные сценарии развития социально-демографических процессов. После стабилизации рождаемости в первом десятилетии XXI в. в дальнейшем возможен очередной спад. Снижение же смертности можно ожидать в последующих десятилетиях XXI в. А основные наиболее сложные демографические проблемы ближайших 20–25 лет носят не столько количественный (это, конечно, тоже будет иметь место), сколько качественный характер. И если количественные перспективы достаточно точно поддаются прогнозированию, то прогнозирование качественного состояния демографического потенциала – одна из сложнейших социологических задач.

Но что при этом характерно – сугубо социолого-демографических диссертаций в Беларуси по специальности «Демография и экономическая социология» не было. В большей степени социологические диссертации, связанные с демографическими проблемами, защищаются по специальности «Социальная структура, со-

циальные институты и процессы». В том числе и указанная диссертация Л.П. Шахотько. И эта ситуация характерна не только для Беларуси. Так, ВАКом России отмечается как существенный недостаток, несмотря на острейшую потребность в исследовании демографических проблем, отсутствие диссертаций по специальности «Демография и экономическая социология».

В 1997 г. была защищена докторская диссертация Ю.М. Бубнова «Социальные факторы гармонизации супружеских отношений» по специальности «Социальная структура, социальные институты и процессы», в которой в значительной степени были освещены и демографические проблемы. Ее достоинством является рассмотрение с социолого-демографических позиций влияния различных социальных факторов на репродуктивный потенциал молодого поколения, семейной молодежи. В качестве фактора супружеской удачи и совместимости брачных партнеров Ю.М. Бубнов рассматривает и эмпирически доказывает влияние ориентации молодых супругов на рождение детей – готовность быть отцами и матерями. Именно эта готовность, по нашему мнению, является доминирующим фактором реальной политики рождаемости. Опубликованные Ю.М. Бубновым монографии «Социологические очерки гендерных отношений» (2007) [37] и «Социологические очерки народного здоровья» (2008) [36] затрагивают ряд сложных аспектов демографических процессов в Беларуси: естественного движения населения, репродуктивного поведения, демографических ориентаций, влияния общественных преобразований, экологического фактора, состояния здоровья, экономической и социальной нестабильности, разводимости, микро- и макросреды на демографические процессы.

Демография новой экономической парадигмы

Докторская диссертация Л.Е. Тихоновой по экономическим наукам «Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь» [274], защищенная в Институте социально-политических исследований РАН (2002), посвящена проблемам переосмысления механизма государственного регулирования демографических процессов в условиях новой рыночной экономической парадигмы. Автор, рассматривая место и роль демографических индикаторов в крупных экономических программах, определяет демо-

графическое развитие как стратегическую ориентацию социально-экономической политики государства. В указанной работе, а также в других публикациях автора дано обоснование приоритетности демографических индикаторов, которые должны стать целезадающими и включаться во все национальные стратегические документы. И именно определяющая роль демографических целей, по мнению белорусского ученого, даст наибольший экономический эффект в решении актуальных задач социально-экономического, экологического и демографического развития.

В основной работе Л.Е. Тихоновой «Регулирование демографических процессов в Беларуси» [276] анализ демографических процессов осуществлен в контексте проблем обеспечения демографической безопасности в Беларуси, прежде всего в связи с последствиями катастрофы на ЧАЭС. Автор дает характеристику основных социально-экономических угроз, исходя из анализа сложившейся демографической ситуации. Важной угрозой для демографического развития являются последствия катастрофы на ЧАЭС, что вытекает не только из анализа особенностей современного социально-экономического развития загрязненных территорий, но и выполненных Л.Е. Тихоновой прогнозных расчетов. Далее эти аспекты исследовались Н.Н. Приваловой [202] и Н.Н. Богино [29].

В дальнейшем этими проблемами наряду с демографами стали заниматься и представители многих отраслей научного знания, что свидетельствует о демографизации социальных и экономических сторон белорусского общества. Наиболее плодотворными наряду с сугубо демографическими стали социологические исследования, что можно рассматривать как социологизацию современной науки. Об этом свидетельствуют публикации в журнале «Социология» статей Е.М. Бабосова [13], С.Н. Буровой [40; 41], В.И. Зиновского [87], А.Г. Злотникова [92 и др.], Б.А. Манак совместно с Е.А. Антиповой [142; 144], А.А. Ракова [211; 212], Л.П. Шахотько [288; 292] и др.

Среди значимых демографических работ последних лет следует отметить книги С.Н. Буровой и Л.П. Шахотько. С.Н. Бурова в работе «Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии» (2010) привела систематизированный материал генезиса проблем брака и семьи в историческом развитии и дала его региональную дифференциацию. В книге изложено многообразие подходов к проблемам брака и семьи через взгляды и разностороннюю дея-

тельность выдающихся мыслителей и исследователей, в которых прослеживаются как эволюционистский, так и функциональный, структуралистский и структурно-функциональный подходы. Современные проблемы брака и семьи С.Н. Бузова рассматривает во взаимодействии макросоциологического и микросоциологического уровней, через призму как социальных, так и собственно демографических, в частности гендерных, противоречий [42].

Л.П. Шахотько в монографии «Модель демографического развития Республики Беларусь» (2009) дан анализ тенденций современного демографического развития Беларуси, выявлены причины и механизмы протекающих демографических процессов, представляющих белорусскую модель демографического развития, изложена методология и основные методические подходы демографического прогнозирования, проведена оценка достоверности демографических прогнозов, разработанных в советский период и опубликованных в печати. В работе также нашли отражение результаты комплексного социально-экономического исследования и выборочных социологических исследований развития демографических процессов суверенной Беларуси.

Особый интерес в монографии представляют многовариантные (шесть сценариев) прогнозы демографического развития как на ближайшие 20 лет, так и на столетие вперед. Конечно, совпадение того или иного варианта перспективного развития с тем, что произойдет через столетие, оценят уже другие поколения. Эпистемологическая роль этих прогнозов заключается в глубоком анализе протекающих процессов, а также выявлении потенциальных как негативных, так и позитивных возможностей демографических изменений, заложенных в современной структуре населения страны. И задача состоит в проведении активной государственной демографической политики по поддержке позитивных изменений в демо воспроизводстве: «...погасить убыль населения можно, изменив тенденции развития всех трех его составляющих в комплексе: рождаемости, смертности и миграции» [289, с. 377]. Правда, тираж этих значимых демографических работ по сравнению с советским периодом («Белоруссия в демографическом измерении» (1974) и «Население БССР» (1969) А.А. Ракова, вышедшие тиражом 14500 и 3 тыс. экземпляров соответственно, «Рождаемость в Белоруссии» (1975) Л.П. Шахотько – 7500 экз.) не отвечает значимости и остроте современных демогра-

фических проблем. Тираж работы С.Н. Буровой составил 150, Л.П. Шахотько – 200 экземпляров. Предыдущая монография автора «Демографическое измерение современной Беларуси» также вышла небольшим тиражом – 200 экземпляров. Все они становятся или уже стали библиографической редкостью и даже не все из узкого круга специалистов их имеют. А ведь они предназначены не только специалистам, но и властным структурам, принимающим решения, студентам и молодым исследователям. Малотиражность этих работ существенно снижает значимость демографических разработок современных белорусских ученых.

Впрочем, эта тенденция характерна и для российской и украинской демографической науки, хотя там имеются и специализированные демографические издания: в России – журнал «Народонаселение» (Отделение экономики РАН), а в Украине – «Демографія та соціальна економіка» (Институт демографии и социальных исследований НАН Украины).

Анализ развития демографических проблем показывает, что белорусская наука не остается в стороне от анализа и осмысления современных демографических проблем своей страны, о чем свидетельствуют работы Б.А. Манак и Е.А. Антиповой «Регионы Беларуси: особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности» (2007 г.), П.Г. Никитенко и А.А. Ракова «Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь» (2005 г.) и «Состояние и тенденции демографического развития Беларуси» (2003 г.), Н.И. Снытко «Социальные проблемы демографического старения» (2001 г.), Р.М. Супрунович «Трудовая миграция в мировой экономике» (2007 г.), курс лекций Е.А. Антиповой «География населения мира» (2004 г.), учебное пособие Л.Е. Тихоновой «Демография Беларуси» (2004 г.), Н.И. Кунгуровой и В.К. Терехова «Экономика знаний» (2010 г.), Л.П. Шахотько «Население Республики Беларусь в конце XX века» (1996 г.). Отражены также и в работах М.И. Артюхина [165], Е.М. Бабосова [13; 17], В.В. Кириенко [103, 104], В.А. Клименко [106], И.В. Котлярова [118], Н.Е. Лихачева [133], Р.А. Смирновой [286], Г.Н. Соколовой [245-247], Л.Г. Титаренко [273], С.А. Шавель [285, 286] и др.

С.А. Шавель в монографии «Общественная миссия социологии» среди широкого круга социальных проблем развития современного белорусского общества акцентирует внимание на воспроизвод-

стве действительной жизни, а это прежде всего демографический процесс – рождение детей. Кроме того, «воспроизводство жизни включает также воспитание, образование, социализацию, здравоохранение, гражданскую идентичность и др.» [285, с. 68].

Региональные аспекты демографии

Как и в период возрождения демографического знания, активно продолжают заниматься проблемами народонаселения географы, традиции которых были заложены В.А. Новицким и Б.А. Манак. И не только в столице, но и в регионах: в Гомеле – это О.А. Малахов, В.Е. Пашук и Т.А. Шафаренко, в Бресте – К.К. Красовский, продолживший исследования, начатые М.В. Омелянчуком.

К.К. Красовский в докторской диссертации по географическим наукам «Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ и прогноз» [119], защищенной в Белгосуниверситете (2006), а также в монографиях «Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ» (2004) и «Урбанистическая эволюция Беларуси» (2009), исследуя сложный и многогранный характер проблемы урбанизации, считает, что процесс урбанизации определяется конкретными социально-экономическими, политическими и управленческими условиями. На протяжении второй половины XX в. урбанизация на территории Беларуси шла экстенсивным путем на основе индустриализации. Индустриализация способствовала концентрации экономической деятельности в немногих быстрорастущих городах, и рост численности населения этих городов был реакцией на развитие промышленности.

К.К. Красовским доказано, что концентрация производства и населения в ограниченном числе городских поселений привела к значительной контрастности городского расселения, диспропорциям в распределении демографического, экономического и социально-культурного потенциала между различными группами городских поселений Беларуси. Основной проблемой урбанизации стал большой разрыв между количественными и качественными показателями состояния городской местности и появлением в связи с этим негативных последствий демографического, экологического, экономического и социального характера. Автором выделяется более высокое каче-

ство городской среды в западных областях Беларуси и городе Минске.

Предшествующая экономическая политика концентрации промышленности преимущественно в крупных городах породила ряд проблем: слабую управляемость процессом расселения, диспропорции в распределении демографического и трудового, экономического и социально-культурного потенциалов между различными группами городских поселений, в развитии городской и сельской местности. К этим выводам К.К. Красовского следует добавить и последствия территориально-административного укрупнения в 1950–1960-х гг., в результате которого более 50 населенных пунктов Беларуси, среди которых как городские поселения, так и крупные села, потеряли статус районных центров и вместе с окружавшими их сельскими поселениями были лишены перспективы экономического и социально-культурного развития, что проявилось в снижении качества их демографического и трудового потенциалов. В Брестской области – это Антополь, Городище, Давид-Городок, Дивин, Домачево, Коссово, Логишин, Ружаны, Телеханы и Шерешево, в Витебской – Бегомль, Богушевск, Ветрино, Видзы, Дисна, Езерище, Коханово, Ореховск, Освея, Подсвилье, Сураж и Улла, Гомельской – Василевичи, Комарин, Копаткевичи, Озаричи, Паричи, Стрешин, Тереховка, Туров и Уваровичи, Гродненской – Березово, Желудок, Козловщина, Любча, Мир, Порозово, Радунь, Сопоткин и Юратишки, Минской – Заславль, Ивенец, Илья, Кривичи, Куренец, Радошковичи, Руденск, Свирь, Смиловичи, Старобин и Холопеничи, в Могилевской области – Дрибин.

Эти аспекты урбанизации и рурбанизации пока не исследованы. Территориальные органы управления, чтобы отрапортовать о выполнении программ развития села, многие поселки городского типа зачисляют в агрогородки. Но является ли формальный перевод поселков городского типа в агрогородки свидетельством прогрессивного развития территориально-административных структур и стимулом их демографического развития – это сомнительно. В результате сегодня в Беларуси имеется два вида агрогородков: а) отдельные сельские поселения, получившие статус агрогородков; б) поселки городского типа, также получившие этот статус. Превращение ряда сел в агрогородки означает и повышение их социального статуса. Это позитивное направление развития системы сельских поселений. Придание статуса агрогородков поселкам городского типа означает их частичный

перевод из урбанизированных в аграрные населенные пункты. Думается, что игра с терминологией не приносит пользы действительному преобразованию быта села. Можно предположить, что за этими административными «переименованиями» стоит привычка «отрапортовать» о массовых и быстрых достижениях.

В результате этого Беларусь прошла путь от второй стадии развития урбанизации к третьей и четвертой. Однако, резюмирует К.К. Красовский, социально-экономические предпосылки начала пятой стадии урбанизации, для которой характерны субурбанизация и более равномерное расселение, в Беларуси еще не сформировались. За последние годы более чем в 5 раз уменьшился миграционный источник роста городов, параллельно шло снижение темпов роста и уровня концентрации в них населения. Красовский считает, что переход от командно-административной к рыночной системе хозяйствования нарушил эволюционный путь развития урбанизации в Беларуси, привел к нестабильности ее социально-экономического развития. Этот процесс, а также последствия катастрофы на ЧАЭС, по его мнению, повлекли изменение демографического поведения населения страны, резко ухудшившие демографическую ситуацию.

Демографические проблемы города и села – взаимосвязаны, что нашло отражение в докторской диссертации по географическим наукам Е.А. Антиповой «Сельское расселение Беларуси: территориальная структура и геодемографическое развитие» (2008) и в ее монографии «Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси». Исходя из того, что Беларусь из типично аграрной страны превратилась в урбанизированную, Е.А. Антипова считает, что в экономическом и демографическом аспектах сельское население страны трансформировалось из активной в пассивную часть. В демографическом плане автор выделила три типа сельских районов: районы-лидеры, срединные районы и районы-аутсайдеры. При этом преобладающими стали сельские районы с незначительным демографическим потенциалом. В результате главной тенденцией изменения динамики сельского населения стала трансформация положительных темпов его развития в отрицательные. Географически интерпретируя концепцию демографического перехода, Е.А. Антипова считает, что такое современное развитие сельских районов означает завершение первого демографического перехода под влиянием эволюционных и трансформационных факторов, в ре-

зультате чего установился режим депопуляции и демографического старения. А трендовый, циклический и стадийный характер демографических процессов, по мнению автора, «свидетельствуют “о третьем цикле” депопуляции» [4, с. 255].

Хотя спорной, на наш взгляд, является оценка Е.А. Антиповой современного этапа демографического развития как «первого демографического перехода» и «третьего цикла депопуляции», что «наименьшей устойчивостью населения обладают пригородные сельские районы», что «сокращаются темпы депопуляции на микрогеографическом уровне» и наступила эволюционная стадия «омоложения» возрастной структуры, но современное демографическое развитие села действительно «характеризуется устойчивой отрицательной динамикой численности на макрогеографическом уровне» [4, с. 255]. При этом Е.А. Антиповой «установлено, что ареалы устойчивого демографического развития формируются в пригородных крупно- и средненаселенных сельских районах, неустойчивого – в периферийных мелконаселенных районах, ограниченный потенциал устойчивого демографического развития характерен для переходного типа разнотипности» [4, с. 256]. А этот последний вывод противоречит предшествующему, что наименьшей устойчивостью населения обладают пригородные сельские районы.

Можно поспорить и с ее оценочными прогнозами, что «в ближайшие годы... начнет происходить сокращение естественной убыли, сокращение темпов депопуляции и ее стабилизации, замедление ежегодных темпов убыли сельского населения», что произойдет «трансформация естественной убыли в репопуляцию, положительном сальдо миграции в пригородных сельских районах» [4, с. 256]. Но то, что, по мнению автора, «в большинстве региональных документов не учитывается специфика демографического развития» [4, с. 257], – очевидно.

Отдельным демографическим аспектам были посвящены кандидатские диссертации Н.В. Агабековой (Статистический анализ современного состояния младенческой смертности в Республике Беларусь, 2000 г.) [1], Н.Н. Приваловой (Демографическая политика Беларуси в условиях реформирования экономики, 2002 г.) [202], Н.В. Носацкой (Человеческий потенциал в социальной рыночной экономике: гендерный подход, 2003 г.) [183], Н.И. Богино (Реабилитация населения регионов радиационного загрязнения в Беларуси, 2004 г.) [29],

М.В. Тимошенко (Совершенствование системы регулирования миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь, 2011 г.) [271].

Всем фронтом

Показательно, что исследованиями демографических проблем в Беларуси занимаются не только демографы, социологи, экономисты, географы, философы, медики. По традиции, идущей еще от Дж. Граунта и Л. Эйлера и продолженной М.В. Ломоносовым и Д.И. Менделеевым, аспекты демографического развития исследуют и представители естественных наук, в частности доктора технических наук М.Д. Тявловский (Минск) и Д.Г. Лин (Гомель). М.Д. Тявловский был организатором в Беларуси двух демографических конгрессов: «Демографические проблемы Беларуси» (март 1999 г.) и «Проблемы демографии и безопасности жизни» (ноябрь 2002 г.). Д.Г. Лин с соавторами в последние годы опубликовал ряд демографических монографий на основе использования аналитических и имитационных математических расчетов: «Социодинамика демографических процессов в современной Беларуси» в соавторстве с Е.М. Бабосовым и С.Д. Предыбайло (2008) [16], «Сельское население Беларуси: демографический анализ» совместно с С.Д. Предыбайло (2008) [132], «Динамика демографических процессов на постсоветском пространстве» в соавторстве с Е.И. Сукач (2010) [131], «Демография Гомельской области» совместно с Л.А. Митраховой (2010) [130].

По линии ЮНФПА (Фонд ООН в области народонаселения) было проведено несколько демографических научно-практических конференций: «Беларусь: 10 лет после Каирской международной конференции по народонаселению и развитию» (2003 г.), «Беларусь: 15 лет после Каирской международной конференции по народонаселению и развитию» (2008 г.). В Гомеле прошли демографические форумы «Взаимосвязь демографических и социально-экономических процессов на рубеже XX–XXI веков» (2003 г.), «Демографические проблемы Беларуси и духовно-нравственное здоровье нации» (2005 г.), «Международно-правовое регулирование миграции и национальные интересы Республики Беларусь в контексте устойчивого развития» (2008 г.).

Секции по проблемам демографического развития Беларуси были организованы в ходе работы ряда международных научных

конференций, проведенных Институтом социологии и Институтом экономики НАН Беларуси, Институтом экономики Министерства экономики Республики Беларусь. Ежегодные международные междисциплинарные научно-практические конференции «Женщина. Общество. Образование» (а состоялось таких 13 конференций) проводил негосударственный женский институт «ЭНВИЛА». В ГГТУ им. П.О. Сухого работали секции по демографическим проблемам в рамках традиционных (их прошло уже пять) международных научных конференций «Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы», в ГрГУ им. Я. Купалы в рамках традиционных международных научных конференций «Народы, культура и социальные процессы на пограничье» – секции по демографическим проблемам развития пограничья. Демографические проблемы рассматривались и на международных научно-практических конференциях, проводимых в БГЭУ, Международном институте трудовых и социальных отношений (Минск) и его филиалах в Гомеле и Витебске. Работают демографические секции в рамках Международных научно-практических конференций по проблемам социологии брака и семьи, регулярно проводимых в Могилеве ведущими социологами Беларуси Ю.М. Бубновым и Н.Е. Лихачевым.

Эти мероприятия и публикации анализа демографических процессов свидетельствуют о том важном значении, которое имеют демографические проблемы в современной жизни Беларуси, а также о многогранности аспектов демографических процессов, их проникновении и взаимосвязи с многочисленными сторонами политической, социальной и экономической жизни общества. Это также и то, что характеризует социологический подход и означает социологизацию современной науки.

Результат научных исследований нашел отражение в законодательных актах и многих программных документах. Беларусь одной из первых на постсоветском пространстве поставила на государственном уровне задачу преодоления проблем, связанных с растущей депопуляцией и демографическим кризисом. Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» (4 января 2002 г.) является основой для проведения активной демографической политики в стране.

В соответствии с этим Законом была разработана и принята Государственная программа демографического развития страны на

2002–2005 гг. В марте 2007 г. была утверждена новая – президентская – Национальная программа демографической безопасности на период 2007–2010 гг. Кроме того, отдельные демографические проблемы получили отражение в других государственных программах: возрождения и развития села; развитие регионов, средних и малых городских поселений; молодежь и дети Беларуси; совершенствование системы социальной работы с одинокими гражданами пожилого возраста; улучшение условий и охраны труда; преодоление последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС; профилактике ВИЧ-инфекции; концепции и программы развития здравоохранения; государственная миграционная программа; национальные действия по предупреждению и преодолению пьянства и алкоголизма; улучшение положения детей и охрана их прав.

Хотелось бы отметить, что, несмотря на законодательное требование разработки демографических программ, практика такой разработки столкнулась с определенными трудностями. Так, между истечением срока действия Государственной программы на 2002–2005 гг. и принятием следующего документа на период до 2010 г. прошло почти 15 месяцев. Также между завершением Национальной программы на 2007–2010 гг. и принятием Национальной программы на 2011–2015 гг., предусмотренной Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 гг., и началом срока ее действия прошло более 7 месяцев. Это свидетельствует о сложности управления демографическими процессами.

Таким образом, в развитии белорусской демографической науки и демографической политики выделяется четыре основных этапа: дореволюционный, довоенный, советский и суверенный. Каждый из них имеет свои специфические особенности, проявляющиеся как в самом демографическом развитии, так и в их научном отражении и осмыслении.

Современная белорусская демографическая мысль внесла существенный вклад в осмысление современных демографических процессов страны, к которым следует отнести:

- выявление мифов в противопоставлении современного демографического развития демографическому прошлому;
- характеристику изменений моделей в семейной сфере и демографических ценностей современной Беларуси;

- анализ депопуляционной демографической спирали на основе сформировавшегося типа воспроизводства населения;
- достаточно высокую точность и обоснованность демографических прогнозов белорусских демографов;
- обоснование концепции демографизации современной социально-экономической политики;
- социологизацию современной науки прежде всего в отношении демографической науки;
- разработку концепции социальной и социально-экономической обусловленности современных демографических процессов;
- выявление инерционных тенденций в развитии демографических процессов Беларуси;
- использование выводов и материалов социолого-демографических исследований в управленческой и законодательской деятельности;
- анализ проблем национальной (прежде всего – социокультурной и демографической) безопасности на основе разрешения социальных, экономических и социокультурных противоречий белорусского общества;
- обоснование важности активной государственной демографической политики в решении современных и перспективных демографических проблем Беларуси.

Современный этап развития белорусской демографии ставит проблемы, требующие решения. Основные факторы современного демографического развития Беларуси (ожидаемая продолжительность жизни, территориальное размещение населения, половая и возрастная структура, показатели естественного движения населения), как отмечает С.А. Шавель, представляются негативными, но и являются факторами социальной напряженности страны [285, с. 208-209]. А через 10–15 лет демографическая ситуация еще более обострится. Ожидаемый дефицит демографического капитала создаст не сравнимую с сегодняшней угрозу национальной безопасности (См.: раздел «Интрональность как отражение тенденций демографических процессов» главы 3). А с учетом повторяемости демографических волн в 2040–2050 гг., если не удастся до 2015 г. преломить негативные демографические тенденции, ожидаемый демографический кризис не сравнится с сегодняшним кризисом. Поэтому важность демографиче-

ских проблем будет в поле внимания общественности, политиков и ученых еще не одно столетие. Это означает, что проблемы демографического развития будут и впредь оставаться в центре социальной политики Республики Беларусь.

Современные негативные демографические тенденции создают самую серьезную угрозу национальной безопасности страны и всему славянскому миру, где демографическое развитие также характеризуется депопуляционными процессами. Тенденция развертывания депопуляционной спирали характеризует социальную, политическую и экономическую обусловленность современных демографических процессов. В этих условиях, во-первых, от ученых требуется демографическая экспертиза важнейших государственных документов, о чем говорил ученым Президент Республики А.Г. Лукашенко на совещании в Национальной академии наук Беларуси 31 марта 2014 г. Во-вторых, встает задача демографического образования не только выпускников географических и социологических специальностей, но и будущих управленцев, экономистов, медиков, философов и др. В-третьих, актуальной остается проблема институционализации демографической науки в Беларуси, включающей создание специализированного демографического института, демографического журнала, выделение места на академическом Олимпе Беларуси для демографов, ибо не секрет, что только ученые с большим именем и статусом могут «пробивать» интересы своей науки.

Демография – это и есть социология.
Огюст Конт.

Глава 3.

Социология демографии

*Знание некоторых принципов легко
возмещает незнание некоторых фактов.*
Клод Гельвеций.

1. Социологические принципы исследования демографических процессов

Социологические принципы в системе научного познания

Выход на глубокий анализ сущности демографических процессов требует не только тонкого демографического инструментария, но и более глубокого и широкого методологического подхода. К сожалению, многие науки, исследующие демографические явления, пытаются "тянуть одеяло на себя", тем самым продолжая тенденцию к их разобщенности, разорванности. Такие глубокие и широкие методологические подходы, на наш взгляд, лежат через выявление общих принципов, характерных для научного познания в целом.

Сущностью процесса познания, прогрессивной тенденцией современной науки стало взаимопроникновение различных подходов исследования, что является существенной особенностью процесса познания и способствует взаимному обогащению, развитию наук [81]. Несомненно, эта тенденция станет ведущей и в нынешнем столетии. Такое многогранное взаимодействие отражают научные принципы, которые движут и развивают научное знание. Системный характер любых явлений, процессов основывается на использовании определенных принципов их функционирования. В исследовании социальных процессов такую методологическую роль выполняют социологические принципы.

Но, как ни парадоксально, теоретический анализ, который прежде всего должен быть прерогативой философской и социологической наук, был взят на вооружение учеными других отраслей. В частности, экономисты проблеме принципов познания всегда уделя-

ли значительное внимание. Характерно, что многие классические работы экономистов содержали термин «principles». У Рикардо «principles» – это начала, у Дж. Ст. Милля – основы или основания (свою первую книгу «Основы политической экономии» сначала печатал под названием «Основания политической экономии»). А. Маршалл также назвал свою работу «Принципы политической экономии», где рассматривал такие из них, как непрерывность, замещение, всеобщность правил. Термин «principles» в русском переводе используют и как принцип, и как начала, и как основу, и как основания, т.е. все они предстают синонимами. И «The Principles of Sociology» Г. Спенсера, начиная с русского перевода 1898 г., для нас – те же основания – «Основания социологии». Отметим и то, что на заре развития научного знания (например, классической экономической теории) первоначальный подход в использовании термина «principles» состоял преимущественно в выявлении первопричин.

Современная наука поиск первопричин уже не ведет. Но тем не менее в современных научных изданиях и учебниках многие отрасли экономической науки исходят из ряда своих основополагающих принципов. В частности, у нас в стране в 2006 г. вышла книга академика Национальной академии наук Беларуси, нынешнего руководителя академии В.Г. Гусакова «Основные объективные законы, закономерности и принципы рыночной экономики», где три главы посвящены: основным принципам развития рыночной экономики (гл. 3); основополагающим принципам коммерческого риска (гл. 4); важнейшим принципам конкуренции (гл. 5) [64].

Принципы науки не выдумываются, не сочиняются, они отражают существование в реальной действительности и в самой науке тех основополагающих подходов познания, которые способствуют процессу проникновения в изучаемые явления и их адекватному отражению. Теоретико-методологические принципы выступают в качестве способа понимания социальной действительности, исходными пунктами объяснения проявляющихся тенденций, познания совокупности социальных фактов, явлений, процессов. При этом они должны создавать возможность для дальнейших открытий. Иными словами, применяя те или иные принципы науки, человек имеет возможность овладеть сущностью социальных явлений и процессов и отразить их.

Еще на заре становления позитивистской философии в целом и социологического знания в частности О. Конт указал на важность

разработки принципов науки. И в противовес, по его мнению, «смутным принципам прежних философских систем» он выделил принципы позитивного характера. Утверждая теоретико-методологическую роль принципов и «отказываясь открывать первопричину», господствовавшую в предшествующие эпохи, О. Конт выделяет принципы относительности, неизменности естественных законов (постоянства физических отношений), неизбежного противоречия «как тайного источника различных преобразований», условий существования в противоположность догмы о первопричинах, а также рационального определения истинной иерархии наук [116].

Эти принципы (а у О. Конта они тождественны и законам) уже в начале научного становления социологии вызвали интерес, обсуждение и споры, что способствовало их развитию. В конце XIX – начале XX века российскими социологами были выдвинуты принципы эволюционизма (теории прогресса), детерминизма и редукционизма. Кроме этого россиянами утверждались принципы индетерминизма, интроспекции и нормативизма. Это становление завершилось осознанием необходимости интеграции социального знания на основе принципа их дополнительности и коммуникации [170, с. 25-28]. В российской науке анализу принципов социологии уделяли внимание социолог П.А. Сорокин и философ С.Л. Франк. Они рассматривали прежде всего формы реализации принципа интеграции социального познания. А немецкий социолог Никлас Луман различным формам принципов дифференциации, интеграции и единства посвятил исследование «Дифференциация» [138].

Питирим Сорокин в США для студентов-выпускников Гарвардского университета читал свой знаменитый курс лекций «Принципы социологии». Он стремился найти «основной принцип (основание, первопричину), который пронизывает все составляющие элементы» культуры, «придает им смысл и значение и тем самым создает единую упорядоченную систему из хаоса разрозненных фрагментов» [114, с. 373-374].

К сожалению, последующее развитие отечественной (русскоязычной) социологии эту проблему принципов социологической науки если не отвергло, то просто проигнорировало. А это значительно обеднило отечественную социологическую науку, что сказывается и поныне на недостаточности социологического теоретико-методологического знания. Так, ни в российских, ни в белорусских

социологических энциклопедиях нет даже упоминания терминов «принципы социологии», «социологические принципы». Нам удалось найти только одну работу – «Энциклопедический словарь по социологии» В.А. Бачинина, где упоминаются принципы противоречия, рационализации и социальной детерминации [19, с. 151-152].

Правда, в белорусской социологической энциклопедии (редактор-составитель – А.А. Грицанов) термин «принцип» упоминается, но с социологией автор статьи С.А. Радионова точек соприкосновения не находит: «Принцип – (начало, основа, происхождение, первопричина) основание некоторой совокупности фактов или знаний, исходный пункт объяснения или руководства к действиям» [257, с. 791]. Это сокращенный вариант статьи, позаимствованной из «Философского энциклопедического словаря» (Москва) общеметодологического плана. В этой энциклопедии (автор – В.И. Овчаренко) принципы (постоянства, производительности, реальности, удовольствия, психической жизни) представлены как основания психической деятельности, т.е. с социологией они не связаны.

Среди белорусских социологов проблему принципов рассматривала С.В. Лапина, но не в общем социолого-теоретическом плане, а в связи с проблемами проведения социологического исследования. В этом аспекте она выделяет принципы моделирования, системности и рефлексии [122]. Кроме того в отношении подходов к проведению социологических исследований используются принципы наблюдаемости, воспроизводимости и повторяемости. Но не в качестве общеметодологических, а в качестве частных подходов.

В научном плане принципы выполняют гносеологическую роль социального познания, исследования социальной действительности в ее целостности. Принцип – это исходное методологическое положение науки, отражающее развертывание процесса познания и основные тенденции в развитии социальной действительности, и представляет совокупность идей, определяющих характер ее функционирования и познания. Это означает, что принципы как исходные положения научного познания отражают: а) реальные процессы социальной действительности, б) развертывание процесса познания этой действительности и в) служат отправным моментом (ориентиром) этого познания. Основополагающие подходы любого познания, во-первых, предполагают возможность сведения принципов науки к меньшему их количеству, во-вторых, открывают возможность боль-

шего диапазона их проявления во всех сферах познания данной науки и, в-третьих, служат ориентиром в деле открытия широких возможностей дальнейшего процесса познания и даже позволяют выходить за пределы этой науки. Только тогда они будут и основополагающими и действительно принципами научного отражения и научного познания.

Такой методологический подход позволяет выделить в современной социологической теории следующие принципы: диалектической взаимосвязи; постоянного развития, изменения; самодетерминированности; биполярности; интеграции и дифференциации; соответствия; дополнительности; относительности; объективности и субъективности; а также рефлексивности. А так как в соответствии с характеристикой О. Конта, что демография – это и есть социология, эти социологические принципы прежде всего характеризуют демографические процессы. Они, с одной стороны, служат методологической основой познания сущности демографических процессов, а в связи с тем, что демографические процессы протекают в соответствии с указанными принципами, с другой стороны, отражают эту их разноплановую сущность.

Наиболее полно и последовательно проблема принципов в социологии рассмотрена Г. Спенсером. В частности, в главе «Законы размножения» его синтетической философии им применительно и к демографическим процессам рассмотрены принципы развития и биполярности [259, с. 130-141]. В главах, посвященных проблемам синтеза, он показывает диалектику принципа соответствия, который отражает процессы соответствия в пространстве и времени («координации соответствия»), а через него: процессов интеграции («возрастания общности соответствия» и «интеграции соответствий») и дифференциации («возрастания специализации соответствия»); объективности и субъективности (Жизни и Духа) [259, с. 165-172], а также относительности.

Принцип единства, диалектической взаимосвязи

Принцип единства, диалектической взаимосвязи явлений, процессов, социальных систем отражает эту их многомерную взаимосвязь. Демографическое развитие находится в системе сложнейших и теснейших взаимосвязей с социально-экономическими, поли-

тическими, культурными, экологическими явлениями, тем самым характеризуя и отражая их органическое единство. И это влияние, взаимосвязь демографического развития с экономикой, экологией, потреблением, перспективами будущего ставятся в центр многих научных концепций.

Именно поэтому проблемы народонаселения, как было отмечено в предыдущих главах, были составными частями философских, социологических и экономических учений. Начиная от Платона и Аристотеля и проходя красной нитью через концепции А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Г. Спенсера, М. Вебера, Й. Шумпетера, П. Сорокина и современной плеяды лауреатов Нобелевской премии по экономике. Наиболее системно, хотя и скандально, этот аспект в мировой экономической и демографической науке отразил Т.Р. Мальтус. В русскоязычной науке XX века впервые связь демографического развития с экономическими, социальными, политическими и моральными проблемами проанализировал Д.И. Менделеев, чья работа «К познанию России» [162], к сожалению, мало известна даже специалистам в области социологии, экономики, демографии и статистики.

Во второй половине XX в. в связи с мировым «демографическим взрывом» эта глубокая связь по заданию Римского клуба была представлена известной концепцией «Пределы роста». В сфере демографического развития принцип единства, диалектической взаимосвязи фиксирует реальность этой многогранной взаимосвязи социальной действительности. Он показывает путь процесса ее познания и демонстрирует возможности более глубокого проникновения в отражении сущности протекающих демографических процессов.

Наиболее знаменитым примером взаимосвязи различных сторон жизни является классическая иллюстрация Ч. Дарвиным зависимости будущего урожая красного клевера от ... демографических процессов по следующей цепочке: возможный урожай красного клевера зависит от численности шмелей, опыляющих этот вид клевера; численность шмелей зависит от количества полевых мышей, разоряющих их норы и гнезда; численность мышей – от проворства кошек, уничтожающих этих грызунов; количество кошек – от числа старых дев, проживающих в окрестных селах, которые в основном и держат кошек; а число старых дев зависит от войн, окончание которых приводит к увеличению числа мужчин, вернувшихся с войн, а значит, и возможному замужеству, т.е. каждое звено в этой цепи предполагает

возможное изменение других звеньев [187, с. 374-375]. В этой взаимосвязи природного мира может таиться и «перспектива» человечества, о которой (по публикации в журнале «Планета», 2011, № 2) предостерегал Альберт Энштейн: «После того как умрет последняя пчела, человечеству останется жить четыре года».

Именно этот социологический принцип анализа логико-методологической рефлексии взглядов экономистов на нобелевском небосклоне показывает, что современная экономическая и социальная мысль развиваются во взаимопроникновении и взаимосвязи различных наук [93]. В частности, в экономической мысли обнаруживается взаимодействие и взаимосвязь экономики и математики, экономики и социологии, экономики и политологии, экономики и морали, экономики и истории, экономики и этнографии, экономики и права, экономики и психологии, экономики и географии и т.д. Более половины лауреатов Нобелевской премии получили признание за свои работы на стыке экономики с другими социально-политическими науками, среди них Г. Мюрдаль и Ф.А. фон Хайек (1974 г.), М. Фридмен (1976 г.), Дж. Мид (1977 г.), Г. Саймон (1978 г.), Р. Стоун (1984 г.), Ф. Модильяни (1985 г.), Дж. Бьюкенен (1986 г.), У. Шарп (1990 г.), Р. Коуз (1991 г.), Г. Беккер (1992 г.), Д. Норт и Р. Фогель (1993 г.), Дж. Нэш и Дж. Харшани (1994 г.), А. Сен (1998 г.), Дж. Стиглиц (2001 г.), В. Смит и Д. Канеман (2002 г.), П. Кругман (2008 г.), К. Симс и Т. Сарджент (2011 г.) и др. [См.: 93]. И демографический аспект в их концепциях занимает не последнее место, а даже, можно сказать, является их сердцевиной.

Принцип постоянного развития и изменения

Все социальные явления, процессы, социальные системы находятся в состоянии непрерывного развития, изменения. И в проводимой выше цепочке связей Ч. Дарвиным предполагается возможное изменение других звеньев. Эту тенденцию отражает прежде всего принцип их постоянного развития и изменения. Демографические процессы на протяжении истории человечества претерпевали серьезные изменения. Так, при аграрном производстве преобладала патриархальная семья, представлявшая не только единый социальный, но и единый экономический механизм. И большое количество в ней поколений и их многочисленность отвечали интересам функционирова-

ния аграрной экономики. Переход от аграрной к индустриальной экономике привел и к изменениям социокультурных основ демографического поведения. Прежняя аграрная экономика поддерживала сельский тип расселения. Индустриальная экономика вызвала рост городов, глобальное доминирование разделения труда. Городская, или индустриальная, экономика, основанная на углубляющемся разделении труда, в патриархальной семье уже не нуждалась. Сущностью современных тенденций развития общества является переход к новой экономике, содержание которой составляет доминирование знаний, что в теории признается, а на практике игнорируется.

И как результат этого современная семья уже не ориентируется на большое количество детей. Это изменение демовоспроизводственных ориентаций характерно не только для западной, но и для восточной (азиатской) семьи. Это изменение демографических ориентаций происходит не только в странах с преобладанием христианской, но и в странах с господством мусульманской религии. Характерно это изменение демовоспроизводственных процессов и для современной славянской семьи.

А это создает объективные экономические и социальные предпосылки преобразования и нынешней индустриальной нукlearной семьи, а следовательно, и современных демографических тенденций. В частности, сегодня наряду с узаконенными семейно-брачными отношениями широкое распространение приобретают гражданские браки, в которых многие исследователи видят будущее семейных отношений. Такую возможность уже «институционировала» первой на постсоветском пространстве белорусская статистика. В частности при проведении первой национальной переписи населения в 1999г. характеристика брачного состояния отражена показателями «нахожусь в зарегистрированном браке» и «нахожусь в незарегистрированном браке».

Принцип самодетерминированности

Принцип самодетерминированности в социологии отражает такие процессы в развитии различных социальных систем, которые проявляются в самовоспроизводстве социальных отношений и которые не просто следуют за изменениями общества, а имеют свою внутреннюю логику развития – сохранение и самопроизводство. В

частности, П. Сорокин социокультурные изменения объяснял принципом имманентного изменения, имеющего в своей основе принцип границ [114, с. 375]. И порожденные кем-то социальные процессы позже развиваются по своим законам и часто случается – даже вопреки желаниям и замыслам тех, кто их инициировал. Этот аспект выражен классической характеристикой Ф. Энгельса, отметившего, что конечные результаты революционных изменений никогда не совпадали с замыслами тех людей, которые их осуществляли, и их плодами пользовались всегда другие. Принцип самодетерминированности отражают и демографические процессы, которые под влиянием последствий двух мировых войн развиваются по своим собственным законам – законам демографических «волн», что позволило лауреату Нобелевской премии по экономике 1971 г. С. Кузнецу выявить чередование 20-летних демографических периодов, получивших в науке название «демографических волн».

Взаимосвязь и интенсивность глобальных, организационных, технологических, культурных, социальных и биологических процессов подрывают, как отмечает М. Кастельс, «упорядоченный жизненный цикл, не заменяя его альтернативной последовательностью», и современное общество «характеризуется уничтожением ритмичности как биологической, так и социальной» [101, с. 414], и это является естественной основой самодетерминированности.

Принцип биполярности

Развитие исходит из наличия разнородности, разнополярности социальных явлений и процессов: мужчина и женщина, родители и дети, научное и ненаучное знание (в частности – наука и религия), новое и старое, прогресс и регресс, город и село, война и мир и т. д. и т. п., что и отражает принцип биполярности, а биполярность выступает источником взаимодействия и прогресса. В результате этого всякое социальное действие имеет сложный диалектический характер, который выражается противоречием двух основных тенденций – интеграции и дифференциации: сотрудничества и соперничества, сплоченности и конфронтации, кооперации и разделения, коллективизма и индивидуализма, стабильности и изменений, прогресса и регресса, упорядоченности и хаоса и других парных явлений. А демографическое развитие на личностном уровне означает реализацию

принципа биполярности – взаимодействия двух полярных и взаимосвязанных гендерных групп (мужской и женской), которые в демографическом развитии (и принцип биполярности не скрывает, а выявляет это) имеют полярные интересы. В общем, как характеризует эту биполярность Ф. Фукуяма: мужчины и женщины по-разному смотрят на физическую близость – «их намерения различны, и один из участников в конце концов обычно остается обманутым».

Именно эту полярность интересов выявляют материалы переписей населения, характеризующие брачное состояние населения. По данным советских переписей 1959, 1970, 1979, 1989 гг. и первой национальной переписи населения Республики Беларусь 1999 г. численность замужних женщин значительно превышала численность женатых мужчин. Так, по материалам последней советской переписи населения (1989 г.) численность замужних женщин в тогдашнем СССР почти на 304 тыс. превышала численность женатых мужчин. В Беларуси по материалам той же переписи населения замужних женщин было на 15,6 тыс. человек больше, чем женатых мужчин. Первая национальная перепись населения (1999 г.) зафиксировала уменьшение этой диспропорции, но тем не менее замужних женщин по сравнению с женатыми мужчинами было на 13,2 тыс. человек больше. Эту диспропорцию в соответствии с принципом биполярности отразила и перепись населения Беларуси 2009 г. – разница между численностью замужних женщин и женатыми мужчинами составила 12,7 тыс. чел. [178; 189].

И социологическая, и демографическая наука, во-первых, выявляют наличие этой биполярности, а, во-вторых, в процессе познания сущности демографических отношений их отражают.

Принцип интеграции и дифференциации

Из принципа биполярности следует, что в своей сущности социальные процессы в соответствующих условиях способны осуществлять взаимный переход (превращаться из одного в другое), т. е. менять свою направленность и их итоговый результат (иногда со знаком плюс или минус). А это означает, что принцип интеграции и дифференциации, характерный для социальной системы, является и ведущим принципом социологии, которому, как центральной формуле анализа необратимого процесса социального развития, уделяли

внимание Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер, Т. Парсонс, Н. Луман и другие социальные ученые.

Так, Н. Луман, посвятивший принципам дифференциации, интеграции и единства труд «Дифференциация», считает дифференциацию основой развития социальной системы, которая «действует принудительно: как увеличение количества зависимостей и независимостей при одновременной спецификации и системно-специфическом контроле», формируя новые частные системы [138, с.11]. Интеграция им рассматривается как «уменьшение ступеней свободы частных систем, и эти степени свободы определяются внешними границами общественной системы и ограниченного тем самым внутреннего окружающего мира этой системы» [138, с.14]. В результате «системы непрерывно интегрируются и дезинтегрируются, вызываясь лишь на мгновения и тотчас вновь высвобождаются для самостоятельных операций подключения» [138, с.16]. И демографические процессы он рассматривает через категории дифференциации и интеграции: взаимосвязь формирования семьи и развития общества, большого роста численности населения и его расселения, сотрудничества и конфликта с соседям, смерти и бездетности, половозрастных асимметрий и брачных правил, стратификации семей, допустимость относительно позднего возраста вступления в брак, допустимость холостого (незамужнего) положения, нейтрализации вмешательства социального неравенства и др. Именно в категориях дифференциации и интеграции Н. Луман иллюстрирует сложившуюся в Западной Европе демографическую ориентацию малодетности: «лишь сравнительно небольшое количество семей может относиться к аристократии (так как в иных случаях недостает ресурсов, а многократное увеличение знати обесценило бы ее)» [138, с. 90]. Формирование любви, как основы современных интимных отношений и заключения брака [138, с. 150, 234], также иллюстрирует процессы дифференциации и интеграции: «в XVIII в. Европа приходит к необычному для остального мира представлению, что только любовь должна играть решающую роль в браке, причем по образцу романов и без каких-либо исключений для аристократии. Только теперь принцип заключения брака – по крайней мере по идее – нейтрализует вмешательство социального расслоения» [138, с. 150].

В свете вышесказанного представляется, что интеграция и дифференциация составляют такие явления, которые в процессе сво-

его внутреннего развития, а также перехода в другое состояние пронизывают все сферы общественной жизни. Скажем, создание новой семейной ячейки, с одной стороны, представляет процесс интеграции – мужчина и женщина создают новую социальную группу – новую семейную ячейку. Но, с другой стороны, это одновременно и дифференциация – создание новой семейной пары означает, что мужчина и женщина «уходят» из прежних семейных ячеек. Они, интегрируясь и дифференцируясь, осуществляют новую интеграцию – объединяют не только двух индивидов, но и несколько семей, откуда происходят. И этот процесс бесконечен.

Принцип соответствия

Принцип соответствия в социологии в целом и для анализа демографических процессов провозгласил Г. Спенсер. Принцип соответствия у него – основной, через него происходит развертывание всей системы принципов. Принцип соответствия означает (и проявляется в том), что то, что хорошо в одно время, в одних условиях, может быть дурно в другое. Другая трактовка принципа соответствия (дополняющая его) гласит: выбор средств соотносится с ситуацией, оценка результата – со средствами, наконец, все вместе – цель, средства, ситуация – должны соотноситься между собой. И рыночные преобразования на постсоветском пространстве, как никакие другие процессы, отражают эти аспекты принципа соответствия (в терминологии М. Вебера – адекватности), показывая неоднозначность западного типа рыночного механизма в разных конкретных социальных условиях.

Несмотря на отсутствие кастовых предрассудков в демографическом поведении, а также многообразии и разнообразии семейных союзов, все же в большинстве своем браки совершаются в пределах своих социальных групп: служащий и служащая (т.е. среди людей, занятых преимущественно умственным трудом), рабочий и рабочая (т.е. среди людей, занятых преимущественно физическим трудом). Гораздо реже наблюдаются браки людей из разных социальных групп. Реже, но существуют, что обусловлено диспропорцией на советском и постсоветском пространстве между мужчинами и женщинами в уровне образования. И гораздо чаще встречается брак, где женщина – служащая, а мужчина – рабочий, нежели наоборот.

Это вызвано тем, что женщин, имеющих более высокий уровень образования, гораздо больше, чем мужчин. Так, в экономике Беларуси удельный вес мужчин, имеющих высшее образование, составляет 20,1%, а женщин – 25,3; удельный вес мужчин, имеющих среднее специальное образование – 16,7, а женщин – 28,2%. И доля женщин среди студентов вузов и колледжей Беларуси колеблется в пределах 60–65%, мужчин – соответственно 35–40%.

Принцип дополнительности

Социология, используя принцип дополнительности, в частности, при рассмотрении главного объекта экономики и социологии, исходит из того, что этот объект не только смитовский «человек экономический», но и, как это отмечал К. Маркс, социальный. Он одновременно и эгоист, и альтруист; и существо рациональное и иррациональное; действующий как независимо, так и в контексте многих социальных переменных; как обладающий определенной информацией, так одновременно и не владеющий ею полностью или действующий в условиях асимметрии информации. Следовательно, эта ситуация предполагает учет принципа дополнительности и в социологии.

Ученые физики, разработчики и сторонники физического принципа дополнительности подчеркивали отсутствие аналогии своей теории с философской традицией. В целом принцип дополнительности исходит из невозможности исключения любых внешних или других воздействий на тот или иной исследуемый процесс. И в физике и в социальной жизни. Исключение какого-либо внешнего фактора является субъективным явлением, зависящим от экспериментатора (исследователя).

Принцип дополнительности означает и то, что одно и то же явление может изучаться различными научными дисциплинами. В отношении демографических проблем так и происходит – они изучаются различными науками (медициной, демографией, статистикой, социологией, экономикой, философией, правовыми науками и т.д.). И даже будучи альтернативными они ведут к целостному восприятию, т.е. в совокупности подходов.

Принцип дополнительности проявляется, как в диалектике, так и научном отражении процессов рождаемости и смертности. Так, низкий уровень рождаемости сказывается на уменьшении доли насе-

ления младших возрастных когорт в общей численности населения и соответствующем относительном росте доли населения старших возрастов. А это ведет к повышению общего коэффициента смертности, ибо в старших возрастных когортах сама смертность выше, чем в младших когортах. Это значит, что рождаемость в отражении уровня смертности является дополняющим явлением, что вписывается в отражение принципом дополнительности демографических процессов.

Интересна и трактовка действия принципа дополнительности в демографическом поведении одного из разработчиков концепции человеческого капитала лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 г. Г.С. Беккера [23], которая более обстоятельно рассматривается в следующей главе. Этот ученый, считающий себя больше социологом, чем экономистом, объясняет, что желание иметь и воспитывать собственных детей определяется взаимодополняемостью (комплементарностью) мужского и женского труда, что обеспечивает достаточно сильный стимул для образования таких союзов.

Принцип относительности

Принцип относительности в социальных науках так же, как и принцип дополнительности, был применен значительно раньше, чем физиками. Напомним в этой связи цитированного нами выше О. Конта. Этот принцип отражает, во-первых, релятивистскую ценность самой социальной науки, все же не способной дать ответы на все возникающие вопросы и проблемы социальной действительности. Во-вторых, он выявляет зависимость ученых и их выводов от их социально-политических взглядов. В-третьих, он предполагает необходимость сопоставления различных явлений и процессов. Относительность социальных явлений и процессов проявляется и в различных их оценках одними и теми же акторами, скажем, в роли родителей и роли детей, в роли женатых (замужних) и роли неженатых (незамужних), в роли имеющих детей и в роли их не имеющих и т.д. Относительность социальных явлений и процессов проявляется и в различии оценок с позиций их одновременных различных социальных ролей – как участников, с одной стороны, и интерпретаторов – с другой. В демографическом аспекте эту относительность иллюстрирует известная история с характеристикой матери супругов своих детей: «Вот у

дочери – муж хороший, каждое утро подает кофе в постель; а сыну не повезло, жена требует, чтобы он ей в постель кофе приносил».

Относительность самой социологии в этом случае состоит в признании приоритета тех или иных социальных механизмов. Современные подходы в социологии стремятся не рассматривать социальные процессы и явления в одной плоскости или в одном цвете, т.е. идет отказ от монистического подхода в науке. Относительность отражает то, что между черным и белым имеется и много оттенков серого цвета, что значительное большинство социальных явлений и процессов вызывают как положительные, так и негативные последствия. К примеру, развитие современного индустриального производства ведет к повышению степени удовлетворения многочисленных потребностей людей, прежде всего материального плана, но при этом одновременно приносит много проблем экологического характера.

Также неодинакова оценка демографических тенденций. Для одних стран (Африки, Азии, Латинской Америки) высокий уровень рождаемости представляет угрозу для социально-экономических перспектив, национальной безопасности. Они же вызывает негативные последствия и в глобальном масштабе. Современные демографические процессы новых независимых постсоветских государств оцениваются также как угроза национальной безопасности. Но в первой группе стран эта обеспокоенность вызывается высоким, неконтролируемым ростом рождаемости. Во второй группе стран (а к ним можно добавить и многие европейские государства) обеспокоенность порождена снижением уровня рождаемости. А это подтверждает относительный характер или одинаковых, или различных демографических процессов. Относительна и их оценка в различные исторические эпохи. Так, тенденции в демографическом развитии получили противоположные оценки Т. Мальтусом и С. Сисмонди, с одной стороны, и Ф. Кэне, К. Марксом, А. Маршаллом, с другой стороны.

Относительны и предложения, связанные со стимулированием рождаемости: например, предложение ввести налоговые льготы для женщин, имеющих детей, непременно вызывает у людей одобрительную реакцию, а предложение обложить дополнительным налогом бездетных женщин вызовет скорее возмущение. А ведь последнее представляет иную формулировку, по сути, первого предложения. Эта их оценка выявляет склонность людей стремиться к *status*

quo, что выражается прежде всего в том, что человеку свойственно расстраиваться от потерь в большей степени, чем испытывать удовлетворение от, казалось бы, равноценных приобретений. Аналогичной будет и ситуация, связанная с пересмотром выплат матерям, имеющим мужей, и матерям-одиночкам.

Принцип объективности и субъективности

Принцип объективности и субъективности отражает реально существующие в социальной действительности материальные и идеальные процессы и явления. Сущность социальных процессов, их направленность и влияние на различные стороны жизни общества и человека невозможно выразить однозначно каким-либо одним и даже комплексом явлений, потому что они одновременно и объективны, и субъективны. Объективны – так как развиваются вне нашего желания, субъективны – поскольку социальные процессы – это совокупные результаты интересов и действий людей [18, с. 5-6]. В этом плане демографические процессы всегда отражают объективные условия существования демографического потенциала, и рано или поздно значительная часть мужского и женского населения начнет выполнять свои репродуктивные роли. Но когда начнет и какие будут ориентиры и результаты – это уже зависит от субъективного поведения. И эти реально существующие противоречия между объективными потребностями государства (о которых ратовали еще Платон и Аристотель) и субъективным поведением граждан служат препятствием в деле реализации демографических программ.

Имеется и другой аспект этого объективно-субъективного противоречия: с одной стороны, научной общественностью и правящими структурами осознана и понята необходимость улучшения демографической ситуации и принятия мер по ее решению. Но, с другой стороны, часто (а для Беларуси это составляет главную проблему в отличие от России с ее большими возможностями использования нефтяного и газового насосов) объективные материальные и финансовые возможности не способствуют их адекватному решению.

Подтверждением объективно-субъективного принципа является преобразование биосоциального характера демографических процессов в социобиологический.

Принцип рефлексивности

И наконец, принцип рефлексивности исходит из существования расхождений между реальными причинами действий индивидов и тем, как они на самом деле логически осмысливают (представляют себе, понимают и объясняют) причины своего поведения. То есть проблема рефлексивности – это проблема восприятия другого. Так, в интерпретации В.В. Леонтьева принцип рефлексивности звучит следующим образом: «Как м-р Джонс оценивает ожидания м-ра Смита касательно возможных действий м-ра Робинсона?» [124, с. 111]. Эта рефлексивность иллюстрируется и В. Парето по поводу различных форм и уровней: обыденных представлений, отношения к авторитету, традициям, табу, мифам, религии, научным и (как их рефлексия) псевдонаучным теориям, политическим доктринам и т. д.

Рефлексивность проявляется в том, что, анализируя демографические процессы, мы часто рассуждаем не о процессах рождаемости, не о процессах миграции, а о представлениях различных людей об этих процессах и оценках этих явлений. Эта рефлексивность проявляется также и в том, что научная общественность, чиновники, политики, разрабатывая демографические концепции и программы, предполагают, что их благие намерения приведут к поставленным целям, что, скажем, потенциальные отцы и матери осознают необходимость улучшения демографической ситуации. Социологические исследования, мониторинг перспективного демографического поведения молодежи, психологии толпы заставляют усомниться в успешности таких мнений политиков, чиновников и ученых. В общем, как заметил когда-то классик, «если бы геометрические аксиомы затрагивали интересы людей, они обязательно опровергались бы».

Эпистемологическая роль социологических принципов

Если оттолкнуться от представленных в обобщенном схематическом виде вышеприведенных принципов социологического знания, то вытекает необходимость отказа от рассмотрения в качестве социального механизма одной (монистической) парадигмы. Соответственно возникает необходимость перехода к анализу социальных процессов с позиций «полипарадигмы» («мультипарадигмы»), объ-

единяющей несколько локальных теорий. Если монистические парадигмы (божественного откровения; «мудрости» законодателя; «невидимой» руки рынка А. Смита; борьбы классов К. Маркса; социокультурных ценностей М. Вебера; «человеческих» отношений Э. Мейо; бессознательных инстинктов и «либидо» З. Фрейда или иная другая) исходят из абсолютизации для одного какого-либо уровня только определенного социального механизма (следовательно, и игнорирования других объяснений), то полипарадигмальный подход не отказывает в праве существования тем или иным подходам. Он исходит из признания их применения для определенных социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей или их определенного уровня. В результате использования такого подхода в социологии видно органическое единство проблемы «новизна и преемственность», способствующее возникновению нового знания и новых ее направлений (аналогичные тенденции идут и в других науках), их признания, влияния на этот процесс многообразия социальных, политических, экономических, психологических и иных факторов.

В связи с этим перед современными социологией и демографией встает задача создания большой теории, основывающейся на принципах и полипарадигмальном подходе. Чего нет в доминирующей в современной науке теории демографического перехода, слабостью которой является монистическое увлечение исключительно соотношением коэффициентов рождаемости и смертности. И ослаблено внимание к социокультурным явлениям и институциональному подходу. Теория демографического перехода не вполне отвечает теоретико-методологическим направлениям современной социальной науки, что процесс познания не может идти вне контекста культуры, истории, нормативности. Не совсем отражает теория демографического перехода и реальности демографического развития, которое в разных группах стран различается именно социокультурными условиями. Отсюда для современной науки вообще и философии, социологии и демографии в частности вытекает, во-первых, необходимость преодоления монистических интерпретаций социальных процессов, а, следовательно, во-вторых, – обоснование полипарадигмального (в терминологии Василия Васильевича Леонтьева – «плюралистического») характера социальных наук.

Аргументация В. Леонтьева означает, что «плюралистический характер какого-либо подхода заключается не в одновременном при-

менении существенно различных типов анализа, а в готовности переходить от одного типа интерпретации к другому. Объяснение такому методологическому эклектизму лежит (и это принципиальный момент наших рассуждений) в ограниченности любого типа объяснений или причинно-следственных связей (я употребляю оба эти понятия как равнозначные). Ни экономический, ни антропологический, ни, скажем, географический анализ не могут при современном состоянии развития соответствующих наук привести к единственно правильно-му утверждению» [124, с. 29]. Причем каждый из этих «столь различных подходов можно запросто отнести к различным уровням вероятности».

Этот важное методологическое положение необходимо учесть при рассмотрении «спора» («конфликта») современных демографических концепций – «универсальной» теории демографического перехода, с одной стороны, и институциональных концепций среднего уровня, с другой (А.Г. Вишневский *versus* М.А. Клупт [52; 108] и А.И. Антонов [8; 9]). В этом плане полипарадигмальный подход предполагает, что нельзя абсолютизировать ни одну из этих концепций. Для отдельных групп стран, в том числе и для постсоветского пространства возможно объяснение демографического развития с учетом национальной и исторической специфики [107]. Вместе с тем в их демографическом развитии можно выделить и тренды, выявляющие их сходство [48], хоть отличающиеся по интенсивности и разбросанные по времени, но склонные к возможности их сравнения.

«Процесс постепенного углубления и расширения экономической теории, – отмечает далее Леонтьев, – естественным образом приводит к ее более плотному контакту со смежными областями знаний. Возникло такое сотрудничество между современной экономикой и технико-экономическими науками, основанное на эффективном разделении труда между ними. Однако пограничные области экономики, соприкасающиеся с другими общественными науками, все еще слабо исследованы, а ее взаимосвязи с ними отмечены не столько активным сотрудничеством, сколько юридическими спорами, в которых каждая сторона выражает притязания на некоторые чужие территории, которыми при наличных на сегодняшний день ресурсах она не может овладеть. Две области научного знания могут активно взаимодействовать только на основе явного концептуального пересечения. Более того, внутренняя практическая значимость пересекаю-

щихся, то есть общих, понятий должна быть доказана независимо в каждой из двух смежных наук. Если эти основополагающие условия не выполняются, работа междисциплинарных комитетов и проведение переговоров только приведут к обмену взаимными притязаниями и упреками» [124, с. 84].

Таким образом, социологические принципы диалектической взаимосвязи, постоянного развития и изменения, самодетерминированности, биполярности, интеграции и дифференциации, соответствия, дополнительности, относительности, объективности и субъективности, а также рефлексивности, во-первых, фиксируют многоаспектный и реальный характер демографических явлений, отражая этот многогранный характер процесса их познания. Во-вторых, они дают логическое обоснование совершаемому в социологической науке переходу от монистического отражения социальной действительности к полипарадигмальному [122, с. 49]. А в отношении демографических концепций они ставят много вопросов перед популярной в демографической науке – монистической теории демографического перехода. Причем последний аспект не является характерным только для одной какой-либо общественной науки или ее отрасли, он наблюдается в каждой из тяготеющих к сотрудничеству социальных наук, отражая реальность объекта социологического познания в проявлении его единства и его диалектической взаимосвязи.

Современный научный анализ социальных процессов основывается на взаимопроникновении различных подходов. И в этом многогранном взаимопроникновении и взаимодействии важная роль принадлежит социологическим принципам познания. Демографические процессы, их познание и отражение в наиболее яркой форме иллюстрирует эпистемологическую роль социологических принципов. В свою очередь анализ демографических процессов через сеть социологических принципов позволяет приблизиться к более адекватному их отражению.

*Ты пишешь мне, что все темно и плохо,
все жалким стало, вянущим и слабым;
Но, друг мой, не в ответе же эпоха
за то, что ты устал ходить по бабам.*
Игорь Губерман.

2. Экстранальность и интрональность демографических процессов

Концепция социомурлата

Это выявление большого ряда взаимосвязей, разнообразия и многогранности последствий этих взаимосвязей и, как следствие – системность, важны при анализе социальных явлений и процессов. Эту системность, сложность и многогранность взаимосвязей социальных процессов отражает концепция социомурлата. Она схематически характеризует структурно-логические связи социальных объектов [91]. На рисунке 1 представлены, во-первых, видимые грани, позволяющие обнаружить и видимые взаимосвязи: а) социальных сфер, б) социальных институтов, в) социальных общностей, г) личности, д) общества и е) их взаимодействие. Эта схема предполагает наличие и невидимых граней тех же социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей, личности и общества. А это значит, что, во-вторых, имеются и невидимые взаимосвязи человека и общества, общества и человека, их взаимопроникновения друг в друга. Это не просто отдельно общество и отдельно человек, это общество в восприятии человека и человек в социальном мире.

Отсюда вытекает, что социальные процессы, включая и демографические, разворачиваются на большом ряде уровней – в более упрощенном варианте: на микроуровне, мезоуровне и макроуровне. Это значит, что демографические процессы, функционирование которых прежде всего связано с таким социальным институтом как брак и семья, в свою очередь связано с взаимодействием совокупности других социальных институтов. Деятельность этих институтов отражается на содержании, ходе и изменении демографических процессов и их основы – института брака и семьи. В свою очередь демографические процессы, которые порождены семейно-брачными отношениями, сказываются на функционировании и развитии большого ряда социальных институтов. Так, развитие системы образования, по

сути, переход на всеобщий характер высшего образования привели к тому, что будущие матери по сравнению с минувшими эпохами сегодня значительно позже создают семьи и обзаводятся детьми. В свою очередь преобладание в высших учебных заведениях женского контингента приводит к гендерным диспропорциям в образовании: сегодня почти треть женщин с высшим образованием не могут “найти” супруга с соответствующим уровнем образования, что в связи с разными культурными ценностями супругов сказывается на функционировании института семьи и брака.

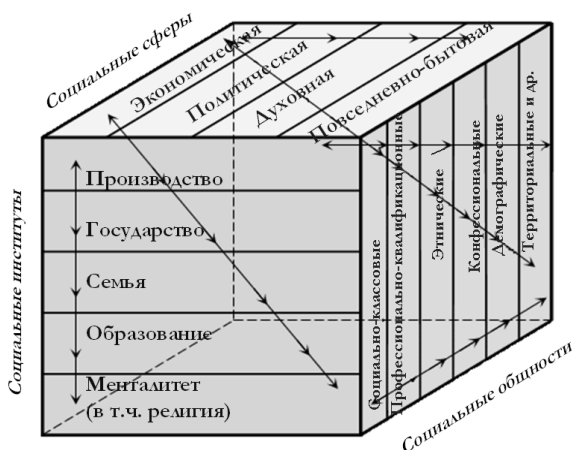

Рисунок 1. Социомурлат, характеризующий структурно–логическую системность и взаимосвязь объектов социологии.

Аналогично мы сталкиваемся и с взаимодействием демографических процессов и функционированием социальных сфер. Экономическая, политическая, духовная и повседневно-бытовая сферы испытывают влияние протекающих демографических процессов. Но это влияние – не одностороннее: функционирование всей гаммы совокупностей социальных сфер в свою очередь проявляется на развитии института брака и семьи, и следовательно в демографических процессах. Особенно ярко это проявляется во взаимодействии демографических процессов с экономической сферой, а в научном плане – во взаимодействии экономической социологии и демографии. Рождение детей, уход за ними, болезни и т.д. ведет к определенным эко-

номическим затратам и предприятий и государства, скрытом нежелании работодателей нести тяготы в отношении тех, кто занимается улучшением демографической ситуации. Это, с одной стороны, но с другой – такие социальные отношения в этой экономической сфере, как свидетельствуют мониторинговые социолого-демографические исследования, проводимые нами уже в течение более 10 лет, не вызывают большого энтузиазма у женщин еще раз уходить в “декрет”.

Эта же система взаимодействия характерна и в отношении демографических процессов и явлений с деятельностью социальных общностей. Здесь их отношения представляют также взаимодействие. Протекающие демографические процессы влияют на деятельность многообразных социальных общностей, функционирование которых в свою очередь сказывается на процессах, относящихся к демографии. Так, уменьшение во многих странах рождаемости среди титульного этноса ведет к изменению этнического и конфессионального состава. Ярким примером является современная этнодемографическая ситуация во многих странах Европы. И чем многие политики в этих странах озабочены. В конце 1980-х – начале 1990-х годов исход славянского населения из многих регионов бывшего Советского Союза привел к напряжению на национальных рынках труда. В частности, в среднеазиатских республиках исход (миграция) славянского населения привел к проблемам обеспечения трудовым потенциалом предприятий легкой промышленности. Женские трудовые ресурсы титульной нации не изъявляли большого желания работать в цехах на предприятиях, скажем, по переработке хлопка, и эти предприятия стали испытывать недостаток не только высококвалифицированных кадров, а вообще – рабочей силы. И т.д. и т.п.

При этом следует отметить, что в ряде случаев эти их взаимоотношения очевидны, но большинство взаимодействий – не всегда очевидно. И концепция социомурлата это отражает. Видимые грани и характеризуют их видимые отношения, причины, следствия и т.д. Но ведь, что видно из схемы, есть и невидимые грани, потому и последствия этих их взаимодействий не сразу обнаруживаются. И здесь можно говорить, как в отношении физических явлений, о темной материи и темной энергии, т.е. более мощном влиянии этих невидимых взаимодействий. И потому перед наукой стоит задача (это огромнейшая по своей трудоемкости и аналитическим возможностям, но прогрессивная по своему эпистемологическому потенциалу) выявить все

эти взаимосвязи демографических процессов с социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями, взаимосвязи которые мы только в первом приближении рассмотрели.

Второй социомурлат (рисунок 2), характеризующий структурно-логическую системность социологической науки, также выполняет эпистемологическую роль, рассматривая развитие демографической науки в системе междисциплинарных исследований, во взаимодействии с другими отраслями научного знания. Он отражает и анализ отдельных демографических процессов (рождаемости, смертности, формирования семьи, миграции), как в общетеоретическом и методологическом уровне демографического знания, так и демографическом методическом анализе.

Рисунок 2. Социомурлат, характеризующий структурно–логическую системность социологической науки.

Таким образом, точно в соответствии с характеристикой Ф. Энгельсом социальных процессов, которые и отражают, представленную в социомурлатах их системность, «имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие» [302, с. 395].

Вторая сторона диалектики явных и латентных функций

Характер и содержание демографических процессов многообразны и разнообразны по своим последствиям. Одни и те же демографические процессы (скажем, один и тот же уровень рождаемости) по разному оцениваются в различных социально-экономических условиях, различных странах. Неодинаковы и оценки их общественностью. Так, в отношении концепции демографического перехода и содержания демографической политики России в российской демографической науке столкнулись позиции, с одной стороны, ученых МГУ и ИСПИ РАН и, с другой стороны, ученых института демографии ВШЭ. У первых то, что коэффициент рождаемости упал ниже уровня простого замещения поколений, вызывает озабоченность и потому надо активно действовать, чтобы преломить негативные тенденции. Вторые исходят фаталистически, считая, все идет своим путем, ничего предпринимать не нужно, видя в этом возможность решить мировые проблемы, порожденные демографическим «взрывом». Неоднозначны и последствия мер демографической политики: с одной стороны, они не всегда приносят желаемые результаты для демографического развития, а с другой, они вызывают не всегда просчитанные последствия для недемографических – других социальных и/или экономических процессов. Также многие процессы, протекающие в недемографической сфере, сказываются и на демографических процессах, причем, эти последствия для демографического развития в большинстве своем – негативные.

В социологической науке для описания характера и содержания социальных институтов используется категория явных и латентных функций. Так, Роберт Мертон, раскрывая сущность теоретического социологического анализа, указал на необходимость «изучения непреднамеренных последствий (к которым относятся и латентные функции) социальных обычаев, а не только изучения ожидаемых последствий (в том числе явных функций)». И именно это, по его мнению, составляет «заметный и главный вклад» функционального анализа социальных процессов, показывающего, что «социальная жизнь не так проста, как кажется сначала» [163, с. 164, 166, 167]. И эти латентные функции – не менее значимы, чем явные функции. Они в

большей степени выявляют в этой взаимосвязи многогранность протекающих процессов.

Это выявление явных и латентных взаимосвязей, многогранности последствий этих взаимосвязей и, как следствие – системности, важны при анализе не только социальных обычаев, но и других социальных процессов, на которых акцентировал внимание Р. Мертон. И говоря о явных и латентных функциях, как неотъемлемого элемента теоретического анализа, Р. Мертон добавляет: «или их эквивалентов» [163, с. 183]. Понятия явных и латентных функций применяются для характеристики сложного характера функционирования социальных **институтов**. Анализ протекания, взаимодействия социальных **процессов и явлений** отражают эквиваленты явных и латентных функций, которые представляют интрональные и экстранальные факторы.

Экстранальность тех или иных социальных процессов проявляется в других и на других социальных явлениях. Интрональные явления вызывают внутренние последующие, вторичные изменения социальных процессов или самодетерминированных этими социальными явлениями. Эти явления экстранального и интронального характера могут быть как позитивными, так и негативными. Этот аспект в отечественной социологии и демографии является менее изученным, хотя любой исследователь в процессе анализа, интерпретации социальных явлений всегда в той или иной степени сталкивается с их многообразными последствиями. Впервые проблема экстранальности и интрональности нами была представлена в 2006 г. в сборнике статей Института социологии НАН Беларуси [94]. Позже в 2012 г. она была развита в сборнике материалов международной демографической конференции МГУ им. М.В. Ломоносова [95]. Эти научные аспекты в белорусской науке попытался развить и Л.А. Гуцаленко [65, с. 10-14], правда, в несколько иной терминологии (экстернальный и интернальный), но суть от этого не меняется.

Сущность, взаимосвязь, взаимопроникновение, неоднозначность и одновременно многосторонность демографических процессов можно отразить концепцией интрональности и экстранальности. Интрональность демографических процессов характеризуется собственно демографическими последствиями, вытекающими из их внутреннего функционирования. Эту их интрональность наиболее популярно отражает концепция демографических «волн» – последствий Великой Отечественной войны. Но уже в ближайшей перспек-

тиве ожидаются и новые, более сильные «волны» демографического кризиса, глубина которого пришлось на середину 1990-х годов. В демографической истории Беларуси в 1997 г. зафиксирована самая низкая за XX столетие рождаемость, даже меньшая по сравнению с периодом Великой Отечественной войны, когда в 1943 г. на белорусских землях сложилась самая низкая рождаемость. И в интрональном плане ждать новых демографических «волн» недолго, особенно имея в виду, что, по сути, происходит наложение отдаленных демографических последствий Великой Отечественной войны и социально-политического и экономического кризиса середины 1990-х годов.

Экстранальность в сравнении с интрональностью представляет более сложный процесс, так как последствия, порожденные явлениями в одной сфере, отражаются в других сферах. Так, с одной стороны, многие социальные процессы, вроде бы не направленные на демографические явления, тем не менее проявляются и в демографических процессах. В прежние времена системы социального обеспечения не существовало и потому рождаемость была выше с надеждой, что дети обеспечат старость родителей. Становление пенсионной системы способствовала обеспечению социальной защищенности лиц старших возрастов, что сказалось и на снижении рождаемости: забота о старших поколениях перекладывалась с детей на государство. А с другой стороны, многие демографические явления вызывают последствия в недемографических (экономических, социальных, технологических, управленческих и иных) процессах. Яркая иллюстрация тому состояние системы образования: низкая рождаемость середины 1990-х годов сказалась сначала на снижении занятости в системе дошкольного образования, потом – школьного, а сегодня, о чем демографы давно и не один раз предупреждали, – и в системе высшего образования.

Социологические опросы в рамках демографического мониторинга выявляют, что, по мнению респондентов, одной из наиболее значимых сегодня причин нежелания иметь больше детей являются финансовые трудности. В процессе воспитания первого ребенка ориентация системы дошкольного воспитания на оказание платных услуг, что от них постоянно требуют исполнительные власти на местах, отбивает желание у родителей обзаводиться еще одним ребенком. Об этом в ходе опросов 2010-2013 гг. заявили от 55,1 до 76,3% респондентов. Родителям сегодня почти за все надо платить – подго-

товка к школе, посещение бассейна, занятия в танцевальных и музыкальных кружках и многое другое. А потом в школе ко многому перечисленному добавляются – плата за дополнительное изучение иностранных языков, факультативы, различные иные инициативы, кружки. Причем, как ни странно, в школах несколько меньшие финансовые затраты, чем в дошкольных учреждениях. И этот рост инвестиционных затрат на воспитание детей (являющимися экстранальными факторами демовоспроизводственных ориентаций) по концепции лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 года Гарри Беккера сказывается на выборе родителями между количеством детей и их «качеством» в пользу второго.

Эта значит, что концепция интрональности и экстранальности отражает системность, сложность и многогранность взаимосвязей социальных процессов, вписывающейся в концепцию социомурлатов, характеризующей многообразные связи социальных объектов, видимые и невидимые взаимосвязи и взаимодействие социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей, личности, общества... [91; 93].

Экстранальность и интрональность как проявление единства и взаимосвязи социальных явлений

Эту взаимосвязь, экстранальность и интрональность явлений во взаимодействии с демографическими процессами в свое время проиллюстрировал Ч. Дарвин (о чем мы уже упоминали) в следующей, казалось бы, странной цепочке: красный клевер – шмели – мыши – кошки – старые девы – возвращение солдат к мирной жизни. Каждое звено в этой цепи предполагает возможное изменение других звеньев. Мир и возвращение солдат к мирным делам с демографических позиций породили, как интрональные, так и экстранальные последствия. В первом случае у девиц появилась возможность выйти замуж и заняться прямыми демографическими делами, т.е. замужество привело к реализации материнских социальных функций. В экстранальном плане – девицы, которые ранее при дефиците мужского населения были «заняты» своими кошками, перестали уделять внимание разведению котов: потому и расплодились мыши, разоряющие гнезда шмелей, в результате чего некому стало опылять этот вид клевера.

В демографическом развитии важны не только количественные аспекты, но и качественные. Происходит пересмотр как мужчинами, так и женщинами прежде всего их главных жизненных ценностей – семейных ценностей. Существует противоречие между желаниями и возможностями женщин по улучшению демографической ситуации, характеризующееся желанием иметь больше детей, чем имеется в их семьях, с одной стороны, и намерением родить и самим фактом рождения, с другой стороны. Имеются проблемы и гендерных отношений в семейно-бытовой сфере. Среди собственно демографических факторов современной демографической ситуации основной тенденцией становится переход от двухдетной к однодетной (в том и в другом случае – малодетной) семье. А это для будущего демографического развития страны ведет к существенным экстра- и интра-нальным последствиям: экстра-нальным – внешним к демографическим явлениям, интра-нальным – для самих, следующей цепочке демографических последствий.

Демографическое поведение индивида не есть только его действие, чтобы он о себе не представлял. Он встречает как действие, так и противодействие, сопротивление со стороны внешней среды, условий жизни, обычаев, традиций, интересов других людей. Это не просто отдельно общество и отдельно человек, это общество в восприятии человека и человек в социальном мире. Французские демографы Ж. Бертильон и А. Сови сделали вывод, что «рождаемость – феномен скорее коллективного, чем индивидуального, характера; здесь большую роль играет настроенность общества в целом, влияние примера» [244, с. 190]. Действие экстра-нальных и интра-нальных факторов протекает в условиях конфликта, конфликта даже в условиях сотрудничества. Причем, эти конфликтные ситуации возникают на основе даже мельчайших разногласий, к примеру, на основе даже просто нечаянного взгляда, брошенного мужем в присутствии жены на другую женщину.

В демографической науке, начиная с Т. Мальтуса, главной стала проблема последствий изменения численности населения – последствий явных или видимых. Экономисты до А. Смита рост мощи страны, нации связывали с увеличением роста численности населения. У Смита богатство страны связывается уже не с ростом численности населения, а с величиной населения, занятого производительным трудом. У Мальтуса – это проблема (несоответствия) темпов

роста численности населения и производства продуктов питания. Это – явные последствия (функции) изменения в демографическом развитии. Но каждое явление вызывает и не всегда те последствия, которые рассчитывают получить. Причем, часто эти последствия еще более значимы, тем более, что они не всегда и просчитываются.

Выполненные на рубеже 1970-х годов прогнозы мирового демографического развития, эти последствия связывают с пределами роста численности населения и ростом антропогенной нагрузки на Планету – это также своеобразная экстранальность. Для Беларуси, столкнувшейся в середине 1990-х годов с тенденцией уменьшения численности населения, в глобальном плане прежде всего стоит проблема национальной безопасности и места Беларуси в современном мире. Будущее демографических процессов заложено не только их современным состоянием, но и тем, какими были демографические тенденции в прошлом.

Именно в плане интрональных и экстранальных процессов рассматривал рост численности населения Т. Мальтус. В интрональном – это геометрический прирост численности населения; в экстранальном – эскалация ухудшения материального положения семей, а значит и роста бедности населения. Интрональный аспект вписывается в концепцию демографических «волн», т.е. определенная тайминговая тенденция роста или падения уровня рождаемости является отражением предшествующей рождаемости. Правда, диапазон длины этой «волны» за последние 60 лет изменился.

В соответствии с концепцией лауреата Нобелевской премии по экономике 1971 года, выходца из Беларуси С. Кузнеця ранее эти «волны» вписывались в 20-летние циклы. Сегодня они в демографии уже представляют циклы с лагом, примерно, в 25 лет. Если в середине XX века белорусские женщины в среднем вступали в брак в возрасте до 20 лет и сразу начинали демовоспроизводство, то ныне средний возраст невесты в первом браке составляет 24,6 года (женихов – 26,7 лет), средний возраст матери при рождении первого ребенка – 25,3 года. Это свидетельство изменения лага этих «волн» в Беларуси. Во многих других странах он уже колеблется в пределах 30 лет.

Но при этом возникают и другие проблемы. Сегодня многие говорят о половой распушенности молодежи, о массовом внебрачном сожительстве. Не будем морализировать, а отметим реальную социологическую проблему. Между половым созреванием (13-14 лет) де-

вушек и их вступлением в Беларуси в первый брак в среднем проходит более 10 лет (а в других странах и более 15 лет). Это накладывает свой отпечаток на социальное сексуальное поведение молодежи. Наивно думать, что после наступления половой зрелости природа в самом активном возрасте будет долго ждать. Это является причиной разрыва между сексуальностью, матримониальным поведением и деторождением.

Н. Луман возникновение этой проблемы связывает с расширением сроков образования молодежи: «сконцентрированная на школах и университетах система образования привела к значительному удлинению времени для молодежи. Молодежь уже давно могла бы вести производительную деятельность и вступать в брак вместо того, чтобы продолжать возиться с обучением в высших учебных заведениях ради улучшения исходной позиции на старте профессиональной карьеры ... Ожидания, предъявляемые к интимным отношениям (с паролем: *брак по любви*), завышаются настолько, что, в конечном счете, чтобы решиться на них, оказываются необходимы особые мотивы, а в последующей семейной жизни возникает значительная потребность в терапии, так что дело часто доходит до разводов и новых поисков» [138, с. 234].

Тем более что этому предшествует уже богатый опыт сексуальной жизни. Так, нами в процессе социологического мониторинга за 2011 год по Государственной программе научных исследований респонденткам был задан вопрос в каком возрасте у них была первая половая связь. Ответы распределились следующим образом: у одной трети (33,4%) она была до 18 лет, у 26,5% – в 18 лет, у 13,9% – в 19 лет, у 10,1% – в 20 лет, у 5,4% – после 20 лет (9,7% на этот вопрос анкеты не ответили). И не все они были связаны с браком. Напомним, что средний возраст белорусских невест в первом браке составляет 24,6 года.

И в этом плане демографическое поведение представляет собой единство и борьбу различных интра- и экстра-личностных социальных процессов, их диалектику, их взаимосвязь.

Интрональность как отражение тенденций демографических процессов

Экстрональность и интрональность демографических процессов отражает, с одной стороны, результат, а с другой, одновременно, – причину ряда современных тенденций. В сочетании с явлениями общественной жизни демографические процессы являются доминирующими, ибо во все времена они давали оценку протекающим изменениям. Они отражают не только тенденции прошлого и настоящего, но и закладывают почву для будущих социально-экономических отношений и демографического развития. В силу определенной инертности сложившаяся структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать направленность демографических процессов. В этой связи преодоление негативных демографических тенденций, если сказать мягко, представляется сложным и длительным процессом, что прежде всего подтверждают данные о сопоставлении ныне имеющегося (25-34 года) и перспективного (0-9 лет) репродуктивного потенциала Республики Беларусь (См.: табл. 1).

Таблица 1. Численность перспективного и имеющегося в Беларуси репродуктивного потенциала, человек

Год	Численность женщин в возрасте, лет (на начало года)						
	0-4	5-9	10-14	15-19	20-24	25-29	30-34
2005	217155	225389	301570	399352	395515	352562	346145
2006	215909	222377	280680	386753	402292	357128	345196
2007	218839	220813	262563	365637	411045	362935	344818
2008	226178	220366	244435	347242	412402	370896	344316
2009	235679	218637	233217	324126	407158	383326	347695
2010	243140	214936	224689	304150	378222	369637	342191
2011	251395	214281	221110	284572	370711	374991	344300
2012	258462	216752	219287	265712	357801	381729	347505
2013	266505	223705	219177	245947	345895	384476	351783

Современную и перспективную рождаемость определяет наличие женщин в соответствующем возрасте. Сравнимая характеристика возрастного потенциала выявляет его перспективное ухудше-

ние. Так, на начало 2013 г. численность возрастной группы 0-4 года составляет 266,5 тыс. чел., а в возрасте 5-9 лет – 223,7 тыс. чел. Даже, если все они останутся в живых и будут проживать в Беларуси, то все равно через 25 лет (цикл демографической «волны») их будет меньше, чем в настоящее время соответственно в возрастах 25-29 лет (384,5 тыс. чел.) и 30-34 года (351,8 тыс. чел.), т.е. на одну треть меньше численности демографических групп, дающих сегодня наибольшую рождаемость. Сейчас рост рождаемости в ближайшей перспективе связан с демографической группой женского пола 10-19 лет, которая уже имеет тенденцию к уменьшению. Это означает, что при сохранении нынешнего уровня рождаемости в соответствующих возрастных группах рождаемость во второй половине 2030-х годов будет ниже, чем в середине 1990-х годов, когда в истории Республики Беларусь была самая низкая рождаемость. Но даже, если бы вдруг коэффициент суммарной рождаемости достиг бы уровня простого замещения поколений (2,14-2,15), то все равно его положительные последствия для роста численности населения Республики Беларусь скажутся только через полстолетия, да и то – на низкой количественной базе.

Падение рождаемости, низкий уровень которой в Беларуси пришлось на период 1997-2002 гг., в 2020-2030 гг. опять вызовет новое падение рождаемости, новую «демографическую яму». Прогнозы, выполненные на длительную перспективу выявляют, что демографическое развитие Беларуси, как в ближайшей, так в среднесрочной и отдаленной перспективе будет осуществляться в депопуляционном инерционном режиме, если не развивать новые стратегические направления демографического развития, связанные с повышением качества населения, сохранении и воспроизводстве его жизненного и трудового потенциала. Важнейшим аспектом является приспособление демографической политики к формирующемуся рыночному механизму.

Так то, что касается количественных интрональных последствий демографических процессов в Беларуси, здесь вопрос ясен. Сложившийся тип демовоспроизводства в перспективе будет отражать инерционные процессы. Гораздо сложнее проблема качественных интрональных последствий. Новые демографические реалии породили еще не осознанные в обществе такие проблемы, как: рост трудовой нагрузки на трудоспособное население, эластичность ос-

новых демографически групп, изменение содержания миграционных процессов, качество демографического потенциала, взаимоотношение поколений и многое другое. Еще П. Сорокин, анализируя последствия войны, констатировал ухудшение качества демографического потенциала – войны уничтожили наиболее здоровое мужское население, а оставшиеся в живых уже давали менее здоровое потомство. Негативный интрональный характер этого ухудшающегося качественного потенциала состоит в том, что родившийся первенец (а если он остается и единственным) окружен заботой системы здравоохранения, которая, выполняя благородную миссию сохранения здоровья, в тоже время сохраняет, а потом и тиражирует это низкое демографическое качество. В прежние столетия только пятая часть родившихся в результате естественного отбора оказывалась живыми и воспроизводило демографический потенциал генетического качества более способного к новому витку естественного отбора. Ныне медицина, фармакология сохраняет к началу репродуктивной деятельности почти 95% родившихся, в том числе и с низкими генетическими качествами. В результате с каждым последующим демографическим витком осуществляется демовоспроизводство не всегда лучшего качества демографического потенциала. Среди демографических последствий войны П. Сорокин выявил, что население «обабилося», т.е. в гендерной (половой) структуре существенно увеличился удельный вес женского населения.

Для значительного ряда регионов Беларуси с учетом их чернобыльской специфики эта специфика проявляется в разных ракурсах. Он для этих территорий несет значительно бóльшие непредсказуемые (и прежде всего в демографическом плане) последствия, чем для других регионов Республики Беларусь. Это связано с оказываемой западными государствами гуманитарной помощью детям, проживающим на территориях, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. Регулярный выезд за постчернобыльский период в различные страны дальнего зарубежья для оздоровления, и знакомство этой белорусской молодежи с западной социальной действительностью является немаловажным социокультурным фактором, влияющим на социальное поведение нового поколения молодежи. С позиций перспектив демографического развития это «оздоровление» стало причиной, что после таких постоянных оздоравливающих поездок за рубеж, а также визита в Беларусь и иностранцев, принимающих детей с «чернобыль-

ских» территорий, многие связывают свое демографическое будущее и трудовую деятельность с Западом.

По результатам мониторинговых социологических исследований, — отмечает академик Е.М. Бабосов, — долг перед Родиной среди почти двух десятков ценностей современной белорусской молодежи стоит на последнем месте. И он замечает «это наводит на размышления» [14, с. 111]. И не только на размышления в деле патриотического воспитания, но и для последствий демографических перспектив Беларуси. В результате в половозрастной структуре международной миграции в последние годы Беларусь столкнулась с отрицательным сальдо среди женского населения в возрастной группе 25-29 лет. А этот значит, что в связи с их оттоком происходит уменьшение в стране потенциальных невест и матерей. Здесь мы сталкиваемся с рядом последствий, во-первых, уменьшается демографический потенциал Беларуси, во-вторых, возрастает трудовая нагрузка на трудоспособное население, а значит — и на социальную сферу, и, в-третьих, идет перекачка демографического потенциала (невест) на Запад. Последнее обстоятельство для демографических процессов Беларуси — интрональное явление, так как повлияет на обострение депопуляционных процессов. Для Запада, который также столкнулся с депопуляционными процессами, это уже экстранальное явление, который свою депопуляцию стремится преодолеть за счет других стран.

Экономика как фактор экстранальности демографических процессов

В сфере экономики демографические последствия связаны с разнообразными процессами: изменением величины занятости, качества трудового потенциала, финансовыми механизмами, экономическими структурными преобразованиями, развитием технологий, моделями развития экономики и многими другими явлениями. Наиболее значимыми последствиями для демографического развития являются качественные и количественные изменения в экономической сфере. Влияние экономики на демографические процессы настолько значимо, разнообразно и многообразно, что в данной работе их можно обозначить только тезисно.

По сравнению с 1990 годом численность занятых в экономике уменьшилась почти на 800 тыс. чел. Особенно значимым последстви-

ем стало сокращение занятости почти на 480 тыс. чел. в промышленности и более чем на 300 тыс. в сельскохозяйственном производстве. Такое снижение размеров занятости населения в Беларуси выполняет разнообразные экстранальные функции в демографическом поведении населения и особенно молодежи. Из-за не востребоваемости экономикой трудового потенциала Беларуси, которая в отдельные периоды прошедшего 25-летия была проблемой для почти миллиона граждан Беларуси (ведь за этот период прирост трудовых ресурсов составил почти четверть млн чел.), породив трудовую миграцию.

Анализируя социальную (и прежде всего демографическую) ориентацию сфер материального и нематериального производства отметим те прогрессивные тенденции, которые происходят в сельскохозяйственном производстве, но с точки зрения демографических последствий они привели к сужению масштабов занятости женщин в сельской местности. Сегодня значительная часть работ в сельском хозяйстве механизирована, переложена на мужчин – трактористов, комбайнеров, шоферов, наладчиков, слесарей-ремонтников и др. Но с точки зрения демографии – итог неутешительный: доля мужчин, в сельской местности не состоящих в браке, превышает аналогичный показатель среди мужчин городской местности. Так, по материалам последней переписи населения Республики Беларусь (2009 г.) доля мужчин, не состоящих в браке в возрасте 25-29 лет, составляет среди горожан – 44,3%, а среди сельчан – 47,7%, в возрасте 30-34 года – соответственно 28,4% и 36,3%, в возрасте 30-34 года – 23,6% и 29,9%, в возрасте 35-39 лет – 20,4% и 28,6% и в возрасте 40-44 года – соответственно 18,4% и 27,8% [192]. Это значит, что для многих мужчин сельской местности стала проблема брака.

Промышленность. В экономическом плане изменившиеся демографические тенденции ведут к переориентации деятельности отраслей экономики. Так, говоря о социальной ориентации легкой промышленности, базирующейся на почти стопроцентном использовании труда женщин, следует признать, что сокращение более, чем в 2 раза занятости в этой отрасли, сказалось на социальном и материальном положении женщин. Так, за период 1990-2012 гг. занятость в швейной и текстильной подотраслях Республики Беларусь сократилась более, чем в 2 раза: с 226,0 тыс. чел. до 100,3 тыс. чел.

Это одна сторона негативного взаимодействия занятости в легкой промышленности и депопуляции. Другая сторона негативного

взаимодействия развития легкой промышленности и демографических процессов связана с громадным падением производства легкой промышленностью детского ассортимента. Так, по сравнению с 1990 годом производство детской одежды, детской обуви сократилось по некоторым позициям в 30 раз (платья для девочек), костюмов и сорочек для мальчиков – более чем 10 раз, обуви – в 7 раз, трикотажных изделий – в 5 раз. Сегодня многие переходят на спортивный стиль одежды, но и здесь падение производства (спортивного трикотажа – составило почти 5-ти кратный показатель, спортивных курток – 13 раз) ничем не обосновано. Ни рождаемость, ни сама численность населения Беларуси в таких масштабах, как номенклатура товаров легкой промышленности, не сокращается.

Такое резкое сокращение производства отечественной промышленностью демографически ориентированного товара негативно сказывается на материальном положении семей, так как детский ассортимент стоит неимоверно дорого. При резком снижении объемов их производства для получения промышленностью своих доходов цены на эти товары стремительно растут. В результате на торговом рынке товаров детского ассортимента продается более дешевая, разнообразная и броская зарубежная продукция, а отечественная промышленность не развивается. Это сокращение демографически ориентированного детского ассортимента нельзя обосновать даже сокращением рождаемости.

В плане экстранальности немаловажным обстоятельством представляется связь демографических тенденций и экономических моделей. Экстранальный характер демографического развития нашего народа прежних столетий способствовал формированию и упрочению коллективистских отношений. Западный тип демовоспроизводства и его правовая система (в частности, принцип наследования – майорат) способствовали формированию индивидуалистических социокультурных ценностей. Этим в значительной мере было обусловлено и различие в уровнях рождаемости многих европейских стран, с одной стороны, и славянских народов – русского, белорусского и украинского народов, с другой. Переход славянских народов постсоветского пространства к однодетной семье противостоит исторически сформировавшим коллективистским социокультурным ценностям и логически ведет к воспитанию индивидуалистов, тому, на чем развивались рыночные ценности. Это значит, что современный («вестер-

низированный») демографический тип в экстранальном плане в какой-то степени будет соответствовать рыночным социокультурным ценностям. В результате современные демографические тенденции восточно-славянского пространства оказывают влияние на изменение ментальных характеристик, а следовательно и на формирование человеческого капитала, соответствующего рыночным отношениям, но подрывающим национальные ментальные ценности.

Современный рынок, который часто отождествляется с одним из важнейших направлений – предпринимательством, в сегодняшних условиях служит возможностью обеспечения занятости населения, тем более, что численность занятых в промышленности Республики Беларусь за период 1990-2012 гг. сократилась почти на 480 тыс. чел. И потому сфера предпринимательства характеризуется более высокой занятостью женщин. И здесь мы сталкиваемся с экстранальным фактором предпринимательства для демографического развития – женщины при выборе между детородной функцией и работой выбирают второе, ибо с позиций социальной защиты активное участие женщины в улучшении демографической ситуации лично для нее порождает ряд социальных рисков. Так, многие молодые матери, занятые в сфере частного предпринимательства, не всегда выдерживают сроки лечения своих детей, отправляя их в детсады и ясли больными, где из-за этих недолечившихся детей, заболевают другие.

Это значит, что исследуя те или иные социально-экономические проблемы, необходимо учитывать – как акцент внимания на одних проблемах откликнется на других. Так, среди ученых, занимающихся гендерной тематикой, акцент делается на проблемах женского труда. Но акцентируя внимание на решении одной (и действительно важной) для женщин проблеме – улучшения условий их труда, по сути, мы имеем дело с уходом от решения демографических проблем. Так, в серьезной работе «Труд женщин и семья» сделан вывод, что в результате «перераспределения домашнего труда между супругами активность отца-мужа в практическом уходе за **ребенком** (выделено нами – А.З.) все более возрастает» [306, с. 94]. Но если осмыслить этот вывод, то оказывается, во-первых, труд женщин помимо перераспределения домашних обязанностей между мужем и женой в семье, ведет к однодетной семье (уход **за ребенком, а не за детьми**). Во-вторых, перераспределение семейных обязанностей в связи с активным вовлечением женщин в общественное производство

оправдывает и возводит в “норму” эту малодетность. И потому позитивное решение гендерных проблем в сфере женской занятости негативно сказывается на демографическом развитии.

Еще раньше социологами было выявлено, что более высокая рождаемость характерна для женщин, занятых тяжелым физическим трудом по сравнению с женщинами, занятыми трудом, не требующим высоких физических нагрузок. Мы не ратуем за ухудшение условий труда женщин-работниц. Речь идет о том, чтобы были не разрозненные меры в той или иной сфере, а проводилась целостная политика, которая бы действительно, а не голословна, ставила в центр всей социальной политики демографическое развитие. Проблема состоит в балансе экономического и социального развития, хотя в условиях нарастающих финансовых проблем, выбор в этом балансе в пользу социального – неимоверно труден. Но не может считаться эффективной политика, которая не учитывает последствия в других сферах и прежде всего последствия в демографической сфере – главной проблеме развития нашего государства в XXI веке, иначе демографические потери и далее неизбежны.

Экстранальность в глобализации демографических процессов

Считается, что основное звено демографического развития страны – это рождаемость, что рост рождаемости должен превышать уровень смертности. И вопросы, связанные с тенденциями естественного движения населения стоят в центре социальной политики. И в Беларуси в этом направлении демовоспроизводства имеются положительные сдвиги, которые отражают действенность демографических программ. В январе-декабре 2013 г. в Республике Беларусь родилось 118,5 тыс. детей, что на 2,6 тыс. (2,2%) больше, чем в 2012 г. Это самый высокий показатель за последние 20 лет. Но тем не менее в динамике численности населения по итогам переписей населения наблюдается растущая тенденция постоянного сокращения общей численности населения страны.

Национальная текущая статистика уже в течение четверти века приводит успокаивающую тенденцию положительного сальдо миграции. Но как только проходит очередная перепись населения миграционная картина постскрипtum за межпереписные годы резко ме-

няется. Известна динамика изменения численности населения Республики Беларусь по материалам переписей. Так, по материалам последней советской переписи населения 1989 г. численность населения составила 10151,8 тыс. чел. По результатам первой национальной переписи населения 1999 г. она сократилась до 10045,2 тыс. чел. Правда, в промежутке между ними (на начало 1994 г.) численность населения Республики Беларусь достигла самой высокой за всю свою историю величины. Статистика сначала на этот период указывала численность населения в 10367,5 тыс. чел., а потом скорректировала до 10243,5 тыс. чел. По переписи 2009 г. численность населения Республики Беларусь была зафиксирована в 9503,8 тыс. чел. Это значит, что за период между тремя переписями населения сокращение численности составило – соответственно 106,6 тыс. чел. и 541,4 тыс. чел., т.е. за последний межпереписной период это сокращение было в 5 раз большим, чем за предыдущие межпереписные годы.

Но, если за период 1989-1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, то за период 1999-2008 гг. – 58,1 и 41,9%. За последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь выросло почти в 5 раз по сравнению с предшествующим десятилетием, в т.ч. за счет естественной убыли – в 3,8 раза, а счет миграционных потерь – в 8,8 раза. Это свидетельствует о значительном влиянии и росте влияния на демографическое развитие Беларуси миграционных процессов, чего большинство аналитиков не замечает. Перепись населения выявила, что Беларусь имеет постоянную миграционную убыль населения, а не прирост. Хотя по отдельным этносам Республика Беларусь имеет небольшой прирост, а свой этнос теряет.

В Беларуси за период между переписями населения 1989-1999 годов наибольший этнический прирост приходится на армян (более чем в 2 раза). За период между переписями населения 1999-2009 годов наибольший рост в численности населения Республики Беларусь пришелся на китайцев (в 21,9 раза), турок (осман) – в 13,4 раза, туркменов (в 2,9 раза), арабов (в 2,7 раза). Увеличилась численность вьетнамцев и других неславянских этносов. Хотя их величина не столь велика (в Беларуси по переписи населения численность китайцев составила – 1642 чел., арабов – 1330 чел., вьетнамцев – 588 чел., турок – 469 чел.), но тенденция – это тенденция [178; 190]. Последствия этого

роста проявляются в преобладании на рынках, как часто принято говорить, «лиц кавказской и среднеазиатской национальностей», т.е. представителей неславянских общностей.

Хорошо это или плохо – судить не будем. Но заметим, что в последнее время во многих странах растет озабоченность ростом этнической миграции и изменением этнической структуры. К последствиям такой изменившейся демографической ситуации прежде всего ярким примером является Косово. Эта ситуация вполне реальна и для некоторых регионов России – Ставропольского и Краснодарского краям, где очень высок удельный вес (который к тому же постоянно растет) чеченцев и армян. Эту ситуацию в ментальных различиях даже одного этноса отражают и современные социально-политические процессы во многих регионах Украины. В Беларуси в связи с малым удельным весом неславянских этносов большой озабоченности нет. Но в качестве политической этнической особенности демографической ситуации служит ситуация на Гродненщине, где существенно высок (21,5%) удельный вес в населении коренных для области этнических поляков. Так, в Вороновском районе удельный вес поляков в этнической структуре составляет 80,8%, Щучинском – 46,4%, Лидском – 35,3%, Гродненском – 33,6% и г. Гродно – 19,7%. Хотя это наше коренное население, но тем не менее экстранальность в политической сфере – налицо. Речь идет о деятельности союза поляков в Беларуси и отношении некоторых политических кругов Польши к изменениям в составе руководства белорусского союза поляков. И не хотелось бы, чтобы эту ситуацию некоторые политические круги использовали как предлог для роста миграции.

Но наибольшую озабоченность сегодня для Беларуси в демографическом развитии вызывают последствия трудовой (сначала казавшейся временной) миграции, породившие в последнее десятилетие значительное сокращение численности населения в Республике Беларусь. Для этого вида миграции характерны последствия двойственного характера. Трудовая миграция позволяет обеспечить этому белорусскому населению источники средств существования, а казне привлечь в экономику страны валюту. Такая миграция позволяет Беларуси считаться страной с самым низким в Европе уровнем безработицы. Но эта трудовая миграция имеет и негативные демографические последствия. Так, в восточных (Витебской, Могилевской и Гомельской) областях Беларуси, где наибольший уровень трудовой ми-

грации в российском направлении, и самый высокий уровень внебрачной рождаемости. В итоге трудовая миграция превращается в безвозвратную миграцию.

Это значительно увеличило и прямые демографические потери. Часть этих трудовых мигрантов (а это наиболее активная и в репродуктивном плане группа) вступают в незарегистрированный брак в России. Это чревато распадом семей в Беларуси, ограничением рождаемости и, как итог, наличием реальной потенциальной угрозы уменьшения численности населения Беларуси. Тем более, что проводимая в России миграционная политика рассматривает русскоязычное население новых независимых постсоветских государств, как важнейший демографический источник.

К сожалению, в Беларуси еще не осознаны влияние и возрастающая роль миграции на депопуляционные процессы страны. Не до конца выясненными являются и причины такого состояния демографических процессов. Постоянная корректировка рядов динамики численности населения после очередных переписей не способствует получению истинной информации о демографических процессах. А наоборот, откорректированные данные межпереписного периода пытаются использовать в качестве доказательств позитивной роли демографических программ. Так, разработчики Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 годы констатируют, что реализация предыдущей программы – Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007-2010 годы позволила обеспечить замедление темпов сокращения численности населения и обеспечить в 2010 г. положительное сальдо внешней миграции в 10,3 тыс. чел., что, мягко говоря, такое сравнение – некорректно.

Всего в России трудовые мигранты из Беларуси составляют, как минимум, не менее полумиллиона человек (хотя есть и разночтения). Это позволяет белорусскому населению решать сложные проблемы на рынке труда, возникшие в самой Беларуси, а также зарабатывать валюту для страны.

В демографическом плане сегодняшняя ситуация с белорусскими трудовыми мигрантами в геополитическом плане вызывает большую озабоченность. Она стала полем сражения за демографический потенциал. Россия в связи с демографической депопуляцией взяла курс на привлечение в страну этнически близкого к русскому

этносу населения. И белорусы для России являются наиболее приемлемым миграционным материалом. Из Беларуси выезжают более квалифицированные кадры, чем в нее въезжают, т.е. в борьбе на рынке труда за квалифицированный трудовой и активный репродуктивных потенциал Беларусь проигрывает. Уезжают в основном молодые, работоспособные и перспективные в репродуктивном плане люди. Прежде всего – это высококвалифицированные кадры, которые ищут работу, соответствующую их уровню знаний.

Здесь национальные демографические интересы Беларуси и национальные интересы России не совпадают. В современном глобализированном мире очень многое, если не все взаимосвязано. Особенно эта взаимосвязь и зависимость касается соседствующих государств. А для Беларуси это важно в отношении тех проблем, которые являются первостепенными для России, прежде всего в области демографии. Ибо то, что происходит в России, отражается и на процессах, протекающих в Беларуси. Именно эта взаимосвязь отражена в декабрьском (2012 г.) Послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации. Характерно, что демографический аспект был главным в этом Послании В. Путина, заявившему недвусмысленно: «Ужесточается конкуренция за ресурсы. Причем, хочу ... подчеркнуть: не только за металлы, нефть и газ, а прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект». Мы подчеркнем: во-первых, за человеческие ресурсы, во-вторых, за интеллект и только потом – за металлы, нефть и газ.

Этим Россия предоставляет возможность снизить остроту с занятостью, обеспечить Беларуси самый низкий уровень безработицы на просторах бывшего СССР. Трудовая миграция обеспечивает приток иностранной валюты в Беларусь. Одновременно белорусские трудовые мигранты удовлетворяют потребность российского рынка труда. В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусы в России являются экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданство: пока им там лучше и больше зарабатывают. Тем более, что по менталитету, социокультурным ценностям эти белорусы ничем существенно не отличаются от русских. Многие из них имеют два паспорта – гражданина Беларуси и гражданина России, что сказывается негативно на демографических процессах Беларуси. Это ставит перед Беларусью заботу

сохранения своего демографического потенциала первостепенной. Ибо, как показывает исторический опыт многих стран и Беларуси начала XX века в том числе, примерно 60% трудовых мигрантов (а это наиболее активная и в репродуктивном плане) в итоге обживают-ся в принимающей стране.

Среди возвращающихся преобладающими являются трудовые мигранты, результаты деятельности которых в принимающей стране были менее успешными. А те граждане Беларуси, чьи результаты за рубежом были более успешны, как правило, в Беларусь на постоянное место жительства не возвращаются, улучшая, как ушедший из жизни Руслан Салей, демографическую ситуацию других стран. Подтверждению этому являются и судьбы выдающихся спортсменов Беларуси, именами которых наша страна гордится: Ольга Корбут, Виталий Щербо, Екатерина Карстен, Сергей Алейников, Виталий Кутузов, Михаил Грабовский, Виктория Азаренко и многие другие. Кто-то из них обустроил свою личную жизнь в другой стране, а те, которые еще считаются гражданами Беларуси, держат свои доходы на банковских счетах за рубежом. В этой связи можно напомнить о ситуации, когда Минфин развернул «атаку», кончившуюся для Минфина безрезультатно, на семейство теннисистов Мирных и Александра Волчкова, требуя платить в белорусскую казну налоги с их доходов на Западе. И валютные поступления идут от рядовых трудовых мигрантов, они хоть наличными, но привозят в страну валюту, а вот от работающих за рубежом высокооплачиваемых граждан Беларуси финансовый бюджет почти не пополняется. А в ряде случаев за их участие в тех или иных соревнованиях белорусский бюджет еще несет и расходы.

Проблема белорусской миграции на рынке труда в России в самой Беларуси стоит остро. В связи с тем, что много белорусов работает особенно в сфере строительства в России, на самом высоком уровне в Беларуси исходят из того, если белорусам выгодно трудиться в России – пусть трудятся. Но при этом предлагается, чтобы их семьи по другим, более высоким шкалам платили коммунальные услуги. Услуги здравоохранения, учеба и др. для их родственников должны быть только платные. Т.е. в отношении этой группы населения получается противоречивая картина: они считаются не безработными, а не работающими. И финансовые органы сегодня заняты поисками возможностей собирать налог с этой группы населения. И

забота о сохранении демографического потенциала Беларуси вступает в противоречие с финансовыми интересами. К сожалению, сиюминутные финансовые интересы перевешивают стратегические демографические интересы.

В противовес этой ограничительной и по сути дела запретительной стратегии в России в 2011 г. принят закон о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей. Этим законом предусмотрена иная стратегия – со значительными преференциями для мигрантов и членов их семей из стран – членов Таможенного союза, ориентируясь прежде всего на славянское население из Беларуси. Россия в белорусских трудовых мигрантах видит возможность их перевода из трудовых мигрантов в постоянных жителей, граждан России. Именно в этом Президент России видит результат конкуренции за человеческие ресурсы, за интеллект: «Россия нуждается в притоке новых сил ... Нуждается в умных, образованных, трудолюбивых людях, которые не просто хотят здесь подработать и уехать, а хотят переехать, обосноваться в России и считают Россию своей родиной».

Демография Беларуси в отражении экономики знаний

Так совпало, что после этого заявления В.В. Путина – на следующий день в белорусской и российской прессе был опубликован бравурный материал, характеризующий эффективность деятельности Союза России и Беларуси на примере смоленских вузов (СБ, 2012, 13 декабря). На наш взгляд, он показывает эффективность России в борьбе за человеческие ресурсы, за интеллект и наши негативные демографические последствия в сфере подготовки кадров экономики знаний. Так. В Смоленской государственной академии физической культуры учатся 324 белорусских студента из Витебской и Могилевской областей, 90% из которых учатся на бюджетной основе. В Смоленском государственном университете учатся 225 белорусских студентов по специальностям экономика, управление, психология, юристы, по информации и т.д. Причем, большинство из них в России также учатся за счет российского бюджета, естественно, получая при этом и стипендию.

Наши ограничения последних лет для абитуриентов, объясняемые необходимостью борьбы за качество подготовки специалистов (что само по себе, конечно, важно), привели к сокращению контин-

гента студентов. Конечно, в значительной части это и следствие того падения рождаемости, которое пришлось на конец 1990-х годов. И это падение уже начало порождать новые проблемы для высшей школы – прежде всего это проблемы комплектования контингента студентов, а также будущего в Беларуси для профессорско-преподавательского состава. Особенно это сказалось на сокращении численности педагогов, детских врачей, занятости в детских дошкольных учреждениях, школах, вузов, что характеризуют экстра-нальность демографических процессов. Эти проблемы, как минимум, в течение нынешнего десятилетия обострят еще больше проблемы комплектования контингента студентов.

Подобная проблема в нашей истории (в начале 1960-х годов) уже имела место, но тогда, чтобы не сократить занятость в средней школе, государство срочно перешло с 10-ти летнего среднего образования на 11-ти летнее. Для обеспечения экстенсивно развивающейся экономики и комплектования вооруженных сил были изменены и правила поступления в вузы. Когда же к выпуску подошли школьники рождения 1948-1949 годов, школа опять вернулась к 10-ти летнему среднему образованию, а в высшей школе были отменены ограничения по поступлению в вузы.

Ныне не нашлось ничего лучшего, как, с одной стороны, увеличить учебную нагрузку как в средней, так в среднеспециальной и высшей школе, а с другой – повысить требования к поступлению в вузы, т.е., по сути дела, ограничить прием в вузы, создав почву для роста миграции профессорско-преподавательского состава. Эти миграционные последствия породила и политика оптимизации занятости. Не буду затрагивать действительно насущные проблемы системы образования, ряд которых отражен в наилучшей и честной за последние годы публикации в журнале «Социология» [182], а вернусь к демографическим последствиям особенностей белорусской модели подготовки кадров для экономики знаний, влияющей на еще больший рост миграции молодежи, а значит и рост демографических потерь Беларуси. Уже приводимая публикация в отношении величины студентов из Беларуси в смоленских вузах свидетельствует об этом. Причем, в той же публикации ректор Смоленского государственного университета отмечает, во-первых, более высокий уровень подготовки этих белорусов, которые у нас из-за недобора нижних пороговых значений тестового балла оказались за порогами белорусских вузов,

но поступили в российские вузы. Во-вторых, он информирует нас о наших демографических потерях: самые успевающие студенты там поступают в аспирантуру и магистратуру, продолжают работать в СГУ уже преподавателями. А большинство других остаются трудиться в российской экономике, в т.ч. и по экономическим, управленческим, психологическим и юридическим специальностям, по которым набор в Беларуси сокращается.

Мы не имеем точных данных, сколько же «пролетевших» возможных абитуриентов по ограничительным мерам выбрали другие страны для получения высшего образования. Но многие факты личных наблюдений, а также появление массы объявлений из России, Украины, Литвы, Латвии, Польши, Чехии и других стран в интернет ресурсах, позволяют предположить – достаточно. Эти данные всплывут нескоро – после очередной переписи, когда мы будем сравнивать динамику изменения возрастной структуры. И когда уже будет трудно что-то изменить.

Президентом Республики Беларусь на последнем совещании по проблемам вступительных экзаменов был заострен вопрос о более разумном подходе к уровню проходного балла при наборе студентов по отдельным специальностям. Это верный подход, но на него кроме всего прочего, на наш взгляд, нужно смотреть и с позиций демографических. В советские времена, а также в первые годы развития национальной системы образования, когда существовали большие конкурсы, половая структура белорусского студенчества была в пропорции: женщин и мужчин – соответственно 65%:35%. Когда планки баллов по ЦТ были минимальными, за период 2007-2012 гг. это соотношение выросло, став соответственно 59-60%:41-40%. Хотя и это диспропорция, но разрыв несколько сократился. Вступительная кампания 2013-2014 учебного года дало это соотношение уже соответственно 62%:38%. Это означает, что не каждой женщине с высшим образованием находится муж с соответствующим уровнем образования. В результате в почти трети семей существуют проблемы совместимости ценностных ориентаций, жизненных интересов и жизненного поведения, что не только грозит, но и является причиной многих разводов.

Поэтому в демографических интересах и прежде всего в интересах женщин должен быть и разумный демографически подход при определении минимальных баллов по ЦТ для поступления в ву-

зы. Дело в том, что в среднем оценки за среднюю школу и баллы по ЦТ у девочек выше, чем у парней, что отражает особенности биологического развития девочек (девушек, женщин), с одной стороны, и мальчиков (юношей, мужчин), с другой. Прежде всего это проявляется в более высокой смертности среди мальчиков по сравнению с детской смертностью девочек. И физиологическое, умственное развитие девочек и девушек в младших возрастах в среднем опережает развитие мальчиков и юношей. Потом опять же в среднем развитие парней идет более быстрыми темпами и на рубеже после 24 лет по общим параметрам их уровень сближается, а потом и опережает. Но эти особенности Министерством образования при разработке правил поступлений в вузы не учитываются и тем самым происходит экстраординарное обострение демографических проблем.

Многие вузы Беларуси, России и Украины, решая сегодня проблемы комплектования контингента студентов, ориентируются на увеличение учебной миграции, т.е. привлечения иностранных студентов из стран постсоветского пространства. С позиций предшествующего демографического развития такая ориентация позволяет вузам временно выжить. Но она порождает и проблемы. Многие такие студенты (в 1960-1970-е годы это уже было, когда в Беларуси училось много кубинских студентов) вступают в сексуальную связь с белорусскими студентками, появляются дети. В лучшем случае для этих белорусских студенток, они выходят за них замуж. Но в демографическом плане такие межнациональные браки (или внебрачная рождаемость от них) ведут к изменениям в национальной структуре Беларуси, демонстрируя новое качество демографических процессов. Но при этом преимущественно в сексуальные (а в лучшем случае и брачные) отношения вступают, с одной стороны, мужчины из этих (учебных) мигрантов, а с другой стороны, женщины титульных (или славянских) наций. И редко (а в вузах Беларуси таких фактов не выявлено), когда в эти отношения вступают, с одной стороны, женщины из (учебных) мигрантов и, с другой стороны, – мужчины представители титульных (или славянских) этносов. И такая односторонность во многих случаях порождает конфликтные ситуации. И не учитывать такие процессы, по мнению Ю.М. Бубнова, «политически опрометчиво и недальновидно» [38, с. 92]. Наверное, поэтому отечественным вузам Министерство образования Республики Беларусь на май-

ском совете ректоров прошлого года рекомендовало не допускать превышения 10-ти процентного приема иностранных студентов.

В свое время М.В. Довнар-Запольский зафиксировал на рубеже XIX–XX вв. «утечку мозгов» белорусского этноса. Эта «утечка» им объясняется преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев, что является отражением действия интрональных и экстранальных факторов. Именно этим, по его мнению, объясняется отток высокообразованных этнических белорусов из Беларуси, которым преобладающие в экономической сфере этносы в городах Беларуси ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал на Родине (См. раздел «Этнография дореволюционной Беларуси в главе 2). Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до 1917 г. в городской местности белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе.

Индивидуальное демографическое поведение в отражении микросоциологического и макросоциологического подходов

Концепция интрональности и экстранальности демографических процессов показывает их сложность и одновременно сложность решения демографической проблемы. Почти невозможно, даже используя модифицированные модели лауреата Нобелевской премии по экономике 1973 года В.В. Леонтьева балансовых расчетов («затраты–выпуск») или более полных моделей другого лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 года Г. Мюрдаля [172, с. 726] просчитать последствия изменения той или иной модели демографического развития. И то, что демографы в этой связи рассчитывают не один, а несколько вариантов демографического прогноза (в частности, в Беларуси Л.П. Шахотко представлено шесть различных сценариев демографического развития Беларуси [289], также свидетельство роли экстранальности и интрональности демографических процессов. Дело в том, что при первом рассмотрении можно выявить только некоторые их ближайшие, а тем более отдаленные последствия – не всегда просчитываются.

Таким образом, анализ экстранальности и интрональности современных демографических процессов выявляет: а) значительные сложности и неоднозначность современных демографических про-

цессов, изменений в семейных отношениях и ценностях; б) необходимость поиска в изменившихся условиях новых путей проведения активной демографической политики на всех уровнях. Анализ социальных явлений и процессов требует учета их сложной взаимосвязи. Эта взаимосвязь отражает один из основных принципов познания – принцип единства, диалектической взаимосвязи явлений, процессов, социальных систем. Эта взаимосвязь (взаимодействие) внутренне присуща социальной действительности. Естественно, наука отражает эту их многомерную взаимосвязь. Этот принцип проявляется в том, что демографическое развитие находится в теснейшей взаимосвязи и зависимости с социально-экономическими, политическими, культурными, экологическими явлениями, тем самым, характеризуя и отражая их органическое единство. С позиций демографического развития это их органическое единство, диалектика, взаимосвязь проявляется не только в национальных рамках, но и в глобальном масштабе, не только в самих демографических процессах, но и вне их. И в результате это их органическое единство, взаимосвязь представляют собой диалектику экстранальности и интрональности.

В научном плане в этой связи анализ процессов демографического развития исходит из необходимости постоянного расширения поля исследования, взаимосвязи демографических явлений и процессов с другими социальными явлениями и последствиями – фактора глобализации социально-экономических процессов, этноконфессиональных особенностей, гендерных отношений, взаимосвязи региональных и национальных демографических проблем в деле обеспечения национальной безопасности, экономического роста, устойчивого развития общества.

А это означает, что невозможно отделить демографические процессы от других социальных взаимосвязей: влияния рождаемости, смертности, миграции на другие стороны демографических процессов, а также влияние рождаемости, смертности, миграции на другие социальные процессы и взаимосвязи, как и влияние этих других социальных процессов на демографические ориентации, в частности – на брачность, рождаемость, смертность, миграцию. И интерпретация демографических процессов концепцией диалектики экстранальности и интрональности означает требование согласованности экономических, политических и социальных теоретических положений, тесно связанных с совокупностью современной демографической ре-

альности, государственной демографической политики и глобальными демографическими, социально-экономическими и социально-политическими явлениями и процессами.

Обращение социологии к демографическим аспектам развития общества способствует и повышению престижа самой социологии и ее теоретическому обогащению. Концепция «чистой» демографии или «чистой» социологии в современной науке – бесперспективны.

Индивидуальное демографическое поведение – это явление не столько микросоциологическое, сколько в итоге оно явление макро-социологическое. В макросоциологическом плане его следует рассматривать как ответственность личности за существование своей нации, своего народа, своей страны. И если личность осуществляет демографическое поведение направленное на безграничное расширение этой ответственности, отвечающее интересам своей страны, то страна реализацию этой ответственности должна поощрять.

Законы и теоремы науки должны быть сформулированы в понятиях, верифицируемых конкретными фактами. И взаимодействие внутренних и внешних процессов в демографическом развитии, основывающихся на этих реальных фактах, позволяет сформулировать теорему демографической экстранальности: **характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами.** И их роль и значение в силу тенденций взаимосвязи социальных процессов в демографическом развитии неуклонно возрастает. В целом этот подход похож на научное открытие в физике, за которое в этой области в 2011 году была присуждена Нобелевская премия. Это открытие выявило, что роль известных частиц (эту часть мы бы назвали интрональной) в развитии Вселенной очень незначительна. Большая роль принадлежит темной материи и особенно темной энергии, которые в физическом открытии представляют экстранальный фактор развития Вселенной.

Демографическая политика становится в центр пересечения интересов личности и общества, глобальных и повседневно-бытовых процессов, национальных забот и интересов других государств, экономики и семьи, социальной и биологической природы человека, истории и современности, сегодняшних проблем и перспектив развития, менталитета и псевдоправ человека, финансовых трудностей и

романтики отношений, отношений мужчин и женщин, возможностей и обязанностей, счастья и физических мук и терзаний... И маленькая точка в этом пересечении – семья, основа демографического развития, на которую направлены и созидательные и разрушительные силы. Семья в системе человечества, как наша Планета в масштабах Вселенной – маленькая точка. И она также подвержена влиянию разнообразных сил.

Каковы в этой связи могут быть направления демографической политики?

Известный канадский ученый, бывший Президент Демографической Ассоциации Канады А.И. Романюк, на наш взгляд, предложил пока сложно воспринимаемый рецепт, но к нему рано или поздно странам, развивающимся в условиях устоявшейся депопуляции, придется обратиться. В условиях разрыва связи между браком, сексуальностью и деторождением, с одной стороны, а также разрыва связи между экономикой и семьей, с другой стороны, он считает необходимым «превращение материнства в притягательную для женщин профессию. Функции матери должны быть одновременно весьма уважаемыми и щедро вознаграждаемыми. Ее статус должен быть таким же важным, как статус, к примеру, профессора, мэра или летчика, и включать соответствующую заработную плату». И он считает, что «самая большая трудность, связанная с проектом материнства, лежит не в области финансирования, а в сфере ценностных ориентаций» [218, с. 77]. Это должно быть в условиях депопуляции стратегией демографической политики.

Сложившийся депопуляционный инерционный тип демовоспроизводства можно оценивать трагически. И с геополитических позиций здесь много негативных проблем. Но, если такое уж и произошло, то стоило бы во внутренней политике его использовать, как огромный шанс решить проблемы, на которые при экстенсивном развитии у нас не было возможностей. С позиций социокультурного и инновационного развития человеческого потенциала имеется в виду возможность переноса акцента с количественных на качественные стороны развития демографического потенциала:

- повышения образовательного уровня населения соответствующего требованиям экономики знаний;
- продления активной (и прежде всего – трудовой) жизни людей;

- приведения характера и содержания труда в соответствии с требованиями перспектив экономики знаний;
- более активного проведения социальной политики (качественного развития системы образования, осуществления более высокого уровня социальной защиты населения, качественного развития сети здравоохранения, культурного и бытового обслуживания населения и др.);
- переноса пронаталистской демографической политики с нынешних мер кратковременного характера с их ориентаций на долгосрочный период.

Исторический опыт свидетельствует, что наиболее позитивные результаты приносит политика, рассчитанная на длительную перспективу. Так, уже у спартанцев существовал закон об освобождении отца трех сыновей от военной службы, а отца четверых сыновей – от всех повинностей. Освобождались навечно от налогов многодетные семьи в Испании, когда эта страна столкнулась с массовой миграцией населения в Новый свет. Были в определенные периоды подобные меры и в демографической истории Англии и Франции.

В ходе многолетних мониторинговых социолого-демографических исследований нами осуществлялся поиск подходов активизации демографической политики, связанный с активизацией репродуктивной деятельности населения на длительную перспективу. Исследования последних лет позволяют высказать гипотезу о зависимости репродуктивного поведения населения от пенсионной политики, что может лечь в основу улучшения перспективной демографической ситуации. Актуальным направлением реализации демографической политики является решение проблемы ее связи с пенсионной системой и ее активной роли в новых социально-экономических условиях. Речь идет о репродуктивной активности женского населения. Необходимо обеспечение, если не расширенного, то хотя бы простого демовоспроизводства. В этом плане было бы правильным учитывать в пенсионном обеспечении женщин их репродуктивную активность, т.е. зависимость величины пенсии от количества родивших и воспитавших ими детей.

Эта политика поддерживается большинством тех, пока еще может обеспечить рост демовоспроизводства. Так, респондентам (женщинам, в основном, от 20 до 35 лет) в исследованиях 2012-2013 гг. была задана серия вопросов: об их отношении к ряду мер, направ-

ленных на повышение в стране рождаемости. Среди этих направлений совершенствования демографической политики наибольшую поддержку респондентов получило предложение – «назначение большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших детей». Удельный вес респондентов, поддержавших такую политику, составил в 2012 г. – 58,9% и в 2013 г. – 61,4%. Это означает, если около двух третей женщин активного репродуктивного возраста начнут с перспективой получать хорошую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы приблизиться к уровню простого замещения поколений (2,14-2,15).

Таким образом, концепция экстранальности и интрональности демографических процессов свидетельствует об многообразных проявлениях их взаимосвязи и взаимодействия. Одни из них явно видимые, а другие видимы при более глубоком анализе последствий и причин демографических изменений. В интрональном плане они отражают и повторяют сложившиеся прежде тенденции. В экстранальном плане они сказываются на других процессах, одновременно через ряд опосредованных явлений, испытывая и воздействие других процессов. При этом характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами. А это означает, что и демографическая политика, если это действительно политика, должна исходить не из одномерности социальных явлений, а их многомерности.

*Истинная наука не знает ни симпатий,
ни антипатий: единственная цель ее – истина.*
Уильям Роберт Грав.

Глава 4.

Генезис современных демографических идей

Наука находится в вечном становлении.
Вильфредо Парето.

1. Многообразие современного научного осмысления проблем народонаселения

Методология отражения демографического развития

Современная наука при анализе социальных процессов во-брала целый спектр методологических подходов. Существует несколько научных подходов, каждому из которых соответствует и «своя» социология, и от которых отталкиваются ученые. Георг Гегель а вслед за ним и Карл Маркс исходили из того положения, что знание может считаться научным, если оно отражает объективные закономерности. И социологическая наука в разные периоды своего развития искала эти объективные закономерности, выявляя диалектику этого развития и этих объективных закономерностей.

Огюст Конт, который предпринял попытку обоснования научного характера общественных наук, также занимался поисками этих законов. Его методология состояла в том, что он под наукой понимал систематизированное знание, что описывала его иерархия позитивной философии, где социология представлена вершиной этой иерархической системы. И концепция социумурлатов, вписывается в эту системность.

Карл Поппер исходил из двоякого понимания научного знания, во-первых, учитывал модель, идущую от марксизма, что практика является критерием истины, и, во-вторых, добавлял, что любая научная теория должна объяснять множество практических ситуаций, что наука должна изучать не какой-то объект, а проблемы. И серьезность проблем, с которыми сталкивается исследователь, свидетельство научного знания и научного подхода. И современное демографическое развитие представляет самую серьезную как практическую,

так и теоретическую проблему. В свете этих подходов сформировалась и структурно-функциональная методология.

Важным методологическим научным подходом является концепция парадигмы Т. Куна, исходящая из того, что наука представляет собой совокупность общепризнанных знаний, и тем самым переход от одной парадигмы к другой представляет собой научный прогресс и даже научную революцию. И социология и демография иллюстрируют это революционное движение науки.

Еще важный методологический подход связан с именами Макса Планка и Пола Фейерабенда, связывающих развитие науки со сменой поколений ученых. М. Планк афористически утверждал, что новые идеи не побеждают, просто уходят поколения, придерживавшиеся старых идей. В результате может показаться, что каждое новое поколение ученых отрицает взгляды предшествующей когорты ученых. И в осмыслении демографических проблем примером такого «отрицания» является отношение к мальтузианской концепции, которая уже не считается реакционной, какой она представлялась в XIX веке и в советской гуманитарной науке.

Анализ исторического развития социолого-демографических идей в целом подтверждает справедливость каждого из перечисленных подходов. И современная научная методология включает, во-первых, выявление тенденций, закономерностей исследуемых явлений и процессов, во-вторых, понимание того, что социальные процессы и изменения носят системный, а не изолированный характер; в-третьих, в связи с этим современная научная методология исходит из возможности их приложения ко многим социальным уровням; и, в-четвертых, научная методология представляет совокупность постоянно развивающихся идей, изменения (расширения, дополнения или нового видения) постоянно развивающейся социальной реальности.

Демографические явления и процессы всегда оказывались в центре внимания и анализа многообразных наук. Не являются исключением социологические и экономические науки, в которых последние 250 лет демографический фактор занимает не последнее место. Это нашло отражение, как мы отмечали, в классических социально-экономических теориях А. Смита, Т. Мальтуса, Д. Рикардо, Дж.С. Милля, К. Маркса, А. Маршалла и др. Начиная от «Опыта о законе народонаселения» Т.Р. Мальтуса и до сегодняшних дней демографические проблемы являются центральными в системе полити-

ческих, социальных и экономических отношений, отношений как глобального, так и регионального характера.

Основы их конкретного демографического анализа и осмысления были заложены А. Кетле, А. Гийром, Л. Бертильоном, Ж. Бертильоном, А.Дж. Лоткой и др. исследователями, с которыми и связывается собственно развитие демографической науки. Среди них выделим прежде всего Жан Клод Ашиль Гийяра, который ввел в научный обиход термин «демография», его зятя Луи Адольфа Бертильона, а также Жака Бертильона – внука Ашиля Гийяра и сына Луи Бертильона. Они критиковали мальтузианскую концепцию, привлекли внимание научной общественности к многогранным аспектам проблем народонаселения, и прежде всего проблем рождаемости и смертности, были, говоря сегодняшним языком, сторонниками пронаталистской политики. Ими статистически показано, что население растет в соответствии с имеющимися средствами существования. В результате их научной и организаторской деятельности демография утвердилась как наука, изучающая естественное и механическое движение населения в его статике и динамике [70, с. 38, 91].

Большой вклад в современный демографический анализ осуществил **Альфред Джеймс Лотка** – один из основателей современного демографического анализа, а также математической и экономической демографии. В демографических кругах его имя связано прежде всего с характеристикой «истинного коэффициента естественного прироста населения» (называемым «коэффициентом Лотки») в рамках разработанной им теории стабильного населения. Он дал математическое выражение собственного (истинного) коэффициента естественного прироста замкнутого населения с постоянным порядком вымирания и деторождения. А. Лотка пришел к выводу, что население, растущее неизменным темпом и сохраняющее неизменный порядок вымирания, стремится к определенному возрастному составу и постоянным коэффициентам рождаемости и смертности. Им была показана связь между этим коэффициентом и нетто-коэффициентом воспроизводства населения как характеристиками стабильного населения.

Изучая процесс смены поколений А. Лотка разработал косвенный метод вычисления длины поколения, среднего интервала времени, разделяющего поколения родителей и детей, определив их ритмичность, показав, что длина поколения равна среднему числу лет

в интервале между рождениями гипотетического поколения матерей и их детей. Длина этой ритмичности позже легла в основу «демографических волн» С. Кузнецца.

А. Лотка также разрабатывал прогнозы численности населения, анализировал проблемы бесплодия, вымирания семей, продолжительности жизни, выявил закономерности концентрации населения в городах и другие демографические явления. Анализируя процесс демографического развития семьи, он ввёл интегральное уравнение воспроизводства населения. Им также исследовались экономические и демографические аспекты здравоохранения и эволюции продолжительности жизни [70, с. 229-230].

Демографические проблемы и пересмотр мирового порядка

Проблемы человеческого и трудового капитала, демографические явления и процессы всегда оказывались в центре внимания и анализа многообразных наук. И сегодня эти проблемы являются центральными в системе политических, социальных и экономических отношений, отношений, как глобального, так и регионального характера. Затрагивают они и отдельные аспекты макро- и микроэкономических, макро- и микросоциологических процессов. И вполне естественно, что они пронизывает и концепции нобелевских лауреатов по экономике независимо от того, какие конкретные идеи ими развивались и за какие научные заслуги они получили мировое признание. Это тем более естественно, что особенно актуальными и острыми проблемы человеческого и трудового капитала, демографического развития стали на рубеже XX–XXI столетий.

Один из первых лауреатов Нобелевской премии по экономике 1969 года **Ян Тинберген**, как руководитель Третьего доклада Римскому клубу «Пересмотр мирового порядка» (Reshaping the International Order) в своем анализе экономических факторов на основе применения динамических моделей в их центр поставил демографические аспекты мирового развития. Он, как автор теории «оптимального строя» (одного из вариантов теории конвергенции), в идею этого доклада поставил идею взаимозависимости: существуют общие неразрывные связи социальных общностей в планетарном масштабе, не допускающие действий только ради собственной выгоды. Современное понимание взаимосвязи демографических и экономических

процессов является важным для осмысления того, что произошло в демографическом поведении, чтобы определить стратегию демографического развития.

Концепция нового экономического порядка Тинбергена исходила из анализа многих факторов – не только учета сырьевых и иных ресурсов Планеты, но и включала разные стороны процесса демографического развития. Исходной среди них является проблема социального расслоения, ставшая проблемой глобального масштаба. «Конечно, в существовании богатых и бедных нет ничего нового, – отмечал Я. Тинберген. – История не знает ничего иного и отчасти складывалась в борьбе между теми и другими. Но в прошлом богатые и бедные существовали по преимуществу внутри отдельных обществ. Что является *действительно* относительно новым в нынешней обстановке – это огромные различия между обществами, различия зримые, поскольку во «всемирной деревне» богатые не могут скрыть своего богатства. Особенно остро бедными странами воспринимается, как это ни парадоксально, технологическое неравенство. Рост понимания бедными странами этих различий в условиях «уменьшающегося в размерах» мира будет оказывать все большее давление на и без того непрочные международные институты», – заключает он [272, с. 42].

Так, сегодня большинство европейских государств обеспокоено наплывом мигрантов из североафриканских и ближневосточных стран, которые стали мировой проблемой. Подобная острота характерна и во взаимоотношениях России с мигрантами из бывших советских республик Средней Азии, Закавказья и Молдовы. И, какие бы меры европейцы, россияне у себя дома не предпринимали, острота проблемы не снимается. Недаром, повесткой дня Давосского экономического форума 2014 года стала эта проблема пересмотра экономического порядка. И потому концепция Тинбергена пересмотра мирового порядка на основе взаимозависимости ориентирует европейцев (правда, им это надо осознать) на решение проблемы нежелательных мигрантов – вливанием финансовых средств в экономику этих африканских и ближневосточных стран. Обеспечение занятости потенциальных мигрантов у себя на родине является объективной основой взаимовыгодного решения проблемы нежелательной миграции. Этот демографический аспект рассматривал и лауреат Нобелевской премии по экономике 2008 года **Пол Робин Кругман**. Он в своей модели «центр – периферия» анализировал их через проблемы

размещения производств и потребителей в пространстве [120]. Взаимодействие эффектов трех сил (местного рынка, стоимости жизни и конкуренции) его модели и будет определять устойчивость равномерного распределения к миграции.

Проблема ответственности перед будущими поколениями

Глобалистский подход при анализе демографических процессов использовал и лауреат Нобелевской премии по экономике 1987 года **Роберт Мертон Солоу**. В своей теории экономического роста в определении стратегии мировой цивилизации он резюмирует: «Типичный результат заключается в том, что душевое потребление увеличивается во времени до стабильного уровня, определяемого «модифицированным золотым правилом» [248, с. 322]. Эта его «модифицированное золотое правило» послужило основой для концепции политиков соответствующей направленности – концепции «золотого миллиарда», теоретики которого определили допустимое население планеты в 1 млрд. чел., а в более модифицированной (современной) форме – концепции устойчивого развития. При этом в конечном устойчивом состоянии человечества возникают сложные противоречия межгосударственного характера, что требует учета развития таких глобальных сфер, как экологическая, экономическая и социальная. Методологическую основу этой устойчивости составляет выбор общественной ставки дисконта – интересов живущих в современном мире и/или в далеком будущем. Проблема будущего, нашей ответственности перед будущими поколениями – одна из важнейших социологических проблем, волнующих любого нобелевского лауреата. И Р. Солоу исходит из того, что «будущее может оказаться слишком важным, чтобы рассматривать его лишь как следствие случайностей ошибочных ожиданий, а также взлетов и падений протестантской этики» [248, с. 321].

В поисках демографического оптимума

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 года **Саймон (Семен) Смит Кузнец**, чьи корни находятся в Беларуси и Украине, многие экономические проблемы рассматривал в разрезе демографических процессов. Особый интерес представляет его концепту-

альный подход к проблемам демографического развития, развития человеческого и трудового капитала. Его эмпирическое истолкование экономического роста привело к более глубокому пониманию как экономических и социальных структур, так и процесса развития. В этом плане особенно важными являются его идеи взаимосвязи демографического развития и экономического роста с качеством человеческого потенциала, а также новых подходов поиска оптимума демографического развития.

С. Кузнец на основе эмпирических количественных данных выявил «длинные волны» экономического роста – 20-летние периоды чередования быстрого и медленного роста научно-технического прогресса, численности населения и национального дохода (лауреат Нобелевской премии по экономике 1979 г. А. Льюис их назвал «циклами Кузнеца»). Причем, по С. Кузнецу эти факторы являются эндогенными (внутренними), а не экзогенными (внешними) переменными. В своих работах он сделал упор на анализе следующих факторов: численность, возрастной состав и территориальное распределение населения, отраслевая и профессиональная структура занятости, структура дохода с точки зрения факторов производства, структура выпуска, распределение занятий по работе внутри семьи и рыночную деятельность (последний аспект под влиянием С. Кузнеца был более детально исследован нобелевским лауреатом 1992 года Г. Беккером), прогресс в технологии, профессиональный уровень рабочей силы, организация промышленности и государственное регулирование (включая отношение правительств и общественности к экономическому росту), международная торговля и миграция товаров, капитала и рабочей силы, изменение которых является необходимым условием экономического роста. Одновременно они непосредственно влияют и на ход последующего экономического развития страны [93, с. 195].

С. Кузнец показал, что взаимосвязанные 20-летние изменения проявляются на общехозяйственном уровне и движении душевого национального дохода, потребления, инвестирования. Им сформулирован закон для экономического развития стран «третьего мира», получивший название «закон Кузнеца»: в первые десять лет развития неравенство в распределении доходов будет резко возрастать, а затем появится тенденция к их выравниванию [93, с. 194]. Прошедшие более двух десятилетий постсоветского существования изменения в по-

строении новых экономических отношений на этом пространстве подтвердили этот вывод выходца из Беларуси и Украины.

Его теоретическая трактовка колебаний экономики основана на взаимодействии экономических и демографических факторов. Одним из первых он раскрыл роль «человеческого капитала», заявив, что «самым большим капиталом страны являются его люди с их мастерством, опытом и побуждениями к полезной экономической деятельности» [181, с. 44]. С. Кузнец полагал, что если рост (или в его терминологии возрастание) численности населения не сопровождается уменьшением капитала, приходящегося на одного работника, и если отношение «капитал – продукт» (капиталоемкость) остается неизменным, то рост населения приведет к возрастанию душевого продукта. Это связано с тем, что такой рост предполагает: во-первых, более полное использование еще неразработанных ресурсов, во-вторых, большую степень мобильности рабочей силы и, в-третьих, возрастание запаса опыта. Вероятность того, что в возрастающем населении численность талантливых людей превысит соответствующую численность в невозрастающем населении, будет неизмеримо больше. В этой связи ориентация постсоветских государств, количественный демографический потенциал которых постоянно уменьшается, на использование своего преимущества, созданного еще в советский период, – высокого интеллектуального фактора трудового потенциала, в условиях дальнейших инерционных негативных демографических тенденций может, к сожалению, не иметь объективных оснований.

Эти преимущества возрастающего населения ни в коей мере, считает С. Кузнец, не относятся к развивающимся странам, где чрезвычайно быстрое возрастание населения наталкивается на хроническую нехватку капитала и где это возрастание приводит к уменьшению душевого дохода. «Однако даже и в развитых странах, – замечает при этом С. Кузнец, – возникают сомнения относительно того, перевешивают ли преимущества роста населения издержки этого роста в виде большего давления на ограниченные ресурсы, на медленно изменяющуюся организационную структуру и внешний баланс».

С. Кузнец приходит к идее некоего оптимально-рационального темпа роста населения, хотя установить его невозможно. «Совершенно очевидно, – отмечает он, – что в любой стране, какой бы развитой она ни была, может наблюдаться слишком высокий рост

населения, так что его положительные последствия для увеличения производительности труда могут перевешиваться его издержками. Но какие темпы роста считать слишком высокими – этого мы сказать не можем не только в целом, но очень часто и в специфических случаях» [121, с.141]. Об этом С. Кузнец писал еще в 1960 году, когда мир столкнулся с самыми высокими темпами прироста численности населения (период «демографического взрыва») и мировое научное сообщество высказало свою озабоченность сохранением этой тенденции! Этот вывод важен и при анализе сложившейся демографической ситуации в Беларуси, Украине и России. Но наша озабоченность совсем иного плана – озабоченность уменьшением численности населения страны.

Развивалась С. Кузнецом и проблема оптимума, впервые поднятая шведским экономистом Кнутом Викселлем, рассматривавшим оптимальную численность населения как идеальное равновесие между числом людей и возобновляемыми ресурсами земли. Правда, по сравнению с большинством западных политиков она рассматривалась им в ином и ученых плане. Критикуя концепцию ограничения роста численности населения, С. Кузнец отмечает, что «новейшая специальная (и популярная) литература особо подчеркивает отрицательные стороны и опасности роста населения – истощение невозпроизводимых ресурсов, ухудшение условий накопления капитала, организационных возможностей общества и т.п. ...Я же предлагаю рассмотреть положительный вклад населения, полагая, что он, в конце концов, должен перевесить отрицательный эффект»; «главный вопрос нашей дискуссии, как и большинство исследований в области отношений между демографией и экономикой, остается открытым». «Мы не знаем, – говорил на II Всемирной конференции по народонаселению в Белграде в 1965 году С. Кузнец, – как много – слишком много и как мало – слишком мало. У нас нет даже приблизительных эмпирических данных для того, чтобы взвешивать различные положительные и отрицательные стороны роста населения. Хотя мы, возможно, способны отличить выигрыш от проигрыша, мы редко знаем характер функции, которая связывает их с различными значениями роста населения», но «это не означает, что нельзя получить гораздо больших знаний о количественных соотношениях между демографическими тенденциями и экономическим ростом путем систематического изучения данных, относящихся к широкому диапазону времени

и пространства. В самом деле, экономисты, пренебрегая демографическими аспектами... в количественных исследованиях экономики, и демографы, пренебрегая экономическими аспектами... в количественных исследованиях населения, незаслуженно ограничили систематический количественный анализ взаимоотношений между этими двумя группами тенденций; а объем данных можно увеличить, чтобы обеспечить гораздо более широкую основу для в общем надежных выводов» [121, с. 141-142].

Против склонности к предвзятости

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1974 года шведский ученый и политический деятель **Гуннар Карл Мюрдаль** среди первых нобелевских номинантов больше всех уделял внимание демографическим проблемам. Наибольший интерес для демографической науки представляют его идеи и анализ взаимозависимости экономических, социальных и институциональных явлений. Еще в первой половине 1930-х годов он высказал озабоченность демографической ситуацией в современной ему Швеции. Вместе со своей женой, известным социологом Альвой Мюрдаль (получившей в 1982 году Нобелевскую премию мира), он участвовал в разработке демографической политики Швеции.

Г. Мюрдаль защищает необходимость осуществления радикальной программы социальных реформ для борьбы с падением рождаемости, проведения планирования, борьбы с безработицей, развития здравоохранения. Он выступает за сексуальное воспитание и равенство полов. В совместной с супругой работе «Кризис и проблемы народонаселения» Мюрдалем были изучены причины снижения рождаемости в этой скандинавской стране и сформулированы рекомендации правительству (в состав которого Г. Мюрдаль позже вошел, что позволило реализовать эти рекомендации) для проведения новой демографической политики. Эта политика предусматривает выплату субсидий и государственную поддержку многодетных семей, интенсивную жилищную политику и проведение других мероприятий [98]. Многие из этих рекомендаций были реализованы в течение следующих десятилетий, а позже этот опыт был использован и во многих других странах Европы.

В связи с выдвижением на первый план в мировом развитии 1970-х годов демографических проблем, Г. Мюрдаль в духе традиций шведской экономической науки, идущей от К. Викселля, и современной ему теории благосостояния рассматривает концепцию оптимальности населения. Но к той идее, которая лежит в ее основе – максимизации среднедушевого дохода или продукта, он относится критически. Его кредо так и звучит: «неудовлетворительный подход к экономическим последствиям демографических сдвигов».

Во-первых, само «постулирование оптимальной для данной страны численности населения представляет собой попытку «объективно» выразить идеальные представления» [172, с. 725]. А идеал оптимальности, также как избыточное или недостающее население, в этой сфере «не поддаются количественному определению».

Во-вторых, Г. Мюрдаль исходит из того, что все проблемы в жизни сложны; их нельзя рассматривать как чисто экономические, политические, социальные или психологические. И выводы о социальной действительности, исходя из одних лишь экономических концепций, являются явно непродуктивными. В своей трехтомной монографии «Драма Азии. Исследование нищеты народов» Г. Мюрдаль в разделе «Шоры на наших глазах», начинающегося с параграфа «Слово в защиту социологии познания», формулирует свое методологическое экономико-социологическое кредо: неоспоримо, что отдельные общественные науки оказывают друг другу содействие в исследованиях. Но только «одна наука – социология, – по его мнению, – концентрирует все внимание на совокупности общественных отношений и берет на себя особую ответственность за изучение тех сторон социальной действительности, которые менее тщательно исследуются другими дисциплинами». И «признавая, что даже экономические решения люди принимают под влиянием общего склада их мышления и в особенности той среды, в которой они живут, что ими управляют самые разнообразные мотивы, как и всеми людьми в их поступках, мы больше и больше, – указывал Г. Мюрдаль, – концентрируем внимание на взаимодействии этих сил» » [172, с. 80, 81]. И демографические процессы как раз и относятся к ним.

В-третьих, в этой связи при сопоставлении среднедушевого дохода (или продукта) на душу населения игнорируются различия в других факторах, влияющих на демографическое развитие, которые в концепциях оптимальности населения 1970-х годов берутся, как

неизменные. А эти факторы, как объем и структура средств производства, уровень технических знаний, производственные функции, объем и условия внешней торговли, а также совокупность психологических и институциональных условий, скажем уровень жизни, национальные традиции, возрастная структура и т.д., отличаются и в историческом и в региональных масштабах. «Предположения об их постоянстве не только не реалистично (из-за изменений, происходящих независимо и под влиянием будущих мероприятий), но и логически не состоятельно (из-за изменений, являющихся следствием самих демографических сдвигов), – констатирует Г. Мюрдаль [172, с. 726]. Поэтому, – считает Г. Мюрдаль, – «практически проблема демографической политики состоит в том, как добиться *улучшения*, а не *оптимума*» [172, с. 727].

Очень важным является методологический подход Г. Мюрдаля о соотношении ценностей и научного подхода, между экономической и другими социальными науками. Эти подходы должны стать методологическими ориентирами анализа характера и тенденций развития демографических процессов на постсоветском пространстве. В частности, очень важным являются его мнение, что «экономист, который не принимает во внимание воздействия политических и социальных сил на экономические события, просто опасен». В этой связи им подчеркивается противоположность подходов и предмета исследования западных и незападных ученых, а значит – и недопустимость использования западных теоретических концепций при анализе процессов в другой социальной реальности. Предупреждение против такого заимствования имеет важное значение для восточно-славянских народов, ибо, по мнению Г. Мюрдаля, западный подход является источником необъективности в экономических исследованиях, – причем, «западный подход усугубляет склонность к предвзятости» [172, с. 89]. Именно этот вывод – причина того, что многие идеи этого выдающегося мыслителя в условиях господства западных идей либерализма замалчиваются.

О роли человеческого капитала

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1979 года **Теодор Уильям Шульц** как один из основателей теории человеческого капитала (автор многочисленных работ по проблемам людских ресур-

сов, сельского хозяйства и образования) доказал, что американская экономика в течение длительного времени получала более высокий доход от «человеческого», нежели от «вещественного» капитала. Человеческий капитал представляет собой способность людей использовать информацию и технологию для развития, а также и для структурной перестройки экономики. Образование, по мнению Т. Шульца, повышает не только производительность труда индивидуума, но и экономическую ценность его времени. И в современных условиях формирования экономики знаний образование выступает отличительной чертой экономического роста.

Теория «человеческого капитала» отражала переориентацию экономической науки с проблем использования трудовых ресурсов на проблемы создания качественно новой рабочей силы в условиях НТР. Органически с этой переориентацией связан его интерес к демографическим аспектам этой проблемы, что нашло отражение в ряде сборниках, изданных под его редакцией: «Продовольствие для Мира», «Брак, семейный капитал и рождаемость», «Экономика семьи». Одной из важнейших заслуг Т. Шульца для демографической науки стала публикация под его редакцией в сборнике статей 1945 г. «Продовольствие для Мира» (Food for the World) статьи «Population – The Long View» Ф. Ноутстейна (Ноутстайна) [317], одного из создателей теории демографического перехода (ТДП), и тем самым способствовавшим институционализации этой концепции.

Выступая против традиционного подхода к экономике, Т. Шульц стремился к тому, чтобы были приняты во внимание люди, действующие за рамками математических формул экономистов. Особенно большой интерес он проявил к проблемам образования женщин и высшего образования молодежи, которые могли бы применить свои знания в наиболее подходящей с культурной точки зрения форме для улучшения условий здравоохранения, благосостояния и экономического процветания. Из его расчетов следует, что развивающимся странам надо делать инвестиции прежде всего в здравоохранение, образование и науку. Это выгоднее строительства новых предприятий.

С экономических позиций Т. Шульц высказал ряд гипотез о соотношении рождения и воспитания детей. Если ранее считалось, что величина издержек воспитания детей неизменна (Т. Мальтус), то в современную эпоху по мере увеличения цены человеческого времени

затраты на воспитание детей растут, что «на рождаемость влияют и цены, и доход, и накопление человеческого капитала в детях» [298, с. 37]. Этим самым он заложил основы для разработки экономической теории рождаемости Г. Беккера. Почти все супружеские пары желают иметь детей. При этом, по мнению Т. Шульца, «ключевым моментом, который определяет ценность детей для их родителей, является взаимодействие влияющих на семейные решения факторов спроса и предложения», но факторы, определяющие рост населения, – считает он, – остаются одной из мало исследованных сфер экономической теории [298, с. 38, 39].

Поэтому, на его взгляд, просветить эти проблемы может «исследование экономических аспектов следующих процессов: 1) прогресса в разработке контрацептивных средств с точки зрения их эффективности и доступности для семей; 2) усовершенствования трудосберегающих предметов потребления и снижение их цены; 3) изменения экономических возможностей инвестирования в обучение детей; 4) изменения степени доступности рабочих мест для женщин и подростков; 5) изменение масштабов сокращения заработков женщин в результате отсутствия профессионального обучения в тот период, когда они оставляют работу в связи с беременностью и уходом за ребенком; 6) снижение издержек, необходимых для сокращения детской смертности (такое изменение характерно главным образом для слаборазвитых стран) и 7) связанных с экономическим ростом изменений в размещении рабочих мест, требующих региональной миграции как молодежи, так и уже существующих семей» [298, с. 37].

Именно исходя из таких подходов Т. Шульц включил в свою книгу и статью Ф. Ноутстейна, как соответствующую концепции социального капитала, способствуя формированию теории демографического перехода.

Специфический человеческий капитал

Лауреат Нобелевской премии по экономике 2000 года **Джеймс Хекман** продолжил разработку идей человеческого капитала с позиций микроэкономического анализа тенденций на рынке труда – прежде всего рынке труда США. Он подверг сомнению ранее доминировавший вывод, что за счет учебы на курсах повышения квалификации люди добились повышения зарплаты, а, значит, что такое

обучение надо развивать. Он пришел к выводу, что те, кто учится на таких курсах и, кто не учится – это просто разные люди, с разными способностями и уровнем энергии. Другая проблема, которую Дж. Хекман анализировал – это роль государства в развитии соответствующей системы образования. Ранее считалось, что, если субсидировать высшее образование, то люди пойдут в колледж или университет. И будут больше зарабатывать. Хекман показал, что выбор колледжа или университета не случаен.

Дж. Хекман показал, что субсидировать необходимо такое образование, которое дает максимальную социальную эффективность, а это – законченное среднее образование. В колледж и университет идут люди с большой мотивацией, которые и так туда сами пробьются. И если человек «прорвался» в эту категорию, то дальше он уже находится в совсем другом мире и будет преуспевать. А вот для необходимого уровня человеческого капитала в экономике важно преодолеть разрыв между «неполным» средним и «полным» средним образованием.

Дж. Хекман также сделал неожиданный вывод в отношении программы получения аттестата за среднюю школу взрослых людей. Те, кто уже будучи взрослыми, сумели сдать экзамены на аттестат о среднем образовании, и после окончания средней школы имели профессиональный карьерный рост. Но сам аттестат здесь ни при чем. Они и до получения аттестата работали довольно успешно и были людьми энергичными и любознательными – просто они решили получить практически ненужный им документ. Поэтому он ратует за развитие системы образования прежде всего для молодежи. А многие государственные программы для взрослого занятого населения – малоэффективны. И потому он считает, что «взрослые» дипломы уже не имеют никакой ценности.

И другие экономические исследования Дж. Хекмана также насыщены социологическим анализом. Пример этого – его анализ положения такой социальной группы, как многодетные работающие женщины. Оказалось, что многодетные женщины имели большой заработок, выполняя одинаковую работу при той же квалификации и образовании. Эти эмпирические данные многих ставили в тупик. Хекман, занявшись анализом этого противоречия выявил, что таких многодетных работающих женщин – не так уж много, это небольшая часть многодетных женщин. Оказывается, это связано с тем, что они

с самого начала настояли на том, чтобы им больше платили, – в противном случае они не пошли бы работать. Таким образом, благодаря исследованию этого, казалось, частного факта, произошел переворот в статистическом анализе данных. Специалисты стали делать поправку на то, что люди сами «отбирают» себя в ту или иную статистическую группу.

Даниэль Макфадден, который как и Дж. Хекман стал в 2000 году лауреатом Нобелевской премии по экономике за новые статистические подходы в микроэконометрике на материалах повседневного-бытовой сферы, также во главу анализа ставил специфический человеческий капитал. Он сделал вывод, что когда человеку предстоит совершить большие перемены в своей жизни (например, при переходе с одного типа автомобиля на другой, жениться ему или нет) простых мотиваций недостаточно. Получаемая выгода должна очень сильно первоначально перевешивать тот непосредственный эффект, который может быть достигнут.

Рыночные подходы анализа института семьи и брака

Д. Макфадден связывает демографическое поведение с экономическими факторами, что наиболее системно еще ранее обосновал лауреат Нобелевской премии по экономике 1992 года **Гарри Стенли Беккер**. Им экономический фактор на макроуровне и на микроуровне в развитии института семьи и брака с позиций теории человеческого капитала и теории демографического перехода рассматривается на процессах: разделения труда между полами; действия механизмов брачного рынка; выбора между количеством детей и их «качеством»; динамике разводов; альтруистического поведения и, в конечном счете, эволюции семьи в длительной исторической перспективе. Вместе с тем, формулируя свои принципы теории человеческого поведения, Г. Беккер, делает различие в реальных механизмах поведения людей и экономическими подходами анализа этих механизмов. Он исходит из того, что «экономический подход не предполагает, что индивиды движимы исключительно корыстными интересами или соображениями материальной выгоды. Речь идет об аналитическом методе, а не о тех или иных конкретных мотивах... Поведение людей направляется гораздо более богатым набором ценностей и предпочтений» [23, с. 582-583]. Но учет и экономи-

ческих факторов вносит свою лепту в выяснения многообразия механизмов демографического поведения людей.

Рассматривая проблемы, связанные с разделением труда в семье, он объясняет, что практически все общества прибегают к жесткому разделению труда между полами, когда женщины специализируются на деятельности в домашнем секторе, а мужчины – в рыночном. Конечным результатом подобной специализации, обусловленной вполне рациональными соображениями и отчасти биологическим предназначением, может оказаться жесткая система разделения труда и устойчивый разрыв в производительности и заработках между мужчинами и женщинами.

Также экономически Г. Беккер объясняет брачные отношения, которые он называет «брачным рынком». Им брак интерпретируется по аналогии с созданием партнерской фирмы: люди вступают в брак, если ожидаемый объем выпуска совместно производимых ими потребительских благ превосходит арифметическую сумму выпусков, которые они могут производить порознь. Брак – решение, связанное с ожидаемым чистым выигрышем (издержки минус выгоды) для тех, кто в него вступает. Вероятность заключения браков зависит от величины этого выигрыша.

Взаимодополняемость (комплементарность) мужского и женского труда, которая обуславливается желанием иметь и воспитывать собственных детей, создает достаточно сильный стимул для образования таких союзов. Соответственно выгоды от создания семьи оказываются ниже для тех, кто предпочитает иметь мало детей или детей невысокого качества. Такие люди женятся или выходят замуж позднее. По мнению Г. Беккера для создания семьи необходим следующий принцип: когда какие-то личностные характеристики являются комплементарными (взаимодополняющими) в семейной жизни, проявляется сильнее тенденция в заключении браков между похожими друг на друга партнерами; когда какие-то личностные характеристики являются взаимозаменяемыми (субстититами) – сильнее тенденция к заключению браков между несхожими друг с другом партнерами. В первом случае говорят, что они жили душа в душу и умерли в один день. Во втором случае, как у Пушкина: они сошлись – «волна и камень, стихи и проза, лед и пламень».

Аналогичным образом происходят и разводы: когда полезность сохранения брака оказывается ниже ожидаемых выгод, связан-

ных с его расторжением. Несовершенством информации на брачном рынке объясняется почему большинство браков распадаются в первые годы совместной жизни. Чем длительнее брак, тем ниже вероятность развода, так как супруги накапливают специфический – по отношению к данной семье – человеческий капитал (навыки, привычки, установки) и ее распад сопровождается для них большими, чем на ранних этапах семейного существования, потерями этого специфического человеческого капитала.

Г. Беккером излагается и экономическая теория рождаемости. Решение иметь детей аналогично другим инвестиционным решениям, принимаемых рациональными агентами. Дети выступают как своего рода «блага длительного пользования»: они для родителей источник удовлетворений (в современном обществе по преимуществу неденежных), но их содержание требует немалых затрат, как явных, так и неявных (и прежде всего времени родителей). Поскольку воспитание детей – процесс достаточно времеемкий, «эффект цены» перевешивает «эффект дохода», так как с повышением заработной платы, предлагаемой на рынке, спрос на эти «блага» (т.е. рождаемость) сокращается. Эта времеемкость влияет и на фактор качества детей, включая состояния здоровья, уровня образования. Именно эти факторы, по мнению Г. Беккера, лежат в основе сокращения уровня рождаемости в индустриально развитых странах [23, с. 382-486].

Это значит, что в концепции Г. Беккера, расширившей сферу микроэкономического анализа на нерыночные области человеческого поведения и взаимоотношения, системно представлены, как теория человеческого поведения, так и ее составная часть – теория человеческого капитала, а также методологические подходы органически связанной с ними теорией демографического перехода.

Экономическая политика и арифметическая прогрессия

С глобалистских позиций анализирует демографические проблемы и лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 года индеец, профессор Кембриджского университета **Амартья Сен**. В работе «Бедность и голод» он показывает, что голод вовсе не связан с нехваткой продуктов питания в стране, – согласно официальным данным ФАО примерно 800 млн чел. мира систематически недоедают, что в ситуации с продовольствием явно недопустимо. Голод – не есть

спутник экономических кризисов, а следствие сбоя в системе распределения: «недоедание, голод и голодная смерть – продукты функционирования всей экономики, а не только производства продовольствия и сельскохозяйственной деятельности», – констатирует А. Сен. Серьезный голод может возникнуть даже при максимуме продовольственного обеспечения. Примером этого А. Сен приводит ситуацию в Бангладеш в 1974 г., «когда наблюдалась более высокая «обеспеченность» продовольствием на душу населения, чем в любой другой год в период с 1971 по 1976 гг.» [233, с. 9]. Тогда голод был спровоцирован региональной безработицей, а также паническими ожиданиями нехватки продовольствия: «Поскольку опасность последней была преувеличена и стала объектом некоторой манипуляции».

Сравнивая тенденции производства продовольствия и динамики в развитии народонаселения, А. Сен констатирует, что «мировое производство продовольствия несмотря ни на что продолжало увеличиваться, намного опережая рост народонаселения». Причем, наибольший рост производства продовольствия на душу населения приходился на наиболее заселенные территории третьего мира (особенно Китай, Индию и остальную часть Азии). И что интересно, «наибольший прирост имеет место в регионах, где внутренние рынки продовольствия относительно изолированы от мировых (например, в Китае и Индии)». И хотя нет оснований для глубокого пессимизма в отношении сопоставления темпов роста продовольствия и темпов роста численности народонаселения, как это считал «первый» профессор экономики Кембриджского университета (Т. Мальтус) и чьи выводы обоснованно опровергаются нынешним профессором этого университета А. Сеном, тем не менее нобелевский лауреат по экономике 1998 года считает, что «все вышесказанное не устраняет необходимости замедления роста населения» в мировом масштабе и особенно в странах с интенсивным ростом численности населения [233, с. 12-13].

Широкое распространение получила разработанная А. Сеном новая система индексов бедности. В рамках концепции общественного выбора он разработал новый подход к характеристике ценностей общества. Его подход позволяет показать насколько ниже уровня бедности опускаются люди, а также определить те социальные факторы (к числу таких социальных факторов он относит состояние здоровья бедняков и низкий уровень их образования), которые снижают

уровень экономической мобильности, т.е. способности людей приспособляться к изменяющимся экономическим условиям. И он делает вывод, который одновременно сближает А. Сена с Т. Мальтусом, что экономическая политика, направленная на оказание индивидуальной помощи тем, кто находится «лишь на несколько долларов ниже уровня бедности, мало что дает тем, кто погряз в бедности».

За разрушение границ «блестящей изоляции»

В системе взглядов лауреата Нобелевской премии по экономике 1973 года **Василия Васильевича Леонтьева**, в основе которых лежат его балансовые разработки (межотраслевых балансов, баланса затрат, метода «затраты-выпуск»), важным является учет «миллионов различных комбинаций, в которых производятся и используются конкретные товары и услуги».

В противовес формальным подходам он выдвигал требование учета многих переменных социальной жизни, влияющих на экономические процессы, а значит и взаимодействия различных научных подходов: «Возникает вопрос: как долго еще исследователи, работающие в таких смежных областях, как демография, социология и политология, с одной стороны, и экология, биология, науки о здоровье, инженерные и различные прикладные дисциплины, с другой стороны, будут воздерживаться от выражения озабоченности по поводу состояния устойчивого, стационарного равновесия и блестящей изоляции» [124, с. 25]. Поэтому «для того чтобы углубить фундамент нашей аналитической системы, – резюмировал В. Леонтьев, – необходимо без колебаний выйти за пределы экономических явлений, которыми мы ограничивались до сих пор. Задача более фундаментального понимания процессов производства неизбежно приводит в область инженерных наук. Для проникновения в суть традиционной функции потребления необходимо развивать систематическое изучение структурных характеристик и функционирования домашних хозяйств – область, где описание и анализ социальных, антропологических и демографических факторов должны, очевидно, занимать центральное место» [124, с. 271].

И он не только провозглашает данный методологический подход, но и на конкретных взаимосвязях анализирует демографический фактор в своем методе «затраты-выпуск». В балансовых расчетах В.

Леонтьева «цифры численности населения рассматриваются как данные, или экзогенно определенные, величины», что «позволяет оценивать потенциальное воздействие изменения численности населения на различные аспекты экономического роста». Но влияния экономических изменений в балансовых расчетах модели «затраты-выпуск» на рост численности населения она возможности не дает [123, с. 195]. Причем, характер этой связи между численностью населения и общим уровнем экономической деятельности не бывает однозначным. Эта связь зависит, во-первых, от уровня индустриального развития и отраслевой структуры экономики различных групп стран; во-вторых, от уровня занятости, в-третьих, от многочисленных характеристик структуры населения и состава рабочей силы: возрастной, квалификационной, профессиональной, уровней дохода и структуры домашних хозяйств; в-четвертых, от уровня урбанизации различных стран и многого другого. За леонтьевскими многорегиональными многоотраслевыми прогнозами, «агрегированными сдвигами скрываются изменения уровней тысяч различных, но взаимосвязанных видов экономической деятельности» [123, с. 206]. И если в группе развитых стран эта связь может быть прослежена, то в развивающихся регионах, по мнению В. Леонтьева, «нельзя предположить существование такой прямой связи между численностью населения и уровнем совокупного выпуска» [123, с. 196].

«Молодые сберегают, старые растрачивают»

Многие политические, социальные, экономические аспекты современных демографических проблем оказываются в поле зрения экономистов-нобелеантов. Глубокий детальный анализ их позиций по демографическим проблемам заслуживает отдельного внимания и потребует не одного тома аналитических материалов. Поэтому тезисно обозначим только некоторые точки соприкосновения их концепций с демографией. Важное значение для демографической науки имеет и один из многочисленных выводов лауреата Нобелевской премии по экономике 1970 года **Пола Антони Самуэльсона** – модель «потребительского кредита», имеющая много точек соприкосновения с «гипотезой жизненного цикла» Ф. Модильяни. По модели П. Самуэльсона люди в среднем возрасте часть своего дохода предоставляют в форме кредита молодым людям с тем расчетом, чтобы в

старости получать проценты по этим кредитам. Этот его вывод выдвигает новые вопросы перед демографической политикой и монетарной экономикой.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1985 года **Франко Модильяни** в своей модели «жизненного цикла» дает рациональное объяснение микроэкономического поведения отдельных индивидуумов, вскрыв закономерности образования личных сбережений. Главной причиной накоплений он считал желание каждого человека поддержать свой «жизненный стандарт» – «главный мотив (для сбережений) состоит в том, чтобы иметь возможность поддерживать достойный и постоянный жизненный стандарт». Сбережения индивидуума отражает разницу между предполагаемым уровнем потребления и изменяющимся уровнем его доходов в течение определенного времени или даже всей жизни. Сами сбережения систематически растут от исходного и относительного низкого уровня к максимальному, а после выхода на пенсию сбережения снижаются до очень низкого уровня. Это естественное стремление человека поддерживать постоянным свой уровень потребления, несмотря на колебания дохода отражены в формуле Модильяни: «молодые сберегают, старые растрачивают». Это отражает западный стиль поведения – индивидуумы строят уровень своего благосостояния в течение всего начального этапа жизни не ради обеспечения детей, а ради обеспечения себя в старости. И этим Ф. Модильяни объясняет современные малодетные демографические ориентации этих индивидуумов.

Уровень сбережений тесно связан с темпом роста населения, так как последний существенно влияет на соотношение людей молодого, среднего и зрелого возрастов. Высокие темпы экономического роста также повышают уровень сбережений, поскольку увеличивают доходы работающих (а из этих доходов осуществляются сбережения), но не увеличивают сбережения людей, вышедших на пенсию. Расходы пенсионеров соответствуют более низкому уровню доходов в прошедшем периоде времени.

Этот анализ Ф. Модильяни поведения людей в отношении сбережений имеет исключительно важное прикладное значение в создании национальных пенсионных программ. Его теория сбережений, рассматривающая их в долговременном плане, используется прежде всего для тестирования альтернативных пенсионных программ, активно влияющих на демографические ориентации. В этой связи в

процессе социолого-демографического мониторинга в Беларуси нами изучались: какие меры государственной демографической политики могли бы стимулировать репродуктивное поведение женщин. Представляют интерес итоги ответов женщин в возрасте от 18 до 40 лет, т.е. активного репродуктивного потенциала на вопрос «Может ли повысить рождаемость назначение большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших детей?». Удельный вес женщин-респондентов, поддержавших такие меры, составил в 2012 г. – 58,9% и в 2013 г. – 61,4%. А это значит, что такая пенсионная программа в долговременном плане могла бы в пронаталистской политике быть эффективной.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1989 года **Трюгве Ховельмо**, исследуя проблемы глобального экономического неравенства, связал их ростом численности населения, уровнем образования, миграцией и международным противоборством за перераспределение доходов. Анализируя рыночные экономические структуры, он констатирует, что различные социальные группы проявляют неодинаковую склонность к потреблению или же имеют противоположное побуждение к сбережению. Склонность к потреблению неодинакова у клерков и предпринимателей или у жителей городов и деревень. Люди свободных профессий сберегают сравнительно небольшую часть дохода, а получающие регулярно заработную плату – еще меньше. «Предельная склонность к потреблению» по Т. Ховельмо изменяется в зависимости от предмета потребления. И это, по его мнению, объясняет различие демографических ориентаций семей, принадлежащих к различным социальным группам.

Теория поиска и демографические процессы

Кроме глобалистических тенденций экономисты нобелевские лауреаты важное место уделяли анализу отдельным демографическим аспектам – анализу безработицы, оплаты труда различных демографических групп, благосостояния, моральным аспектам.

В 2010 году нобелевскую премию по экономике получили **Питер Даймонд, Дэйл Мортенсен и Кристофер Писсаридес** «за исследования рынков с моделями поиска» (по первым буквам их фамилий Diamond, Mortensen, Pissarides эта модель называется DMP), имеющих не только значимость в экономической, но и в социологи-

ческой науке, показали ошибочность игнорирования постсоветскими экономистами проблем труда. Их теории поиска представляет альтернативу «классической» модели спроса-предложения. В отличие от модели спроса-предложения, при которой участники рынка сразу находят идеальное решение, в реальном мире рынка труда вариантов решения может быть несколько, но только одно из них лучшее. В жизни же (что и предполагает модель поиска) вакансии отличаются друг от друга, и работники отличаются уровнем квалификации. Поэтому человек в процессе поиска работы не соглашается на первое предложение, а ищет вакансию, превышающую определенный уровень. Также поступает и работодатель.

Модель DMP объясняет «стоимость поиска», как для работодателей и соискателей, так и для государства, порождающую парадоксальную ситуацию («парадокс Даймонда») – наличие одновременно свободных вакансий и безработицы. Это значит, что их анализ рынков с «поисковыми помехами» – на поиске отклонений относительно основополагающих факторов расширил экономическую и социологическую теорию применительно к рынку труда, в частности, объяснив социологические законы существования безработицы.

И эта ситуация одновременного существования свободных вакансий и безработицы характерна для большинства стран. Так, в крупных городах Беларуси, России и Украины существуют вакансии (прежде всего с низкими социальными характеристиками), но граждане этих стран – потенциальные работники не спешат их заполнить. А в Беларуси с середины 2013 года стал практиковаться запрет на увольнения по инициативе работника даже по истечении срока трудовых контрактов на предприятиях деревообрабатывающей промышленности.

А это негативно сказывается на демографических процессах. По данным МВД России более 300 тыс. белорусских трудовых мигрантов. Иное мнение у представителей МВД Беларуси, которые считают, что эта величина – меньше – около 100 тыс. чел. [320]. А по нашим расчетам она даже выше: в прошедшем десятилетии колебалась в пределах 600 тыс. – 1 млн чел. трудовых мигрантов из Беларуси занято на рынке труда России. И это, несмотря на складывающиеся положительные тенденции в естественном движении населения Беларуси, негативно сказывается на росте уменьшения численности населения страны за счет миграции. Так, доля миграционных потерь

в сокращении численности населения Республики Беларусь в период между переписями населения 1989-1999 гг. составила 23,7%, а за период 1999-2009 гг. она выросла до 41,9%.

Кроме того, модель DMP находит применение и в исследованиях рынка браков, что свидетельствует о многогранности точек соприкосновения «исследования рынков с моделями поиска» с демографическими процессами, человеческим капиталом и трудовым потенциалом. Кратко перечисленные взгляды ряда выдающихся экономистов современности показывают – насколько важны и многогранны различные аспекты демографического развития, связанные с многочисленными сторонами социального и экономического поведения людей. Таким образом, современный подход к демографическим проблемам выявляет их многогранную и разнообразную связь с экономическими, политическими, социальными проблемами, отражаемых различными отраслями науки и прежде всего экономической и социологической науками.

Немаловажное методологическое значение для современного демографического анализа имеют, по крайней мере, еще три основные тенденции современной науки: тенденции взаимопроникновения и взаимосвязи научных дисциплин; тенденции верности разнообразных, даже противоречивых в своих выводах концепций и тенденция возрастание роли (прежде всего экономической и социологической) науки в формировании общественного мнения. И это ярко представлено концепциями лауреатов нобелевской премии по экономике в связи с их анализом демографических проблем.

*Предпочитаю найти одно
причинное объяснение.
Демокрит.*

2. Демографический переход и/или институциональное объяснение?

Фонарный столб теории демографического перехода

В 2005 году в российском журнале «Общественные науки и современность» были опубликованы «Демографические дискуссии», в которых столкнулись различные современные демографические концепции. Известный питерский демограф М.А. Клупт в статье «Теория демографического развития: институциональная перспектива» выступил с критикой концепции демографического перехода [108]. Его оппонент А.Г. Вишневский, позицию которого М.А. Клупт критиковал, ответил публикацией «Это ключ от другого замка» [52]. Кроме этого были опубликованы статья Ю.В. Шишкова «Демографические похождения физика» [297], имея ввиду математическую модель теории демографического перехода С.П. Капицы, и, естественно, была высказана и точка зрения С.П. Капицы [97]. Эти публикации касались самих популярных современных демографических и социолого-демографических концепций. Этот спор касается, во-первых, проблемы – имеются ли общие демографические закономерности, которые могли бы адекватно отразить происходящие в современном мире демографические изменения. Во-вторых, этот спор касается и такой фундаментальной методологической проблемы науки – может ли быть только единственный – монистический – подход при описании демографических процессов; или необходимо расширить взгляд на демографические процессы.

Демографические процессы отражают ритмику долговременных социально-экономических и социокультурных процессов, механизм постепенного изменения которых сопровождается изменением установок и норм демографического поведения. В современной демографической науке ведущей и наиболее аргументированной социолого-демографической концепцией является теория демографического перехода. Она представляет такую модель исторического развития общества, которая характеризует процесс изменения типов воспроизводства населения. Она отражает переход от “экстенсивно-

го” типа воспроизводства с высокими уровнями смертности и рождаемости к “интенсивному” – с низкими уровнями смертности и рождаемости. Или иначе – характеризует переход общества от прежнего традиционного режима воспроизводства населения с высокими уровнями рождаемости и смертности к современному – с существенно низкими их уровнями. Эта концепция в различных интерпретациях описывает несколько типов воспроизводства населения, из которых более часто выделяет следующие четыре типа: а) традиционный или допереходной; б) демографическая революция или демографический взрыв; в) расширенное воспроизводство населения; г) современный тип воспроизводства населения.

Традиционный (или допереходной) *тип воспроизводства* населения характеризуется показателями высокой рождаемости с одновременно высоким уровнем смертности. В этом случае имеется высокий (но не значит максимальный) уровень естественного прироста.

Первой переходной фазой от традиционного типа воспроизводства населения является процесс *демографической революции* или демографического «взрыва», характеризующийся высокими темпами естественного прироста населения. Соотношение главных показателей динамики численности населения в этом плане характеризуется снижением уровня смертности при практически прежнем (неизменном в этом случае) уровне рождаемости, т.е. она характеризует переворот в смертности [49, с. 164]. Демографический «взрыв» является следствием улучшения качества жизни населения, повышения качества здравоохранения (появление массовых эффективных методов борьбы с массовыми болезнями). Понятие “демографический взрыв” вошло в мировую историю как характеристика удвоения за почти 50-летний период численности населения планеты (с двух миллиардного до четырех миллиардного рубежа), хотя в рамках концепции демографического перехода с демографическим «взрывом» столкнулись ранее европейские страны: Великобритания – в эпоху индустриальной революции (XVIII в.), Россия – во второй половине XIX в. И белорусские губернии – тоже во второй половине XIX в.

Следующая фаза демографического развития согласно концепции демографического перехода характеризуется *расширенным режимом воспроизводства населения*. Расширенное воспроизводство отражает трансформацию семейно-брачных отношений, постепенный

переход от многодетной семьи к малодетной и в демографическом плане – соотношение показателей рождаемости и смертности характеризуется дальнейшим снижением показателя смертности, достигающего наименьшей величины, и значительном снижении показателя рождаемости, т.е. характеризуя переворот в рождаемости [49, с. 164]. В результате это приводит к замедлению и существенному снижению показателя естественного прироста населения.

И, наконец, в традиционной интерпретации концепции демографического перехода выделяется *современный тип воспроизводства* населения. Этот тип отражает слаборасширенное воспроизводство, обеспечивающее простое замещение поколений.

Схематически перечисленные типы воспроизводства в теории демографического перехода отражены на рисунке 2.

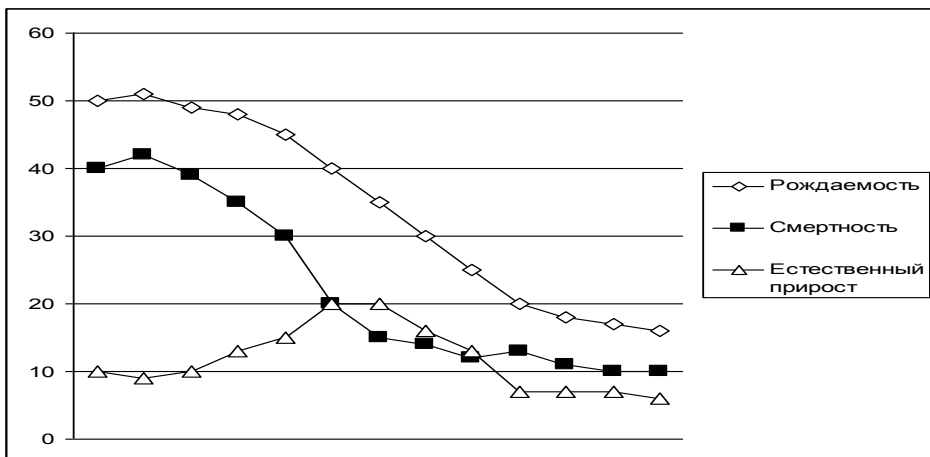

Рисунок 3. Фазы демографического перехода.

В самом процессе перехода выделяют следующие 4 фазы. *Первая фаза* характеризуется снижением коэффициента смертности, более быстрым, чем снижение коэффициента рождаемости, в результате чего коэффициент естественного прироста увеличивается, достигая своего исторического максимума. *Во второй фазе* коэффициент смертности продолжает снижаться, но коэффициент рождаемости также начинает падать, вследствие чего, происходит замедление тем-

пов прироста. *Третья фаза* характеризуется определенным повышением коэффициента смертности, что является прямым следствием изменения возрастного состава населения в сторону увеличения процента людей в старших возрастах. Одновременно замедляются темпы снижения рождаемости. *Четвертая и последняя фаза*, означает стабилизацию рождаемости и смертности на одном уровне – коэффициенты рождаемости и смертности сближаются. Это значит, что в основу характеристики различных типов воспроизводства в теории демографического перехода положено соотношение показателей рождаемости и смертности. И что в соответствии с замечанием Э. Лэнга свидетельствует, что она «использует статистику, как пьяница использует фонарный столб – для опоры, а не для освещения».

Разные авторы выделяют различное количество (от двух до пяти) стадий перехода, а иногда даже и расходятся в характеристике одних и тех же стадий. Но теоретики и приверженцы теории демографического перехода считают, что эти различия не противоречат теории демографического перехода, не носят принципиального характера. Но, что характерно: для определения степени соответствия демографического развития той или иной страны в рамках классической теории демографического перехода – ни одна из фаз перехода не предполагает отрицательного сальдо естественного прироста. И в этом аспекте автоматический перенос теории демографического перехода на современное демографическое развитие постсоветских государств вызывает многочисленные вопросы. И потому имеются основания ее оспорить.

Среди них прежде всего выяснение того вопроса: на какой стадии демографического перехода находится та или иная страна. Если, в основном, демографические процессы в Беларуси, России и Украине с определенными различиями можно отнести к факту их соответствия состоявшимся двум фазам демографического перехода, то в отношении третьей, а тем более четвертой фазы – есть много вопросов. Прежде всего, если считать соответствие демографического развития постсоветских государств третьей фазе перехода, то это развитие у нас занимает очень небольшой исторический промежуток времени. Что касается четвертой фазы перехода, то ее классическая характеристика (стабилизация уровней рождаемости и смертности) никак не характеризует современное демографическое развитие не только постсоветских, но и многих других государств.

В одних странах действительно происходит стабилизация рождаемости и смертности на одинаковом уровне. В других государствах уровень смертности превышает уровень рождаемости. А в третьей группе стран (Беларусь, Россия и Украина относится к их числу) начался рост рождаемости, что теорией демографического перехода не предусмотрено. Не вписывается в теорию демографического перехода развитие с отрицательным сальдо естественного прироста или демографического исхода с депопуляционной спиралью.

В связи с этими и другими демографическими процессами, в частности, влиянием на демографическое развитие ряда стран международной миграции, теории демографического перехода модернизируется – прежняя классическая теории демографического перехода теперь называется первым демографическим переходом, которая ныне дополнена вторым демографическим переходом.

К истории разработки теории демографического перехода

Истоки теории демографического перехода ведут к началу XX века. Именно тогда в демографической науке появились попытки осуществить различного рода классификации и комбинации процессов рождаемости и смертности. Так, Адольф Ландри в статье 1909 г. «Три основные теории населения» изложил идею о демографических типах репродуктивного поведения, а в статье 1924 г. «Идея прогресса» им было сформулировано понятие о трех режимах воспроизводства населения [Цит. по: 32, с. 491].

В разделе, посвященном развитию демографической науки Беларуси в предвоенный период (параграф «В духе мировых тенденций в социологии и демографии»), мы уже упоминали о проблемах, связанных с первенством формулировки первых подходов теории демографического перехода. Выдающимся советским и российским демографом В.А. Борисовым было установлено, что значительную роль в ее становлении сыграл поляк Леон Радзинович, первым (под фамилией Рабинович) употребивший термин “демографическая революция” и тем самым введший в научный обиход основную категорию будущей теории демографического перехода.

Во всех справочниках и демографической литературе приоритет в становлении концепции демографического перехода отдается Уоррену Томпсону, опубликовавшему в 1929 году в «Американском

социологическом журнале» статью «Население» [318]. Попутно отметим, что хотя и книга Л. Рабиновича и статья У. Томпсона вышли в одном – 1929 году, но это разные ипостаси: подготовка статьи Уоррена в 16 страниц и написание книги в 430 страниц Рабиновича, на издание которой также нужно большее времени, чем для статьи. Более полное изложение концепции У. Томпсоном вышло отдельной книгой «Демографические проблемы» (точнее – «Проблемы населения») [319] годом спустя. В ней У. Томпсон обратил внимание на динамику и направление движения, как мирового населения в целом, так и населения отдельных регионов, в частности.

Но есть несколько обстоятельств, приведших к самостоятельному созданию Л. Рабиновичем, У. Томпсоном и А. Ландри методологических основ будущей теории демографического перехода – изменения в демографических реалиях начала XX века. Они настолько разительны по сравнению с XIX, а тем более с XVIII веками, и очень близки в различных странах по своим процессам и их содержанию, что одновременное обращение к этим проблемам многих ученых (и Л. Рабиновича, У. Томпсона и А. Ландри тоже), позволяет всех их троих считать творцами теории демографического перехода. Хотя тенденции “демографического взрыва” (т.е. второй фазы теории демографического перехода) были выявлены еще Т. Мальтусом. Но различие мальтусового понимания “демографического взрыва” и теории демографического перехода – существенное.

В этой связи следует отметить и то, что именно публикация работы У. Томпсона в социологическом журнале и делает эту концепцию не просто демографической, а демографически социологической. Как и подзаголовок в книге Л. Рабиновича «Очерк по социологии народонаселения», в которой анализируется тесная взаимосвязь между экономическим, социальным, политическим развитием и демографическими процессами. При этом Л. Рабинович делает плодотворный вывод, что демографическое развитие обладает относительной самостоятельностью и при одном и том же способе производства могут существовать разные фазы демографического развития. И свое исследование Л. Рабинович завершает социолого-экономическим выводом, что современный период «есть одновременно фаза экономического и демографического перехода». «К большому числу экономических, социальных и интеллектуальных проблем нашего времени, которые нынешняя эпоха оставляет в наследство будущим столетиям».

ям, нужно добавить еще одну, причем одну из самых серьезных и таинственных: проблему населения» [Цит. по: 32, с . 494]. Недаром, как мы упоминали в первой главе, В.А. Борисов констатировал, что именно социологический подход позволил «достаточно удовлетворительно» объяснить демографические перемены.

У. Томпсон в своей пионерской статье «Население» и книге «Проблемы населения» выделяет следующие 3 группы стран:

- (первая, группа А) характеризуется достаточно низким уровнем смертности и быстро падающем уровнем рождаемости, что приводит сначала к нулевому, а затем и к отрицательному приросту населения. В эту категорию Томпсон включил западноевропейские страны;

- (вторая группа – В), состоит из стран, в которых за последний период произошло снижение как уровня смертности, так и уровня рождаемости, однако снижение смертности было более быстрым и резким, чем снижение уровня рождаемости. В группе этих стран (Восточной и Южной Европы) наблюдается значительный рост населения. В этом типе демоовоспроизводства развитие в конце концов приведет к такому снижению уровня рождаемости, который сначала сравняется с уровнем смертности (т.е. стабилизации показателей рождаемости и смертности), а затем и к отрицательному сальдо естественного прироста населения;

- (третья группа, группа С) характеризуется высокими уровнями рождаемости и смертности. Данная группа называется мальтузианской.

У. Томпсон выявил, что страны группы “В” повторяют в демографическом плане развитие стран группы А 35-40 летней давности. Но это повторение отличается темпами перехода от положительного к отрицательному росту населения. Таким образом, он дифференцировал различные группы стран по темпам прохождения определенных ступеней развития. Соответственно и страны группы “С” должны перейти к типу воспроизводства, характерному для второй группы – группы “В” в течении 40 лет. Напомним, что в общеметодологическом плане этот подход был сформулирован в «Капитале» К. Марксом: «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [149, с. 9], который в приложении к демографическим процессам отражен в концепции демографического перехода.

Напомним, что и белорусские ученые (М.В. Довнар-Запольский и Б.Я. Смулевич) также предпринимали попытки комбинировать показатели рождаемости и смертности: М.В. Довнар-Запольский – попутно, а Б.Я. Смулевич – системно. Это означает, что попытки демографического анализа белорусскими учеными в начале 1920-х годов были в русле мировых подходов и содержали отдельные ценные выводы. При этом отметим интересное обстоятельство, что мигрант Б.Я. Смулевич, перебравшийся в начале 1920-х годов из Польши в Беларусь в своей фундаментальной работе «Заболеваемость и смертность населения городов и местечек БССР» (1926 г.) также анализирует соотношение динамики рождаемости и смертности, что отвечает духу теории демографического перехода (не называя ее так). И этим белорусская демографическая наука должна гордиться.

О причинах изменения тенденций в рождаемости и смертности

Дальнейшее развитие теории демографического перехода связано с именем А. Ландри, выявившего в 1934 году подобные тенденции в динамике мирового населения в работе «Демографическая революция» [314]. В частности, Адольф Ландри в ней выделил три стадии развития населения: примитивную, промежуточную и современную, что схоже с классификацией У. Томпсона. А. Ландри сформулировал положение о том, что режим воспроизводства, характерный для стран Западной Европы того периода, через некоторое время будет воспроизведен всем миром в целом. Однако страны, вступившие на стадию перехода позднее, будут иметь более высокие темпы протекающих изменений, т.е. это «развитие» будет догоняющим.

А. Ландри (впервые) предпринял попытку дать научное обоснование причин снижения общих коэффициентов рождаемости и смертности. В теории демографического перехода динамику численности населения определяет соотношение показателей рождаемости и смертности. Однако значительный упор им был сделан на причинах снижения последних. Такую же попытку в середине 20-х годов предпринял и Б. Смулевич, о чем речь велась ранее. А. Ландри рассматривал снижение уровня смертности как результат успешной борьбы с эпидемиями путем вакцинации и повышения качества личной гигие-

ны, улучшения ситуации с продовольствием и социальной стабильностью. Среди причин снижения коэффициентов рождаемости он указал только на индивидуальный контроль над рождаемостью, возникший вследствие эгоистичных и эгоцентристских аспектов психологии человека индустриального общества. И здесь в этой констатации видна экономико-социологическая методология А. Смита, характеризующего человека начала индустриальной эпохи, как «человека экономического», которому свойственны такие черты, как существо независимое, эгоистическое, рациональное и информированное. Именно первые три черты «человека экономического» проявляются в характеристике причин снижения рождаемости А. Ландри.

Кроме того, стоимость содержания детей, проблемы, сопровождающие процесс их воспитания, физические и психологические неудобства, связанные с беременностью, – вот что, по мнению французского ученого, и привело к существенному снижению рождаемости. Позже этот аспект в характеристике демографических изменений будет отправным в теории лауреата нобелевской премии по экономике Г.С. Беккера. Таким образом, вводя в своей работе в обращение самого термина «демографического перехода», А. Ландри заложил фундамент для дальнейшего развития идей самодостаточности и индивидуализма, как причин, предопределяющих снижение уровня воспроизводства. И здесь также ярко проявляется социологическая концепция социокультурных ценностей, сформулированная М. Вебером, акцентировавшего внимание на важности для капиталистических экономических отношений западных социокультурных ценностей. Позже этот аспект теории демографического перехода будет рассмотрен Дж. С. Колдуэллом в концепции «вестернизации» [309].

Теория демографического перехода и человеческий капитал

Но У. Томпсон и А. Ландри считаются предвестниками теории перехода, заложивших фундамент, на котором была создана теория демографического перехода. Классическое экономико-социологическое оформление теории демографического перехода связано с именем Франка Ноутстейна, который после Второй мировой войны, обратился к ней в своей статье 1945 года в сборнике статей под редакцией будущего лауреата нобелевской премии по эконо-

мике Т. Шульца [317]. Подобно У. Томпсону и А. Ландри, он выделил три основных группы стран, отмечая что воспроизводство населения Западной и Центральной Европы достигнет своей максимальной отметки к 1950 г., Южной Европы – в 1970 г. Реальный уровень снижения рождаемости, однако, был более плавным, чем полагал Ф. Ноутстейн. В результате численность мирового населения в 2000 г. оказалась в 2 раза меньшей, чем предсказывал Ф. Ноутстейн.

Для анализа процесса демографического перехода и вообще процессов демографического развития важны методологические подходы Ф. Ноутстейна причин снижения рождаемости, среди которых им были отмечены:

- влияние городского образа жизни на сферы производства, потребления, образования;

- мобильность молодых людей и оторванность от «контролирующих структур» традиционной общины;

- развитие новых технологий, рост требований к рабочей силе, а также расширение возможностей для личностной самореализации. Все это привело к увеличению как прямой, так и альтернативной стоимости воспитания детей (детям необходимо было дать образование, на их воспитание необходимо было затратить значительное время, что существенно ограничивало возможности молодых родителей).

Именно из-за этих выводов создатель (Т. Шульц) теории «социального капитала» и включил статью Ф. Ноутстейна в свою книгу, как соответствующую концепции социального капитала. Это означает, что Ф. Ноутстейн заложил социокультурный детерминирующий базис дифференциации факторов, влияющих на уровень рождаемости, который игнорируют сторонники концепции демографического перехода в России. Им выделены социально-экономические и культурные группы факторов. И демографические процессы во многом обуславливаются факторами социально-экономического характера. Исходя из этого процесс демографического перехода Ф. Ноутстейн представляет как смену типов воспроизводства населения, адекватную и совпадающую с развитием и трансформацией производительных сил общества.

Главным выводом Ф. Ноутстейна является доказательство того, что снижение рождаемости не имеет биологической природы, а ключевая роль в этом принадлежит установкам населения. Ноутстейн еще до того, как мир столкнулся с «демографическим взрывом»,

предвидел, что взаимодействие между социальными изменениями и демографическими тенденциями (демографический переход), проявившееся в богатых, промышленно развитых странах, несет в себя потенциал резкого увеличения численности населения в менее развитых странах. А такое демографическое развитие для бедных стран станет препятствием для дальнейшего прогресса.

Смертность в теории демографического перехода

При анализе динамики численности населения наибольшее внимание в соотношении показателей рождаемости и смертности было уделено смертности. И это прежде всего связано с тем, что именно изменения в динамике смертности оказали в первой фазе демографического перехода существенное, если не решающее влияние, на изменение динамики численности населения. Эти причины разнообразны и многогранны. Это и повышение благосостояния общества и отдельных его членов, установление общественного правопорядка (что существенно уменьшило смертность, вызываемой местными военными конфликтами, клановой борьбой и другими преступлениями). Это и развитие транспортной инфраструктуры, что положительно отразилось на результатах борьбы с голодом. Это и улучшение качества и увеличение объема сельскохозяйственной продукции, способствовавшее снижению восприимчивости к инфекционным заболеваниям. Это и развитие культуры индивидуальной гигиены. В частности, о влиянии на различного рода заболевания и смертность этом плане среди этнических групп (белорусов и евреев) населения городов Беларуси дал информацию Б. Смулевич [240]. Это и открытия выдающихся врачей и биологов (Луи Пастера, Коха), открытие пенициллина. Это в свете вышеуказанного и существенное снижение младенческой и детской смертности, заболеваемости диареей и туберкулезом. Это и борьба с болезнями цивилизации. Это и внедрение новых методов диагностики и дифференциация причин смерти на более узкие группы. Причем, если в группе стран А снижение смертности по вышеуказанным причинам заняло 75-100 лет, то в группе стран В, где демографический переход начался существенно позже, на это потребовалось всего 20-35 лет.

Снижение смертности и заболеваемости, более здоровое и дольше живущее население – обычно считаются косвенными причи-

нами снижения уровня рождаемости. Т.е. снижение смертности является экстранальным фактором изменения рождаемости, демонстрируя причинно-следственную связь между уровнями рождаемости и смертности. С общесоциологической точки зрения снижение уровня смертности означает и смену социологической парадигмы. Если вплоть до конца XIX века в социологической теории отдавался приоритет обществу (О. Конт, К. Маркс, Э. Дюркгейм), то позже на первый план выдвигается индивид (М. Вебер): происходит передача некоторой доли контроля над жизнью человека из рук природы сначала в “руки” общества, а затем и самому индивиду. Люди индустриального общества со взглядами на жизнь и судьбу – менее фаталистические и менее пессимистические. Даже, часто критикуемый сегодня, мичуринский девиз «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача» отражает изменение роли человека в современном обществе. Стремление людей самореализации в различных сферах жизни в демографическом плане означает, что и процесс рождения и процесс смерти – не только (а может быть и не столько) природный, но и общественный и личностный феномен. Он может и должен поддаваться общественному и индивидуальному контролю.

Рождаемость в теории демографического перехода

Проблема снижения рождаемости (в терминологии теории демографического перехода – падения) связана с экономическими соображениями. Именно экономический подход и был основным на начальных стадиях развития теории демографического перехода. Так, Р. Истерлин попытался в комплексе рассмотреть экономические и социально-культурные факторы снижения рождаемости. Используя выводы А. Маршалла, он выделил “спрос”, “предложение” и “издержки” контроля над рождаемостью. В понятие «спроса» включены общие социально-экономические факторы. «Предложение» характеризует культурную традицию, сдерживающую естественную рождаемость. «Стоимость» включает в себя временные, денежные и психологические издержки ограничения рождаемости. Данная концепция (скажем, временные издержки – через понятие времяемкости) была обоснована и развита лауреатом нобелевской премии по экономике Г.С. Беккером, который по этой причине считает себя больше социологом, чем экономистом.

Высокий уровень рождаемости, характерный для традиционной и промежуточной стадий перехода, а в экономическом плане – характерный для аграрной и ремесленно-кустарной экономики, объясняется экономической целесообразностью этой экономики и, следовательно, рациональным экономическим выбором индивида. В условиях индустриальной экономики, основанной на разделении труда, уменьшение уровня рождаемости отражает иной – рациональный экономический выбор, новый экономический выбор общества и индивида в условиях изменившихся внешних факторов. И здесь прослеживается социолого-экономическая методология “человека экономического” А. Смита – независимый, эгоистический и рациональный.

В современной интерпретации теории демографического перехода важным стал ввод понятий «модернизации» и «вестернизации», разработанных Дж.С. Колдуэллом [309]. У него “модернизация” являет структурный элемент демографического поведения, а “вестернизация” – копирование чужеродного образца. Но концепция Дж. Колдуэлл не считает обязательным наличие устойчивой связи между экономической модернизацией и началом снижения рождаемости. В частности, он рассматривает пример Бангладеш и ряда стран Южной Африки, в которых снижение рождаемости проходило при очень низких уровнях показателей экономического развития. «Вестернизация» включает в себя идеи прогресса, секуляризации, всеобщего образования и господства над природой. Это проявляется в изменении структуры семьи (на место расширенной приходит нуклеарная форма семьи). Однако, по мнению Дж. Колдуэлла, хотя вестернизация и может побудить экономику к развитию, однако, сам процесс вестернизации не имеет ничего общего с эволюционным структурным преобразованием.

Дж. Колдуэлл также акцентирует внимание на направлениях и размерах потоков благ, включающих деньги, продукты и различные ресурсы, между представителями различных поколений. В обществах с традиционной моделью воспроизводства этот поток направлен от молодого поколения к более старшему. В таких обществах дети рассматриваются в первую очередь как дополнительная рабочая сила, способная обеспечить пропитание не только себя, но и своей семьи. С переходом к нуклеарной семье поток благ начинает двигаться в ином – противоположном – направлении, и рациональным поведени-

ем индивида в демографическом плане, по мнению Дж. Колдуэлла (человек – рациональный и, одновременно, эгоистический), становится максимально возможное меньшее количество детей.

Однако следует отметить, что этот аспект теории демографического перехода не может претендовать на звание полной и окончательной: он не объясняет склонности европейского общества к нуклеарной семье и значительно более быстрых изменений в демографической структуре тех стран, которые «скопировали» к себе западную модель, по сравнению с изменениями в самой Европе. Российский демограф А.Б. Синельников тенденцию нуклеаризации семьи в большинстве государств Западной Европы, и, следовательно, причины исторической эволюции демографической модели Запада, а затем – и демографических тенденций, вписывающихся в теорию демографического перехода объясняет действием принципа майората, т.е. практикой наследования недвижимости старшим сыном (т.е. во-первых, при принципе старшинства, а во-вторых, только по мужской линии) [234, с. 170-181].

В теории демографического перехода не последнее место занимает и роль государства в демографических процессах, и прежде всего в регулировании рождаемости. Принцип майората, который был законодательно оформлен в средние века в Западной Европе, – такой пример. Причем, если вклад государства в снижение смертности – это фактор интрональный, то в деле регулирования рождаемости это воздействие и интрональное и экстранальное. В частности, первая фаза перехода в Западной Европе, во-первых, была связана с движениями за отмену принципа майората. Во-вторых, она совпала с отменой и признанием незаконным применением детского труда во всех его формах. И это предполагало совершенствование законодательства в различных сферах общественной жизни. Среди социокультурных факторов отметим и законодательное развитие системы школьного образования. А это значит, что государство “способствовало” росту издержек содержания и воспитания детей, а значит, по мнению Дж. Колдуэлла, и изменению вектора потока благ. Ранее дети представляли не только экономические затраты, но и экономические ресурсы семьи. Ныне дети – своего рода «блага длительного пользования» (для родителей – источник удовлетворений по преимуществу неденежных) Но в экономическом плане они предполагают увеличение затрат [23].

Недаром, под влиянием сторонников теории демографического перехода она стала методологической основой Рекомендаций Каирской конференции по народонаселению (1992 г.), констатировавшей, что рождение каждого (после первого) последующего ребенка ущемляет права ребенка, ибо каждый новый родившийся ребенок уменьшает семейный душевой доход. Экстранальным историческим факторам снижения рождаемости стала и промышленная революция, чье развитие привело и тогдашнюю, и нынешнюю экономику к созданию и расширению мест приложения труда для женщин. Современное влияние государства на уровень рождаемости на первый взгляд не всегда явно, но не менее значимо. А в ряде регионов мира влияние государства на демографическое развитие и явно и значительно. Наиболее известный пример Китая, где введение обязательной и жесткой системы планирования семьи, привело к падению рождаемости до уровня ниже простого воспроизводства.

Для характеристики сущности демографических изменений интерес представляет предложенная Ж.-К. Шене типология длительности демографического перехода. В ней наибольший коэффициент естественного прироста, «переходный мультипликатор» показывает во сколько раз возросла численность населения за время существования переходного типа воспроизводства. В частности, Ж.-К. Шене выделил три основные схемы демографического перехода: одна – для европейских стран и Японии, вторая – для европейского населения за пределами Европы, и третья – для развивающихся стран Азии и Африки. Каждая из этих схем может иметь несколько типичных вариантов, причем, Ж.-К. Шене выделяет значительно большую интенсивность протекания демографического перехода в странах с третьей схемой. В частности, для Швейцарии переходный мультипликатор равен 3,7, для Италии – 2,3, в то время как для Мексики – от 7 до 10, для Индии – от 3,7 до 4,7, для Египта – от 3,9 до 5,1 [310].

В этой связи, как отмечает А.Г. Вишневский, специалистами ООН были предприняты попытки анализа предстоящей динамики показателей рождаемости и смертности для различных регионов мира в процессе эволюции. Согласно данной гипотезе, стабилизация произойдет при средней продолжительности жизни превышающей 74,8 года, и снижении рождаемости до 2,08 рождений на 1 женщину; при этом нетто-коэффициент будет равным единице. Спустя несколько десятилетий, когда потенциал демографического роста,

накопленный в возрастных структурах, иссякнет и рост численности населения, таким образом, прекратиться, коэффициент рождаемости сравняется с коэффициентом смертности на уровне 13,4‰.

Миграция в теории демографического перехода

Дальнейшее развитие различных аспектов теории демографического перехода связано с анализом и работами Д. Керка [313], Р. Истерлина, Рона Лестега [315; 316], Жана-Клода Шене [310], Дирка ван Каа [311; 312; 320]. Вклад последнего представлен на рис. 2.

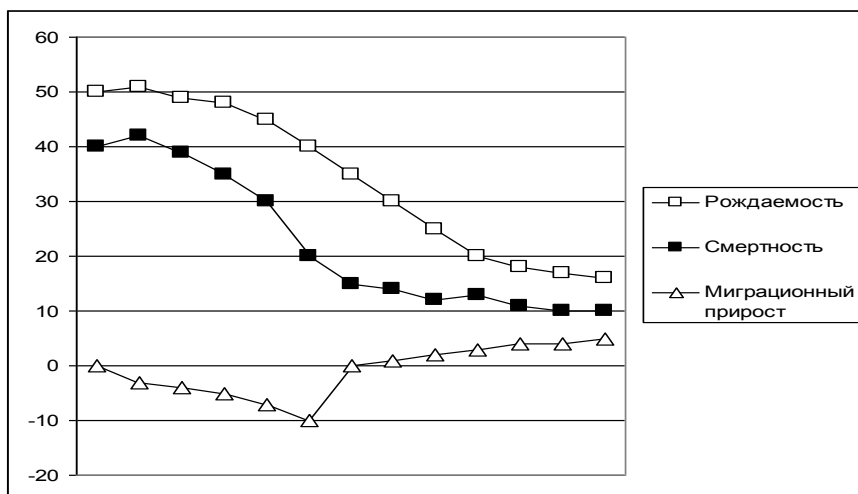

Рисунок 4. Первый и второй демографический переходы (по Д. Ван де Каа).

Так, с именем Дирка ван Каа связано дальнейшее развитие теории демографического перехода, выделившего первый демографический переход и второй демографический переход. Его анализ демографических процессов выполнен в рамках институционального подхода. Второй демографический переход у Д. ван Каа отличается от первого влиянием на демографические изменения той или страны миграционными процессами.

Наиболее существенной для современной трактовки теории демографического перехода является, разработанная Ронем Лесте-

гом, взаимосвязь уровня рождаемости и социокультурных особенностей того или иного общества [315; 316], т.е. распространение на анализ демографических изменений институционального подхода. Те существенные различия в уровнях рождаемости различных стран в значительной части обусловлены отличиями в религиозных взглядах и практиках, в уровне секуляризации, соотношения тенденций коллективизма и индивидуализма. А эти различия являются обстоятельствами, влияющими на время, которое потребуется тому или иному обществу на осуществление перехода к современному типу воспроизводства. Или вообще – потребуется ли?

В этой связи Р. Лестег ввел понятие «дерева вкусов» [315], которое вырастает на почве новой экономической и политической структуры: ствол дерева включает физиологические нужды людей, бесчисленные ветки – порождения развития экономики – запросы «более высокой категории» включающие в себя нематериальные блага и всю совокупность «продуктов роскоши». В западном мире к «веткам» могут быть отнесены свобода выбора, упразднение религиозного контроля, секуляризация. Р. Лестег отмечает упадок традиционных ценностей и религиозности и растущий спрос на индивидуальность и «высшие» ценности в выражении индивидуальных желаний вместо желаний групповых. Среди них выделяется гендерная политика, движение эмансипации, внесшее существенный вклад в отход от традиционного типа деменовоспроизводства.

Таковы составляющие компоненты теории демографического перехода, влияющие на динамику уровней рождаемости и смертности. В ее краткой интерпретации отметим, во-первых, выделение трех исторических типов воспроизводства, характеризующихся различными уровнями рождаемости и смертности. В целом, направление изменения типов воспроизводства идет от традиционных (архаичных) обществ с доминированием высоких (даже – сверхвысоких) уровней рождаемости и смертности к современным, характеризующимся относительно низкими их показателями. Во-вторых, начало демографического перехода зависит от совокупности социальных, экономических, культурных факторов в их многообразии и взаимозависимости. Если одни страны уже завершили данное преобразование, другие страны повторяют путь “первопроходцев” демографического перехода, то в третьих странах еще не начато движение в этом направлении. В-третьих, время, затрачиваемое тем или иным обще-

ством на переход, уменьшается тем значительнее, чем позже общество вступило на путь “модернизации”. В-четвертых, наблюдается типологизация и классификация реальных схем развития демографического перехода, влияющих на динамику роста численности населения [310].

Методологической основой оценки теории демографического перехода может стать констатация одного из докладов ПРООН по человеческому развитию, выполненному под методологическим руководством лауреата Нобелевской премии по экономике А. Сена. «Стратегии и реформы, отвечающие интересам прогресса, варьируются в разных институциональных условиях в широком диапазоне и зависят от структурных и политических ограничений. Попытки «трансплантировать» в другие страны определенные институциональные и политические решения часто заканчиваются неудачей, а политические меры должны опираться на преобладающие институциональные условия».

Полипарадигмальный подход и теория демографического перехода

Анализ демографических позиций лауреатов нобелевской премии по экономике, а также современных сторонников концепции демографического перехода (Р. Лестега и Д. ван Каа) выявляет, что нельзя противопоставлять институциональный подход и концепцию демографического перехода. В рамках полипарадигмального подхода они не противоречат, а дополняют друг друга, расширяют социологический анализ современного демографического развития. Если концепция демографического перехода позволяет выявить наиболее существенные характеристики современных демографических процессов, то институциональный аспект показывает роль социальных институтов в проведении необходимой демографической политики. Идея демографического перехода, выявляющего закономерности демографического развития, во взаимодействии с институционализмом позволяет вести речь о социокультурной обусловленности современных демографических процессов.

В середине 1970-х годов теорию «демографической революции» советские демографы отвергали, ибо она, по их мнению, которое выразил А.Я. Боярский, смыкается «с теорией индустриального

общества и другими нынешними конструкциями буржуазной общественной науки» и игнорирует «самое главное содержание исторического развития – смену общественных формаций» [34, с. 67]. Ранее в СССР, а ныне в России последовательным и наиболее аргументированным сторонником теории демографического перехода, которая у него тождественна демографической революции, является А.Г. Вишневский [49; 50]. Концепция демографического перехода на постсоветском пространстве хотя и имеет своих сторонников, но единства в подходе к ней и приложении ее к анализу конкретной исторической демографической ситуации не имеется. Но ее позитивная роль состоит в том, что она породила многообразие точек зрения в демографическом мире, что способствует углублению теоретической базы по пути междисциплинарного и системного демографического анализа.

Вместе с тем, существующая трактовка теории демографического перехода, как «теории», – недостаточно удовлетворительная. Ее трактовка исходит из простого эмпирического статистического подхода, представляя комбинации количественных показателей рождаемости и смертности, и потому справедливо подвергается критике [108]. И, как «теория», теория демографического перехода не отвечает на главное в теории перехода, если это «переход», то переход: от чего? и к чему? Если это – действительно «теория», но она должна иметь содержательную объяснительную трактовку. Определение же, что данная концепция применяется для объяснения смены типов воспроизводства [173, с. 108-109], или отражает переход в изменении типа воспроизводства общества от традиционного аграрного к городскому индустриальному, или отражает взаимодействие между социальными изменениями и демографическими тенденциями (Ф. Ноутстейн) для формулировки содержания теории – явно недостаточно. Подобное (для объяснения смены типов воспроизводства) можно сказать и об эйлеровской гипотезе 25-летнего удвоения численности населения (удвоения, которое ошибочно приписывают Т. Мальтусу, хотя об этом раньше писал и А. Смит, а до него и Р. Кантильон, на которого Смит ссылается). Это можно сказать и о концепции народонаселения К. Маркса, что каждому способу производства соответствуют и свои законы народонаселения. Это также характеризует смену типов воспроизводства.

Однако то, что в общем плане, представленная концепция теории демографического перехода Ф. Ноутстейна, дает наиболее

презентабельное представление о различных типах воспроизводства, отнять у нее нельзя [52]. Просто существующая теория демографического перехода от Ф. Ноутстейна и Т. Шульца в соответствии с уже цитируемым подходом Э. Лэнга «использует статистику, как пьяница, использует фонарный столб – для опоры, а не для освещения». Переход – от чего? Переход – к чему? Прежнее репродуктивное поведение характеризовалось большим количеством рожденных женщиной детей. Но оно одновременно сопровождалось и высокой смертностью прежде всего среди детского населения. В итоге до 15-летнего возраста доживало 2-3 ребенка.

Подобная тенденция с вариацией количественных показателей в ту или иную сторону отмечалась многими мыслителями. И эта ситуация держалась почти до середины XIX века. Так, Дж. Граунт отмечал, что в Англии в середине XVII столетия чуть более одной трети (36%) новорожденных умирали в возрасте до 6 лет. А во Франции середины XVIII века по данным Ф. Кенэ более одной трети родившихся не доживали даже до двухлетнего возраста; а кроме этого в возрасте от двух до 16-17 лет умирало еще около одной четверти детей. В Беларуси в эпоху заселения ее территории до 40-летнего возраста доживал 1 человек из 100, а большинство умирали или гибли, не прожив и 20 лет. Современное репродуктивное поведение характеризуется меньшим количеством рожденных женщиной детей, но с низкой детской смертностью. В результате к этому же 15-летнему возрасту выживает примерно 95% родившихся.

Это констатируют и представители теории демографического перехода. В частности, Э. Коул и П. Домени, исследуя тенденции в развитии смертности и перспективы дожития до определенного возраста в зависимости от типов демовоспроизводства определили, что численность доживающих до 15 лет при традиционной ступени такого перехода составила 48,8%, на ранней стадии перехода – 55,9, на поздней – 78,8 и на современной – 95,6%. Т.е. оказывается, что итоговые результаты и традиционного и современного типа воспроизводства – схожи.

Любая теория подвержена изменению в связи с прогрессом знаний. А социальная теория – тем более, еще и потому, что в отличие от естественных наук меняются и условия, характер жизнедеятельности людей. Представляется, что рассмотренные выше количественные характеристики и количественные комбинации в теории

демографического перехода можно сформулировать следующим образом: теория демографического перехода отражает историческую смену типов демовоспроизводства, выражающуюся в переходе от количественного репродуктивного поведения людей через демографический взрыв к качественному репродуктивному поведению. И в этом смысле теория демографического перехода – более жизненна: она отражает и переход – и от чего, и к чему. Она отражает и содержательный аспект теории, т.е. раскрывает то, что характеризует любую теорию – ее сущность. И это отвечает сущности теории «человеческого капитала» Т. Шульца.

Как видно из изложенного, автор не разделяет мысль, которая поставлена в качестве эпиграфа данного параграфа, но эта мысль отражает содержание теории демографического перехода в понимании ее сторонников. Как само демографическое поведение конкретного человека не вписывается в рамки какого-либо одного фактора, так и концепции, характеризующие многообразие исторических, политических, социальных условий, в которых осуществляются демовоспроизводственные процессы, многообразны и разнообразны. И исследование социолого-демографических идей представляет из себя целостный процесс, включающий в себя взаимодействие, проявляющееся как в противоборстве, так и во взаимовлиянии их, даже при их противоречивости. Современная демографическая ситуация Беларуси, России, Украины, которая характеризуется депопуляционными явлениями не вписывается в теорию «перехода», ибо переход должен давать пусть маленький но прирост. В противном случае мы же имеем дело не с переходом, а с уходом, отходом.

Заключение

Изложение демографических идей и концепций показывает их многообразие и разнообразие. Это их многообразие отражает генезис развития социума и разнообразие социально-экономических условий, в которых протекали и протекают демографические процессы. Но в этом их многообразии и разнообразии они касались одних и тех же основных демографических проблем и были связаны с перспективами развития человечества и общественного устройства государства. Многие из них касались в современной терминологии национальной безопасности и тех социально-экономических условий, которые обеспечивали эту безопасность. Эти перспективы и эта безопасность касались идей оптимума населения, а также многообразия демографических процессов: рождаемости, брачности, продолжительности жизни, миграционного движения населения.

Автор попытался в историческом разрезе показать взаимосвязь демографических идей и специфики этноментальных особенностей народов. Анализ социолого-демографических идей древнего мира, западноевропейской научной мысли, русскоязычной и белорусской демографической науки выявляет, что демографические процессы, как никакие другие, были в центре философских, социологических, экономических, статистических, политологических, географических, военных, математических, медицинских и многих других наук. Таким образом, демография, с одной стороны, является результатом развития этих наук, а с другой стороны, она расширяла масштабы и проблематику, связанных с нею наук. И каждая историческая эпоха выявляла все большее обострение демографических процессов.

Особенно острыми они стали в XX столетии. ООН, провозгласив в 1974 год, когда численность населения Планеты превысила 4-х миллиардный рубеж, Годом народонаселения, по сути провозгласила весь период последней четверти XX века и наступившее новое столетие – Эпохой народонаселения. И хотя сегодня человечество приближается к магической цифре десяти семерок – 7777777777, этот период народонаселения для европейской цивилизации ставит совсем иные проблемы, чем они являлись в 1974 году. Если в середине второй половины XX века они рассматривались с позиций обеспокоенности ростом численности населения Планеты, ростом нагрузки на

ее ресурсы, то сегодня появилась и обеспокоенность иного рода – обеспокоенность перспективами европейского этноса, численность которого в отличие от этносов других регионов Планеты устойчиво сокращается, что грозит его исчезновению.

И на этом фоне нас беспокоит будущее славянского этноса и особенно белорусского народа. Только за последнее двадцатилетие численность населения белорусского государства уменьшилась более, чем на 900 тыс. человек или почти на десятую часть. И анализ мировых демографических идей и концепций – это одновременно и поиск тех идей, которые смогли бы быть реализованы белорусским государством. Они отвечают той идеологии белорусского государства, которая требует от социальной науки активизировать научные разработки в области демографических процессов, анализа основы демографических процессов – развития и функционирования семьи, которая требует от науки и прежде всего от социологической науки – осуществлять социологическую экспертизу и анализ принимаемых решений – «проектов правовых актов, государственных программ и масштабных решений в разных отраслях, которые затрагивают интересы многих простых людей». На наш взгляд, анализ демографических идей и концепций обозначает и методологию этой экспертизы – демографизацию и социологизации всей, а не только общественной науки, т.е. составляет ее обоснованный фундамент.

Сложившиеся депопуляционные процессы требуют системного подхода в осуществлении демографической политики, как в ближайшей, так в среднесрочной и отдаленной перспективе. Стратегией ближайшей перспективы должно быть решение проблем качественного развития демографического потенциала: повышения образования, сохранения здоровья, развития передовых технологий в системе занятости населения, обеспечения достойной оплаты труда, как социально-экономического фактора реализации расширенного демопроизводства, обеспечение длительной активной трудовой деятельности. Они являются основой увеличения продолжительности жизни населения и сохранения численности населения страны.

В среднесрочной перспективе эта стратегия состоит в переносе пронаталистской демографической политики с мер кратковременного характера на долгосрочный период. Постоянный социолого-демографический мониторинг, проводившийся в рамках Государственной комплексной программы научных исследований (ГКПНИ)

2006-2010 гг. и продолжаемый Государственной программы научных исследований (ГПНИ) «История, культура, общество, государство» 2011-2015 гг., выявляет необходимость учета в пенсионном обеспечении женщин их репродуктивной активности, т.е. поставить уже сегодня зависимость величины пенсий женщин от количества родивших и воспитавших ими детей. Проведение сегодня такой политики будет стимулировать увеличения демовоспроизводственной активности молодых женщин.

И, наконец, стратегией демографического развития и демографической политики, рассчитанной на отдаленную перспективу должна стать выработка ценностных семейных ориентаций, связанных с кардинальным изменением оценки социальной роли женщины. Исходя из социобиологического предназначения женщины важнейшей ее социальной ролью должна стать роль матери.

И, подводя итоги, хочется сказать: главное, чтобы итоги нас не подвели. Особенно – в демографическом развитии нашего государства.

Словарь основных понятий

Бездетность – отсутствие детей в течение всей совместной жизни супружеской пары.

Брак – санкционированная и регулируемая обществом добровольного и равноправного семейного союза между мужчиной и женщиной, определяющая их права и обязанности по отношению друг к другу и детям.

Брачное поведение – 1) для лиц, не состоящих в браке, – поведение, направленное на вступление в брак или отказ от предложения вступить в брак; 2) для состоящих в браке – поведение, направленное на развод, или, напротив, на сохранение брака в случае, когда другой супруг требует развода.

Брачность – в узком смысле – процесс образования брачных (супружеских) пар в населении, включает вступление в первый и повторный браки. В широком смысле понятие брачность включает в себя не только образование брачных пар, но и их распад, т. е. не только собственно брачность в узком смысле, но также разводимость и овдовение.

Брачный рынок – совокупность мужчин и женщин, желающих вступить в брак, характеризующие ситуацию, что и на брачном рынке действуют законы спроса и предложения.

Внебрачные дети – дети, рожденные вне зарегистрированного брака.

Возрастно-половая пирамида – графическое изображение состава населения по полу и возрасту на фиксированную дату по данным переписи населения или его текущего учета.

Воспроизводство населения – процесс непрерывного возобновления численности людей в поколениях в результате взаимодействия рождаемости и смертности, а также перехода из одних структурных частей в другие.

Гражданский брак – с юридической точки зрения брак, оформленный в органах государственной власти без участия церкви. Ныне так называют фактический брак, не оформленный в законном порядке, но более правильно называть данную форму отношений незарегистрированным браком.

Гендер – социальный статус, определяющий индивидуальные возможности в образовании, профессиональной деятельности, досту-

пе к власти, сексуальности, семейной роли и репродуктивного поведения мужчины и женщины.

Гендерные различия – существенные отличия в поведении или состоянии представителей мужского и женского пола.

Демографическая катастрофа – резкое снижение численности населения страны или какого-либо этноса в связи со значительным ростом смертности людей, низкой рождаемостью и миграционным оттоком населения.

Демографическая нагрузка – а) в отечественной статистике – отношение числа жителей в трудоспособном возрасте к остальной части населения; б) в международной статистике – отношение численности населения дотрудоспособного (0-14 лет) и старше трудоспособного (65 лет и старше) возрастов к численности населения трудоспособного возраста (15-64 года), выраженное в численности иждивенцев на 100 человек в возрасте 15-64 лет.

Демографическая политика – целенаправленная деятельность властных государственных органов и других социальных институтов, направленная на регулирование процессов воспроизводства населения.

Демографическая революция – резкий рост численности населения вследствие высокой рождаемости и снижения смертности.

«Демографический взрыв» – сверхвысокие темпы роста численности населения на определенной территории.

Демографический кризис – резкое изменение численности населения, проявляющаяся в нарушении демографической стабильности в обществе.

Демографический переход – исторически быстрое снижение рождаемости и смертности, приводящее процесс воспроизводства населения к простому воспроизводству населения.

Демографический потенциал – изменение численности населения за поколение (за 25 лет).

Демографическое поведение – деятельность индивида, семей и других малых групп, направленное на изменение или на сохранение своего демографического статуса. К разновидностям демографического поведения относятся брачное, репродуктивное и нуклеаризационное поведение. Последнее направлено на разделение или на отказ от разделения расширенных семей.

Демография – наука, изучающая присущими ей методами численность, территориальное размещение и состав населения, их изменения, причины и следствия этих изменений, взаимосвязь социально-экономических факторов и изменений в населении.

Депопуляция – систематическое уменьшение численности населения какой-либо страны или территории вследствие суженного воспроизводства населения, когда последующие поколения количественно меньше предыдущих.

Детность – характеристика, показывающая количество имеющих в семье детей.

Желаемое число детей – число детей, которое человек хотел бы иметь при наличии всех необходимых для этого, с его точки зрения, условий.

Значение ИРЧП, не связанное с доходом – индекс развития человеческого потенциала, рассчитанное только на основе индексов ожидаемой продолжительности жизни и образования.

Идеальное число детей – число детей, которое, по мнению индивида, должна иметь семья вообще (в стране, в городе, в селе), но не обязательно его собственная семья.

Иммигрант – лицо, въезжающее в страну на постоянное или временное жительство.

Иммиграция – прибытие в страну граждан других государств на постоянное или временное жительство.

Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) – композитный (составной) показатель, определяющий уровень средних достижений по трем основным направлениям в области развития человеческого потенциала – здоровью и долголетию, знаниям и достойному жизненному уровню.

Индекс развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства – показатель развития человеческого потенциала, скорректированный с учетом неравенства и трех основных измерений развития человека – здоровью и долголетию, знаниям и достойному жизненному уровню.

Индексы демографические – показатели, характеризующие интенсивность демографического процесса в данном населении по сравнению с другим населением, принимаемым за эталон (стандарт). Используются индексы жизненности, детности, брачности (брачной и внебрачной рождаемости), естественной рождаемости, смертности

(материнской, детской, женской, мужской), миграционного движения населения.

Интрональность демографическая – внутренние, последующие, вторичные демографические последствия, вызванные самими демографическими процессами.

Коэффициент рождаемости у подростков – число живорождений среди женщин в возрасте 15-19 лет в пересчете на 1000 женщин этого возраста.

Крест депопуляции – пересечение временной кривой снижения рождаемости и роста смертности.

Кризис – резкий крутой перелом, тяжёлое переходное состояние.

Майорат – наследование всей недвижимости старшим сыном, который был обязан и после вступления в брак жить с родителями или поблизости от них и заботиться об отце и матери, когда они состарятся.

Малодетная семья – семья с одним или двумя детьми. С учётом преждевременной смертности, безбрачия и бездетности такого числа детей недостаточно для замещения предшествующими поколениями последующих поколений.

Медианный возраст населения – возраст, в отношении которого население делится на две равные части, т.е. 50% населения старше этого возраста, а остальные 50% – моложе.

Мигрант – лицо, совершившее (временное, сезонное, постоянное) перемещение на новое место проживания.

Миграция – перемещение людей через границы тех или иных территорий с переменной места жительства на тот или иной срок.

Миграционное сальдо – разность между числом прибывших на какую-либо территорию и выбывших с нее за определенный промежуток времени (как правило, за календарный год).

Многодетная семья – семья, где детей намного больше, чем это необходимо для замещения поколений; обычно такой считается семья, имеющая 5 детей и более.

Народ (близко к этносу) – генетически однородное и исторически преемственное сообщество, обладающее суверенитетом в реализации своего национального идеала.

Население – самовоспроизводящаяся совокупность людей, как правило, проживающих на какой-либо территории. Существуют и экс-

территориальные (диаспорные общности) населения, нигде не занимающие сплошных территорий, например цыганское население, курды.

Население, общая численность – фактическая численность населения страны, территории или региона, по состоянию на определенную дату (чаще на начало года или дату переписи населения).

Население городское – фактическая численность населения, проживающего в районах, классифицируемых как городские согласно критериям, используемым для данной территории или страны, по состоянию на определенную дату (чаще на начало года или дату переписи населения).

Население сельское – фактическая численность населения, проживающего в районах, классифицируемых как сельские согласно критериям, используемым для данной территории или страны, по состоянию на определенную дату (чаще на начало года или дату переписи населения).

Национальность – принадлежность личности к народу (этносу) на основе национальной идентификации или самоидентификации.

Незаконнорожденные дети – в дореволюционное время считались дети рожденные: а) от пары, которая не была венчана церковью и б) зачатие которых, по расчетам церкви, произошло в период постов.

Неполная семья – семья, состоящая из одного родителя с детьми. Образуется в результате внебрачных рождений, смерти мужа или жены, развода и раздельного проживания супругов.

Нетто-коэффициент воспроизводства населения – чистый коэффициент воспроизводства населения, как мера замещения материнского поколения дочерним, и представляющий собой среднее число девочек, рожденных за всю жизнь одной женщиной, доживших до конца репродуктивного периода (условно – до 50-летнего возраста) при данных уровнях рождаемости и смертности).

Нуклеарная семья (от лат. nucleus – ядро) – простая семья, основная семья, состоящая из супружеской четы с детьми (полная нуклеарная семья) или без детей или одного родителя со своими детьми (неполная нуклеарная семья). Если кто-то из детей вступил в брак, но не отделился от родительской семьи, то нуклеарная семья превращается в расширенную семью.

Общий коэффициент рождаемости – отношение числа родившихся живыми в течение календарного года к среднегодовой численности населения, выраженное в промилле (‰).

Однопоколенная семья – супружеская пара без детей.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении – демографический показатель, измеряемый количеством лет, которое может прожить новорожденный младенец, если существующие на момент его рождения преобладающие тенденции области показателей смертности для конкретных возрастных групп останутся без изменений на протяжении всей его жизни.

Ожидаемое число детей – число детей, которое индивид предполагает иметь в данных условиях (включая уже имеющихся детей).

Партнерская семья – модель семейных отношений, где муж и жена являются равноправными членами, распределяющими семейные обязанности на основе взаимопомощи и взаимопонимания.

Патриархальная семья – семья, основанная на доминировании мужа при подчинении женщин и детей мужчине, а младших членов семьи – старшим.

Пол – сложившаяся в обществе взаимосвязь между конкретным анатомическим строением индивида и предлагаемым ему набором специфических, социальных ролей, связанных существенным образом с этим строением.

Политика семейная – целенаправленная деятельность государственных органов и социальных институтов в сфере семьи, призванная создать оптимальные условия для выполнения семьей ее функций, гармонизировать отношения между личностью, семьей и обществом.

Продолжительность жизни – демографический показатель, характеризующий среднестатистическую для данного общества длительность человеческого существования. Ж. Буржуа-Пише его определяет в 78 лет, Б.Ц. Урланис – в 86 лет (для мужчин) и 88 лет (для женщин). Считается, что определение величины биологической продолжительности жизни – задача не демографов, а биологов и физиологов, которые, исходя из гипотезы связи хромосомно-генетической программы с возрастными периодами, определяют биологическую продолжительность жизни людей в 94 года.

Промилле (в демографии) – число рождений или смертей в расчете на 1000 жителей в год (обозначается – ‰).

Пронаталистская демографическая политика – деятельность государственных органов и иных социальных институтов, направленная на увеличение уровня рождаемости.

Простое воспроизводство населения (простое замещение поколений) – тип воспроизводства населения, при котором последующие поколения равны по численности предыдущим.

Развод – расторжение брака при жизни обоих супругов по решению суда или в органах записи актов гражданского состояния в предусмотренных законом случаях.

Разводимость – процесс распада супружеских пар в населении вследствие расторжения брака (развода).

Расширенная одноответственная семья (синоним: корневая семья) – семья, в которой совместно с родителями (или одним из них) проживал один женатый сын с женой и детьми. В состав такой семьи могли входить также неженатые сыновья и незамужние дочери. Существовали два типа такой семьи – майоратная (западный тип), когда с родителями жил старший женатый сын, и миноратная (славянский тип), когда с родителями жил младший сын.

Расширенное воспроизводство населения (расширенное замещение поколений) – тип воспроизводства населения, при котором последующие поколения больше по численности, чем предыдущие.

Репатриация – разновидность этнической миграции, представляющая собой возвращение на (историческую) родину, т.е. в страну, с которой человек ассоциирует свое происхождение (чаще всего, на основе этнической принадлежности).

Репродуктивное поведение – система действий личности, направленных на рождение или отказ от рождения определённого числа детей в семье и вне брака.

Репродуктивное угасание – снижение потенциалов популяции, связанное с установками на рождение детей (в демографической науке известны концепции А. Смита, Г. Спенсера, А. Маршалла).

Рождаемость – демографический показатель, характеризующий среднестатистическую для данного общества частоту рождения детей.

Сверхсмертность – показатель смертности людей в трудоспособном возрасте, превышающий стандартные (средние) показатели фонового (базового) периода.

Семья – основанная на браке и кровном родстве малая социальная группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью.

Смертность – демографический показатель, складывающийся из множества отдельных случаев смерти в населении и характеризующий среднестатистическую для данного общества их частоту (по образному определению Ж. Буржуа-Пише: «смерть – суммирующий показатель).

Смертность взрослого населения – демографический показатель, характеризующий случаи смерти населения в возрасте от 15 до 60 лет; уровень смертности взрослого населения измеряется отношением смертей населения в возрасте от 15 до 60 лет в расчете на 1000 человек данной возрастной группы.

Смертность детская – демографический показатель, характеризующий случаи смерти населения в возрасте до 5 лет; уровень детской смертности измеряется отношением смертей населения в возрасте до 5 лет в расчете на 1000 человек (‰) данной возрастной группы.

Смертность материнская – демографический показатель, характеризующий случаи смерти женщин в период беременности или в течение шести недель (42 дней) после прекращения беременности независимо от длительности беременности или причин смертности (за исключением несчастных случаев или случайно возникших причин).

Смертность младенческая – демографический показатель, характеризующий случаи смерти населения в возрасте до 1 года; уровень младенческой смертности измеряется отношением смертей населения в возрасте до 1 года в расчете на 1000 человек (‰) данной возрастной группы.

Современный тип воспроизводства населения – процесс смены поколений в населении, характеризующийся низким уровнем смертности и рождаемости, что приводит к низким показателям естественного прироста.

Социальные нормы – принятые в обществе правила, регулирующие поведение людей, включая их демографическое поведение. В юриспруденции изучаются формальные социальные нормы (законы, инструкции, регламенты и т. п.), в социологии – главным образом неформальные социальные нормы, т. е. неписанные законы, мода, этикет, правила приличия и т. п.

Специальный коэффициент рождаемости – число рождений (в ‰) в среднем на 1000 женщин в возрасте 15-49 лет.

Стандартизированный коэффициент смертности – сумма коэффициентов смертности по каждой из групп причин.

Старение населения – увеличение доли пожилых и старых людей в населении. В Беларуси, России и Украине вызывается низкой рождаемостью (последующие поколения уже при рождении численно меньше, чем поколение своих родителей), в США, Японии и странах Западной Европы также и высокой продолжительностью жизни.

Стационарное население – демографическая характеристика при котором порядок вымирания и плотности рождений, а также структура населения и его общая численность (при отсутствии миграций) – неизменны.

Суженное воспроизводство населения (суженное замещение поколений) – тип воспроизводства, при котором последующие поколения меньше по численности, чем предыдущие.

Суммарный коэффициент рождаемости – обобщённый показатель, характеризующий среднее число детей, которое родит женщина в течение всей жизни при условии сохранения той интенсивности повозрастной рождаемости, которая наблюдалась в год, для которого рассчитывается данный показатель. Рассчитывается как сумма возрастных коэффициентов рождаемости для возрастных групп женщин в интервале 15-49 лет.

Супруги (супружеская пара) – брачный союз мужчины и женщины.

Теорема демографической экстранальности – современное демографическое развитие в большей степени обусловлено (детерминировано) явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами.

Теория демографического перехода («демографической революции», «демографической модернизации») – совокупность концептуальных положений об универсальной предопределенности демографических процессов. В их основе лежит переход от традиционного (с высоким уровнем рождаемости и низкой продолжительности жизни) к современному (с высоким уровнем продолжительности жизни и низкой рождаемостью) типу воспроизводства населения.

Теория демографической вариативности – теоретические положения, показывающую зависимость демографической ситуации от локально (во времени, пространстве – стране, регионах) действующих факторов. В отличие от концепций глобального и универсального порядка она связывает различие и многообразие типов воспроизводства населения с цивилизационной вариативностью мира.

Титульная нация – часть населения страны, национальность которой определяет официальное название данного государства.

Традиционный тип воспроизводства населения – процесс смены поколений в населении, характеризующийся высоким уровнем смертности и рождаемости.

Урбанизация – рост числа городских поселений и повышение удельного веса городского населения в общей численности населения, сопровождающийся повышением роли города в жизни общества и повсеместным распространением, в т.ч. и на сельскую местность, городского образа жизни.

Утечка из страны (мозгов) – эмиграция из страны высокоинтеллектуальных и высококвалифицированных профессиональных кадров.

Феминизм – идеология эгалитарного развития личности, равноправия полов во всех сферах жизнедеятельности. Однако в феминистской политике часто происходит наоборот, требуя преимуществ для женщин).

Экстранальность демографическая – как последствия демографических процессов, проявляющиеся в недемографических сферах, процессах, явлениях, так и последствия недемографических процессов, сказывающихся на состоянии, развитии демографических процессов.

Эмигрант – лицо, выезжающее из страны на постоянное место жительства в другую страну.

Эмиграция – выезд граждан из своей страны в другие страны на постоянное место жительства.

Этнос – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая социальная общность людей, объединенная общностью языка, культуры, быта, традиций, обычаев и самосознания.

Литература

1. **Агабекова, Н.В.** Статистический анализ современного состояния младенческой смертности в Республике Беларусь: автореф. дис. ... к-та экон. наук / Н.В. Агабекова. – Мн.: ИС БГЭУ, 2000. – 17 с.
2. **Алле, М.** Условия эффективности в экономике / М. Алле. – М.: Наука для общества, 1998. – 304 с.
3. **Американская** социология: перспективы, проблемы, методы / Ред. и вступ. ст. Г.В. Осипова. – М.: Прогресс, 1972. – 392 с.
4. **Антипова, Е.А.** Геодемографические проблемы и территориальная структура сельского расселения Беларуси / Е.А. Антипова. – Мн.: БГУ, 2008. – 327 с.
5. **Антология** мировой философии в 4-х томах. Т. 1. Ч. 1. /Эпикур [Тексты: Из письма к Геродоту; Из письма к Менекею; Из «Главных мыслей»; Из «Ватиканского собрания изречений»; Отрывки из известных сочинений и из писем]. – М.: Мысль, 1969. – С. 346-360.
6. **Антология** мировой философии в 4-х томах. Т. 1. Ч. 2. /Августин [Тексты: Исповедь (Извлечения)]. – М.: Мысль, 1969. – С. 581-605.
7. **Антология** мировой философии в 4-х томах. Т. 2. /Мор, Т. [Тексты: Утопия (Извлечения)]; Кампанелла, Т. [Тексты: Город солнца (Извлечения)]; Монтескье, Ш.Л. [Тексты: О духе законов (Извлечения)] – М.: Мысль, 1970. – С. 97-112; 179-192; 536-545.
8. **Антонов, А.И.** Кризис семьи и репродуктивного поведения в России как проявление мировой тенденции (социологический подход к исследованию депопуляционных процессов) / А.И. Антонов // Доклады Всероссийского социологического конгресса «Глобализация и социальные изменения в современной России». – М.: Альфа-М, 2007. – С. 124–139.
9. **Антонов, А.И.** Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции / А.И. Антонов, С.А. Сорокин. – М.: Изд. дом «Грааль», 2000. – 416 с.
10. **Араб-оглы, Э.А.** Демографические и экологические прогнозы: Критика современных буржуазных концепций / Э.А. Араб-Оглы. – М.: Статистика, 1978. – 319 с.
11. **Аристотель.** Политика. Метафизика. Аналитика / Аристотель; [пер. с древнегреческого]. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 960 с. – (Гиганты мысли).
12. **Арон, Р.** Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – М.: «Прогресс» – «Политика», 1992. – 608 с.
13. **Бабосов, Е.М.** Беларусь перед демографическими вызовами XXI в. / Е.М. Бабосов // Социология. – 2007. – № 3. – С. 121-129.
14. **Бабосов, Е.М.** Взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований в сфере гуманитарного знания как условие формирования пер-

спективных направлений / Е.М. Бабосов // Доклады Национальной Академии наук Беларуси. – 2014. – Т.58. – № 1. – С. 109-112.

15. **Бабосов, Е.М.** Катастрофы: социологический анализ / Е.М. Бабосов. – Мн.: Навука і тэхніка, 1995. – 471 с.

16. **Бабосов, Е.М.** Социодинамика демографических процессов в современной Беларуси / Е.М. Бабосов, Д.Г. Лин, С.Д. Предыбайло ; М-во образования РБ, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; Национальная академия наук Беларуси, Ин-т социологии. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2008. – 178 с.

17. **Бабосов, Е.М.** Социологические очерки устойчивого развития современной Беларуси / Е.М. Бабосов. – Мн.: РИВШ, 2011. – 248 с.

18. **Бабосов, Е.М.** Социология: в 2 ч. Ч. 1. Общая социологическая теория / Е.М. Бабосов. – Мн.: Дизайн ПРО, 1998. – 384 с.

19. **Бачинин, В.А.** Социология. Энциклопедический словарь / В.А. Бачинин. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2005. – 288 с.

20. **Бахметова, Г.Ш.** Джон Мильтон и его взгляды на развод / Г.Ш. Бахметова // Историческая демография: Сборник статей / Под ред. Денисенко М.Б. и Троицкой И.А. – М.: МАКС Пресс, 2010. – 2-е изд. – («Демографические исследования», Вып. 14). – С. 176-191.

21. **Бебель, А.** Женщина и социализм [Пер. с нем. Предисл. В. Большая] / А. Бебель. – М.: Госполитиздат. – 592 с.

22. **Бек, У.** Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

23. **Беккер, Г.С.** Человеческое поведение: экономический подход. Избранные произведения по экономической теории / Г.С. Беккер. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.

24. **Беларускае замежжа** = Белорусское зарубежье / склад. Н.А. Голубева. – Мн.: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2010. – 480 с.

25. **Белл, Д.** Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

26. **Белорусская ССР** в цифрах. К 10-летию существования БССР. 1919-1929. – Мн.: Центральное статистическое управление БССР, 1929. – 536 с.

27. **Беляева, Л.А.** Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие / Л.А. Беляева. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 408 с. – (История эмпирической социологии).

28. **Библиографический** указатель опубликованных работ профессорско-преподавательского состава кафедры общественного здоровья и здравоохранения Белорусского государственного университета (1924-2004 гг.) / Сост. Н.Н. Пилишчевич и др. – Мн.: БГМУ, 2004. – 164 с.

29. **Богино, Н.И.** Государственное регулирование демографических процессов в районах радиоактивного загрязнения Беларуси: автореф. дис. ...

к-та экон. наук / Н.И. Богино. – Мн.: НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь, 2004. – 20 с.

30. **Бодрийяр Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры. – М.: Культурная революция; Республика, 2006. – 269 с. – (Мыслители XX века).

31. **Большой** толковый социологический словарь (Collins). В 2 т. Т. 2 (П – Я) / Пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 528 с.

32. **Борисов, В.А.** Демографическая дезорганизация России: 1897-2007. Избранные демографические труды. Редактор-составитель А.И. Антонов / В.А. Борисов. – М.: “NOTA BENE”, 2007. – 752 с.

33. **Борисов, В.А.** Еще одна дата возникновения теории демографической революции / В.А. Борисов // Социологические исследования, 1986. – № 3. – С. 209-213.

34. **Боярский, А.Я.** Население и методы его изучения / А.Я. Боярский. – М.: Статистика, 1975. – 264 с.

35. **Бродель, Ф.** Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск: Полиграмма, 1993. – 123 с.

36. **Бубнов, Ю.М.** Социологические очерки гендерных отношений / Ю.М. Бубнов; Могилевский государственный университет продовольствия. – Мн.: Право и экономика, 2007. – 274 с.

37. **Бубнов, Ю.М.** Социологические очерки народного здоровья / Ю.М. Бубнов. – Мн.: Изд. Центр БГУ, 2008. – 223 с.

38. **Бубнов, Ю.М.** Социологический метод индикации этнического радикализма / Ю.М. Бубнов // Социология. – 2011. – № 1. – С. 81-92.

39. **Бурдые, П.** Социология социального пространства / П. Бурдые. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – (Серия «Gallicinium»).

40. **Бурова, С.Н.** Гендерные аспекты подготовки молодежи к браку и семейной жизни / С.Н. Бурова // Социология. – 2000. – № 4. – С. 37-45.

41. **Бурова, С.Н.** Состояние института семьи условиях трансформации белорусского общества / С.Н. Бурова // Социология. – 2008. – № 2. – С. 110-118.

42. **Бурова, С.Н.** Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии / С.Н. Бурова; Белорусский государственный университет. – Мн.: Право и экономика, 2010. – 455 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).

43. **Вальфсон, С.Я.** Сям'я і шлюб у іх гістарычным развіцці / С.Я Вальфсон; Акадэмія навук Бел.ССР, Ін-т філасофіі. – Мн.: Выд-ва Акад. навук БССР, 1937. – 268 с.

44. **Вандескрик, К.** Демографический анализ / К. Вандескрик. – М.: Академический проект; Гаудеамус, 2005. – 272 с. – (Серия «Концепции»).

45. **Вебер, М.** Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира (Примечание) / М. Вебер // Вебер, М. Избранное. Образ общества: Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. – С. 7-42. – (Лики культуры).
46. **Вебер, М.** Избранные произведения / Сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайдено / М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада).
47. **Веблен, Т.** Теория праздного класса / Т. Веблен. – М.: Прогресс, 1984. – 367 с. – (Экономическая мысль Запада).
48. **Вишневский, А.Г.** Воспроизводство населения и общество: История, современность, взгляд в будущее / А.Г. Вишневский. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 287 с.
49. **Вишневский, А.Г.** Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 1. Демографическая теория и демографическая история / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – 368 с.
50. **Вишневский, А.Г.** Избранные демографические труды: В 2 т. Т. 2. Экономическая демография. Анализ демографических процессов / А.Г. Вишневский. – М.: Наука, 2005. – 381 с.
51. **Вишневский, А.Г.** Русский или прусский? Размышления переходного времени [Текст] / А.Г. Вишневский. – М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2005. – 384 с.
52. **Вишневский, А.Г.** Это ключ от другого замка / А.Г. Вишневский // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 150-155. – (Демографические дискуссии).
53. **Взаимосвязь** демографических и социально-экономических процессов на рубеже XX–XXI веков. – Гомель: РУП «Центр научно-технической и деловой информации», 2003. – 161 с.
54. **Вольфсон, С.Я.** Матриархат и марксистская генеомия / С.Я. Вольфсон. – Мн.: Изд. Бел. гос. ун-та, 1928. – 30 с.
55. **Вольфсон, С.Я.** Социология брака и семьи – Die soziologie der ehe und der familie : (Опыт введения в марксистскую генеомию) / С.Я. Вольфсон. – Мн.: Изд. БГУ, 1929. – 472 с.
56. **Всемирная** иллюстрированная энциклопедия ; Пер. с фр. – М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Астрель», 2004. – XVI, 1392 с.
57. **Гелбрейт, Дж.** Новое индустриальное общество / Дж. Гелбрейт. – М.: Прогресс, 1969. – 480 с.
58. **Гидденс, Э.** Социология / Науч. ред. проф. В.А Ядов / Э. Гидденс. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
59. **Гидденс, Э.** Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах / Э. Гидденс. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
60. **Глобальные** тенденции развития человечества до 2015 года / пер. с англ. М. Леоновича под ред. К. Жвакина. – Екатеринбург: У-Фактория, 2002. – 120 с.

61. **Гомельская** область БССР. Экономико-статистический сборник. – Гомель: Гомельское областное управление народнохозяйственного учета, 1940. – 256 с.

62. **Гончаренко, А.Е.** Демографические перспективы села Белорусской ССР до 2000 г. / А.Е. Гончаренко, А.А. Раков (под ред. Ф.Д. Роммы). – Мн.: НИИЭМП при Госплане БССР, 1976. – 73 с. – (Для служебного пользования).

63. **Гофман, А.Б.** Эмиль Дюркгейм в России: рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли / А.Б. Гофман. – М.: ГУ ВШЭ, 2001. – 100 с.

64. **Гусаков, В.Г.** Основные объективные законы, закономерности и принципы рыночной экономики / В.Г. Гусаков. – Мн.: Бел. наука, 2006. – 87 с.

65. **Гуцаленко, Л.А.** Субъектология / Л.А. Гуцаленко // Социология. – 2011. – № 2. – С. 10-14.

66. **Данилов, А.Н.** Власть и общество: поиск новой гармонии / А.Н. Данилов. – Мн.: Універсітэцкае, 1998. – 575 с.

67. **Данилов, А.Н.** Социологический небосклон: вызовы и ответы / А.Н. Данилов // Беларуская думка. – 2003. – № 1. – С. 87-95.

68. **25 ключевых книг** по экономике / А. Бейтон, К. Долло, А.М. Дре, А. Казорла. – Челябинск: Урал LTD, 1999. – 559 с.

69. **Демографические** проблемы Беларуси и духовно-нравственное здоровье нации. Материалы Международной научной конференции (г. Гомель, 22 марта 2005 г.): [материалы] / редкол.: Д.Г. Лин (гл. ред.), А.Г. Злотников (отв. за вып.) [и др.]. – Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины, 2005. – 380 с.

70. **Демографический** энциклопедический словарь / Редкол.: Валентей Д.И. (гл. ред.) и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 608 с.

71. **Демоскоп Weekly**, 2011, № 0485: 160 лет со дня рождения Жака Бертильона / demoscope.ru/weekly/2011/0485/nauka01/php.

72. **Демоскоп Weekly**, 2013, № 0559: Паевский, В.В. Демографические работы Леонарда Эйлера / demoscope.ru/weekly/2013/0559/nauka01/php.

73. **Дихтяр, С.Р.** Рабочая молодежь Белоруссии. Численность, состав, быт, условия труда и физическое состояние (по материалам медико-санитарного обследования 1925 г.) / С.Р. Дихтяр, Б.Я. Смулевич, Д.Л. Эйнгорн. – Мн.: Бел. мэд. думка, 1926. – 159 с.

74. **Довнар-Запольский, М.В.** Исторические судьбы Верхнего Поднепровья и Белоруссии и культурные их успехи; Распределение населения Верхнего Поднепровья и Белоруссии по территории, его этнографический состав, быт и культура / М.В. Довнар-Запольский, Д.З. Шендрик. // Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей / Под ред. В.П. Семенова и под общим руководством П.П. Семенова и акад. В.И. Ламанского. Т. IX. Верхнее Поднепровье и Белоруссия. Составили: В.П. Семенов, М.В. Довнар-Запольский, Д.З.

Шендрик, А.К. Кабанов, А.И. Сапунов. – Спб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – С. 55-227.

75. *Довнар-Запольский, М.В.* История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Мн.: Беларусь, 2005. – 680 с.

76. *Довнар-Запольский, М.В.* Народное хозяйство Белоруссии, 1861-1914 гг. / М.В. Довнар-Запольский. – Мн.: Госплан БССР, 1926. – 238 с.

77. *Довнар-Запольский, М.В.* Основы государственности Беларуси / М.В. Довнар-Запольский; М-во белор. дел. – Гродна: Т-во «С. Лапин», 1919. – 14 с.

78. *Довнар-Запольский, М.В.* Первобытные формы брака / М.В. Довнар-Запольский. – Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Т.1. – Киев: А.П. Сапунов, 1909. – 486 с.

79. *Довнар-Запольский, М.В.* Статистические очерки Северо-Западного края / М.В. Довнар-Запольский. – Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. Т.1. – Киев: А.П. Сапунов, 1909. – 486 с.

80. *Довнар-Запольский, М.В.* СССР по районам, Западный район : (Белорусская ССР и Западные области РСФСР) / Составитель М.В. Довнар-Запольский / М.В. Довнар-Запольский. – М.; Л.: Государственное издательство, 1928. – 107 с.

81. *Доган, М.* Социология среди социальных наук / М. Доган // Социология. – 2010. – № 4. – С. 31-41.

82. *Доклад* о развитии человека. Реальное богатство народов: пути к развитию человека / Пер. с англ.: ПРООН. – М.: Издательство «Весь Мир», 2010. – 244 с.

83. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм. – М.: Наука, 1990. – 575 с. – (Социологическое наследие).

84. *Дюркгейм, Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.

85. *Елсуков, А.Н.* Предыстория социологии : учебно-методическое пособие / А.Н. Елсуков, А.Н. Данилов. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – 192 с.

86. *Живописная* Россия: Отечество наше в его зем., ист., плем. и быт. значении: Литов. и Белорус. Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – Мн.: БелЭН, 1993. – 550 с.

87. *Зиновский, В.И.* Современная демографическая ситуация в Республике Беларусь / В.И. Зиновский // Социология. – 2002. – № 4. – С. 43-51.

88. *Злотников, А.Г.* Демографическое измерение современной Беларуси / А.Г. Злотников. – Мн.: Право и экономика, 2006. – 212 с.

89. *Злотников, А.Г.* Население Беларуси «глазами» статистики / А.Г. Злотников // Белорусский банковский бюллетень. – 2003. – № 27. – С. 42-50.

90. **Злотников, А.Г.** Наука на шляхах подолання кордонів «блискої ізоляції» / А.Г. Злотников, А.А. Раков / Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка. Соціологічні науки. Т.2. – 2011. – № 12 (33).

91. **Злотников, А.Г.** Системность социологического знания / А.Г. Злотников // Социология. – 2005. – № 3. – С. 18-25.

92. **Злотников, А.Г.** Социологические принципы и исследование демографических процессов / А.Г. Злотников // Социология. – 2008. – № 2. – С. 91-100.

93. **Злотников, А.Г.** Социология и экономическая мысль / А.Г. Злотников. – Мн.: Современное слово, 2002. – 260 с. – (Серия «Библиотека социологии»).

94. **Злотников, А.Г.** Экстернальные и интернальные факторы современных демографических процессов / А.Г. Злотников // Современные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации: Сб. статей; Редкол.: Евелькин Г.М. (гл. ред.) и др. – Мн.. – Ин-т социологии НАН Беларуси. – 2006. – С. 183-186.

95. **Злотникова, А.Г.** Экстернальность и интрональность демографических процессов / А.Г. Злотников // Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения): Международная конференция: Москва, Россия, 15-17 ноября 2012 г. / Под ред. В.А. Ионцева, Н.В. Зверевой, Г.Е. Ананьевой, В.П. Тышкевич. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 74-86.

96. **История** теоретической социологии. Предыстория социологии: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2010. – 274 с. – (Фундаментальный учебник).

97. **Капица, С.П.** Асимптотические методы и их странная интерпретация / С.П. Капица // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 162-165. – (Демографические дискуссии).

98. **Карлсон, А.** Общество – Семья – Личность: Социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Перевод с английского под ред. проф. А.И Антонова / А. Карлсон. – М.: 2003. – 288 с. – (Социальная мысль Запада).

99. **Карлсон, А.** Шведский эксперимент в демографической политике: Гуннар и Алва Мюрдали и межвоенный кризис народонаселения / А. Карлсон; пер. с англ. Б Пискера. – М.: ИРИСЭН, Мысль, 2009. – 312 с. – (Серия «Социология»).

100. **Карский Е.Ф.** Белорусы: 3 т. Т. 1 / Е.Ф. Карский. – Мн.: БелЭн, 2006. – 680 с.

101. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

102. **Кенэ, Ф.**, Тюрго, А.Р.Ж., Дюпон де Немур, П.С. Физиократы. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ, А.Р.Ж. Тюрго, П.С. Дюпон де Немур. – М.: Эксмо, 2008. – 1200 с. – (Антология экономической мысли).
103. **Кириенко, В.В.** Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы : монография / В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ, 2009. – 319 с.
104. **Кириенко, В.В.** Менталитет современных белорусов: монография / В.В. Кириенко. 2-е изд. стереот. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2005. – 225 с.
105. **Киркевич, М.** Естественное движение населения БССР в 1924 г. / М. Киркевич // Бюллетень ЦСУ. Вып. 1. – Мн., 1926. – 78 с.
106. **Клименко, В.А.** Образование в трансформирующемся обществе / В.А. Клименко. – Мн.: Право и экономика, 1996. – 152 с.
107. **Клупт, М.А.** Демография регионов Земли / М.А. Клупт. – СПб.: Питер, 2008. – 347 с.
108. **Клупт, М.А.** Теория демографического развития: институциональная перспектива / М.А. Клупт // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 139-149. – (Демографические дискуссии).
109. **Ковалевский, М.М.** Очерк происхождения и развития семьи и собственности / пер. с фр. Изд. 2-е, стереотипное / М.М. Ковалевский. – М.: КомКнига, 2007. – 152 с. (Из наследия мировой социологии).
110. **Ковалевский, М.М.** Первобытное право / М.М. Ковалевский. – М., 1886. – Вып. 1. Род – 168 с.; Вып. II. Семья. – 171 с.
111. **Ковалевский, М.М.** Предисловие к книге Эмиля Вандервельде «Деревенский отход и возвращение в лоно природы» / М.М. Ковалевский / Беляева, Л.А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие / Л.А. Беляева. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – 408 с. – (История эмпирической социологии). – С. 285-289.
112. **Ковалевский, М.М.** Современные социологи / М.М. Ковалевский. – Изд. 3-е. – М.: URSS, 2007. – 413 с. – (Из наследия мировой социологии).
113. **Ковалевский, М.М.** Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства. Т.1 / М.М. Ковалевский. – М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1898. – 712 с.
114. **Козер Л.А.** Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / Л.А. Козер. – М.: Норма, 2006. – 528 с.
115. **Конт, О.** Система позитивной политики / О. Конт. // Западно-европейская социология XIX века: Тексты. – М.: Изд. Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. – С. 180-242.
116. **Конт, О.** Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении) / О. Конт. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 256 с.

117. **Корчак-Чепурковский, Ю.А.** Избранные демографические исследования / Ю.А. Корчак-Чепурковский [Предисл. В.П. Пискунова и В.С. Стешенко]. – М.: Статистика, 1970. – 387 с.
118. **Котляров, И.В.** Молодежь Беларуси на пороге XXI века : социологический анализ / И.В. Котляров. – Мн.: Белинформпрогноз, 1997. – 106 с.
119. **Красовский, К.К.** Урбанизация в Беларуси: экономико-географический анализ и прогноз: автореф. дис. ... д-ра геогр. наук / К.К. Красовский. – Мн.: БГУ, 2006. – 44 с.
120. **Кругман, П.** Великая ложь: Сбиваясь с пути на рубеже нового века / П. Кругман. – М.: ООО «Изд-во АСТ», 2004. – 474 с. – (Philosophy).
121. **Кузнец, С.** Демографические аспекты современного экономического роста / С. Кузнец. – Население и экономика / Под ред. А.Г. Волкова и А.Я. Кваши. – М.: Статистика, 1970. – С. 103-166.
122. **Лапина, С.В.** Социологическое познание: Методологические проблемы исследования социальных явлений и процессов: Учеб. пособие / С.В. Лапина. – Мн.: Беларуская навука, 1998. – 207 с.
123. **Леонтьев, В.В.** Избранные произведения: в 3 т. Т.1 Общеэкономические проблемы межотраслевого анализа. /В.В. Леонтьев; науч. ред., вступ. статья А.Г. Гранберга. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006. – 407 с.
124. **Леонтьев, В.В.** Экономические эссе. Теория, исследования, факты и политика / В.В. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1990. – 497 с.
125. **Ленин, В.И.** Аграрный вопрос в России к концу XIX века / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17. – С. 57-137.
126. **Ленин, В.И.** К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2. – С. 119-262.
127. **Ленин, В.И.** Письмо И.Ф. Арманд 30 ноября 1916 г. / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49. – С. 328-334.
128. **Ленин, В.И.** Статистика и социология / В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 30. – С. 349-356.
129. **Либанова, Э.М.** Продолжительность жизни населения (Опыт комплексного регионального исследования) / Э.М. Либанова / АН Украины, СОПС Украины; Отв. ред. В.В. Оникиенко. – Киев: Наук. думка, 1991. – 200 с.
130. **Лин, Д.Г.** Демография Гомельской области / Д.Г. Лин, Л.А. Митрахова; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Мн.: Право и экономика, 2010. – 349 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).
131. **Лин, Д.Г.** Динамика демографических процессов на постсоветском пространстве / Д.Г. Лин, Е.И. Сукач; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Мн.: Право и экономика, 2010. – 235 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).

132. **Лин, Д.Г.** Сельское население Беларуси: демографический анализ / Д.Г. Лин, С.Д. Предыбайло : монография. – Гомель: Барк, 2008. – 274 с.
133. **Лихачев, Н.Е.** Белорусское село в социальном измерении : Монография / Н.Е. Лихачев. – Мн.: А.Н. Вараксин, 2007. – 304 с. – (Сер. «Библиотека социологии», 24).
134. **Ломоносов, М.В.** О размножении и сохранении русского народа / М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – С. 598-614.
135. **Ломоносов, М.В.** Слово о пользе химии / М.В. Ломоносов. Избранные философские произведения. – М.: Госполитиздат, 1950. – С. 164-181.
136. **Ломоносов, М.В.** Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747-1765 гг. / М.В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Т. 6. – М.-Л.: АН СССР, 1952. – С. 381-403.
137. **Лоусон, Т.** Социология. А – Я: Слов.-справ. / Пер. с англ. К.С. Ткаченко / Т. Лоусон, Д. Гэррод. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 608 с.
138. **Луман, Н.** Дифференциация / Н. Луман; пер. с нем. Б. Скуратова. – М.: Логос, 2006. – 320 с.
139. **Майбурд, Е.М.** Введение в историю экономической мысли. От пророков до профессоров / Е.М. Майбурд. – М.: Дело, 2000. – 560 с.
140. **Мальтус, Т.Р.** Опыт закона о народонаселении / Т.Р. Мальтус // Антология экономической классики в 2-х т. Т.2. – М.: Эконов, 1992. – 486 с.
141. **Манак, Б.А.** Демографические потери и современные трудоресурсные возможности сельской местности Беларуси / Б.А. Манак, Е.А. Антипова. – Мн.: УП «Технопринт», 2002. – 224 с.
142. **Манак, Б.А.** Людские потери сельской местности Беларуси, их причины, масштабы и последствия / Б.А. Манак, Е.А. Антипова, В.М. Яцухно // Социология. – 2001. – № 1. – С. 41-47.
143. **Манак, Б.А.** Насельніцтва Беларусі. Рэгіянальныя асаблівасці развіцця і рассялення / Б.А. Манак. – Мн.: Універсітэцкае, 1992. – 176 с.
144. **Манак, Б.А.** Регионы Беларуси: характер динамики населения во второй половине XX в. / Б.А. Манак, Е.А. Антипова. // Социология. – 2003. – № 2. – С. 30-43.
145. **Манак, Б.А.** Экономико-географический анализ демографической ситуации и размещение населения на территории Республики Беларусь / Б.А. Манак, Е.А. Антипова. – Мн.: Бел. гос. ун-т, 1999. – 291 с.
146. **Маркс, К.** Вынужденная эмиграция. – Кошут и Мадзини. – Вопрос об эмигрантах. – Избирательные подкупы в Англии. – Г-н Кобден / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8. – С. 565-571.
147. **Маркс, К.** Из рукописного наследства (Из экономических рукописей 1857-1958 годов). Введение / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12. – С. 709-738.

148. **Маркс, К.** Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. Процесс производства капитала / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23. – 907 с.
149. **Маркс, К.** Капитал. Критика политической экономии. Т. 2 Кн. 2. Процесс производства капитала / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24. – 648 с.
150. **Маркс, К.** Население, преступность, пауперизм / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т.13. – С. 513-518.
151. **Маркс, К.** Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице ее представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3. – С. 7-544.
152. **Маркс, К.** О Прудоне (Письмо И.Б. Швейцеру) / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16. – С. 24-31.
153. **Маркс, К.** Проект закона о разводе / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. – С. 161-164.
154. **Маркс, К.** Экономические рукописи 1857-1958 годов / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 1. – С. 3-510.
155. **Маркс, К.** Экономические рукописи 1857-1959 годов (Первоначальный вариант «Капитала»). Часть вторая / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. 2. – 618 с.
156. **Марксистско-ленинская** теория народонаселения / Под ред. Валентея Д.И. Изд. 2-е, перераб. – М.: Мысль, 1974. – 415 с.
157. **Маршалл, А.** Принципы политической экономии. В 3-х т. Т. 1 / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1983. – 416 с. – (Экономическая мысль Запада).
158. **Маршалл, А.** Принципы политической экономии. В 3-х т. Т. 2 / А. Маршалл. – М.: Прогресс, 1984. – 309 с. – (Экономическая мысль Запада).
159. **Медведев, В.Ф.** Демографическое прогнозирование для целей экономического планирования (Белорусская ССР) / В.Ф. Медведев, А.А. Раков. – Мн.: НИИЭМП при Госплане БССР, 1969. – 40 с.
160. **Медведев, В.Ф.** Демографические аспекты научно-технического прогнозирования / В.Ф. Медведев, А.А. Раков. – М.: Международный научный симпозиум ученых и специалистов стран-членов СЭВ и СФРЮ по методологическим вопросам прогнозирования развития науки и техники Постоянной Комиссии СЭВ по координации научных и технических исследований, 1970. – 22 с.
161. **Медведев, В.Ф.** Методы и модели демографического прогнозирования (Доклад на VII Международный социологический конгресс, Варна, сентябрь, 1970) / В.Ф. Медведев, А.А. Раков. – Мн.: НИИЭМП при Госплане БССР, 1970. – 19 с.
162. **Менделеев, Д.И.** К познанию России / Д.И. Менделеев. – М.: Айрис-пресс, 2002. – 576 с. – (Библиотека истории и культуры).

163. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Хранитель, 2006. – 873 с.

164. **Место** демографии в системе наук / Под ред. О.В. Лармина. – М.: Изд-во Московского университета, 1975. – 255 с.

165. **Миграция** населения Республики Беларусь / М.И. Артюхин и др. ; под общ. ред. Г.М. Евелькина ; Ин-т социологии, Нац. акад. наук Беларуси. – Мн.: Белорус. наука, 2008. – 182 с.

166. **Мизес, Л. Фон.** Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / Л. Фон Мизес. – М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. – 878 с.

167. **Милль, Дж.С.** Основы политической экономии (и некоторые аспекты их приложения к социальной философии). В 3-х т. Т.1 / Дж.С. Милль. – М.: Прогресс, 1980. – 495 с. – (Серия «Экономическая мысль Запада»).

168. **Милль, Дж.С.** Основы политической экономии (и некоторые аспекты их приложения к социальной философии). В 3-х т. Т.2 / Дж.С. Милль. – М.: Прогресс, 1980. – 480 с. – (Серия «Экономическая мысль Запада»).

169. **Милль, Дж.С.** Основы политической экономии (и некоторые аспекты их приложения к социальной философии). В 3-х т. Т.3 / Дж.С. Милль. – М.: Прогресс, 1980. – 447 с. – (Серия «Экономическая мысль Запада»).

170. **Миненков, Г.Я.** Введение в историю российской социологии / Г.Я. Миненков. – Мн.: Экономпресс, 2000. – 343 с.

171. **Мюллер-Лиер, Ф.К.** Фазы любви / Ф.К. Мюллер-Лиер. – М.: КомКнига, 2007. – 256 с. – (Из наследия мировой социологии).

172. **Мюрдаль, Г.** Современные проблемы «третьего мира» / Г. Мюрдаль. Драма Азии. Исследование нищеты народов. – М.: Прогресс, 1972. – 767 с.

173. **Народонаселение** (Демографический переход). Энциклопедический словарь / Гл. ред. Г.Г. Меликьян. Ред. коллегия: А.Я. Кваша, А.А. Ткаченко, Н.Н. Шаповалова, Д.К. Шелестов. – М.: Большая российская энциклопедия, 1994. – С. 108-112.

174. **Натуральный** рух насельніцтва БССР за 1927 г. – Мн.: Выд. ЦСУ БССР, друк. «Палесдрук», Гомель, 1930. – 126 с.

175. **Национальная** программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2006-2010 гг. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 22 сентября 2005 г. № 1049 / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 29 сентября 2005 г.

176. **Национальная** программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2007-2010 гг. Указ Президента Республики Беларусь от 26 марта 2007, № 135 / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 27 марта 2007 г., № 1/8434.

177. **Национальная** программа демографической безопасности Республики Беларусь на 2011-2015 гг. Указ Президента Республики Беларусь от

11 августа 2011, № 387 / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 15 августа 2011 г., № 1/12762.

178. **Национальный** состав населения Республики Беларусь и распространенность языков / Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года. Стат. сб. Т.1. – Мн.: Мин-во статистики и анализа Республики Беларусь, 2001. – 451 с.

179. **Никитенко, П.Г.** Демографические проблемы социума: состояние и тенденции развития в Республике Беларусь / П.Г. Никитенко, А.А. Раков. – Мн.: Право и экономика, 2005. – 112 с.

180. **Никитенко, П.Г.** Состояние и тенденции демографического развития Беларуси / П.Г. Никитенко, А.А. Раков. – Мн.: Право и экономика, 2003. – 62 с.

181. **Нобелевские** лауреаты XX века. Экономика. Энциклопедический словарь. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. – 336 с.

182. **Новик, Е.К.** О Болонском процессе и действительных проблемах образования Е.К. Новик // Социология. – 2013. – № 3. – С. 83-97.

183. **Носацкая, Н.В.** Человеческий потенциал в социальной рыночной экономике: гендерный подход: автореф. дис. ... к-та экон. наук / Н.В. Носацкая. – Мн.: БГУ, 2003. – 21 с.

184. **Оболенский, В.В.** (Осинский Н.) Международные и межнациональные миграции в довоенной России и СССР / В.В. Оболенский. – М.: Издание ЦСУ СССР, 1928. – 138 с.

185. **О демографической** безопасности Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г., № 80-3 / Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 9 января 2002 г., № 2/829.

186. **Панкевіч, П.** Які-ж наш беларускі студэнт? / П. Панкевич. – Асьвета. – 1928. – № 4. – С. 20-36.

187. **Парк, Р.** Экология человека / Р. Парк // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. Ч. 1. – М.: Книжный дом «Университет», 2002. – С. 374-390.

188. **Парсонс, Т.** Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.

189. **Перепись** населения. 2009. Население Республики Беларусь: его численность и состав. Том II. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2010. – 413 с.

190. **Перепись** населения. 2009. Национальный состав населения Республики Беларусь. Том III. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 433 с.

191. **Перепись** населения. 2009. Образовательный уровень населения Республики Беларусь. Том IV. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 344 с.

192. *Перепись* населения. 2009. Социально-экономические характеристики населения Республики Беларусь. Том VI. – Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2011. – 392 с.

193. *Переслегин, С.Б.* Новые карты будущего, или Анти-Рэнд / Сергей Переслегин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, СПб.: Terra Fantastica, 2009. – 701 с. – (Philosophy).

194. *Пешкова, А.Н.* Занятость населения Белоруссии / А.Н. Пешкова. – Мн.: Бел НИИ НТИ и ТЭИ Госплана БССР, 1981. – 55 с. – (Сер. «Экономика и организация пр-ва», Обзор. информ. (Бел НИИ НТИ и техн.-экон. исслед. Госплана БССР)).

195. *Пешкова, А.Н.* Миграция населения Белоруссии / А.Н. Пешкова. – Мн.: НИИЭМП при Госплане БССР, 1973. – 140 с. – (Для служебного пользования).

196. *Пешкова, А.Н.* Тенденции миграционных процессов и некоторые вопросы управления ими (на примере БССР). Доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе (г. Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г.) / А.Н. Пешкова. – Мн.: Бел НИИ НТИ, 1979. – 12 с.

197. *Плаггенборг, Шт.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Шт. Плаггенборг. – СПб.: Журнал «Нева», 2000. – 416 с.

198. *Платон.* Государство. – СПб.: Наука, 2005. – 571 с. – (Серия «Слово о сущем»).

199. *Платон.* Законы / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи; Авт. ст. в примеч. А.Ф. Лосев; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Изд-во «Мысль», 1999. – 832 с. – (Классическая философская мысль).

200. *Плутарх.* Избранные жизнеописания. В двух томах. Том I. Пер. с древнегр. / Плутарх / Сост., вступ. ст., прим. М. Томашевской. – М.: Правда, 1990. – 592 с.

201. *Плутарх.* Сочинения. Пер. с древнегреч. / Сост. С. Аверинцева; Вступит. статья А. Лосева; Комментар. А. Столярова. – М.: Худож. лит., 1983. – 703 с. – («Библиотека античной литературы»).

202. *Привалова, Н.Н.* Демографическая политика Беларуси в условиях реформирования экономики : автореф. дис. ... к-та экон. наук / Н.Н. Привалова. – Мн.: НИЭИ Минэкономики Республики Беларусь, 2002. – 20 с.

203. *Пыпин, А.Н.* История русской этнографии. Т.4 : Белоруссия и Сибирь / А.Н. Пыпин. – Мн.: БелЭн, 2005. – 256 с.

204. *Ракаў, А.А.* Колькі нас і што нас чакае? / А.А. Ракаў (Послесловие к книге П. Эберхардта «Демографическая ситуация на Беларуси: 1898-

1989») // Эберхардт, П. Демографічная сітуацыя на Беларусі: 1898-1989 / П. Эберхардт. – Мн.: 1997. – С. 266-275.

205. **Раков, А.А.** Белоруссия в демографическом измерении / А.А. Раков. – Мн., 1974. – 129 с. – (Б-ка газеты «Голас Радзімы»).

206. **Раков, А.А.** Демографические основы народнохозяйственного планирования / Под ред. Л.Л. Рыбаковского / А.А. Раков. – Мн.: Навука і тэхніка, 1990. – 268 с.

207. **Раков, А.А.** Демографические реалии и перспективы Беларуси / А.А. Раков // Беларуская думка. – 1999. – № 9. – С. 105-109.

208. **Раков, А.А.** Демографическое прогнозирование в системе социального и экономического развития: автореф. дис. ... д-ра экон. / А.А. Раков. – М.: ИСИ АН СССР, 1985. – 46 с.

209. **Раков, А.А.** Население БССР / А.А. Раков. – Мн.: Наука и техника, 1969. – 224 с.

210. **Раков, А.А.** Проблемы развития и функционирования трудовых ресурсов села на современном этапе. Доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе (г. Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г.) / А.А. Раков, А.И. Карповский. – Мн.: БелНИИНТИ, 1979. – 18 с.

211. **Раков, А.А.** Трагедия села в индустриальном обществе / А.А. Раков // Социология. – 2006. – № 4. – С. 23-27.

212. **Раков, А.А.** Трансформация демовоспроизводства села Беларуси в контексте урбанизации, НТР и перехода к индустриальному обществу / А.А. Раков // Социология. – 2007. – № 3. – С. 144-154.

213. **Рассел, Б.** Брак и мораль / Б. Рассел. – М.: «Крафт+», 2004. – 272 с.

214. **Рикардо, Д.** Сочинения. В 4-х т. Т. 1. Начала политической экономики и налогового обложения / Д. Рикардо. – М.: Госполитиздат, 1955. – 360 с.

215. **Рикардо, Д.** Сочинения. В 4-х т. Т. III. Статьи по аграрному вопросу и критические замечания к книге Мальтуса / Д. Рикардо. – М.: Госполитиздат, 1955. – 296 с.

216. **Рикардо, Д.** Сочинения. В 4-х т. Т. IV. Парламентские речи / Д. Рикардо. – М.: Госполитиздат, 1955. – 224 с.

217. **Де Роберти, Е.В.** Новая постановка основных вопросов социологии: Избранные труды / Е.В. де Роберти; отв. ред. А.О. Бороноев. – СПб.: Алетейя, 2008. – 496 с.

218. **Романюк, А.И.** Демографическое будущее развитых обществ: между детерминизмом и свободой выбора / А.И. Романюк // Социс. – 1999. – № 3. – С. 70-79.

219. **Россет, Э.** Продолжительность человеческой жизни / Э. Россет / Пер. с польского В.И. Бомкина, О.Д. Комаровой; Ред. и послесл. Б.Ц. Урланиса. – М.: Прогресс, 1981. – 383 с.
220. **Россет, Э.** Процесс старения населения. Демографические исследования / Э. Россет Пер. с польск. Н.Н. Малыгиной и Э.Н. Фарберовой. Под ред. А.Г. Волкова. – М.: Статистика, 1969. – 509 с.
221. **Российская** социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г.В. Осипова. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА·М, 1999. – 672 с.
222. **Рубин, Я.И.** Критика буржуазных трактовок социальных проблем развития народонаселения (Историко-демографическое исследование): автореф. ... дис. д-ра экон. наук / Я.И. Рубин. – М.: ИСИ АН СССР, 1980. – 39 с.
223. **Рубин, Я.И.** Мальтузинство или особое направление? / Я.И. Рубин // МЭиМО. – 1968. – № 7. – С. 64-72.
224. **Рубин, Я.И.** Материальный достаток: как его понимать? / Я.И. Рубин, И.В. Котляров. – Мн.: Беларусь, 1990. – 72 с.
225. **Рубин, Я.И.** Наследники Мальтуса / Я.И. Рубин. – М.: Политиздат, 1983. – 77 с. (За фасадом буржуазных теорий).
226. **Рубин, Я.И.** Оптимум населения: что за этим понятием? / Ред. С.А. Польский / Я.И. Рубин. – Мн.: Наука и техника, 1979. – 135 с.
227. **Рубин, Я.И.** Проблемы народонаселения как объект идейно-политической борьбы / Я.И. Рубин. – Мн.: Изд-во БГУ, 1976. – 256 с.
228. **Рубин, Я.И.** Проблемы роста населения в ее антимальтузианской трактовке на Западе (Анализ и критика современных взглядов ученых-неомарксистов): автореф. дис. ... канд. экон. наук / Я.И. Рубин. – Мн.: БГУ, 1969. – 27 с.
229. **Рубин, Я.И.** Теории народонаселения (Мальтузианские и буржуазно-антимальтузианские направления) / Под общ. ред. д-ра эк. наук, проф. Б.Ц. Урланиса / Я.И. Рубин. – М.: Мысль, 1972. – 191 с.
230. **Руссо, Ж.-Ж.** Трактаты / Отв. ред. А.З. Манфред / Ж.-Ж. Руссо. – М.: Наука, 1969. 703 с. (Литературные памятники).
231. **Рыбаковский, Л.Л.** Демография (статьи XXI века) / Л.Л. Рыбаковский. – М.: Экон-Информ, 2009. – 220 с.
232. **Сен, А.** Развитие как свобода / А. Сен. – М.: Новое издательство, 2004. – 432 с. – («Библиотека Фонда “Либеральная миссия”»).
233. **Сен А.** Экономическая взаимозависимость и мировая продовольственная проблема / А. Сен // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 2. – С. 8-15.
234. **Синельников, А.Б.** Трансформация семьи и развитие общества: Учеб. пособие / А.Б. Синельников. – М.: КДУ, 2008. – 320 с. – (Серия «Спекурс»).
235. **Сисмонди, Ж. Сисмон де.** Новые начала политической экономии или о богатстве и его отношении к народонаселению / Ж. Сисмон де

Сисмонди, перевод под редакцией А.Ф. Кона, т. I. – М.: Социально-экономическое издательство, 1936. – 386 с.

236. **Сисмонди, Ж. Сисмон де.** Новые начала политической экономии или о богатстве и его отношении к народонаселению / Ж. Сисмон де Сисмонди, перевод под редакцией Ф.И. Михалевского, т. II. – М.: Социально-экономическое издательство, 1937. – 243 с.

237. **Система** знаний о народонаселении / Под ред. Д.И. Валентя. – М.: Статистика, 1976. – 367 с.

238. **Смит, А.** Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.

239. **Смулевич, Б.Я.** Буржуазные теории народонаселения / Б.Я. Смулевич // Марксистско-ленинская теория народонаселения. – М.: Мысль, 1974. – С. 388-403.

240. **Смулевич, Б.Я.** Заболеваемость и смертность населения городов и местечек БССР. С предисл. нар. ком. здрав. БССР М.И. Барсукова и Упр. ЦСУ БССР Л.Л. Преферансова /Б.Я. Смулевич. – Мн.: Изд. ЦСУ и НКЗ БССР, 1926. – 532 с.

241. **Смулевич, Б.Я.** О двух забытых областях марксистской социологии /Б.Я. Смулевич. – Коммунист, 1963, № 17. – С. 82-86.

242. **Снытко, Н.И.** Социальные проблемы демографического старения / Н.И. Снытко. – Мн.: Право и экономика, 2001. – 205 с.

243. **Сови, А.** Общая теория населения. Т. 1. Экономика и рост населения. Сокр. пер. с фр. Ф.Р. Окуновой. Предисл. А.Я. Боярского. – М.: Прогресс [Редакция литературы по географии], 1977. – 503 с. (Для научных библиотек).

244. **Сови, А.** Общая теория населения. Т. 2. Жизнь населений. Пер. с фр. Ф.Р. Окуновой. – М.: Прогресс [Редакция литературы по географии], 1977. – 519 с. (Для научных библиотек).

245. **Соколова, Г.Н.** Экономическая реальность в социальном измерении : экономические вызовы и социальные ответы / Г.Н. Соколова, НАН Беларуси Ин-т социологии. – Мн.: Беларуская навука, 2010. – 458 с.

246. **Соколова, Г.Н.** Рынок труда Республики Беларусь: экономические вызовы и социальные ответы / Г.Н. Соколова. – Мн.: Белорус. наука, 2006. – 302 с.

247. **Соколова, Г.Н.** Уровень и качество жизни как фактор становления постиндустриального общества / Г.Н. Соколова // Социология (РОСА) – 2011. – № 1. – С. 91-102.

248. **Солоу, Р.М.** Экономическая теория ресурсов или ресурсы экономической теории. Лекция в честь Ричарда Т. Эли / Р.М. Солоу // Вехи экономической мысли. Рынки факторов и производства. Т. 3. – СПб: Экономическая школа, 2000. – 489 с.

249. **Сорокин, П.А.** Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь / П.А. Сорокин. – М.: Academia & LVS, 2003. – XII, 684 с.
250. **Сорокин, П.А.** Малоизвестные статьи («Жертвы войны в прошлом и теперь», «Причины меньшей смертности современных войн», «Социальная роль и будущее войны», «Война и ориентация русской социалистической мысли») / П.А. Сорокин // Социология (Журнал РоСА, МГУ). – 2004. – № 2. – С. 140-149.
251. **Сорокин, П.А.** О русской общественной мысли. – СПб.: Алетейя, 2000. – 221 с. – (Российские социологи).
252. **Сорокин, П.А.** Система социологии. Т. 2. Социальная аналитика: Учение о строении сложных социальных агрегатов / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1993. – 688 с. – (Социологическое наследие).
253. **Сорокин, П.А.** Социология революции / П.А. Сорокин. – М.: Астрель, 2008. – 784с.
254. **Сорокин, П.А.** Человек. Цивилизация. Общество / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
255. **Сорокин, Питирум.** Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве / П. Сорокин. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. унта, 2009. – 240 с.
256. **Социальные** и социокультурные процессы в современной Беларуси: социологический анализ / М.Г. Алейник [и др.]; отв. ред. Г.М. Евелькин. – Мн.: Белорус. наука, 2006. – 496 с.
257. **Социологическая** энциклопедия / Под общ. ред. А.Н. Данилова. – Мн.: Бел. эн., 2003. – 381 с.
258. **Социология:** Энцикл. / Сост.: А.А. Грицанов и др. Мн.: Кн. Дом, 2003. – 1311 с. – (Мир энциклопедий).
259. **Спенсер, Г.** Синтетическая философия / Г. Спенсер: Пер. с англ. – К.: Ника-центр, 1997. – 512 с. – (Серия «ПОЗНАНИЕ»; Вып. 2).
260. **Спиркин, А.Г.** Философия : Учебник. – 2-е изд. – М.: Гардарики, 2006. – 736 с.
261. **Стешенко, В.С.** Демографическое развитие Украинской ССР (1970-1979 гг.) / В.С. Стешенко, В.П. Пискунов, Л.В. Чуйко и др.; Отв. ред. В.С. Стешенко. – Киев: Наук. думка, 1987. – 254 с.
262. **Стешенко, В.С.** Демография в современном мире / В.С. Стешенко. – М.: Статистика, 1978. – 247 с.
263. **Стешенко, В.С.** Изучение воспроизводства народонаселения (теоретические проблемы) / В.С. Стешенко / Отв. ред. Ю.Н. Пахомов. – Киев: Наукова думка, 1981. – 327 с.
264. **Стешенко, В.С.** М.В. Птуха – видатний український вчений-демограф / В.С. Стешенко // Демографія та соціальна економіка. – 2010. – № 1. – С. 181-187.

265. **Столбов, В.П.** Сельская социология П.А. Сорокина: социологическое эссе / В.П. Столбов // Санкт-Петербургский ежегодник. 2009 / Отв. ред.: А.О. Бороноев, Н.Г. Скворцов. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 48-58.

266. **Струмилин, С.Г.** К проблеме рождаемости в рабочей среде / С.Г. Струмилин / Беляева, Л.А. Эмпирическая социология в России и Восточной Европе: Учебное пособие / Л.А. Беляева. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. – (История эмпирической социологии). – С. 302-307.

267. **Судоплатов, А.П.** Демографические концепции (критический анализ): Учебное пособие / А.П. Судоплатов. – М.: Изд-во Московского университета, 1974. – 122 с.

268. **Судоплатов, А.П.** Современная буржуазная демография (критика основных теоретических концепций) / А.П. Судоплатов / Редкол.: Д.И. Валентей (пред.) и др. – М.: Мысль, 1988. – 317 с. – (Народонаселение).

269. **Супрунович, Р.М.** Трудовая миграция в мировой экономике [Текст] / Р.М. Супрунович; под науч. ред. В.Ф.Медведева; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Мн.: Право и экономика, 2006. – 198 с. – (Серия «Мировая экономика»).

270. **Тахтарев, К. М.** Социологические труды / К.М. Тахтарев / Вст. статья, составление А.О. Бороноев. – СПб.: РХГА, 2006. – 840 с.

271. **Тимошенко, М.В.** Совершенствование системы регулирования миграции трудовых ресурсов в Республике Беларусь: автореф. дис. ... к-та экон. наук / М.В. Тимошенко. – Мн.: БГЭУ, 2011. – 23 с.

272. **Тинберген, Я.** Пересмотр международного порядка / Я. Тинберген. – М.: Прогресс, 1980. – 416 с.

273. **Титаренко, Л.Г.** Ценностный мир современного белорусского общества: гендерный аспект / Л.Г. Титаренко. – Мн.: БГУ, 2004. – 205 с.

274. **Тихонова, Л.Е.** Государственное регулирование демографических процессов в Республике Беларусь: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Л.Е. Тихонова. – М.: ИСПИ РАН, 2002. – 42 с.

275. **Тихонова, Л.Е.** Демография Беларуси. Учебн. пособие для студентов экономических, социологических и географических специальностей учреждений, обеспечивающих получение высшего образования / Л.Е. Тихонова. – Мн.: Белорусский государственный университет, 2004. – 254 с.

276. **Тихонова, Л.Е.** Регулирование демографических процессов в Беларуси / Л.Е. Тихонова. – Мн.: БГУ, 2002. – 264 с.

277. **Тобин, Дж.** Глобальная экономика: кто у руля? / Дж. Тобин // Проблемы теории и практики управления. – 1999. – № 1. – С. 46.

278. **Томилин, С.А.** Демография и социальная гигиена / С.А. Томилин. – М.: Статистика, 1973. – 311 с.

279. **Тумаш, В.** Выбранные працы / В. Тумаш. – Мн.: Бібліятэка часопіса «Беларускі Гістарычны агляд», 2002. – 246 с.

280. **Урланис, Б.Ц.** Эволюция продолжительности жизни / Б.Ц. Урланис. – М.: Статистика, 1978. – 311 с.

281. **Чаянов, А.В.** Бюджетные исследования. История и методы // Чаянов, А.В. Избранные труды / А.В. Чаянов / Редкол. сер.: В.Е. Адамов и др. – М.: Финансы и статистика, 1991. – С. 25-341. – (Статистическое наследие).

282. **Чаянов, А.В.** Крестьянское хозяйство / Чаянов, А.В. Избранные труды / А.В. Чаянов / Редкол. сер.: Л.И. Абалкин (пред.) и др. – М.: Экономика, 1989. – 492 с. – (Экон. наследие).

283. **Человеческий** потенциал белорусской деревни / Р.А.Смирнова (отв. ред.) [и др.]; НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Мн.: Белорус. наука, 2009. – 375 с.

284. **Черніченко, В.В.** Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України (історичний нарис) / В.В. Черніченко // Демографія та соціальна економіка. – 2011. – № 1. – С. 150-160.

285. **Шавель, С.А.** Общественная миссия социологии / С.А. Шавель. – Мн.: Беларус. навука, 2010. – 404 с.

286. **Шавель, С.А.** Социальная политика суверенной Беларуси / С.А. Шавель, Р.А. Смирнова [и др.]. – Мн.: Институт социологии АН Беларуси, 1996. – 124 с.

287. **Шахотько, Л.П.** Воспроизводство населения Белорусской ССР / Под ред. А.А. Ракова / Л.П. Шахотько. – Мн.: Наука и техника, 1985. – 128 с.

288. **Шахотько, Л.П.** Комплексная оценка демографической ситуации в Республике Беларусь с позиции обеспечения устойчивого экономического роста / Л.П. Шахотько // Социология. – 2007. – № 3. – С. 129-134.

289. **Шахотько, Л.П.** Модель демографического развития Республики Беларусь / Л.П. Шахотько ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. – Мн.: Беларус. навука, 2009. – 439 с.

290. **Шахотько, Л.П.** Население Республики Беларусь в конце XX века / Науч.-исслед. ин-т статистики при Минстате Республики Беларусь / Л.П. Шахотько. – Мн.: НИИС, 1996. – 251 с.

291. **Шахотько, Л.П.** О демографической политике в области рождаемости. Доклад на рабочем заседании I Всесоюзной научной школы по проблемам народонаселения «Управление процессами развития народонаселения в развитом социалистическом обществе (г. Брест, 27 мая – 2 июня 1979 г.) / Л.П. Шахотько. – Мн.: Бел НИИНТИ, 1979. – 18 с.

292. **Шахотько, Л.П.** Проблемы развития современной семьи в Республике Беларусь / Л.П. Шахотько // Социология. – 2005. – № 4. – С. 55-61.

293. **Шахотько, Л.П.** Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы) / Л.П. Шахотько. – Мн.: Наука и техника, 1975. – 168 с.

294. **Шахотько, Л.П.** Социально-демографические процессы на территории Беларуси в период трансформации экономической системы: автореф. дис. ... д-ра социол. наук / Л.П. Шахотько. – Мн.: ИС НАНБ, 1997. – 36 с.

295. **Шелестов, Д.К.** Демография: История и современность / Д.К. Шелестов. – М.: Финансы и статистика, 1983. – 271 с.
296. **Шелестов, Д.К.** Историческая демография: Учебн. пособ. для вузов по спец. «История» / Д.К. Шелестов. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.
297. **Шишков, Ю.В.** Демографические похождения физика / Ю.В. Шишков // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 156-161. – (Демографические дискуссии).
298. **Шульц, Т.** Ценность детей /Т. Шульц // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 37-49.
299. **Эбэрхардт, П.** Дэмаграфічная сітуацыя на Беларусі: 1897-1989 / П. Эбэрхардт. – Мн.: 1997. – 275 с.
300. **Эканамічная гісторыя Беларусі: Вучэб. дапаможнік:** / В.І. Галубовіч, Р.І. Ермашкевіч, Г.П. Бушчык і інш.; пад рэд. праф. В.І. Галубовіча. – Мн.: Экаперспектыва, 1999. – 454 с.
301. **Энгельс, Ф.** Наброски к критике политической экономии / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. – С. 544-571.
302. **Энгельс, Ф.** Письмо Йозефу Блосу в Кёнигсберг, 21-22 сентября 1890 г. / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 37. – С. 393-397.
303. **Энгельс, Ф.** Положение рабочего класса в Англии / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2. – С. 231-517.
304. **Энгельс, Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Л. Моргана / Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21. – С. 23-178.
305. **Юк, З.М.** Научно-технический прогресс и труд женщин / Под ред. Л.А. Костина / З.М. Юк. – Мн.: Беларусь, 1981. – 223 с.
306. **Юк, З.М.** Труд женщин и семья / З.М. Юк. – Мн.: Беларусь, 1975. – 238 с.
307. **Юркевич, Н.Г.** Семья в современном обществе / Н.Г. Юркевич. – Мн.: Беларусь, 1964. – 108 с.
308. **Юркевич, Н.Г.** Современная семья. Функции и условия стабильности / Н.Г. Юркевич. – Мн.: Изд. БГУ, 1970. – 208 с.
309. **Caldwell J.C.** Toward a Restatement of Demographic Transition Theory // Population and Development Review, 1976, Vol. 2, No 3-4 (Sep.–Dec., 1976), p. 321-366.
310. **Chesnais J.-C.** Demographic Transition Patterns and Their Impact on the Age Structure // Population and Development Review, Vol. 16, No. 2, (Jun., 1990), p. 327-336.
311. **Kaa D. van de.** Anchored Narratives. The Story and Findings of a Half a Centure of Reseach into the Determinants of Fertility // Population Studies. 1996. Vol. 50. № 3.

312. **Dirk J. van de Kaa.** Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior // Population and Development Review, Vol. 27, Supplement: Global Fertility Transition, (2001), p. 290-331.

313. **D. Kirk.** Demographic Transition Theory // Population Studies, Vol. 50, No. 3, Nov. 1996.

314. **Landry A.** La Révolution Démographique. Paris, 1934.

315. **Lesthaeghe, R., Kaa D.J. van de.** Twee Demografische Transitities? // Bevolking Groei in Krimp. Deventer. 1986.

316. **Lesthaeghe, R.** The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. In K. Oppenheim Mason et A-M. Jensen, Editors, Gender and Family Change in Industrialized Countries. Oxford, 1995 : Clarendon.

317. **Notestein F.W.** Population – The Long View. In Th.W.Scultz : Food for the World, p. 36-57, University of Chicago Press, Chicago, 1945.

318. **Thompson W.S.** Population // American Journal of Sociology, Vol. 34, No.6. (May, 1929), p. 959-975.

319. **Thompson W.S.** Population Problems. N. Y. – L.: McCrow-Hill, 1930, p. 462.

320. **Verhoef R., Dirk J. van de Kaa.** Population Registers and Population Statistics // Population Index, Vol. 53, No. 4, Governmental and International Serial Publications Containing Vital Statistics, (Winter, 1987), p. 633-642.

321. News.tut.by/politics/376248.html [25 ноября 2013].

Содержание

ДЕМОГРАФИЗАЦИЯ И СОЦИОЛОГИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУК (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)	3
ГЛАВА 1. ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ИСТОРИИ НАУКИ	10
1. Социолого-демографические идеи в истории науки	10
Основные направления демографической науки	10
Следовать своей вечнотворящей природе	17
«Не срезывай молодую ниву»	25
«Смерть к нам не имеет никакого отношения»	33
Что должна вкусить невеста	37
Демографические идеи – продукт всех умов человечества	47
Духовный союз заключается на земле, а не на небесах	53
Статистика как остановившаяся история	58
Условия демографического развития	62
Аксиомы, задающие интересы людей	66
Что не заметили у Адама Смита	71
Истоки обоснования геометрической прогрессии в демографии	77
Законы народонаселения первого профессора экономики Кембриджа	81
Рыночные механизмы демографического развития	87
Более мальтузианец, чем Мальтус	90
О темпоральном характере роста численности населения	94
Любовь никогда не пресыщает	97
Рождаемость – феномен коллективный	100
Целительная роль брака	105
Демографические ступени развития человечества	109
Народонаселение в отражении производительных сил	111
В поисках демографической гармонии	119
О законе спроса в демографии	125
2. Демографическое знание в русскоязычной науке	132
Был век людской недолог	132
Первая российская демографическая программа	134
Демотический фактор экономики	143
Обычай – деспот среди людей	147
Демография и теория семейной экономики	149
Многофакторность против монизма	151
В его судьбе отразилась судьба советской демографии	158
У истоков современной демографической науки	165
Идти вперед, не забывая прошлого	173
ГЛАВА 2. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В ИСТОРИИ БЕЛОРУССКОЙ НАУКИ	177
1. Истоки белорусской демографии	177

К истории вопроса о белорусской демографии	177
У истоков белорусской демографии	179
Этнодемография дореволюционной Беларуси	183
К вопросу о «демографической революции» в Беларуси	186
Истоки дореволюционной белорусской миграции	187
Заслуги первопроходцев белорусской демографической нивы	189
2. Демография Беларуси между революцией и войной	192
Социально-исторические предпосылки развития демографической	
науки довоенной Беларуси	192
Демография в обосновании индустриализации	194
Семейно-брачные отношения в демографических процессах Беларуси	197
В духе мировых тенденций в социологии и демографии	200
Запретный плод социальной науки	205
3. Достижения белорусской советской демографической науки	208
Демографический прорыв	208
Важная веха в развитии национальной демографии	214
О демографических проблемах во весь голос	216
«Критика» как фактор продвижения научных идей	219
О концепции демографизации	222
«Чернобыль» и демография	224
Социально-экономическая обусловленность демографических процессов	227
4. Демографическая наука современной Беларуси	231
Демографическая наука в новых демографических реалиях	231
Демография в новых социально-политических реалиях	235
Демография новой экономической парадигмы	237
Региональные аспекты демографии	241
Всем фронтом	245
ГЛАВА 3. СОЦИОЛОГИЯ ДЕМОГРАФИИ	250
1. Социологические принципы исследования демографических	
процессов	250
Социологические принципы в системе научного познания	250
Принцип единства, диалектической взаимосвязи	254
Принцип постоянного развития и изменения	256
Принцип самодетерминированности	257
Принцип биполярности	258
Принцип интеграции и дифференциации	259
Принцип соответствия	261
Принцип дополнительности	262
Принцип относительности	263
Принцип объективности и субъективности	265
Принцип рефлексивности	266
Эпистемологическая роль социологических принципов	266

2. Экстранальность и интрональность демографических процессов ...	270
Концепция социомурлата	270
Вторая сторона диалектики явных и латентных функций	274
Экстранальность и интрональность как проявление единства и взаимосвязи социальных явлений	277
Интрональность как отражение тенденций демографических процессов ..	281
Экономика как фактор экстранальности демографических процессов	284
Экстранальность в глобализации демографических процессов	288
Демография Беларуси в отражении экономики знаний	294
Индивидуальное демографическое поведение в отражении микросоциологического и макросоциологического подходов	298
ГЛАВА 4. ГЕНЕЗИС СОВРЕМЕННЫХ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИДЕЙ	304
1. Многообразие современного научного отражения проблем народонаселения	304
Методология отражения демографического развития	304
Демографические проблемы и пересмотр мирового порядка	307
Проблема ответственности перед будущими поколениями	309
В поисках демографического оптимума	309
Против склонности к предвзятости	313
О роли человеческого капитала	315
Специфический человеческий капитал	317
Рыночные подходы анализа института семьи и брака	319
Экономическая политика и арифметическая прогрессия	321
За разрушение границ «блестящей изоляции»	323
«Молодые сберегают, старые растрачивают»	324
Теория поиска и демографические процессы	326
2. Демографический переход и/или институциональное объяснение? ..	329
Фонарный столб теории демографического перехода	329
К истории разработки теории демографического перехода	333
О причинах изменения тенденций в рождаемости и смертности	336
Теория демографического перехода и человеческий капитал	337
Смертность в теории демографического перехода	339
Рождаемость в теории демографического перехода	340
Миграция в теории демографического перехода	344
Полипарадигмальный подход и теория демографического перехода	346
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	350
СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ.....	353
ЛИТЕРАТУРА	363

Научное издание

Серия «Гуманитарные науки»

Злотников Анатолий Геннадьевич

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ИДЕИ И КОНЦЕПЦИИ**

Редактор *В.Г. Гавриленко*

Подписано в печать 28.04.2014 Формат 60х84 ^{1/16} Бумага офсетная

Гарнитура Roman Печать цифровая Усл.печ.л. 24,3 Уч.изд.л. 22,5

Тираж 110 экз. Заказ № 1805

ИООО «Право и экономика» 220072 Минск Сурганова 1, корп. 2

Тел. 284 18 66, 8 029 684 18 66

E-mail: pravo-v@tut.by Отпечатано на издательской системе

KONICA MINOLTA в ИООО «Право и экономика»

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий, выданное
Министерством информации Республики Беларусь 17 февраля 2014 г.
в качестве издателя печатных изданий за № 1/185